

Терское Казачество

въ прошломъ и настоящемъ.

(Памятка Терскаго Казака).

„Если казаки и могутъ быть на-
„званы привилегированнымъ сослові-
„емъ, то привилегія ихъ заключается
„въ томъ, что они стоятъ въ первомъ
„ряду Государевыхъ слугъ"...

(Гр. Д. А. Милютинъ. «Объясненія Военнаго Министра на замѣчанія Министра Внутреннихъ Дѣлъ». Въ 1873 году).

„Дамъ тебѣ я на дорогу
„Образокъ святой"...

(М. Ю. Лермонтовъ. «Казачья колыбельная пѣсня»).

Составилъ Подъесаулъ Терскаго казачьяго войска

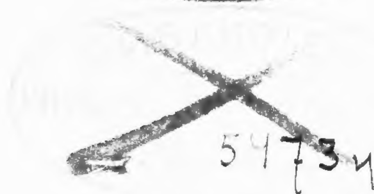
М. А. Карауловъ 2-ой.

ВЛАДИКАВКАЗЪ.
Электропечатня Типографіи Терскаго Областного Правленія.
1912.

Изданіе Войскового Штаба Терскаго казачьяго войска.

Его Императорскому Высочеству

Наслѣднику Цесаревичу и

Великому Князю

Алексѣю Николаевичу.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ
всепреданнѣйше посвящаетъ

Авторъ.

Его Императорское Высочество,
НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ и ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
Алексій Николаевичъ,
Августѣйшій Атаманъ Всѣхъ Казачьихъ Войскъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть I.

КАЗАЧЕСТВО.

Часть II.

КАЗАКИ НА ТЕРЕКѢ.

Часть III.

ТЕРЦЫ НА ВОЙНѢ.

(Участіе Терскихъ казаковъ во внѣшнихъ войнахъ Россіи).

Часть IV.

ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ.

Часть V.

ТЕРЦЫ ДОМА.

(Домашній и общественный бытъ казака.)

Часть VI.

ЦАРСКАЯ СЛУЖБА.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Вѣдомость доходамъ станичныхъ обществъ Терскаго Войска за 1910 г.

II. Вѣдомость расходамъ станичныхъ обществъ Терскаго Войска за 1910 г.

III. Вѣдомость общественнымъ капиталамъ станичныхъ обществъ Терскаго Войска за 1910 годъ.

IV. Вѣдомость мобилизаціоннымъ, продовольственнымъ и сиротскимъ капиталамъ въ станицахъ Терскаго Войска за 1910 годъ.

V. Свѣдѣніе о состояніи грамотности въ Терскомъ Войскѣ въ 1910 году.

VI. Свѣдѣніе о стипендіяхъ Терскаго Войска въ $19^{11}/_{12}$ году.

VII. Хронологія важнѣйшихъ событій, касающихся Терскаго Казачьяго Войска.

VIII. Сравнительная статистика Казачьихъ Войскъ.

IX. Станичная статистика Терскаго Войска.

X. Вѣдомость войсковымъ и полковымъ регаліямъ, знаменамъ и знакамъ отличія Терскаго Войска.

Вступленіе.

Почти четыре вѣка миновало съ того времени, какъ впервые появилось на Терекѣ казачество. Много съ той поры утекло воды, много пролилось и крови... Три слишкомъ столѣтія понадобилось для того, чтобы изъ малой горсти первыхъ удальцовъ—Гребенскихъ казаковъ выросло современное Терское Войско, единое въ своей множественности. Гребенцы, Низовые Терцы, Аграханцы, Терцы-Семейцы, Кизлярцы, Волгцы, Моздокцы, Горцы, Владикавказцы, Сунженцы—все это отдѣльные цвѣты въ яркомъ вѣнкѣ славнаго Терскаго Войска, являющагося наслѣдникомъ лихого Кавказскаго Линейнаго Войска; все это одна семья, крѣпнувшая и развивавшаяся изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Проникнутые пламенной вѣрой въ Бога и Его всемогущее покровительство, беззавѣтно преданные Престолу Самодержавныхъ Царей Русскихъ, горящіе самоотверженной любовью къ великому Отечеству нашему, сильные столько же духомъ, сколько и тѣломъ, наши прадѣды и дѣды «съ громомъ битвы и побѣды шли впередъ за шагомъ шагъ», неудержимо стремясь «двинуть далеко предѣлъ порубежный и твердою грудью заслонить своей»... «Смерть и раны презирая, дѣды въ смертный часъ и намъ свой завѣтъ передавали, чтобъ итти по ихъ слѣдамъ», храбро, весело, отважно чтобъ Царямъ всегда служить и чтобъ прадѣдовской славы намъ во вѣки не забыть»...

Напомнить наше славное боевое прошлое, указать на непрерывную тѣсную историческую связь, на общ-

БОЖІЮ МИЛОСТІЮ

МЫ НИКОЛАЙ ВТОРОЙ

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ.

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему вѣрнолюбезному и доблестному Терскому казачьему войску.

Слишкомъ триста лѣтъ, со времени построенія Терскимъ воеводою Лукіяномъ Новосильцевымъ города Терка, на рѣкѣ Терекѣ, славные Терскіе казаки, сначала подъ различными наименованіями казаковъ Гребенскихъ, Терскихъ, Семейныхъ, Аграханскихъ, Кизлярскихъ, Кавказскихъ Линейныхъ, а затѣмъ, съ 1860 года, подъ общимъ наименованіемъ казаковъ войска Терскаго, ревностно и беззавѣтно преданно служатъ своимъ ЦАРЯМЪ и Отечеству.

Являясь на окрайнѣ царства Русскаго надежнымъ и грознымъ оплотомъ грани Государственной, Терскіе казаки съ присущимъ имъ мужествомъ вмѣстѣ съ тѣмъ усердно способствовали расширенію предѣловъ Государственныхъ.

Въ нынѣ минувшую войну съ Японіей и особенно въ наступившее смутное время, Терскіе казаки, свято исполняя завѣты своихъ предковъ, продолжаютъ вѣрою и правдою служить ЦАРЮ и Родинѣ.

За столь **самоотверженную, неутомимую и вѣрную службу** объявляемъ близкому сердцу НАШЕМУ доблестному Терскому казачьему войску **особое МОНАРШЕЕ НАШЕ благоволеніе** и подтверждаемъ ИМПЕРАТОРСКИМЪ словомъ НАШИМЪ ненарушимость настоящаго его образа служенія, стяжавшаго сему войску историческую славу и благодарность Отечества.

Озабочиваясь же нынѣ укрѣпленіемъ за Терскимъ казачьимъ войскомъ предоставленныхъ ему земель и рыболовныхъ водъ, долженствующихъ служить въ будущемъ источникомъ для поддержанія и развитія войско-

ваго благосостоянія, МЫ признали за благо, въ воздаяніе за означенную службу пожаловать Терскому войску настоящую НАШУ грамоту на укрѣпленіе въ вѣчное его владѣніе указанныхъ земель и рыболовныхъ водъ въ безспорныхъ ихъ границахъ, сохранивъ въ силѣ ограниченія въ пользованіи ихъ нѣдрами, установленныя въ § 151 положенія о бывшемъ Кавказскомъ Линейномъ войскѣ 14 декабря 1845 года и въ ст. 204 уст. горн., изд. 1893 года, и съ тѣмъ, чтобы какъ существующіе, такъ и могущіе впредь возникнуть споры о владѣемой войскомъ землѣ подлежали разсмотрѣнію въ общемъ порядкѣ.

Въ ознаменованіе сего, и пребывая къ Терскому казачьему Войску ИМПЕРАТОСКОЮ МИЛОСТІЮ НАШЕЮ неизмѣнно благосклонны, благоволили МЫ сію грамоту собственною НАШЕЮ рукою подписать и Государственною печатью утвердить повелѣли.

Дана въ Царскомъ Селѣ въ лѣто отъ Рождества Христова въ тысяча девятьсотъ шестое, Царствованія же НАШЕГО въ двѣнадцатое.

НИКОЛАЙ.

Въ Царскомъ Селѣ 23-го апрѣля 1906 г.
Военный Министръ, Генералъ-Лейтенантъ **Редигеръ.**
Въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ записано подъ № 140.

ЗДРАВИЦА.

(Застольная казачья пѣсня).

Выпьемъ первый бокалъ
За здоровье ЦАРЯ!
Чтобы былъ Онъ удалъ
И свѣтлѣй, чѣмъ заря!
Ура! ура! ура!

А второй-то бокалъ
За ХОЗЯЮШКУ ЕГО,
Чтобы Богъ ЕЙ послалъ
На счастье всего!
Ура! ура! ура!

Выпьемъ третій бокалъ
За СЫНКА—МОЛОДЦА,
Чтобы росъ да мужалъ
Цѣлый вѣкъ безъ конца!
Ура! ура! ура!

А четвертый бокалъ
Пополнѣй наливай,-
Будемъ пить наповалъ
За родимый РУССКІЙ КРАИ!
Ура! ура! ура!

Часть I.

КАЗАЧЕСТВО.

„Богатырь ты будешь съ виду
„И казакъ душой...“

КАЗАКЪ.

Самобытное созданье Русской вольной старины,
Земли, царства покорявшій за Царя Родной Страны!
Ты откуда путь свой держишь? прилетѣлъ, припавъ къ лукѣ,
На худомъ, но на бѣдовомъ, на степномъ своемъ конькѣ?
Отъ студеной ли Торнеи, гдѣ всю зиму солнца нѣтъ,
Гдѣ проглядывалъ ты зорко, какъ ведетъ себя тамъ шведъ?

Иль отъ Нѣмана и Вислы? Чай, повѣдаешь, что тамъ
Все пока благополучно, но дремать не надо намъ!

Иль отъ Чернаго ты моря, гдѣ разъѣздъ держа, свой взглядъ
Устремлялъ не разъ ты жадно черезъ море на Царь-градъ?

От Востока-ль, гдѣ народы на тебя богатыря
Какъ на вѣстника взирали воли Бѣлаго Царя,

Ты летишь сказать, что новый о подданствѣ проситъ край?
Что съ казацкаго пикета былъ ужъ виденъ Гималай?

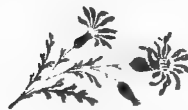
Иль ужъ годы отслужилъ ты, и на родину твой путь?
То-то встрѣча будетъ... спросы... не дадутъ и отдохнуть...

Тамъ въ кругу своихъ засядешь въ долгу ночь у огонька,
Какъ и пращуръ твой, быть можетъ, другъ сподвижникъ Ермака.

Тотъ же духомъ, тотъ же вѣрой, новизнами не смущенъ.
Вѣдь, какимъ ушелъ ты съ Дону, и придешь на Тихій Донъ.

И тебя, тѣсняся, будутъ слушать дѣтки до зари
И потомъ такіе-жъ выйдутъ, какъ и ты, — богатыри!...

А. Н. Майковъ.

I. Значеніе слова „Казакъ".

Происхожденіе слова. Его первоначальное общее значеніе. Особыя значенія: казаки-батраки и казаки-воины. Казаки татарскіе и русскіе.

Слово «казакъ» несомнѣнно не русскаго происхожденія. Надо думать, что на Русь занесено оно татарами, такъ какъ ни въ какихъ документахъ и книгахъ мы не находимъ его въ первые вѣка русской исторіи, до татарскаго нашествія.

Слово это давало поводъ различнымъ ученымъ и изслѣдователямъ строить самыя разнообразныя догадки для выясненія его происхожденія и первоначальнаго значенія. Нѣкоторые пытались сопоставить его съ названіемъ племени Касоговъ, жившихъ въ IX—XI в.в. въ предгорьяхъ Сѣвернаго Кавказа, и съ Казахіей[1]), пограничной грузинской областью, упоминаемой еще византійскимъ историкомъ X в. Императоромъ Константиномъ VII Багрянороднымъ, и съ Казарами, жившими на низовьяхъ Дона и Волги въ VIII—X вѣкахъ. Производили это слово и отъ турко-татарскаго слова «коз», что значитъ «гусь», и отъ монгольскихъ словъ «ко» (т. е. броня, латы, защита) и «зах» (т. е. межа, граница, рубежъ), откуда «козахъ» должно бы означать—«защитникъ границы». Историкъ Голубовскій считаетъ это слово половецкимъ, и по его предположенію оно означаетъ «стражъ», почему казаками должны были называться передовые

---

[1]) Нынѣ татарское сел. Казахъ, Елисаветпольской губ., въ Закавказьѣ.

бойцы. Однако же, несмотря на всѣ старанія ученыхъ, вопросъ о происхожденіи слова «казакъ» остается все еще спорнымъ и неяснымъ.

Оставляя въ сторонѣ то значеніе, которое имѣло и имѣетъ[2]) интересующее насъ слово въ языкахъ различныхъ азіатскихъ народовъ, мы разсмотримъ случаи употребленія его въ русскихъ историческихъ памятникахъ и постараемся выяснить съ какимъ значеніемъ это слово перешло въ русскій языкъ.

Не трудно при этомъ замѣтить, что уже на первыхъ порахъ слово «казакъ» въ русскомъ языкѣ упорекляется то въ общемъ смыслѣ «бездомника» (даже иногда изгнанника), то въ болѣе узкомъ значеніи «одинокаго вольнаго человѣка», служащаго по доброй охотѣ государству или отдѣльнымъ его членамъ.

Когда въ 1476 году Крымскій ханъ Менгли-Гирей былъ изгнанъ изъ Крыма Ахметомъ и мѣсто его получилъ ханъ Зенебекъ, который, видимо, не считая свое положеніе вполнѣ прочнымъ, обратился къ Московскому Великому Князю Іоанну III съ просьбой дать ему въ Москвѣ убѣжище въ случаѣ изгнанія изъ Крыма, то Іоаннъ отвѣчалъ: «Прислалъ ты ко мнѣ своего человѣка, который говорилъ, что если, по грѣхамъ, придетъ на тебя истома, то мнѣ бы дать тебѣ опочивъ въ своей землѣ. Я и прежде твоего добра смотрѣлъ, **когда еще ты былъ казакомъ**[3]); ты и тогда также ко мнѣ приказывалъ, что если конь твой будетъ потенъ, то мнѣ бы тебѣ въ своей землѣ опочивъ дать. Я и тогда опочивъ въ своей землѣ давалъ тебѣ и нынче добру твоему радъ вездѣ; каковы твои дѣла будутъ послѣ, и захочешь у меня опочива, то я тебѣ опочивъ въ своей землѣ дамъ, и истому твою подниму». Въ 1591 году Крымъ требовалъ отъ Москвы выдачи поступившаго на московскую службу крымскаго царевича Пашай-мурзы, бѣжавшаго изъ Кры-

---

[2]) Такъ, въ Туркестанѣ «казакъ» означаетъ вообще всякаго кочевника, а киргизы сами себя называютъ не иначе, какъ только «казаками», при чемъ также ихъ называютъ хивинцы и бухарцы; у осетинъ и балкаръ (горныхъ татаръ) казаками назывались плѣнные рабы. и т. д.

[3]) Т. е. въ данномъ случаѣ, лишеннымъ «дома», трона, законныхъ правъ.

ма «въ нуждѣ **казачествомъ**». Тоже значеніе бездомника, безпріютнаго бродяги-кочевника, лишеннаго своего крова и правъ, человѣка безъ роду-безъ племени, находимъ мы въ грамотѣ царя Ѳеодора, посланной бывшему Сибирскому царю Кучуму въ 1597 году: «...Мы, Великій Государь, хотѣли тебя пожаловать: устроить на Сибирской землѣ царемъ, а племянникъ твой Магометъ-Кули устроенъ въ нашемъ государствѣ, пожалованъ городами и волостями по его достоинству, и служитъ нашему Царскому Величеству. А какъ ты **казакомъ кочуешь на полѣ** съ немногими людьми, то намъ извѣстно. Ногайскіе улусы, которые кочевали съ тобою, на которыхъ была тебѣ большая надежда, отъ тебя отстали; Чинъ-Мурза отъѣхалъ къ Нашему Царскому Величеству, остальные твои люди отъ тебя пошли прочь съ двумя царевичами, а иные пошли въ Бухары, Ногаи и **въ Казацкую Орду**[1]); съ тобою теперь людей немного,—это намъ подлинно извѣстно; да хотябъ съ тобою было и много людей, то тебѣ по своей неправдѣ противъ нашей рати какъ стоять! Знаешь и самъ, какія были великія мусульманскія государства Казань и Астрахань: и тѣ отецъ Нашъ, пришедши своею Царскою персоною, взялъ; а тебѣ, будучи на полѣ и **живучи казакомъ**, отъ нашей рати и огненнаго боя какъ избыть...»

Наряду съ приведеннымъ выше общимъ значеніемъ, мы встрѣчаемъ слово «казакъ» и въ другомъ, болѣе узкомъ смыслѣ. Въ этихъ случаяхъ **казаками называются вольные служилые люди**, наймиты, батраки, стражники, отнюдь не холопы, не рабы или крѣпостные; люди, служащіе по собственной доброй волѣ, а не по принужденію. Во время борьбы Царя Ивана IV съ Казанью ногайскій ханъ писалъ ему (по полученіи богатыхъ подарковъ): «**Я твой казакъ** и твоихъ воротъ человѣкъ; братству моему знамя (доказательство) то: захотятъ младшіе мои братья или дѣти въ вашу сторону войною итти, то я, если смогу ихъ унять, уйму, а если же не смогу ихъ унять, то къ тебѣ вѣсть пошлю».

Еще и въ наши дни въ сѣверо-восточной Руси сло-

[1]) См. выше примѣчаніе 2-е.

вомъ «казакъ» обозначается работникъ, человѣкъ смотрящій за хозяйствомъ другого и не имѣющій своего. Такое же значеніе мы находимъ и во многихъ документахъ XVI вѣка: такъ, въ уставной грамотѣ великаго князя Василія крестьянамъ Моревской слободы: «Плавити имъ дрова и хоромной лѣсъ рѣками, и имъ и **козакомъ ихъ** мыта и явки не давати». Въ жалованной грамотѣ Троицкому Сергіеву монастырю 1534 года говорится: «Кто у нихъ станетъ жить у соли у варницы и въ дворахъ, повара и водоливы **и всякіе козаки**, намѣстники наши, и волостели, и тіуны ихъ тѣхъ людей не судятъ; а которые **козаки приходцы** порядятся жить за монастыремъ въ варницы, въ повара, водоливы, дрова рубить и возить и всякое дѣло дѣлать,—такимъ являться къ нашимъ намѣстникамъ».

Въ 1582 г. какой-то Тереха Ситниковъ подрядился доставлять изъ Нижняго въ Астрахань хлѣбный запасъ въ 2500 четвертей муки и толокна; ему дана была грамота, по которой его всюду пропускали безпошлинно и безъ задержекъ, а потому, если кто-либо на запасчика (подрядчика) или на людей его попроситъ пристава или казаки его, не желая итти у него на судахъ, станутъ на немъ или на людяхъ его чего искать или чѣмъ его клепать, то бояре и воеводы не должны давать на него и на его людей пристава и суда, а судиться имъ въ Москвѣ въ Боярской Думѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ боярамъ, воеводамъ и дьякамъ воспрещалось **Терехиныхъ казаковъ верстать въ** стрѣльцы и въ **казаки**. Царю Борису Годунову Верхотурскіе стрѣльцы, **казаки**, пашенные крестьяне и ямскіе охотники жаловалися на своеволіе начальства: держатъ де они по найму для своей нужды, для пашни и для гоньбы **ярыжныхъ казаковъ**, даютъ имъ найму по три рубля съ полтиною и по четыре рубля на лѣто, кромѣ того, что они ѣдятъ и пьютъ у нихъ; но этихъ **казаковъ** берутъ у нихъ воевода и голова на царскія издѣлія (работы); кромѣ того, воевода и голова нанимаютъ къ казеннымъ банямъ **ярыжныхъ казаковъ**, даютъ имъ найму по четыре и по пяти рублей, и эти деньги, а также и деньги на банную подѣлку велятъ собирать съ ихъ **ярыжныхъ казаковъ**.

Въ двухъ послѣднихъ примѣрахъ мы уже видимъ различіе казаковъ-батраковъ (ярыжныхъ, торговыхъ) отъ казаковъ-воиновъ, служилаго военнаго сословія, возникшаго на Руси по примѣру и образцу татарскихъ казаковъ.

Татарскія орды, окружавшія Русь съ юга и востока въ XV—XVI в.в. не представляли изъ себя однородной массы. Въ зависимости отъ происхожденія знатности и богатства они дѣлились на три различныхъ класса: мурзъ-князей, изъ рядовъ которыхъ выходили и ордынскіе цари, улановъ-средняго сословія и казаковъ-низшаго сословія, наименѣе обезпеченнаго и соотвѣтствовавшаго пролетаріямъ древняго Рима, которые оцѣнивались по своему имущественному положенію только въ одну «голову» (capite censi), за отсутствіемъ другого цѣннаго имущества. Въ то время какъ мурзы предводительствовали огромными отрядами, доходившими до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ, а уланы выходили на войну въ сопровожденіи цѣлой толпы слугъ и рабовъ,—казакъ вылеталъ въ поле «голъ какъ соколъ». Много добра сулила ему битва и война, а терять было нечего, такъ какъ ничего у него не было за душой, кромѣ коня, оружія да «удалой башки»... да и та не прочно сидѣла на буйныхъ плечахъ въ то суровое и ненадежное время, когда жизнь человѣческая шла ни во что...

Татарскіе казаки неоднократно упоминаются въ нашихъ лѣтописяхъ и другихъ историческихъ документахъ. Такъ, мы знаемъ, что Великій Князь Василій Іоанновичъ пожаловалъ татарскому царевичу Абдылъ-Летифу помѣстье въ Юрьевѣ, при чемъ взялъ съ него присягу на вѣрность службы и обязательство «не принимать отъ другихъ царей и царевичей, которые будутъ въ Московскомъ государствѣ, улановъ, князей и **казаковъ**, хотя бы они прежде ушли отъ нихъ въ Орду или Казань, и оттуда ихъ не принимать.» Въ 1535 г. въ Москву пріѣхали съ Волги **казаки, городецкіе татары**, и сказывали, что къ нимъ на островъ пріѣзжали **казанскіе** князья, мурзы и **казаки**, человѣкъ шестьдесятъ, и объявили объ убійствѣ казанскаго царя Еналея. Въ 1550 г. въ Москву стали уѣздить, человѣкъ по пяти, по шести сотъ, горные та-

тары только что признавшіе надъ собою власть Московскаго царя; Государь ихъ жаловалъ, князей, мурзъ и **сотенныхъ казаковъ** кормилъ и поилъ у себя за столомъ, дарилъ шубами, доспѣхами, конями, деньгами. Въ 1552 г. казанскіе послы говорятъ царю Ивану Грозному: «теперь здѣсь въ Москвѣ улановъ, князей, мурзъ и **казаковъ** человѣкъ съ триста». Въ томъ же году бояре велѣли перехватить пришедшихъ въ Москву изъ Казани съ Шигъ-Алеемъ татаръ: Кудай-Кула, Лимана и всѣхъ **князей и казаковъ.**

И чѣмъ менѣе грозными для Русской земли становились татарскіе ханы и беки, все болѣе и болѣе терявшіе свою силу, тѣмъ опаснѣе и страшнѣе становились вездѣсущіе и неуловимые татарскіе казаки, причинявшіе не мало хлопотъ и бѣдъ жителямъ русскихъ порубежныхъ селъ и городовъ, купцамъ, посламъ и инымъ людямъ, имѣвшимъ надобность бывать въ степной Украйнѣ.

Понятно, что правительство московское обращалось съ жалобами на ихъ разбои и къ Крымскимъ ханамъ и къ Турецкимъ султанамъ. Жалобы эти начинаются уже съ Іоанна III, который особенно просилъ унять разбойничавшихъ въ Придонскихъ степяхъ **Азовскихъ (татарскихъ) казаков**ъ. Сынъ его, Василій Іоанновичъ, требовалъ отъ султана, чтобы тотъ запретилъ Азовскимъ и Бѣлгородскимъ **(Аккерманскимъ) казакамъ** подавать помощь Литвѣ противъ Руси. Въ грамотѣ Крымскаго хана Менгли-Гирея къ Іоанну III мы видимъ обѣщаніе унимать крымскихъ казаковъ: «Вышняго Бога волею я, Менгли-Гирей-Царь, пожаловалъ: съ братомъ своимъ, великимъ княземъ Иваномъ, взялъ любовь, братство и вѣчный миръ отъ дѣтей на внучатъ. Быть намъ вездѣ за-одно, другу другомъ быть, а недругу недругомъ. Мнѣ, Менгли-Гирею-Царю, не воевать, ни моимъ ханамъ, ни князьямъ, **ни казакамъ**: если же безъ нашего вѣдома люди наши твоихъ людей повоюютъ и придутъ къ намъ, то намъ ихъ казнить, и взятое отдать, а головы людскіе безъ окупа выдать»...

Само собою разумѣется, что всѣ такія обѣщанія были безрезультатны, такъ какъ и крымцы, и ногайцы, и другіе кочевые обитатели южно-русскихъ степей жили, по-

преимуществу, грабежомъ, разбоемъ и продажею плѣнныхъ въ рабы, а потому никакія усилія хановъ, если-бы даже и можно было вѣрить ихъ искренности, не приводили ни къ чему. Русь могла спастись отъ вѣчной грозы только противопоставивъ силѣ такую же силу. И вотъ противъ татарскихъ хищниковъ, съ одной стороны, выдвигаются украинныя крѣпости, города, «остроги» (сторожевыя укрѣпленія, посты), населяемые служилымъ воинскимъ людомъ – стрѣльцами, городовыми казаками и т. д., а съ другой стороны, степныя рѣчки и овраги заселяются охотниками-воинами, вольными казаками, собирающимися въ большія дружины, военныя общины-казачьи войска. Такимъ образомъ навстрѣчу татарскимъ ордамъ Русь выставила вѣрнаго стража и защитника-казачество служилое и вольное.

И вотъ къ исторіи возникновенія этого казачества, его постепеннаго развитія и болѣе чѣмъ четырехвѣковой беззавѣтной и вѣрной его службы землѣ Русской мы переходимъ въ слѣдующихъ главахъ.

Русскій рыцарь-богатырь.

Вѣдьма старая варила зелье русское въ котлѣ
И надъ зельемъ говорила: Будь, что будетъ на землѣ!...

Скоро сказка говорится,—дѣло медленно идетъ.
Что въ котлѣ моемъ варится, скоро выступитъ впередъ.

Чистъ и крѣпокъ, точно камень чудодѣйный алатырь.
Разожжетъ свободы пламень русскій рыцарь-богатырь.

И холопство и неволю промѣнявъ на станъ вояк.
Полетитъ по чисту полю этотъ рыцарь—мой казакъ.

Онъ, просѣянный сквозь сито, прокаленный на огнѣ.
Выйдетъ смѣло и открыто, выйдетъ съ пикой, на конѣ.

Отъ спѣсиваго боярства убѣжитъ онъ въ курени.
На украйнахъ государства разведетъ свои огни.

Онъ покинетъ, позабудетъ домъ и бѣдную семью!...
Страшно праздновать онъ будетъ волю буйную свою:

Все, что встрѣтитъ, опрокинетъ какъ нагорный злой потокъ.
Царство Русское раздвинетъ и на югъ и на востокъ.

Овладѣвши вольной степью по краямъ страны родной.
Станетъ онъ живою цѣпью передъ хищною ордой.

Разметавъ Руси границы, самъ въ предѣлы онъ войдетъ.
И усядется въ станицѣ, и съ семьею заживетъ.

Самъ себѣ цѣны не зная, оставаясь молодцомъ.
Изъ-за славы умирая, будетъ рѣдкимъ удальцомъ.

Онъ, полей привольныхъ житель, будетъ Родину любить
И, свободы представитель, волей сладкой дорожить.

Н. Ф. Савичевъ.

II. Начало казачества.

Борьба Руси со степью. Богатыри Святорусскіе. Татарское иго. «Дикое поле» и его обитатели. Появленіе казаковъ. Ихъ служба государству.

Широко раскинулось по землѣ Русское государство. Включивъ въ границы свои половину Европы и почти половину Азіи, тянется оно отъ Балтійскаго моря до Великаго океана, отъ сѣверныхъ льдовъ съ полугодовыми ночами до жаркихъ краевъ Туркестана и Персіи.

Такимъ мы знаемъ наше отечество нынѣ. Но не всегда была могуча и велика Русь. Было время, когда она представляла изъ себя небольшое государство, пріютившееся въ лѣсистыхъ дебряхъ верховьевъ Днѣпра, Волги и Дона. Это было тысячу лѣтъ тому назадъ. Тогда только еще начинала строиться Русская земля, только еще нарождалось Русское государство. Разбросанныя тамъ и сямъ по широкой лѣсистой равнинѣ Восточной Европы русскія племена кривичей, вятичей, радимичей, сѣверянъ, древлянъ, тиверцевъ, угличей и другихъ жили безъ всякой связи другъ съ другомъ, безъ взаимной выручки и поддержки. Окруженныя повсюду врагами они еще не сознавали своего племенного единства, и за то жестоко платились: сосѣди жили за ихъ счетъ, грабили и убивали ихъ, уводили въ плѣнъ, продавали въ рабство, собирали съ нихъ тяжкую дань.

Когда, къ концу IX вѣка, въ Кіевѣ—«Матери городовъ русскихъ», появляются впервые пришедшіе изъ Новгорода князья Рюриковичи, въ то время къ востоку отъ Русской земли въ придонскихъ и приволжскихъ

степяхъ находилось сильное, могучее и богатое государство Хозарское. Къ сѣверу отъ Хозаръ жили воинственныя черемисскія племена Буртасъ. Въ нижнемъ теченіи многоводной Камы лежалъ великій и населенный торговый городъ—столица Камскихъ Болгаръ. Въ пріуральскихъ степяхъ кочевали печенѣги и гузы (торки). Предгорья Сѣвернаго Кавказа заняты были предками нынѣшнихъ осетинъ и кабардинцевъ -ясами и касогами. По берегамъ Чернаго моря и на Крымскомъ полуостровѣ раскинуты были богатыя византійскія поселенія. Въ степяхъ между Дономъ и Днѣпромъ бродили дикія угрскія (венгерскія) орды. Большинство этихъ племенъ платило дань Хозарскому Кагану (царю).

И вотъ Кіевскимъ князьямъ пришлось прежде всего начать борьбу съ Хозарами и съ Византіей. Олегъ, Игорь, Святославъ предпринимаютъ смѣлые, рѣшительные и славные походы. Не останавливаютъ ихъ ни дремучіе лѣса, ни высокія горы, ни безчисленныя рѣки, болота и топи, ни широкія безводныя степи, ни бурныя волны синяго моря. Болгары, хозары, касоги, венгры, литовцы, даже далекая Персія и царственная Византія склоняются предъ русскимъ оружіемъ, слава котораго скоро облетѣла полъ міра...

Въ знакъ своей побѣды надъ Византійской имперіей Олегъ прибиваетъ свой щитъ на вратахъ столицы ея Царь-града (нынѣ Константинополь). Игорь на своихъ быстрокрылыхъ ладьяхъ рыщетъ не только по Черному, но даже и по Каспійскому морю, куда идетъ съ нимъ (въ 913 и въ 943 годахъ) огромная русская рать на 500 корабляхъ; онъ опустошаетъ цвѣтущія греческія поселенія по анатолійскому берегу и богатую добычу собираетъ въ городахъ Закавказья и Сѣверной Персіи. Святославъ, окончательно разгромивъ хозарское царство, доходитъ до стѣнъ Семендера (близъ нынѣшняго Петровска), завоевываетъ Тмутараканское княжество въ низовьяхъ Кубани и присоединяетъ къ обширнымъ владѣніямъ своимъ богатое Болгарское царство по нижнему Дунаю.

Но вотъ, со второй половины X вѣка, изъ средне-азіатскихъ степей чрезъ равнины Пріуралья, чрезъ такъ-

называемыя «ворота народовъ», все новыя и новыя толпы хищныхъ кочевниковъ начинаютъ наводнять юго-восточный уголъ Европы. Идутъ другъ за другомъ безконечной вереницей полчища печенѣговъ, гузовъ, торковъ, берендѣевъ, половцевъ и т. д., разнося за собою смерть, пожары и разрушенія. Одно за другимъ гибнутъ русскія поселенія на южной украйнѣ. Опустошенное Подонье (часть Руси, лежащая по верхнему теченью Дона и его притоковъ) надолго попадаетъ въ руки кочевыхъ ордъ. Гибнетъ въ волнахъ степного нашествія оторванная отъ общей связи съ Русью отдаленная Тмутаракань. Самому Кіеву грозитъ неперестанная опасность отъ ярости и кровожадности хищныхъ половцевъ.

Приходится Руси, оставивъ мысль о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ, подумать о собственной защитѣ. Начинаютъ князья земли Русской строить по южной границѣ города, «остроги» (сторожевыя укрѣпленія), дѣлать засѣки, проводить на цѣлые десятки верстъ огромные валы, усаженные крѣпкимъ частоколомъ. Уже сынъ Святослава Кіевскій князь Владимиръ Святой Красное Солнышко, какъ называется онъ въ старинныхъ народныхъ пѣсняхъ, начинаетъ эту работу: ставитъ онъ «городы» по рѣкамъ Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ. Эти города получаютъ исключительно военное значеніе и для заселенія ихъ вызываются изъ внутреннихъ областей «мужи лучшіе», т. е. храбрые, воинственные люди, горящіе непреклоннымъ желаніемъ постоять за Святую Русь, готовые за сиротъ, за вдовицъ убогихъ биться до послѣдней капли крови со всякою «нечистью поганою», которою кишѣла степь.

И вотъ, на ряду съ княжими дружинами, пирующими за княжой счетъ въ стольномъ городѣ Кіевѣ, возникаетъ новый родъ воинства—богатыри свято-русскіе. На степной границѣ собираются представители всѣхъ сословій, всѣхъ состояній: и знатные, и простые, и богачи, и бѣдняки—голь перекатная. И бояринъ Добрыня Никитичъ, и подъячій Васька Долгополый, и молодой Алеша Поповичъ, и служилый человѣкъ Гришка Боярскій Сынъ, —всѣ они стоятъ на заставѣ богатырской, имѣя во главѣ у себя—«въ атаманахъ»—стараго бобыля, «матерого ка-

зака» Илью Муромца, крестьянскаго сына. Здѣсь уже обнаруживаются зачатки новаго порядка и строя: не знатностью, не богатствомъ, а исключительно только личными достоинствами и заслугами создается положеніе среди этихъ «лучшихъ мужей» своего времени. И все, что было въ ту пору на Руси сильнаго, бодраго, храбраго, смѣлаго, все стекалось на эти заставы богатырскія для «береговой» (охранной) и «станичной» (разъѣздной) службы. Зорко смотрѣли они съ высоты сторожевыхъ кургановъ на широкій просторъ грозно молчащей степи, ежеминутно готовой изрыгнуть изъ своей глубины толпы жадныхъ хищниковъ. И завидѣвъ врага, устремлялись на него, и яростно бились, пока одна изъ сторонъ не падала на мѣстѣ мертвой...

А инымъ удальцамъ не сидѣлось и на заставѣ: собирались тогда «рѣзвыхъ» людей легкія «станицы» (летучіе отряды), и вылетали молодцы въ широкій степной просторъ «**казаковать**».

Въ чистомъ полѣ погулять,
Сѣрыхъ утокъ пострѣлять,
Руку правую потѣшить:
Сарацина въ полѣ спѣшить,
Иль башку съ широкихъ плечъ
У татарина отсѣчь,
Или вытравить изъ лѣса
Пятигорскаго черкеса.[5]

Всѣхъ ихъ принимала въ свои объятія широкая степь, но немногіе выносили обратно свои удалыя головушки. И только бѣлый ковыль,—то **былье**, которымъ порастало русское **былое**,—прикрывалъ ихъ буйныя кости, разсѣянныя по необъятному степному простору, обильно политому русской и вражьей кровью.

Не жалѣли богатыри ни головъ своихъ, ни трудовъ, ни крови... Безкорыстно берегли они многострадальную Русскую землю отъ чужеземнаго ига, но напрасны были всѣ ихъ труды и лишенія, ни къ чему ни привели всѣ ихъ нечеловѣческія усилія...

Пока на далекой границѣ они отбивались отъ внѣшнихъ враговъ, внутри отечества встала болѣе грозная опасность: поднялась безпощадная братоубійственная

[5]) А. С. Пушкинъ. «Сказка о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ».

борьба за власть... Въ усобицахъ потоками, безъ жалости и мѣры, лилась братская кровь... Въ пламени пожаровъ гибли села и нивы... на потокъ и разграбленіе отдавались озвѣрѣвшими, опьяненными борьбою побѣдителями цвѣтущіе города... Съ безсмысленной жестокостью предавались уничтоженію богатства, накопленныя долгими годами труда, пота и лишеній.

«Тогда», говорится въ Словѣ о полку Игоревѣ, «сѣялись и выростали усобицы; погибала жизнь Дажъ-божья внука; въ княжескихъ крамолахъ сократился родъ человѣческій. Тогда по Русской землѣ рѣдко покрикивали пахари, за то часто каркали вороны, дѣля между собою трупы, а галки свою рѣчь говорили, собираясь летѣть на добычу. Княжескія усобицы были на-руку поганымъ. Братъ сказалъ брату: «Это мое, да и то мое же!»... и начали князья о маломъ говорить словно о великомъ и сами на себя ковать крамолу, а поганые стали со всѣхъ сторонъ съ побѣдами приходить на Русскую землю»... Въ пылу междоусобной борьбы казалась пустячной затѣей охрана дальнихъ восточныхъ границъ. Защитники окраинъ, не видя себѣ поддержки, становились все болѣе и болѣе нерѣшительными; слабѣли ихъ и безъ того недостаточныя силы; все дальше и дальше отступали они на сѣверъ и западъ.

«Въ полѣ не работа, коль въ хатѣ пожаръ»...

Въ поднявшейся смутѣ уже никто не зналъ, за что стоять и чему служить. Не видѣли русскіе люди, что отъ розни и великія дѣла разсыпаются въ прахъ... Рвали и терзали на части Матушку Русь ея собственные сыны.

И свершилось... Перевелись богатыри на Святой Руси. Попала она подъ чужеземное иго.

Въ 1232—41 годахъ татарскія орды залили кровью и огнемъ всю Русскую землю, смели прочь жалкихъ властителей раздробленнаго государства, и заглушили разрозненные жалкіе крики «**мое!**» однимъ, поглощающимъ все кличемъ—«**наше!**» И затихли на время усобицы въ разоренной землѣ Русской, пока не подросли новыя поколѣнія.

Двѣсти слишкомъ лѣтъ распоряжались татарскіе ханы Русью. И въ теченіи этихъ лѣтъ повсюду въ широкомъ степномъ просторѣ, какъ и прежде, слышна была русская рѣчь, но звучала уже не по-прежнему. Не гордыми кликами побѣдителей разносилась она по степному ковылю, а жалкими стонами побѣжденныхъ, влекомыхъ толпами въ рабство, въ неволю, униженными мольбами холоповъ, за счастье считающихъ лобызать руку бьющаго Русь «поганца», заискивающихъ нечистыхъ милостей ханскихъ приближенныхъ.

Тяжело было иго татарское, не скоро еще смоетъ время слѣды его съ Русскаго народа. «Но въ искушеньяхъ долгой кары, перетерпѣвъ судьбы удары, окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ».

Начали сознавать русскіе люди, что только въ единеніи сила, и начали собирать землю русскую Московскіе Князья. Собравшись съ духомъ, попыталась Русь сбросить съ себя чужеземное иго, и успѣла въ этомъ. Въ 1380 г. въ первый разъ дерзнули русскіе стать противъ татаръ съ открытой силой, и 8-го сентября, на Куликовомъ полѣ, при впаденіи р. Непрядвы въ Донъ, великій князь Дмитрій Донской разбилъ на-голову полчища татарскаго хана Мамая. Много пролито было въ этой битвѣ крови русской, но все еще не купила этой цѣной Русь своей свободы, потому что еще не всѣ за одно встали: одни подняли оружіе за права и свободу русскаго народа, а другіе или прямо стали на сторону враговъ народныхъ, или косвенно помогали имъ, продолжая прежнія распри и споры за власть. И опять надолго стало народное дѣло, потому что одинъ другому не давалъ за него взяться какъ слѣдуетъ. И если-бы партійныя распри не расшатали бы сильную когда-то власть Золотой Орды, если-бы сама Орда не распалась на части, то долго бы еще пришлось Руси ожидать наступленія полнаго разсвѣта своей свободы.

Къ началу XVI вѣка на мѣстѣ Золотой Орды мы находимъ уже нѣсколько отдѣльныхъ татарскихъ царствъ. Среднее и Нижнее Поволжье заняты сильными и богатыми царствами—Казанскимъ и Астраханскимъ. Въ степяхъ пріуральскихъ кочуютъ Большіе Ногаи, а

Малые бродятъ между Астраханью и Дономъ. Крымская Орда то кочуетъ по самому Крымскому полуострову, то разсыпается со своими стадами по пріазовскимъ степямъ отъ Днѣпра до самаго Дона, берега котораго еще надолго сохраняютъ названія Крымской (правый) и Нагайской (лѣвый) сторонъ. По низовьямъ Буга и Днѣстра основались Бѣлгородскіе (Аккерманскіе) татары—Едиссанская орда.

Южно-русская граница отодвинулась значительно къ сѣверо-западу: въ пустыню превратились когда-то цвѣтущія русскія поселенія Переяславской земли, почти вся Курская область и «польская украйна»[6]) княжествъ Сѣверскаго, Черниговскаго и Рязанскаго.

Эта пустыня протянулась вдоль всей юго-восточной границы болѣе чѣмъ на 1000 верстъ длины и до 500 верстъ ширины. «Дикое Поле» называется она...

Еще хозяйничаютъ по Дикому Полю татарскія орды, но уже вновь начинаетъ наступать Русь по всему фронту: выдвигается впередъ лѣвый флангъ,—съ Оки и Унжи восточная граница перенесена уже на Ветлугу и Суру. По всей «украйнѣ», какъ и въ былое время Владимира Красна Солнышка, начинаютъ строиться города, рубятся засѣки, ставятся «остроги», населяется служилый военный людъ: «дѣти боярскіе»[7]), стрѣльцы, пушкари, городовые казаки...

Русь готовится къ новой борьбѣ со степью. По равнинамъ, оврагамъ и перелѣскамъ Дикаго Поля закипаетъ вновь жестокая война не на животъ, а на смерть.

Но на этотъ разъ побѣда остается за Русью. Широкой могучей волной разливается она по безбрежному степному простору... А впереди Руси, какъ соколы, вырвавшіеся на волю, летятъ **ближайшіе наслѣдники и прямые потомки славныхъ когда-то великихъ могучихъ богатырей Святорусскихъ — казаки...**

---

[6]) Т. е. окраина, граничащая со степью, съ «полемъ», какъ говорилось тогда.

[7]) Дворяне; слово, вѣроятно, въ связи съ татарскими «уланами» (см. гл. I), такъ какъ «уланъ», или «огланъ», по-татарски значитъ «сынъ».

Еще осторожно и робко шагаетъ впередъ молодое Московское государство, все еще не вѣря въ свои силы, не смѣя дѣйствовать рѣшительнѣе изъ боязни потерять добытое положеніе и вновь почувствовать на себѣ тяжкое иго чужеземцевъ; еще воеводы царскіе только учатся бить татаръ, — а уже далеко отбита татарская волна заставами богатырскими. Уже рыскаютъ по всему Дикому Полю удалые казаки, и какъ въ былое время про Курянъ говорилъ князь Всеволодъ (въ «Словѣ о полку Игоревѣ»), что они удалые наѣздники, пути имъ вѣдомы, степныя яруги (овраги, балки) знакомы, такъ теперь казаки уже свои въ Дикомъ Полѣ, и Дикое Поле для нихъ уже свое: знаютъ они тамъ всѣ пути---дороженьки.

Въ 1521 году надобно было назначить мѣсто, удобное для съѣзда московскихъ и турецкихъ пословъ. Московское правительство обратилось за справками **къ Рязанскимъ казакамъ**, а тѣ дали свѣдѣнія, что на полдорогѣ отъ Азова къ Московскимъ границамъ находится «переволока»[8]), на этой переволокѣ прибой (пристанище) людямъ Астраханскимъ, и тутъ посольскимъ провожатымъ сходиться нельзя,—надобно быть съѣзду на Медвѣдицѣ, которая ближе къ Великаго Князя украйнѣ, но лучше всего назначить съѣздъ на Хопрѣ. Впрочемъ рязанскіе казаки несутъ развѣдывательную службу не только по Дикому Полю, они получаютъ и дальнія командировки въ Крымъ и Турцію. Въ 1522 году съ Иваномъ Морозовымъ посланы казаки Рязанцы въ числѣ десяти станицъ (разъѣздовъ, отрядовъ) и списокъ ему данъ именной, гдѣ кого изъ нихъ оставить: въ Азовѣ 4 станицы, въ Кафѣ (нынѣ Ѳеодосія) 4 станицы, въ Царь-городъ взять 2 станицы; которыхъ казаковъ оставить въ Азовѣ и Кафѣ и ему тѣмъ казакамъ приказать: если Крымскій царь захочетъ итти на Великаго Князя украйну, то станица ѣхала бы къ Великому Князю, а другія бы оставались и ждали новыхъ вѣстей, и какія еще вѣсти будутъ, ѣхали бы къ Великому Князю по станицамъ же, чтобы Великій Князь безъ вѣсти не былъ.

---

[1]) Мѣсто, гдѣ Волга и Донъ близко сходятся, и гдѣ суда **переволакивались** изъ одной рѣки въ другую.

Исполняли казаки и самостоятельныя порученія къ сосѣднимъ восточнымъ державамъ, ѣздили послами, вели переговоры. Такъ, въ 1517 г. Великій Князь созвалъ на думу братьевъ и бояръ и спросилъ ихъ, слѣдуетъ ли послѣ бывшаго только-что коварнаго нападенія крымцевъ на Русь продолжать мирныя сношенія съ Крымомъ, «**посылать ли къ хану казаковъ съ грамотами**». Дума приговорила, что нужно посылать, чтобы ханъ прямо не отсталъ отъ Москвы. А посольское дѣло было въ тѣ времена не легкое и опасное. Приходилось казакамъ и холоду и голоду натерпѣться въ пути, отбиваться отъ нападеній придорожныхъ грабителей, да и при дворѣ восточныхъ властителей не всегда жилось спокойно: били ихъ тамъ, оскорбляли всячески, грабили, отнимали даже одежду, продавали въ рабство въ далекія мусульманскіе края.

Но смѣло и спокойно выносилъ богатырскій духъ казачій всѣ эти тягости и невзгоды. Не зная страха предъ врагомъ, наводившимъ ужасъ на мирное населеніе Русской земли, казаки сами шли на встрѣчу опасности, перенимая отъ враговъ систему войны, ихъ боевыя уловки, оружіе и снаряженіе. И скоро ученики превзошли своихъ учителей. Уже и въ отдаленѣйшихъ углахъ степного простора не чувствуютъ себя спокойными и безопасными татарскіе улусы,--казаки всюду находятъ своихъ враговъ. Вновь загорается заря Русской славы. Станицы удалыхъ соколовъ-казаковъ не только шныряютъ по Дикому Полю, но залетаютъ и въ самое сердце татарщины—въ Крымъ. Начинаются казачьи походы, повторившіе славные набѣги Олега, Игоря, Святослава, Владимира Мономаха и ихъ богатырскихъ дружинъ.

Когда, собственно, появилось казачество на Руси, съ точностью опредѣлить невозможно. До насъ дошло преданіе, что еще въ 1380 году, когда Димитрій Донской шелъ съ Куликова поля послѣ Мамаева побоища, то первыми встрѣтили его на Русской границѣ, близъ города Гребени, «**народъ христіанскій воинскаго чина живущій, зовоміи казацы**, въ радости стрѣтающе его со святыми иконами и со кресты поздравляюще о избавленіи своемъ отъ супостатовъ и приносяще ему дары отъ своихъ со-

кровищъ, яже имѣху у себя чудотворныя иконы во церквахъ своихъ. Великій Князь съ великою вѣрою и любовію пріемъ и ихъ воинство вельми тѣлесными дары обогативъ и почтивъ, и по вся лѣта устави имъ казакамъ свое жалованіе за почесть ихъ и сильную храбрость противу супостатъ агарянска языка».

Съ XV вѣка извѣстія о казакахъ принимаютъ совершенно несомнѣнный характеръ, а съ начала XVI вѣка, послѣ объединенія подъ властью Московскаго Великаго Князя всей Сѣверо-Восточной Руси вплоть до самой границы со степью, казаки уже постоянно упоминаются въ составѣ Московскихъ вооруженныхъ силъ, принимая дѣятельное участіе въ государственномъ строительствѣ въ оборонѣ городовъ, въ наблюденіи за набѣгами дикихъ кочевниковъ, въ отраженіи ихъ ордъ, въ преслѣдованіи хищниковъ, въ отбиваніи у нихъ русскаго «полона» и во всѣхъ походахъ, направляемыхъ государями Земли Русской въ глубь степей.

Выше мы видѣли, что казачество является по духу и цѣлямъ своимъ прямымъ продолженіемъ богатырства святорусскаго, а потому его нужно считать столь же древнимъ, какъ и самое Русское государство. Походы Игоря, Олега, Святослава—тѣ же казачьи походы. Самый Святославъ— типичный казачій атаманъ, ставящій выше всего свое товарищество, дружину свою хоробрую, готовый за нее положить свою буйную голову и жертвующій для воинской потѣхи своими лучшими привязанностями, семьей, женой, дѣтьми.

Можно смѣло сказать, что **казачество это—Русь**, но не безвольная холопская Русь, стонущая подъ чужеземнымъ игомъ и безсильно тонущая въ междоусобной борьбѣ, а **Русь свободная, побѣдоносная, широко распростирающая свои орлиныя крылья по степному простору и смѣло смотрящая въ очи сосѣдямъ врагамъ.**

Застава богатырская.

Подъ славнымъ городомъ подъ Кіевомъ,
На тѣхъ на степяхъ на Цесарскіихъ
Стояла застава богатырская:
Атаманъ на заставѣ былъ Илья Муромецъ,
Подъатаманье былъ Добрыня Никитичъ младъ,
Есаулъ Алеша, поповскій сынъ,
Еще былъ у нихъ Гришка,—боярскій сынъ,
Былъ у нихъ и Васька, подъячій долгополый...
И всѣ они были во разъѣздьицѣ:
Гришка у князя кравчимъ жилъ,
Васька въ Кіевѣ въ кабакѣ гулялъ,
Алеша Поповичъ въ монастырь ходилъ,
Илья Муромецъ спалъ въ бѣломъ шатрѣ,
Добрыня Никитичъ ѣздилъ ко синю морю
Ко синю морю ѣздилъ за охотою,
За той ли за охотою за молодецкою:
На охотѣ стрѣлять гусей-лебедей.
Ѣдетъ Добрыня изъ чиста поля,
Въ чистомъ полѣ увидѣлъископыть великую.
Ископыть велика—въ полъ-печи.
Учалъ онъ ископыть досматривать:
«Еще что же это за богатырь ѣхалъ?
«Изъ той ли земли изъ Жидовскія
«Проѣхалъ Жидовинъ могучъ-богатырь
«На эти степи на Цесарскія!»

Пріѣхалъ Добрыня въ Стольный Кіевъ-градъ
Созывалъ свою братію наборную:
«Ой вы гой еси, братцы-ребятушки!
«Мы что жъ это на заставѣ устояли?
«Мы что жъ это на заставушкѣ углядѣли?
«Мимо нашу заставу богатырь ѣхалъ!»...
Собирались они всѣ на заставу богатырскую,
Стали думать всѣ думу крѣпкую:
Кому ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика во чистомъ полѣ,
По-плечь отсѣчь буйную голову,
Привезти ее на заставу богатырскую?

Изъ народной былины.

III. Казаки восточные—городовые и вольные.

Различіе между городовыми и вольными казаками. Казачье общественное устройство. Войсковой кругъ. Его права и дѣятельность. Казаки и Московское правительство XVI—XVII в.в. Воры ли казаки? Идея казачества.

Въ половинѣ XVI вѣка юго-восточная граница Руси, такъ называемая «польская украйна», охранялась цѣлой цѣпью передовыхъ укрѣпленныхъ городовъ: Путивиль, Рыльскъ, Новгородъ-Сѣверскій, Орелъ, Новосиль, Данковъ, Ряжскъ, Шацкъ, Кадомъ, Темниковъ и Алатырь, сзади которыхъ шли укрѣпленія второй линіи: Карачевъ, Мценскъ, Тула, Кропивна, Дѣдиловъ, Епифань, Рязань, Новгородъ-Нижній и др.

Постоянно высылались изъ этихъ городовъ «станицы» (разъѣзды) на Муравскій шляхъ» и въ «Дикое поле» до Днѣпра, Донца и Доно-Волжской переволоки для собиранія вѣстей и наблюденія по степнымъ сакмамъ[9]), шляхамъ (дорогамъ) и перелазамъ (бродамъ), не появятся ли гдѣ-нибудь татарскіе хищники. Сторожевую службу несли въ городахъ второй линіи отчасти, а въ передовой по-преимуществу—казаки. Эти казаки жили въ городахъ, въ пригородныхъ слободкахъ, или въ своихъ собственныхъ помѣстьяхъ, которыя они получали за свою службу наравнѣ съ дѣтьми боярскими». Поэтому они дѣлились на «помѣстныхъ» и «безмѣстныхъ». Послѣдніе получали еще названіе «кормовыхъ», такъ

---

[9] Сакма—слѣдъ по травѣ, особенно по свѣжей росѣ или по инею.

какъ служили за «кормъ», т. е. за денежное и хлѣбное жалованіе.

По роду службы своей казаки раздѣлялись на «полковыхъ» (или «рядовыхъ»), несшихъ «береговую» (охранную) службу въ городахъ, и на «сторожевыхъ», ѣздившихъ въ «станицы» и на степныя «сторо́жи». Въ первую категорію попадали казаки «худые», безконные, неспособные къ трудной полевой службѣ. Неся меньше обязанностей, они меньше получали и жалованія. Въ сторожевые же казаки «верстались» (зачислялись) наиболѣе «рѣзвые», смѣлые, ловкіе и крѣпкіе люди. Лучшіе изъ нихъ, болѣе сноровистые и освѣдомленные, именовались «станичными вожами» (т. е. предводителями разъѣздовъ), прочіе числились въ «ѣздокахъ».

Управлялись городовые казаки своими выборными атаманами и головами; числились, вмѣстѣ съ прочимъ воинскимъ служилымъ людомъ, въ Стрѣлецкомъ приказѣ. Въ 1571 году сторожевая казачья служба была приведена въ большій порядокъ, и даже былъ составленъ тогдашнимъ начальникомъ «польской украйны», княземъ Воротынскимъ, **Уставъ сторожевой и станичной службы.**

По этому уставу требовалось станичникамъ къ своимъ урочищамъ ѣздить и сторожа̀мъ на сторо́жахъ стоять въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были бы усторожливы, гдѣбъ имъ воинскихъ людей можно было усмотрѣть. Стоять сторожа̀мъ на сторо́жахъ, съ коней не ссаживаясь, поперемѣнно, и ѣздить по урочищамъ поперемѣнно же, направо и налѣво по два человѣка, по наказамъ, какіе будутъ даны отъ воеводъ. Становъ имъ не дѣлать; огонь раскладывать не въ одномъ мѣстѣ; когда нужно будетъ кому пищу сварить, и тогда огня не раскладывать въ одномъ мѣстѣ дважды; въ которомъ мѣстѣ кто полдневалъ, тамъ не ночевать; въ лѣсахъ не останавливаться,—останавливаться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ было бы усторожливо. Если станичники или сторожа̀ подстерегутъ воинскихъ людей, то посылаютъ своихъ товарищей съ этими вѣстями въ ближайшіе украинскіе города, а сами позади непріятеля ѣдутъ на сакмы (слѣды), по сакмамъ и по станамъ людей смѣчать, и, поѣздивъ по сакмамъ и смѣтивъ людей, съ тѣми вѣстями въ другой

разъ отсылаютъ товарищей въ тѣ же города. Новые посланные ѣдутъ направо и налѣво которыми дорогами ближе, чтобъ въ украинскіе города вѣсть была раньше, не передъ самымъ приходомъ непріятеля, а самимъ имъ ѣхать за непріятелемъ сакмою, а гдѣ и не сакмою (какъ пригоже), покинувъ сакму направо или налѣво, ѣздить бережно и устороя́кливо, и того беречь на-крѣпко: на которыя украины воинскіе люди пойдутъ? и имъ, про то развѣдавши вѣрно, самимъ съ вѣстями подлинными спѣшить къ тѣмъ городамъ, на которые непріятель пойдетъ. Если станичники завидятъ воинскихъ людей на дальнихъ урочищахъ, то имъ посылать посылки по три, по четыре, или сколько будетъ пригоже, а не отъ одного мѣста, чтобъ, провѣдавъ подлинно про непріятеля, на какія мѣста онъ идетъ, самимъ съ подлинными вѣстями спѣшить наскоро въ тѣ города, на которые пойдетъ непріятель. А не бывъ на сакмѣ и не смѣтивъ людей и не довѣдавшись до-пряма, на которыя мѣста воинскіе люди пойдутъ, станичникамъ и сторожамъ съ важными вѣстями не ѣздить и сторожа̀мъ, не дождавшись на сторо́жахъ себѣ перемѣны, со сторо́жъ не съѣзжать. А которые сторожа̀, не дождавшись смѣны, со сторо́жи сойдутъ, и въ то время государевымъ украйнамъ отъ воинскихъ людей учинится война, — тѣмъ сторожа̀мъ отъ государя быть казненнымъ смертью. Которые сторожа̀ на сторо́жахъ лишніе дни за срокомъ перестоятъ, а ихъ товарищи на смѣну въ тѣ дни къ нимъ не пріѣдутъ то брать первымъ на послѣднихъ по полуполтинѣ на человѣка въ день. Если воеводы или головы пошлютъ кого наблюдать за станичниками и сторожами на урочищахъ и на сторо́жахъ, и посланные найдутъ, что они стоятъ небережно и неустороя́кливо и до урочищъ не доѣзжаютъ, то хотя бы приходу воинскихъ людей и не ждали, — тѣхъ станичниковъ и сторожѐй за то бить кнутомъ. Воеводамъ и головамъ смотрѣть на-крѣпко, чтобъ у сторожей лошади были добрыя и ѣздили бы на сторо́жи о двухъ коняхъ, чтобъ можно было, увидѣвши непріятеля, уѣхать. У кого изъ станичниковъ и сторожей лошади будутъ худы, а случится посылка скорая, и подъ тѣхъ сторожей велѣть доправить лошадей на ихъ головахъ;

а если надобно вскорѣ, и доправить некогда, то воеводамъ велѣть брать лошадей добрыхъ у ихъ головъ; а не будетъ у головъ столько лошадей, то воеводамъ брать лошадей добрыхъ по оцѣнкѣ у полчанъ своихъ, а на головахъ брать найму на всякую лошадь по 4 алтына съ деньгою на день, и отдавать деньги тѣмъ людямъ, у которыхъ взяты лошади.

Въ 1574 году всѣ городовые казаки «польской украйны» получаютъ Наказнымъ Атаманомъ родоначальника нынѣ благополучно царствующаго Дома Романовыхъ боярина Никиту Романовича Юрьева-Захарьина. По его распоряженью казакамъ за несеніе сторожевой службы было прибавлено денежное и помѣстное жалованье болѣе чѣмъ вдвое, наличный составъ былъ провѣренъ, осмотрѣно снаряженіе и лошади, при чемъ велѣно: «которые казаки собою худы или безконны и въ сторожевую службу ихъ не будетъ, тѣхъ отъ сторожевой службы отставить, и служить имъ казачью рядовую службу и помѣстной имъ придачи не придавать, а на ихъ мѣсто прибрать изъ рядовыхъ казаковъ добрыхъ и конныхъ».

Съ половины XVI вѣка все дальше и дальше на югъ и востокъ распространяется порубежный предѣлъ Русскаго царства, строятся все новые и новые города[10]), въ которыхъ мы опять-таки находимъ прежде всего **городовыхъ казаковъ**—Самарскихъ, Ливенскихъ, Воронежскихъ, Елецкихъ, Задонскихъ, Тамбовскихъ, Чугуевскихъ, Астраханскихъ и т. п.

На ряду съ казаками «польской украйны» имѣются извѣстія о казакахъ и другихъ городовъ, по-преимуществу пограничныхъ съ западными врагами Московскаго царства—Литвой, Шведами, Нѣмцами. Таковы казаки Смоленскіе, Псковскіе, Новгородскіе (Новгорода Великаго), Великолуцкіе, Вологодскіе, и т. д. Эти казаки, какъ и прочіе, такъ же или довольствуются «кормами», хлѣбными и денежнымъ жалованіемъ или же получаютъ по-

---

[10]) Самара, Ливны, Воронежъ—1586 г., Царицынъ—1589 г., Саратовъ—1590 г., Елецъ—1592 г., Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйки—1593 года, и т. д.

мѣстья, а со введеніемъ крѣпостного права владѣютъ и крестьянами одинаково съ дворянскимъ сословіемъ.

Къ тому же XVI вѣку (и, несомнѣнно, къ самому началу его) относится возникновеніе и **другого казачества, вольнаго.**

Дикое Поле со своими многочисленными оврагами, балками, холмами, перелѣсками, давало прекрасное убѣжище всякому люду, которому не жилось въ предѣлахъ Московскаго государства. Здѣсь-то и было положено начало тѣмъ военнымъ братствамъ, напоминавшимъ, съ одной стороны, дружины Кіевской Руси, а съ другой, духовно-рыцарскіе ордена Западной Европы. Подъ давленіемъ постоянной внѣшней опасности вольное казачество сплотилось въ многотысячныя воинственныя общины, осѣвшія по берегамъ степныхъ «словутныхъ» рѣкъ Дона, Яика и др. и получившія названія казачьихъ войскъ. Такъ возникли старшія казачьи войска Донское, Волжское, Гребенское, Терское и Яицкое.

Сюда-то, въ эти свободныя общины, какъ въ былое время на заставу богатырскую, стекались «лучшіе» люди Московской Руси, стекались всѣ, кто, чуя въ себѣ силушку великую, хотѣлъ размыкать ее по чисту полю, удаль свою молодецкую показать и добыть себѣ чести, а казачеству славы. Сюда же стекались и тѣ, кто искалъ себѣ спасенья отъ холопства невольнаго, отъ прикрѣпленія къ землѣ, къ тяглу, къ помѣщику, такъ какъ къ концу XVI вѣка Московское государство держало уже въ крѣпкихъ тискахъ своихъ гражданъ, возложивъ на нихъ тяжелыя обязанности предъ государствомъ,—обязанности, не соотвѣтствовавшія правамъ. И вотъ, кто хотѣлъ избавиться отъ этихъ тисковъ, отъ тяжести податей и налоговъ и отъ произвола дворянъ да бояръ государевыхъ; кто жаждалъ вольной, свободной жизни, кого не пугало царившее въ казачьихъ общинахъ общее равенство, а влекло къ себѣ товарищеское братство,—всѣ стекались на берега «запольныхъ»[11]) рѣчекъ и увеличивали собою толпы казачества «вольнаго, свирѣпаго и безстрашнаго»...

---

[11]) Лежащихъ за Дикимъ Полемъ.

Надо еще не забывать и того обстоятельства, что закончившееся къ началу XVI в. объединеніе Сѣверо-Восточной Руси сопровождалось уничтоженіемъ свободныхъ, вольныхъ вѣчевыхъ государствъ русскихъ—Великаго Новгорода, Пскова и другихъ. Конечно, и жители этихъ разгромленныхъ областей стремились въ казачьи общины, являвшіяся носителями того же самаго государственнаго порядка и строя.

Охота, рыбная ловля и война давали казачеству средства къ жизни, и они же опредѣляли собой общественный строй, обычаи и нравы казачества. Первые два вида дѣятельности ставили казаковъ въ необходимость селиться небольшими городками (по 100, по 200 и по 300 человѣкъ) въ удобныхъ для промысла мѣстахъ, боевая же обстановка развивала и закаляла товарищескій духъ взаимопомощи, выручки и поддержки, такъ какъ, только благодаря этой тѣсной внутренней спайкѣ, могло казачество выйти побѣдоносно изъ тяжелой кровавой борьбы.

Въ отличіе отъ казаковъ городовыхъ, составлявшихъ въ Московскомъ государствѣ военное служилое сословіе, среднее между «дѣтьми боярскими» и «стрѣльцами», вольное казачество въ основу своего единенія клало полное отрицаніе какихъ бы то ни было сословныхъ раздѣленій. На царскую грамоту, приглашавшую въ 1638 году прислать въ Москву «лутчихъ» (т. е. знатнѣйшихъ казаковъ къ царю «для всякихъ государевыхъ дѣлъ», Донское войско отвѣчаетъ «то де у нихъ и лутчіе люди, ково они выбравъ Войскомъ пошлютъ къ Государю, а лутчихъ де людей у нихъ на Дону нѣтъ, всѣ межъ себя ровны». Когда въ 1698 году царскій посолъ Нащокинъ, привезя на Донъ подарки, хотѣлъ раздавать ихъ казакамъ по наказу «лучшимъ» хорошіе, а рядовымъ похуже, казаки отвѣтили ему, что «у нихъ большихъ нѣтъ никого—всѣ ровны, а раздѣлятъ сами на все войско, по чему достанетъ».

Впрочемъ, ни свобода, ни равенство нисколько не мѣшали казачеству быть надежнымъ оплотомъ своего отечества и вѣрно служить своимъ природнымъ государямъ -Царямъ Русскимъ. Въ 1641 году Донцы пишутъ

изъ Азова главнокомандующему турецкаго осаднаго корпуса въ отвѣтъ на его приглашеніе перейти на службу къ Турецкому Султану: «Холопы мы природные Царя Государя Московскаго, а бѣгаемъ изъ того государства Московскаго отъ бояръ да отъ дворянъ государевыхъ». Московскіе бояре просто-на-просто являлись вещью лишней и безполезной, съ точки зрѣнія казаковъ. Тому же Нащокину говорило Донское Войско: «Прежде мы служили Государю и головъ (т. е. воеводъ) московскихъ у насъ не было, служили своими головами, и теперь рады служить Государю своими головами, а не съ Хрущовымъ». Прошло полвѣка, и снова пишутъ (1646 г.) Царю казаки: «А твоему государеву дворянину Ждану Кондыреву на такую твою государеву великую службу водянымъ путемъ съ нами, холопи твоими, быти ему невозможно, потому, Государь, что онъ жилъ при твоей государской свѣтлости, и человѣкъ онъ нѣжной, а нынѣшніе, Государь, нужи и морскихъ походовъ и пѣшіе службы ему будетъ нетерпѣть. И намъ, Государь, бываютъ нужи, да и хуртины (бури, волненія) великіе, и струги наша разноситъ по морю, другъ друга не возвѣдаемъ, да и топитъ, Государь, хуртиною у насъ многіе струги, а иные на берегъ выметываетъ и разбиваетъ: и безъ запасу и безъ воды многіе дни бываемъ. А ему, Государь, Ждану такіе великіе нужи и пѣшіе службы съ нами будетъ нетерпѣть. А намъ, холопемъ твоимъ, лучится о тамошнемъ какомъ дѣлѣ и о промыслу ему, Ждану, говорить, и ему, Государь, будетъ на насъ въ томъ досадовать, и у нево, Государь, въ томъ дѣлѣ будетъ ссора и смута, и всякимъ нашимъ промысламъ въ твоей государевой службѣ отъ тово будетъ поруха. А ему, Государь, морскихъ походовъ, и пристаней, и тамошнихъ мѣстъ ничто не за обычей, и не вѣдаетъ.» И Царь милостиво удовлетворилъ челобитную казаковъ—послалъ Войску Донскому свое царское «спасибо», а Кондыреву велѣлъ вернуться къ Москвѣ.

Изъ приведенныхъ выше примѣровъ мы видимъ, что въ XVI—XVII столѣтіяхъ казаки служили Царю «своими головами», т. е. имѣли во главѣ своей собственное начальство. Не велико было число этого начальства: Вой-

сковой Атаманъ да Войсковой Ясаулъ (иногда Ясауловъ было два и болѣе), а для веденія Войскового письмоводства состоялъ Войсковой Дьякъ (или Писарь) съ подьячими. Войсковое знамя и прочія регаліи ввѣрялись особымъ старшинамъ: Войсковому Знаменщику, Бунчуковому Товарищу и др.

Устройство отдѣльныхъ казачьихъ городковъ соотвѣтствовало устройству всего войска. Во главѣ стоялъ опять-таки Атаманъ, а «атаманы у насъ на Дону», говорили казаки, «безъ есауловъ не бываютъ».

Всѣ эти чины замѣщались по выбору на одинъ годъ, и по окончаніи своего срока должностное лицо превращалось въ обыкновеннаго рядового казака. Атаманъ Аввакумъ Сафоновъ пишетъ въ челобитной къ Царю въ 1642 году: «А то онъ, Наумъ, былъ Войсковой Атаманъ до Азовской осады на Дону, а въ Азовскую осаду былъ онъ въ рядовыхъ, а я, холопъ твой Абакумко. и въ Азовскую осаду былъ станишный атаманишко; а Войсковой у насъ Атаманъ одинъ и тотъ въ Азовѣ».

Войсковому Атаману принадлежала только исполнительная власть, что же касается до власти распорядительной, то она неотъемлемо оставалась за всѣмъ Войскомъ въ его цѣломъ. Для осуществленія же этой власти войско собиралось по мѣрѣ надобности въ **Войсковой Кругъ**, въ которомъ и рѣшались всѣ важнѣйшія войсковыя дѣла. Казачій Кругъ вполнѣ тожественъ съ древнерусскимъ народнымъ собраніемъ—**вѣчемъ:** тѣ же у нихъ права, тотъ же составъ, та же дѣятельность.

Составлялся Войсковой Кругъ изъ всѣхъ явившихся на мѣсто собранія казаковъ, не опороченныхъ передъ Войскомъ, при чемъ всѣ имѣли равное право голоса. Кругъ обыкновенно собирался на площади главнаго городка Войска. Посреди площади, въ центрѣ Круга, располагался окруженный войсковою «старшиною» Войсковой Атаманъ со знаками своей власти--булавою и бунчукомъ и предлагалъ на обсужденіе Кругу очередныя дѣла. Впрочемъ, предложенія Кругу могъ невозбранно дѣлать и всякій изъ присутствующихъ. Изложивъ сущность дѣла, Атаманъ (или по его порученію Ясаулъ) спрашивалъ собраніе: «Любо ли вамъ, атаманы-молодцы?»

Присутствующіе отвѣчали «**любо!**» или «**не-любо!**», и простое большинство рѣшало вопросъ. Чаще всего Кругъ приходилъ къ единодушнымъ рѣшеніямъ, а до безобразныхъ дикихъ дракъ, какъ на Новгородскомъ вѣчѣ, дѣло доходило только въ черезвычайно рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ постоянная внѣшняя опасность и общія «нужи морской и пѣшей службы» создавали столь прочную спайку казачьяго товарищества, что казакъ всегда готовъ былъ братски подѣлиться съ сосѣдомъ даже послѣднимъ кускомъ хлѣба.

Историческіе документы, дошедшіе до нашего времени и относящіеся въ большинствѣ къ Донскому Войску, даютъ намъ возможность не только ближайшимъ образомъ указать предметы вѣдѣнія и обычаи Войскового Круга, но и подкрѣпить это указаніе примѣрами изъ собранія Донскихъ Дѣлъ, изданныхъ Императорской Археографической Комисіей въ 1898—1906 г.г.

Кромѣ избранія всѣхъ войсковыхъ должностныхъ лицъ, завѣдыванія войсковымъ имуществомъ, капиталами и распредѣленіями между войскомъ царскаго денежнаго, порохового и прочаго жалованья, Войсковой Кругъ въ потребныхъ случаяхъ устанавливалъ налоги съ казаковъ на обще-войсковыя надобности, какъ напр., на укрѣпленіе городовъ, пріемъ посольствъ и проч. Въ 1639 г. пишетъ Донское Войско Царю: «Запасы, и вино, и медъ, и быки, и бараны, и неводы, и котлы, и каюки, въ чемъ рыбу ловить, покупаючи имъ, мурзамъ (ногайскимъ), давали, **а деньги сбирали съ своей братьи Донскихъ казаковъ, себя осудя**.» (Д. Д. I. 981).

Ревниво оберегая пользу войсковую и государственную, Войсковой Кругъ не стѣснялся издавать законы и распоряженія, обязательные къ исполненію подъ угрозой смертной казни или лишенія казачьихъ правъ: «А которые де люди на тотъ срокъ въ Азовъ не будутъ (для обороны его отъ турокъ), а останутся на Дону и тѣхъ приговорили **грабить и побивать до смерти и въ воду метать**» (Д. Д. II. 125). «А которые атаманы и молодцы верховые (верхнедонскихъ городковъ) къ войску въ Азовъ на помоцъ пойдутъ, и тѣмъ атаманамъ и молодцамъ **въ Войску и суда не будетъ**» (Д. Д. I. 810). Въ

1690 году, узнавъ, что въ верхнихъ городкахъ казаки начали заниматься землепашествомъ, Войсковой Кругъ постановилъ: «Дабы воинскимъ промысламъ помѣшки не было, **если который казакъ станетъ пахать, того бить до смерти и грабить»**.

Судебная власть въ полной мѣрѣ осуществлялась Войсковымъ Кругомъ. Во всѣхъ случаяхъ чрезвычайной важности не только судъ, но и самая расправа производилась въ Войсковомъ Кругу, причемъ виновнаго, смотря по обстоятельствамъ, или поднимали на пики, посѣкали саблями, разстрѣливали, или убивали полѣньями и камнями, или же просто, по-рыбацки, «въ куль—да въ воду»... Приведемъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ. Въ 1646 году воевода Кондыревъ доноситъ Царю изъ Воронежа: «Апрѣля жъ въ 27 день, тотъ Донской атаманъ Павелъ съ Донскими казаками и съ вольными людьми **учинили себѣ кругъ**, того вора-заводчика Ваську Барабанщика **въ кругу разстрѣляли изъ пищалей**, а Ивашка Борборскаго да Ивашка Глухово били въ кругу ослопы (дубинами) **по своему казачью обычаю**, какъ у нихъ на Дону ведетца». Въ 1637 г. Войско пишетъ изъ-подъ Азова: «А мы, Государь, холопы твои, не утерпя ево измѣну и за ево волшебство ихъ, что стоя подъ Азовомъ терпимъ голодъ великій и всякія нужныя скорби, того **Турскаго посла Тому Катакузина** со всѣми его людьми **побили до смерти**». Въ 1638 году донцы въ Москвѣ говорятъ: «А то де было въ нынѣшнемъ 146 году, запорожскихъ черкасъ атаманъ Матьяшъ учалъ было бунтовать, и войска было слушать не учали, и учали просить у нихъ города въ Азовѣ особнаго и наряду (пушекъ), и хотѣлъ было онъ владѣть и жить особно. И они де, атаманы и казаки, поговоря межъ себя, **за то черкасскаго атамана Матьяша убили полѣньями до-смерти и вкинули въ Донъ.** И послѣ того запорожскіе черкасы имъ послушны во всемъ по-прежнему, а будетъ де они впредъ похотятъ владѣть собою, и имъ де Войскомъ молчать не будутъ и съ ними управятся». (Д. Д. I. 706—707).

Въ Войсковомъ же Кругу давалось прщеніе отдѣльнымъ преступникамъ. На Дону былъ одно время обычай отпускать при полученіи Царскаго жалованья одного или

нѣсколькихъ колодниковъ въ знакъ войсковой радости. Иногда бывали случаи, что войсковой Кругъ объявлялъ прощеніе цѣлому ряду преступниковъ или даже всѣмъ «пеннымъ» (виновнымъ) отдавалъ ихъ «пеню». Въ войсковой грамотѣ, посланной по всѣмъ Донскимъ городкамъ передъ «Азовскимъ сидѣньемъ», пишется: «А чтобъ ѣхали къ Войску всякіе люди--пенные и не пенные,--**а пеня имъ отдана**».

Наконецъ, всѣ вопросы внѣшней политики и военнаго устройства, объявленіе войны, заключеніе мира, составленіе военныхъ плановъ,—все это рѣшалось на Войсковомъ Кругу. Здѣсь читались Царскія грамоты, составлялись войсковыя отписки къ Государю, допрашивались плѣнные, отправлялись посольства въ Москву, въ Крымъ, въ Турцію.

Что касается до отношенія Центральнаго Московскаго правительства къ такой полнотѣ власти Войскового Круга, то оно, видимо, нисколько этимъ не тяготилось и считалось какъ съ безспорнымъ фактомъ. Такъ, когда въ 1646 году на Донъ было послано для помощи казакамъ около трехъ тысячъ набранныхъ въ южныхъ городахъ вольныхъ охочихъ ратныхъ людей, то Царь писалъ воеводѣ Кондыреву: «А велѣло вамъ **тѣхъ вольныхъ людей отдать на Дону атаманамъ и казакамъ**, и велѣно тѣмъ вольнымъ людемъ быти на Дону до нашего указу. А безъ нашего указа съ Дону не съѣзжать. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ Донскимъ атаманомъ и казакомъ и нашимъ вольнымъ людемъ велѣли всѣмъ быть къ себѣ и **ученить кругъ**, и имъ сказали, чтобъ они, вольные люди, намъ, великому Государю, служили; промышляли вмѣстѣ съ атаманы и казаки, и **были бъ съ ними у атамановъ и у казаковъ въ послушаньѣ**. А собою бъ, безъ совѣту съ Донскихъ атамановъ и казаковъ, ничево ни дѣлали и самовольства никакого ни чинили.» (Д. Д. II. 1085).

Не вмѣшивалось центральное правительство и въ судебную дѣятельность Войскового Круга, причемъ Царь неоднократно обращается къ Войску съ просьбой наказывать виновныхъ казаковъ по войсковому обычаю: «И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и **вы бъ казаку**

Ивашку Огарышеву за такія буйныя ненадобныя слова **учинили наказаніе**, чтобъ ему, и инымъ на то смотря, впредь не повадно было.» (Д. Д. II. 808, 760 и др.).

Такая условная зависимость вольнаго казачества была, конечно, съ одной стороны, пріятна Московскому правительству, не разъ пытавшемуся наложить руку на казачьи вольности, а съ другой стороны, она же создавала возможность Москвѣ, оказывая на дѣлѣ казакамъ поддержку и помощь оружіемъ, пороховой, денежной и хлѣбной казной, на словахъ говорить иное и, пользуясь плодами казачьихъ трудовъ и подвиговъ, не брать на себя отвѣтственности за ихъ дѣйствія. Всякій разъ, какъ Турецкій Султанъ или Крымскій Ханъ обращались къ Москвѣ съ жалобами на дерзость казачьихъ набѣговъ, царскіе послы отвѣчали всегда однѣ и тѣ же заученныя рѣчи: «На Дону де, на Волгѣ и на Терекѣ живутъ не царскіе люди, а воры и разбойники, бѣглые холопи, и царскаго повелѣнья ни въ чемъ ни слушаютъ, а живутъ самовольно «воровскимъ»[12]) кочевымъ обычаемъ, и хоть всѣхъ ихъ велитъ Султанское Величество перебить, то Царю это не будетъ грубно и ссориться за казаковъ Царь никакъ не станетъ.»

А въ то же время къ этимъ «ворамъ и разбойникамъ» и на Донъ и на Волгу посылаются **благословенія всероссійскаго духовнаго собора**, адресованныя «**атаманомъ и казакомъ и всему Великому Войску**», шлются царскія грамоты съ похвалами за вѣрную и безкорыстную службу отечеству, царское жалованье, знамена, иконы, церковная утварь и проч. Въ 1613 году даже въ Константинополѣ было обращено вниманіе на неискренность московскихъ отвѣтовъ, и посламъ московскимъ сказано было прямо: «Вы говорите, что на Дону живутъ воры; а для чего же вашъ Государь теперь съ вами прислалъ къ нимъ денежное жалованье, сукна, сѣру, свинецъ и запасы.» Объ этихъ же «ворахъ и разбойникахъ» Кото-

---

[12]) «Беззаконнымъ»; слово «воровство» въ то время означало вообще беззаконіе, а не кражу.

шихинъ пишетъ[13]): «И дана имъ на Дону жить воля своя, и начальныхъ людей **межъ себя атамановъ и иныхъ избираютъ, и судятъ во всякихъ дѣлахъ по своей волѣ, а не по Царскому указу.** А кого лучится имъ казнити за воровство или за иные дѣла и не за крѣпкую службу и тѣхъ людей, посадя на площади или на полѣ, изъ луковъ или изъ пищалей разстрѣливаютъ сами; такъ же, будучи на Москвѣ или въ полкахъ, кто что своруетъ, **царскаго наказанья и казней не бываетъ, а чинятъ они межъ собою сами-жъ.** А какъ они къ Москвѣ пріѣзжаютъ, и имъ честь бываетъ такова, какъ чужеземскимъ нарочитымъ людемъ. А ежели бъ имъ воли своей не было, и они бъ на Дону служить и послушны быть не учали. **И только бъ не они, Донскіе казаки, не укрѣпились** бы и не были бъ въ подданствѣ давно **за московскимъ Царемъ Казанское и Астраханское царствы**, зъ городами и зъ землями, во владѣтельствѣ».

Можно ли послѣ этого принимать легкомысленно за истину неискренніе московскія отписки о казачьемъ «воровствѣ» и посольскія увертки, имѣющія цѣлью обмануть исконныхъ враговъ Россіи—Турецкаго Султана и Крымскаго Хана!

А между тѣмъ эти отписки и нѣкоторыя подтасованныя лѣтописныя извѣстія подали поводъ нашимъ историкамъ оклеветать славное и честное вольное казачество, смѣшавъ его съ воровскими казаками, т. е. съ обыкновенными разбойничьими шайками, расплодившимися на Руси въ Смутное Время и промышлявшими грабежомъ мирнаго русскаго населенія.

Правда, тотъ же Котошихинъ говоритъ, что укрывались на Дону и разные грабители, разбойники, причемъ «бывъ на Дону хотя одну недѣлю или мѣсяцъ, а лучитца имъ съ чѣмъ-нибудь пріѣхать къ Москвѣ, и до нихъ впередъ дѣла никакова ни въ чемъ ни бываетъ никому, что кто ни своровалъ, потому что Дономъ отъ всякихъ бѣдъ освобождаютца»; но вѣдь въ тѣ времена ни одно государство не выдавало бѣглецовъ, принятыхъ

[13]) Въ сочиненіи «О Россіи», написанномъ въ 1666—1667 годахъ (глава IX, л. 198—199).

подъ защиту и покровительство, и никому въ голову не приходило Римскую католическую церковь называть разбойной организацiей только потому, что принятiе духовнаго званiя или даже званiя церковника точно также освобождало злодѣевъ отъ всякаго преслѣдованiя со стороны свѣтскихъ властей. Выше же мы видѣли, что казаки сами не терпѣли въ своей средѣ воровъ и безъ жалости наказывали ихъ, не останавливаясь даже передъ смертной казнью.

Само же вольное казачество безкорыстно служило Царю и Отечеству и съ охотой клало головы свои за великихъ государей да за вѣру Христiанскую. И кровь свою нещадно и безпрестанно лило вольное казачество «не съ вотчинъ, не съ помѣстiй, а съ воды да съ травы», какъ неоднократно писали казаки самому Царю[14]).

Когда въ 1641 году шесть тысячъ казаковъ выдержали въ Азовѣ осаду болѣе чѣмъ двухсоттысячной турецкой армiи, то не польстились казаки на богатства, предлагавшiеся имъ за сдачу Азова. Сорокъ двѣ тысячи червонныхъ давалъ имъ турецкiй главнокомандующiй за уже совершенно разбитый городъ, но несмотря на тяжкiя потери въ людяхъ, несмотря на совершенное изнеможенiе отъ трудовъ и лишенiй, несмотря на крайнiй ненедостатокъ боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ, казаки и не подумали сдаваться: **честь и слава казачья имъ дороже денегъ...**

Вотъ что говорятъ о такихъ предложенiяхъ казаки въ грамотѣ своей къ Царю отъ 24-го Марта 1641 года:

«И на томъ, Государь, окупу (размѣнѣ плѣнныхъ) Крымскiй царь нашимъ казакомъ, которые у него были въ полону, и своимъ людемъ, которые были на окупу, велѣлъ намъ, всему Донскому Войску, говорити, чтобъ мы, холопи твои, у него, Крымскаго царя, взяли казну великую и нашу братью, которые на боѣхъ взяты, безъ окупу, для того, чтобъ мы ему Азовъ городъ отдали. И мы, Государь, холопи твои, ему, Крымскому царю отказали: взяли мы Азовъ городъ своимъ умышленьемъ, а не его, праведнаго Государя, повелѣнь-

---

[14]) 3 Декабря 1637 г. (Д. Д. I. 635), 10-го Сентября 1640 г. (Д. Д. II. 50) и т. д.

емъ, взяли своими головами и своею кровью, а головы свои складывали и кровь проливали за истинную свою православную крестьянскую непорочную вѣру и за домъ святого славнаго пророка и Предтечи Крестителя Христова Іоанна,[15]) а на твое тлѣнно и гибнущее злато и сребро не прельщаемся: будетъ вамъ, Крымскому и Турецкому царемъ, Азовъ городъ надобенъ, и вы его такъ же доставайте, какъ и мы, своими головами и своею кровью. А мы, все Донское Войско, служимъ одному праведному и благочестивому Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всеа Русіи, а не вамъ, и **на вашу многую казну и льстивыя безбожныя басурманскія рѣчи не прельщаемся. Ради мы съ вами битись и пострадати** и стояти за свою истинную православную крестьянскую вѣру, и за домъ святого славнаго пророка и Предтечи Крестителя Христова Іоанна и за праведнаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Федоровича всеа Русіи, а города вамъ Азова не отдадимъ: кому Богъ помощи подастъ, то имъ будетъ владѣти, а не такъ то сдѣлается, какъ вы хотите»...

Когда во время того же Азовскаго сидѣнія турки потеряли на первомъ приступѣ до шести тысячъ убитыми и просили у казаковъ перемирія для похоронъ мертвыхъ, предлагая выкупъ за тѣла, при чемъ за убитаго пашу давали, сколько онъ вытянетъ, золота, то какой благородный отвѣтъ дали казаки!... «**Не продаемъ мы мертваго трупу на полѣ,— емлите ваши тѣла даромъ.**»...

Такъ могли ли отвѣтить «воры и разбойники?!»...

Правда, громили казаки турецкія суда на Черномъ морѣ, грабили и жгли города на морскомъ побережьѣ, ходили «добывать зипуны» и въ Персію, и въ Закавказьѣ, и въ Крымъ, и въ Хиву, но жилъ казакъ не на средства мирныхъ жителей земли русской, а за счетъ исконныхъ враговъ своего народа, своего отечества и даже своей вѣры.

О средствахъ пропитанія вольнаго казачества Котошихинъ пишетъ: «А посылается къ нимъ на Донъ царское жалованье, денежное, не гораздо по многу и не

[15]) Древній храмъ котораго былъ въ Азовѣ.

всегда; а **добываются тѣ казаки** на Дону **на всякихъ воинскихъ промыслахъ отъ Турскихъ людей**, горою и водою, **также и отъ Перситцкихъ людей и отъ Татаръ и отъ Калмыковъ**: и что кто гдѣ на воинскомъ промыслу ни добудутъ, дѣлятъ всѣ межъ собою по частямъ, хотя кто и не былъ. Да къ нимъ же, Донскимъ казакомъ, изъ Казани и изъ Астрахани посылается хлѣбное жалованье, чѣмъ имъ мочно сытимъ быть; а иные сами на себя промышляютъ».

Если-бы воры и разбойники жили на Дону, то не ходили бы купцы съ разными запасами изъ Руси и Литвы въ казачьи городки. Да не только русскіе—и бусурманскіе купцы изъ Кафы, изъ Азова, изъ Темрюка приходили на Донъ торговать своими товарами въ короткіе дни мира.

Да и можно ли ставить казакамъ въ вину ихъ былое легкое отношеніе къ чужой собственности, благодаря которому сложились въ казачьей средѣ поговорки: «Наши ребята что телята,—на что глянутъ, то и тянутъ», «У нашихъ Казаковъ обычай таковъ: поцѣловалъ куму,—такъ и губы въ суму!» и т. п., если такія же воззрѣнія на захватное право господствовали въ «культурныхъ и цивилизованныхъ» германскихъ государствахъ того времени, гдѣ сложилась еще болѣе откровенная поговорка: «Räubern ist keine schande das thun die Besten im Zande» («Грабить нѣтъ никакого стыда,—это дѣлаютъ знатнѣйшіе люди въ странѣ»). А вѣдь казаки считали великимъ позоромъ грабить и воровать **у своихъ** и за такое воровство безпощадно убивали до смерти.

Не для наживы, а на тяжелый трудъ и славный подвигъ стекались отважные удальцы на «запольныя» рѣки. Шли они «изъ работы невольныя и холопства вѣчнаго» на добровольный трудъ, на опасную, но зато свободную жизнь, готовые погибнуть за Святую Русь и положить животъ свой за други своя. Что думали казаки, на что надѣялись и во что вѣрили, хорошо выражено въ слѣдующихъ словахъ казачьей пѣсни о смерти атамана Ермака, покорителя Сибири.

«Кто жизни не щадилъ своей, въ разбояхъ злато добывая,
«Тотъ думать станетъ ли о ней, за Русь Святую погибая...

«Своей и вражьей кровью смывъ всѣ преступленья буйной жизни,
«Мы за побѣды заслужимъ благословенія отчизны...
«**Намъ смерть не можетъ быть страшна.—свое мы дѣло совершили:**
«Сибирь Царю покорена,—**и мы не праздно въ мірѣ жили**»...

Въ 1638 году Войско Донское, созывая передъ близкой осадой всѣхъ казаковъ изъ верхнихъ городковъ въ Азовъ на «сидѣніе», не обѣщаетъ, въ случаѣ удачи, добычу великую, а уговариваетъ всѣхъ крѣпко стать братъ за брата, не перевести на нѣтъ былые труды и подвиги, не посрамить славы своей молодецкой... «И чтобъ вамъ, атаманомъ и молодцомъ верховымъ, попомнить престолъ Ивана Предотеча, и православную крестьянскую вѣру, и государеву къ себѣ милость», говоритъ войсковая грамота[16]), «свою атаманскую и молодецкую славу не потерять, ѣдьтя въ Азовъ къ Войску днемъ и ночью не малыми людьми, а въ городкахъ небольшихъ людей оставливайтя, а съѣзжайтясь городковъ пять и шесть въ одно мѣсто съ семьями, чтобъ остальцы жили съ великимъ береженьемъ, съѣхавшись въ одно мѣсто... Вѣдаете вы и сами, какъ вы приходили изо всѣхъ рѣкъ казачьева присуду Азова достигать, и милостію Божію и великаго въ пророцѣхъ Ивана Предотеча и государскимъ счастьемъ Азовъ городъ вамъ, атаманомъ и молодцомъ, всему великому Войску Донскому Богъ поручилъ. **А нынѣ-бъ намъ бусорманскіе вѣры не посмѣялись**, а за домъ Ивана Предотеча и за истинную, непорочную крестьянскую вѣру стоять, Азова-бъ города не подать, а государскому имени бъ въ иныхъ земляхъ поношенья не было и **своей атаманской и молодецкой славы не потеряйте.** Всѣ земли нашему казачьему житью завидовали, а нынѣ мы—тока свою казачью славу потеряемъ!?»... Знала и Москва, что все готовы снести и вытерпѣть казаки, лишь бы только славы своей не потерять, а потому и Царь въ своей грамотѣ къ Войску отъ 30 Августа 1643 г. пишетъ (Д. Д. II. 465): «И вы бъ, атаманы и казаки, Намъ, Великому Государю, и впредь служили... и съ старыхъ съ своихъ

---

[16]) Донск. Дѣла I. 810.

мѣстъ, съ Дону, не сходили, **тѣмъ бы прежней своей славы и чести не теряли**»...

Твердо и непоколебимо стояли казаки за Вѣру, Царя и Отечество, за честь и славу казачью, не уступая ни пяди занятой земли, не зная страха передъ грознымъ врагомъ, не смущаясь потоками лившейся крови. И по всему свѣту прогремѣла слава казачья, и донынѣ еще не померкла она, и одно только имя казака заставляетъ содрагаться сердце враговъ земли Русской и Царя православнаго...

Смерть Ермака.

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ, во мракѣ молніи блистали,
Безъ перерыву громъ гремѣлъ, и вѣтры въ дебряхъ бушевали...

Ко славѣ страстію дыша, въ странѣ суровой и угрюмой,
На дикомъ брегѣ Иртыша сидѣлъ Ермакъ, объятый думой.

Товарищи его трудовъ, побѣдъ и грома звучной славы
Въ сѣни раскинутыхъ шатровъ безпечно спали средь дубравы...

«Спокойно спите», мнилъ герой, «друзья, подъ бурею ревущей.—
«Съ разсвѣтомъ гласъ раздастся мой, на славу и на смерть зовущій.

«Вамъ отдыхъ нуженъ. Сладкій сонъ и въ бурю храбрыхъ успокоитъ.
«Въ мечтахъ напомнитъ славу онъ и силу ратниковъ удвоитъ.

«Кто жизни не щадилъ своей, въ разбояхъ злато добывая,
«Тотъ думать станетъ ли о ней, за Русь Святую погибая.

«Своей и вражьей кровью смывъ всѣ преступленья буйной жизни,
«Мы за побѣды заслужимъ благословенія отчизны.

«**Намъ смерть не можетъ быть страшна, – свое мы дѣло совершили:**
«**Сибирь Царю покорена, и мы не праздно въ мірѣ жили**»...

Подъ грохотъ бури, шумъ дождя, Кучумъ, презрѣнный царь Сибири,
Къ дружинѣ славнаго вождя, не думавшей о бранномъ пирѣ

И мирно дремлющей въ шатрахъ, прокрался тайною тропиной...
И пала грозная въ бояхъ, не обнаживъ мечей, дружина.

Ермакъ воспрянулъ ото сна и, гибель зря, несется въ волны.
Душа отвагою полна, но далеко отъ брега челны.

Иртышъ волнуется сильнѣй. Ермакъ всѣ силы напрягаетъ,
Рукой могучею своей сѣдыя волны разсѣкаетъ.

Но тяжкій панцырь, даръ Царя, сталъ гибели его виною
И въ бурны волны Иртыша онъ погрузилъ на дно героя.

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ, во мракѣ молнія блистала,
И безпрерывно громъ гремѣлъ,—но Ермака уже не стало...

Пѣсня Сибирскихъ казаковъ.

IV. Казаки Западные—Днѣпровскіе.

Образованіе Днѣпровскаго казачества. Основаніе Запорожской Сѣчи. Реестровые казаки. Охочекомонные полки. Постепенное развитіе Малорусскаго казачества. Отношеніе его къ государственной власти. Отличительныя черты Западнаго казачества.

Къ началу XVI вѣка Кіевская Русь (Волынь, Подолія и Поднѣпровье) входила въ составъ Великаго Княжества Литовскаго. Литовская степная «украйна», какъ и Московская, терпѣла постоянныя разоренія отъ хищныхъ татарскихъ ордъ, налетавшихъ на Русь изъ Крымскихъ степей, и Литовскому государству также приходилось принимать всѣ возможныя мѣры къ охранѣ своей южной границы. Подобныя причины всегда порождаютъ и одинаковыя послѣдствія, а потому и въ Западной (Малой) Руси мы также встрѣчаемся съ казачествомъ, которое и здѣсь принимаетъ **двѣ тѣ же основныя формы городовые полки и вольная община**.

Однако, разсматривая вопросъ о возникновеніи казачества въ Западной Руси, мы легко замѣтимъ, что развитіе Днѣпровской вольной общины уже съ самаго начала идетъ совершенно инымъ путемъ.

Въ то время какъ въ Руси Восточной вольныя общины зарождаются сами собой и первоначальное ихъ развитіе, устройство и обычаи слагаются внѣ всякаго воздѣйствія со стороны государственной власти, которая только съ теченіемъ времени, по мѣрѣ своего усиленія и роста, прибираетъ казаковъ къ рукамъ, на западѣ дѣло идетъ совсѣмъ обратнымъ порядкомъ: основаніе Запорожью кладется самимъ правительствомъ въ пору

его наибольшей силы, а затѣмъ, по мѣрѣ ослабленія центральной власти и расшатыванія государства отъ той же злосчастной борьбы за власть, первоначально государственное учрежденіе начинаетъ обособляться, становится во враждебное отношеніе къ государству, а затѣмъ, окончательно окрѣпнувъ, вступаетъ съ нимъ въ борьбу и выходитъ изъ этой борьбы побѣдителемъ.

Въ началѣ XVI вѣка нападенія Крымцевъ на Литву стали дѣлаться все грознѣе и опустошительнѣе. Въ 1506 году Польша принуждена была даже согласиться платить Крымскому хану ежегодную дань въ 15000 червонцевъ. Но не помогло и это: и здѣсь надо было силѣ противопоставить силу...

И вотъ, когда въ 1511 г. для обсужденія вопроса о защитѣ отъ Крымцевъ былъ созванъ въ гор. Піотрковѣ большой сеймъ[17]), то воевода Дашковичъ, незадолго передъ тѣмъ (въ 1504 г.) побывавшій въ Москвѣ, гдѣ онъ, конечно, имѣлъ полную возможность ознакомиться съ порядками «береговой и станичной службы», предложилъ собранію организовать передовую охранную линію въ низовьяхъ Днѣпра. «Необходимо для сего», сказалъ онъ, «учредить дѣятельную стражу только изъ двухъ тысячъ воиновъ. Они могли бы разъѣзжать на малыхъ судахъ и лодкахъ между днѣпровскими островами и порогами, препятствуя переправѣ татарской. Для прикрытія сей стражи острова слѣдуетъ укрѣпить, а для доставленія ей жизненныхъ припасовъ нужно не болѣе 500 всадниковъ».

Надо полагать, что въ ту пору за порогами, въ Низу и по Великому Лугу еще не было никакихъ казачьихъ организацій, а если и попадались тамъ одиночные удальцы, промышлявшіе охотой и рыболовствомъ, то они, видимо, не представляли сколько-нибудь значительной силы, иначе Дашковичъ не обошелъ бы ихъ молчаніемъ, внося предложеніе объ учрежденіи ничего иного, какъ столь прославившейся впослѣдствіи Запорожской Січи.

Сеймъ съ одобреніемъ отнесся къ проекту Дашко-

---

[17]) Польско-Литовское государство управлялось королями, зависѣвшими отъ рѣшеній сеймовъ, собраній народныхъ представителей.

вича и постановилъ содержать на Низу четырехтысячное войско, на вооруженіе и содержаніе котораго собрать особый земельный налогъ, въ первый годъ по 18 грошей съ десятины, а въ слѣдующій по 12-ти. Это войско должно было охранять Подолію. Устройство всей этой пограничной стражи поручено было тому-же Дашковичу, который дѣятельно принялся за осуществленіе своего великаго, какъ оказалось, плана. Именно этимъ то обстоятельствомъ и объясняется, что въ запорожскомъ внутреннемъ строѣ, быту и порядкахъ съ первыхъ же шаговъ бросаются въ глаза черты военнаго устройства какъ древнихъ государствъ Рима и Спарты, такъ и позднѣйшихъ рыцарскихъ орденовъ.

Повидимому, эти четыре тысячи воиновъ содержались въ Запорожьи не постоянно, а раздѣленные на двѣ части поочередно смѣняли другъ друга, потому что еще даже въ 1532 году запорожцевъ въ Низу насчитывалось только около двухъ тысячъ человѣкъ. Такимъ образомъ уже съ самаго начала казачество Днѣпровское дѣлится на два разряда: служащіе на самомъ кордонѣ и состоящіе дома на учетѣ, на льготѣ, подобно тому, какъ и нынѣ казачьи первоочередныя части содержатся на Персидской, Турецкой и иныхъ границахъ, а отбывшіе свой срокъ проживаютъ дома до того времени, пока обстоятельства не призовутъ и ихъ подъ знамена.

Уже съ 1516 года запорожцы съ Дашковичемъ во главѣ начинаютъ показывать свою дѣятельность. Болѣе 1200 удальцовъ совершаютъ набѣгъ на турецкія владѣнія, доходятъ до Бѣлграда (Акъ-Кермана), разбиваютъ встрѣчные татарскіе отряды и отгоняютъ въ свой «острогъ»—«Січь»—до 500 лошадей и до 3000 головъ скота.

Съ теченіемъ времени все дальше и дальше распространяется кругъ дѣятельности запорожцевъ, все смѣлѣе и опустошительнѣе становятся ихъ набѣги.

Въ 1515 и въ 1521 годахъ Дашковичъ съ запорожцами воюетъ противъ Москвы въ составѣ Крымскаго войска, что однако нисколько не помѣшало ему вскорѣ дважды (въ 1522 и 1523 годахъ) вторгнуться въ Крымъ и разгромить его, дѣйствуя совмѣстно съ ногайцами. Эти походы кладутъ начало будущей неустойчивости за-

порожской политики: образованное собственно для борьбы съ Крымомъ запорожское войско, по требованію враждебной Москвѣ Польши, не разъ совершаетъ набѣги на Московскія украйны и въ союзѣ съ бусурманами льетъ неповинную братскую христіанскую кровь.

Почти одновременно съ учрежденіемъ Запорожья возникаетъ **Литовское городовое казачество—казаки реестровые**. Вскорѣ же послѣ Піотрковскаго сейма обнаружилось съ полной ясностью, что стража, поставленная на Низу, можетъ прикрывать Украйну только отъ прорыва мелкихъ партій и шаекъ, для борьбы же съ значительными отрядами она недостаточно сильна, и единственно, чѣмъ можетъ служить, такъ это только своевременнымъ извѣщеніемъ населенія о походѣ непріятеля. Необходимо было прибѣгнуть къ организаціи вооруженныхъ силъ и внутри страны. Въ этихъ видахъ польское правительство рѣшило воспользоваться воинственными наклонностями украинскаго населенія и сформировать изъ него милиціонное войско.

Устройство этой милиціи было поручено гетману[18]) Рожинскому. Онъ учредилъ, около 1514 года, двадцать мѣстныхъ полковъ, по 2000 казаковъ въ каждомъ. Полки эти дѣлились на сотни. Какъ тѣ, такъ и другія получали свое наименованіе по городамъ и мѣстечкамъ: «Кіевскаго полка Кіевская сотня» и т. д. Во главѣ полковъ и сотенъ стояли Полковники и Сотники, которые, будучи разъ выбраны, какъ и прочая «старшина» полковая и генеральная» (общевойсковая), «товариствомъ» (т. е. старшинами же) и «громадою» (обще-казачьей массой), оставались въ своихъ должностяхъ впредь до смерти или до избранія въ высшій чинъ и на прокормленіе себѣ получали «ранговыя маетности», т. е. деревни крестьянъ, мельницы и др. имѣнія, принадлежавшія не личности, а «рангу»—должности, чину.

Всѣмъ малороссіанамъ, зачисленнымъ въ казаки этихъ милиціонныхъ полковъ, былъ составленъ именной списокъ—«**реестръ**», почему они и получили названіе «реестровыхъ» (списочныхъ) казаковъ. Половина казаковъ

---

[18]) Командующему войсками въ Малороссіи.

должна была быть конная—для дѣйствій въ полѣ, а половина пѣшая—для обороны городовъ, мѣстечекъ и замковъ. Одежда и вооруженіе ихъ было однообразное, но заготовлялось на собственный счетъ; конница вооружена была ружьями, пистолетами, саблями и копьями, пѣхота—ружьями, копьями и кинжалами. Въ походахъ реестровые казаки получали отъ казны жалованье, а въ случаѣ продолжительной войны и нѣкоторую одежду. Въ мирное время казаки питались отъ своихъ трудовъ: занимались хозяйствомъ, ремеслами, торговлей. Отбывая службу государству лично въ составѣ вооруженныхъ силъ, казаки освобождались отъ всѣхъ прочихъ повинностей и налоговъ, а также и отъ барщины, которую отбывало «посполъство»—простой народъ.

Однако уже при первой организаціи народныхъ массъ въ вооруженныя силы оказалось въ наличности не малое число охотниковъ—«гультяевъ», не вошедшихъ въ реестръ, но чувствовавшихъ влеченіе къ военной службѣ. Чтобъ использовать и ихъ на дѣло государственной обороны, были образованы полки **охочекомонныхъ** (конныхъ охотниковъ) казаковъ. Эти полки поступили подъ начальство особымъ, назначаемымъ Гетманомъ, полковникамъ, по именамъ которыхъ и назывались. Число охочекомонныхъ полковъ мѣнялось въ зависимости отъ войны и мира, опускаясь до пяти и поднимаясь до двадцати, а иногда и болѣе полковъ.

Такова была первоначальная организація малорусскаго казачества, съ теченіемъ времени претерпѣвшая длинный рядъ измѣненій.

Прибѣгнувъ въ минуту нужды къ такой чрезвычайной мѣрѣ, какъ учрежденіе постоянной народной милиціи, польско-литовское правительство, по мѣрѣ того, какъ опасность турецкаго и татарскаго нашествія становилась все менѣе грозной и вѣроятной, начинаетъ подозрительно относиться къ казачеству, страшась той силы, которой само же создало стройную организацію. Въ 1569 г. Литва и Польша окончательно соединяются въ одно государство, и при учрежденіи новыхъ порядковъ казачьи полки поступаютъ подъ начальство особаго «казачьяго старшого», непосредственно подчиненнаго коронному Гет-

ману. Спустя нѣсколько лѣтъ (въ 1576 г.), польскій король Стефанъ Баторій принимаетъ уже болѣе рѣшительныя мѣры по отношеніи къ казачеству: онъ уменьшаетъ реестръ до 6000 человѣкъ. Эта мѣра приводила къ тому, что болѣе 30000 реестровыхъ казаковъ лишились казачьихъ правъ и привелегій, обращаясь въ «посполъство» и рискуя попасть затѣмъ въ холопы къ польскимъ помѣщикамъ.

Впрочемъ, мѣры эти приводятъ совсѣмъ не къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыхъ ожидалъ Баторій. Недовольство въ Украйнѣ достигаетъ высшей степени напряженія. Лишенные правъ реестровые толпами бѣгутъ на «Низъ», въ Запорожье и тѣмъ только способствуютъ ускоренію начавшагося уже созданія запорожской независимости. Баторій принимаетъ (1579 г. и слѣд.) безплодныя попытки обуздать своеволіе запорожцевъ, но это приводитъ только къ тому, что въ 1589 году въ Запорожскомъ «Кошѣ» насчитывается уже около 20000 казаковъ. Они сами избираютъ себѣ кошевого атамана, вопреки всѣмъ запретамъ короля польскаго. Успѣхи казацкихъ набѣговъ къ тому времени создаютъ уже такую славу запорожскому оружію, что въ 1594 году императоръ австрійскій Рудольфъ II завязываетъ съ ними непосредственныя дипломатическія сношенія: императорскій посолъ Эрикъ Лассота является въ Січъ съ предложеніемъ союза для дѣйствій противъ Турціи.

Такимъ образомъ къ концу XVI в. Запорожье совершенно освободилось отъ подчиненія польскому правительству. Но зато, если когти и зубы Днѣпровскаго казачества вышли изъ-подъ власти Польши, все же тѣло его и хвостъ оставались по прежнему въ польскихъ рукахъ. И вотъ, въ отместку за освобожденье Запорожья, на реестровыхъ казаковъ начинаетъ сыпаться цѣлый рядъ ограничительныхъ мѣръ и притѣсненій. Сеймъ 1590 года прямо ставитъ вопросъ объ обузданіи казаковъ и въ этихъ видахъ лишаетъ ихъ избирательныхъ правъ. Старшина казачья, не исключая и сотниковъ, уже назначается короннымъ гетманомъ изъ польской шляхты (дворянства). Эти мѣры еще болѣе усиливаютъ общее недовольство казачества. Украйна начинаетъ волновать-

ся, и въ 1592 году вспыхиваетъ первое возстаніе Малороссіи противъ Польши. Возстаніе это оказывается неудачнымъ, и зачинщикъ его гетманъ (изъ польской же шляхты) Косинскій предается казни.

Хотя первоначальное устройство Днѣпровскаго казачества создавалось, очевидно, по примѣру Московской украйны, однако уже съ первыхъ шаговъ обнаруживается большая разница въ ходѣ развитія западной вѣтви казачества, вызывающаяся особенностями польско-литовскаго государственнаго строя.

Двѣ рѣзкихъ черты отличаютъ Днѣпровскихъ казаковъ отъ ихъ восточныхъ собратій.

Въ то время, какъ вольныя **казачьи общины Востока**, уже съ самаго возникновенія своего, были **совершенно независимы отъ казачества городового**, Днѣпровскіе казаки, хотя и дѣлятся на свободныхъ запорожцевъ и на городовыхъ—реестровыхъ, все-же представляютъ изъ себя одну массу, одно тѣло, подобно тому, какъ въ наши дни первоочередные полки составляютъ одно цѣлое съ казаками, живущими на льготѣ въ станицахъ того же полкового округа. Казаки то живутъ у себя дома по городамъ, селамъ, хуторамъ и мѣстечкамъ, то идутъ «погулять» на Великій Лугъ, «славы залучати»... А совершивъ рядъ цѣлый удалыхъ походовъ, возвращаются они снова въ родныя хаты къ своему семейству, гдѣ вѣрныя жены, окруженныя ребятишками, ведутъ ихъ незатѣйливое хозяйство. Женщины не допускаются въ Запорожскую Сѣчъ. Она не столица новаго народа или государства, а только военный станъ, укрѣпленный лагерь.

Совсѣмъ не то на Дону, Волгѣ, Яикѣ, Терекѣ... Идя на «запольныя» рѣки, вольный казакъ бросалъ все на своей прежней родинѣ разъ навсегда и не возвращался ужъ больше къ покинутому роду-племени. Совершенно новую жизнь начиналъ онъ въ далекихъ вольныхъ городкахъ, гдѣ обзаводился новой женой, новой домашностью.

Другой отличительной чертой является **сословность**, духомъ которой проникнуто западное казачество отъ начала до конца. Здѣсь каждый казакъ разнится отъ окружающихъ его представителей другихъ сословій, неся

совершенно другія обязанности и пользуясь совершенно особыми правами. Казачество въ Польско-Литовскомъ государствѣ является только среднимъ, полудворянскимъ полукрестьянскимъ сословіемъ, совершенно въ родѣ великорусскихъ однодворцевъ,—и ничѣмъ другимъ. Посполъство всякими путями стремится попасть въ казаки, а казаки, въ свою очередь, всѣми правдами и неправдами стараются проникнуть въ ряды шляхетства.

И опять-таки совсѣмъ не то на Востокѣ. Правда, Московское городовое казачество тоже представляетъ изъ себя что-то въ родѣ сословія, хотя и не вполнѣ: помѣстные уѣздные казаки мало чѣмъ разнятся отъ дѣтей боярскихъ, а безмѣстные полковые почти не отличаются отъ конныхъ и пѣшихъ стрѣльцовъ, съ которыми въ послѣдствіи и сливаются окончательно. Что же касается до вольныхъ казачьихъ общинъ, то въ нихъ мы на первыхъ порахъ наталкиваемся, какъ это было указано въ предыдущей главѣ, на ясно выраженную и послѣдовательно проведенную въ жизненный обиходъ полную безсословность. **Всѣ казаки равны между собой, и особыми правами пользуются только должности, а не лица.** Нѣтъ у нихъ ни пановъ, ни простолюдиновъ, ни князей, ни холоповъ. Вчерашній казакъ становится станичнымъ, походнымъ или даже войсковымъ атаманомъ, а завтра опять возвращается въ первобытное состояніе и дѣлается снова рядовымъ каказомъ, какъ и былъ прежде.

И только лишь впослѣдствіи (въ XVIII и, особенно, въ XIX вѣкахъ) искусственно, со стороны вносится въ казачество сословная рознь, создается пожизненная старшина, начавшая борьбу съ остальной казачьей массой и въ этой борьбѣ погубившая былыя казачьи вольности и права.

Къ концу же XIX вѣка казачество цѣликомъ превращено въ своего рода сословіе, хотя все-таки живы и въ наши дни въ сознаніи народномъ остатки прежней безсословности: и генералъ, и чиновникъ, и урядникъ, и рядовой всѣ дома въ станицѣ и теперь еще равные братья казаки; и если даже по законамъ въ настоящее время казаки могутъ принадлежать или не принадлежать къ другимъ сословіямъ, —дворянскому, духовному,

купеческому и т. д., и даже имѣть титулы князей, графовъ и т. п., значитъ еще и донынѣ казачество представляетъ изъ себя не сословіе, не «воинскую касту», какъ это думаютъ и говорятъ многіе по незнакомству со строемъ казачьей жизни, а своеобразный, только на русской почвѣ создавшійся всесословный общественно-экономическій союзъ, въ качествѣ котораго каждое казачье войско владѣетъ землями, водами, капиталами, пользуется особыми правами и несетъ предъ государствомъ особыя обязанности.

Закувала та сива зозуля.

Закувала та сыва зозуля ранымъ-рано на зори,
Гей заплакалы хлопци-молодци
Та на чужбини, въ неволи въ тюрьми.
Воны плакалы, гирко рыдалы, свою долю выклыкалы.
«Гей повій, повій, та буйнесенькій вітеръ,
«Гей та понеси насъ на Украину,
«А на Украини тамъ сонечко сяе,
«Козацьтво гуляе и насъ выклыкае»...
По синему морю байдаки пидъ витромъ гуляють,
Brативъ щобъ рятуваты,—запорожци чимъ дужъ поспишають...
Гей якъ зачулы турецки султаны,
Тай звелилы ще гирши куваты кайданы.

Малороссійская казачья пѣсня.

V. Казачьи походы.

Казаки и басурмане. Походы Гетмана Богдана 1576—1578 г.г. Азовское сидѣніе 1641 г. Морскіе набѣги Донцовъ и Запорожцевъ. Казаки на Каспіи.

Вторая половина XVI вѣка и весь XVII—время наибольшаго развитія казачьихъ силъ. Въ эти полтораста лѣтъ казачество растетъ, крѣпнетъ, вырабатываетъ свой строй, завоевываетъ себѣ положеніе крупной государственной силы и совершаетъ длинный рядъ изумительныхъ подвиговъ, создавшихъ казачеству ту громкую боевую славу, которой оно пользуется и донынѣ.

Героическая отвага, безшабашная удаль и безумная храбрость казачьихъ набѣговъ XVI—XVII в.в. превосходитъ всякое вѣроятіе.

На своихъ утлыхъ челнахъ[19]) казаки совершали лихіе набѣги на отдаленнѣйшіе берега Чернаго и Каспійскаго морей. Не страшили казаковъ ни морскія «хуртины», ни многопушечные турецкіе корабли. Вооруженные только ружьями и саблями, они смѣло налетали на турецкія «бусы-галеры»[20]), брали ихъ въ рукопашную, истребляли всѣхъ сопротивлявшихся, а томившихся на каторгахъ[20]) плѣнниковъ-христіанъ отпускали на свободу.

Уже съ самаго начала казачества мы замѣчаемъ въ

---

[19]) Казачьи «струги» (у запорожцевъ «чайки», или «дубы», въ старину «однодревки») имѣли 6—8 саж. длины, а ширины всего отъ 1 саж. до $1^1/_2$.

[20]) Галерами, или каторгами, назывались большіе военные корабли, ходившіе на веслахъ. Бусы—морскія торговыя суда.

немъ бóльшую связь по фронту, чѣмъ въ глубину. Для общаго дѣла борьбы съ мусульманскимъ Востокомъ собираются казаки съ разныхъ вольныхъ рѣкъ вмѣстѣ и заодно предпринимаютъ свои сокрушительные набѣги: по Черному морю шныряютъ Донцы и Запорожцы, вмѣстѣ грабятъ они турецкія суда, вмѣстѣ «шарпаютъ берега» Анатоліи, вмѣстѣ воюютъ Крымъ. Какъ Черкасы (запорожцы) на Дону, такъ и Донцы въ Запорогахъ—свои люди. Здѣсь объединяются всѣ казацкія силы Запада и Востока. Постоянные гости на Дону и казаки Волжскіе, Яицкіе, Гребенскіе. Вмѣстѣ ходятъ они въ Крымъ, на Каспійское море, въ Персію, Закавказье.

Воюетъ каждое казачье войско и ближайшихъ своихъ сосѣдей-враговъ: Запорожцы—Буджакъ и Крымъ; Донцы—Крымъ, Азовъ, Кубанскихъ Черкесъ и Ногаевъ; Гребенцы—Черкесъ, Кабарду, Ногаевъ, Калмыковъ и Кумыковъ; Яицкіе казаки—Хиву, Бухару, Киргизъ и др. степныхъ кочевниковъ; Сибирцы—«чукчей и олюторовъ», якутъ, бурятъ и т. д.

Всѣмъ бусурманамъ достается отвѣдать на себѣ безшабашной казачьей удали. Все чаще и настойчивѣе слышатся жалобы турокъ, крымцевъ, ногайцевъ на казачьи набѣги. Безъ этихъ жалобъ не обходятся ни встрѣча, ни проводы русскихъ пословъ въ Крыму, Кафѣ, Азовѣ, Царь-Городѣ.

Около 1550 г. Турецкій Султанъ пишетъ ногайскимъ князьямъ: «Въ нашихъ бусурманскихъ книгахъ пишется, что русскаго Царя Ивана лѣта пришли; рука его надъ бусурманами высока; уже мнѣ отъ него обиды великія; поле все и рѣки отъ меня поотнималъ. Донъ у меня отнялъ, въ Азовѣ поотнималъ всю волю: казаки его съ Азова оброкъ берутъ, воды изъ Дону пить не дадутъ. А Крымскому царю также обиду дѣлаютъ великую: Перекопъ воевали. Русскіе же казаки Астрахань взяли, оба берега Волги отняли и ваши улусы воюютъ. Какъ вы за это стоять не умѣете. Казань теперь какъ воюютъ!... А въ Казани же наша вѣра бусурманская. И всѣ мы, бусурмане, сговорились: станемъ отъ Русскаго Царяборониться заодно».

Однако, всѣ эти «бусурманскіе сговоры» ни къ чему

не приводили. Не помогали и вѣчныя жалобы Царю Московскому, сопровождавшіяся просьбой свести казаковъ съ Дона и съ Терека. Не надѣялись бусурманы ни на быстроходные корабли свои, ни на лучшее вооруженіе, ни на сильныя крѣпости. Князья и мурзы крымскіе говорятъ хану: «Если придетъ много людей на судахъ, то города ихъ не остановятъ. Вѣдь казакъ--собака: когда и на корабляхъ приходятъ на нихъ турецкіе стрѣльцы, то они и тутъ ихъ побиваютъ и корабли берутъ».

Оно и понятно. Въ бою не жалѣли казаки своихъ головъ, но зато потоками лилась бусурманская кровь. И только благодаря невѣроятной храбрости казаковъ, ихъ безшабашной удали, создалась та слава казачья, которая заставляла врага дрожать уже при одномъ только имени казака. Казаки пришли—значитъ все погибло! спасайся, кто можетъ, а о сопротивленіи нечего и думать... Нечего и на милость разсчитывать. Кафа, Козловъ, Очаковъ, Синопъ, Трапезондъ, даже самъ Царь-градъ, вѣчно трепетали подъ угрозой казачьихъ набѣговъ.

Совершали казаки и сухимъ путемъ блестящіе походы въ глубину бусурманскаго края. Особенно успѣшенъ былъ походъ гетмана Богдана и есаула Нечая въ 1576—1578 годахъ, когда казачья армія побѣдоносно прошла сухимъ путемъ вокругъ всего Чернаго моря. Пославъ есаула Нечая на лодкахъ съ 5000 запорожцевъ, гетманъ Богданъ съ остальнымъ войскомъ двинулся прямо на Крымъ. Разгоняя встрѣчные передовые татарскіе отряды, онъ уже приближался къ Перекопу, когда навстрѣчу казакамъ выступилъ ханъ Давлетъ-Гирей со всѣми крымскими силами. Произошло жестокое кровопролитное сраженіе. Болѣе часа шла орудійная пальба. Татары пустили въ дѣло свой резервъ—панцырныхъ всадниковъ, но истощивъ всѣ усилія, ничего не достигли. Казаки, ободренные неудачей противника, съ новою рѣшимостью ударили на врага, потѣснили его и обратили въ бѣгство. Разгромивъ крымцевъ, перебивъ и перетопивъ въ морскомъ заливѣ цѣлыя тысячи враговъ, казаки подступили къ стѣнамъ Перекопа. Конница обошла Перекопскіе валы и рвы по водѣ съ фланга, ударила въ тылъ защитникамъ. Перекопъ былъ взятъ: гар-

низонъ, упорно сопротивлявшійся, вырѣзанъ, укрѣпленія разрушены, а городъ преданъ пламени.

Отъ Перекопа гетманъ поспѣшилъ противъ Кафы, которую уже обложилъ съ моря Нечай. Недолго продержалась Кафа,—рѣшительнымъ приступомъ казаки овладѣли городомъ, не ожидавшимъ опасности съ суши. Изъ Кафы казаки пошли на Бахчисарай и Козловъ, куда двинулся моремъ и Нечай. Видя неминуемую гибель, ханъ попросилъ мира. Гетманъ не сталъ бить лежачихъ: освободивъ всѣхъ христіанъ, томившихся въ крымской неволѣ, онъ съ богатой добычей вернулся въ Малороссію, чтобы на слѣдующій годъ съ новыми силами нанести ударъ уже самому оплоту мусульманства—Турціи.

Отправивъ Нечая опять моремъ съ 3000 запорожцевъ, гетманъ Богданъ съ сухопутнымъ коннымъ и пѣшимъ войскомъ прошелъ Крымскія и Донскія степи, переправился черезъ Кубань въ земли черкесовъ, признававшихъ надъ собою главенство Турціи, и предалъ огню и мечу все черноморское побережье. Нечай дѣятельно содѣйствовалъ съ моря успѣху сухопутной арміи. Все сокрушая и опустошая на своемъ пути, казаки прошли Кавказъ, разграбили цвѣтущія поселенія въ окрестностяхъ Трапезузда и Синопа и по всему побережью Анатоліи до самаго Константинополя. Казаки все-таки не рѣшились штурмовать столицу мусульманскаго міра и, ограничившись опустошеніемъ ея окрестностей, прошли далѣе черезъ Европейскую Турцію, радушно встрѣчаемые единовѣрными и единоплеменными болгарами. Уничтожая на всемъ пути турокъ, захватывая ихъ крѣпости и города, казачье войско со славой и несмѣтной добычей возвратилось къ роднымъ очагамъ.

И такой блестящій походъ совершили казаки въ то время, когда вся Европа трепетала предъ грозой непобѣдимаго турецкаго оружія. Ужъ одного этого подвига было бы достаточно, чтобы обезсмертить казачью славу въ памяти потомства, даже если-бы казаки не совершали всѣхъ остальныхъ своихъ безчисленныхъ и безпрерывныхъ набѣговъ.

Ежегодно, не сухимъ путемъ, такъ моремъ, ходили казаки, то побуждаемые «нуждою великою, голодомъ и

холодомъ» зипуновъ добыть, то достать «языка» (плѣннаго) «для подлиннаго вѣдомства и прямыхъ вѣстей», а то и просто ратному дѣлу поучиться, «пороху понюхать». И теперь еще среди казаковъ держится пословица: «Какая жъ кума, коль у кума не была,—какой же казакъ, коль пороху не нюхалъ».

Казачество само заботилось о развитіи казачей удали, силы и храбости Кромѣ войны, рыболовства да охоты, казакъ знать не хотѣлъ другихъ занятій. Вспомнимъ приведенное выше (гл. IV) постановленіе Донского войскового круга о преданіи смертной казни казаковъ-землепашцевъ, «дабы воинскимъ промысламъ помѣшки не было». Казачьи городки держались не крѣпостью стѣнъ своихъ, а только мужествомъ защитниковъ. Хоть небогаты и незатѣйливы были городки казачьи, такъ какъ не строили себѣ казаки хоромъ высокихъ да украшенныхъ, «дабы не игралъ на нихъ глазъ вражескій», все же до послѣдней капли крови стояли казаки и за свои «щепки».

Впрочемъ, охотнѣе бились они въ широкомъ морскомъ или степномъ просторѣ. «Мы не городоемцы, не гододержцы», говорили Донцы Московскому Царю, прося принять отъ нихъ въ даръ взятую у турокъ сильную крѣпость Азовъ. «А взяли мы его», говорили они, «для опыту: посмотримъ де, что за турскіе люди въ городѣхъ сидятъ; и въ осаду въ немъ сѣли для опыту-жъ, посмотримъ мы турецкихъ умовъ и промысловъ». А между тѣмъ и Азовское взятіе 1637 года и, особенно, Азовское осадное сидѣніе 1641 года, о которомъ такъ шутя отзываются сами герои-казаки, все дѣла небывалыя и не имѣющія себѣ равныхъ въ лѣтописяхъ военныхъ подвиговъ.

Когда казачьи набѣги къ началу XVII вѣка достигли своего наибольшаго развитія, турецкое правительство озаботилось обращеніемъ стоявшаго въ низовьяхъ Дона города Азова въ сильную крѣпость, дабы запереть выходъ изъ Дона въ море. Какъ бѣльмо на глазу сталъ казакамъ Азовъ, лежавшій всего въ 30 верстахъ отъ нижняго казачьяго городка. И вотъ начинается борьба за обладаніе Азовомъ, борьба, поглотившая тысячи

жертвъ съ обѣихъ сторонъ и закончившаяся уже только вторымъ Азовскимъ походомъ Петра Великаго.

Еще въ 1634 году Донцы и Запорожцы подступили къ Азову, бомбардировали его, разрушили во многихъ мѣстахъ стѣну и едва его не взяли, такъ какъ только совершенный недостатокъ въ огнестрѣльныхъ припасахъ принудилъ ихъ отказаться отъ мысли о штурмѣ и отступить.

Наконецъ, въ началѣ 1637 года, порѣшили казаки покончить съ Азовцами, «учинить промыселъ надъ Азовомъ» и отнять его у турокъ. Чувствуя однако недостатокъ въ огнестрѣльныхъ припасахъ и не надѣясь, что Москва пришлетъ эти припасы для наступательныхъ дѣйствiй, казаки пускаются на хитрость. Отправляютъ они посольство въ Москву во главѣ съ атаманомъ Иваномъ Каторжнымъ съ грамотою къ Царю, въ которой, между прочимъ, пишутъ: «въ прошлыхъ во многихъ годахъ была твоя государская къ намъ, холопамъ твоимъ, милость, жалованье денежное, и сукна, и запасы всякiе, а въ прошломъ 1636 году твоего жалованья не было, а мы помираемъ голодною смертью, а взять, кромѣ твоей государской милости, негдѣ. Многiя орды на насъ похваляются, хотятъ подъ наши казачьи городки войною приходить и наши нижнiе казачьи городки разорить, а у насъ свинцу, ядеръ и зелья (пороху) нѣту»... Такимъ образомъ, не раскрывая своихъ тайныхъ плановъ относительно наступленiя на Азовъ, казаки просятъ запасовъ якобы для защиты своихъ собственныхъ городковъ. Просьба ихъ была уважена, и Государь приказалъ выслать къ нимъ на Донъ все необходимое.

А тѣмъ временемъ, пока атаманъ Каторжный ѣздилъ въ Москву, на Дону былъ великiй войсковой кругъ. Низовые городки, начавъ сборы въ походъ, послали въ верховые (лежащiе въ верхнемъ теченiи Дона) городки и по всѣмъ рѣчкамъ, велѣли всѣмъ быть на съѣздъ въ нижнiй городокъ. Въ виду предстоящаго великаго общаго дѣла всѣмъ казакамъ, которые за свои проступки и преступленiя состояли «въ запрещеньѣ отъ войска», т. е. были лишены казачьихъ правъ, объявлено было полное прощенiе и забвенiе вины. Изо всѣхъ юртовъ съѣ-

хались казаки и приговорили—итти всѣмъ войскомъ подъ Азовъ, промыселъ надъ нимъ учинить. Въ это же время прибыло на Донъ прямо степью около тысячи Запорожцевъ, чтобы уговориться итти вмѣстѣ на море. Узнавъ о задуманномъ завоеванiи самаго Азова, Запорожцы постановили присоединиться къ Донцамъ.

Въ среду на Ѳоминой недѣлѣ, 21-го Апрѣля 1637 года, казаки выступили въ походъ въ числѣ 4400 человѣкъ. На Дону на ту пору былъ проѣздомъ въ Москву турецкiй посолъ Ѳома Кантакузинъ. Его казаки оставили въ своихъ куреняхъ подъ стражей. Кантакузинъ сдѣлалъ было попытку оповѣстить Азовцевъ, чтобы тѣ не сдавались, такъ какъ у казаковъ боевыхъ припасовъ немного, а изъ Москвы еще новыхъ не получено, но посланные его были перехвачены, а когда прибылъ изъ Москвы атаманъ Каторжный съ царскимъ «жалованьемъ», то надъ Кантакузиномъ былъ наряженъ войсковой судъ, на которомъ онъ былъ присужденъ къ смерти и тутъ же (4-го iюня) былъ казненъ со всѣми своими людьми.

Недолго продержались Азовцы въ осадѣ,—18 iюня крѣпость взята была приступомъ, всѣ жители, кромѣ грековъ, перебиты, а плѣнные христiане выпущены на свободу. Казаки занялись приведенiемъ въ порядокъ взятаго города, а тѣмъ временемъ отправили въ Москву посольство съ извѣстiемъ, что они турскаго посланника Кантакузина порубили, Азовъ городъ взяли и ни одного человѣка Азовскаго ни на степи, ни на морѣ не упустили,—всѣхъ порубили.

Извѣстiе это, съ одной стороны, обрадовало Москву, которой, конечно, на руку было паденiе грозной турецкой крѣпости, а съ другой стороны Москва оказывалась въ очень неловкомъ положенiи, такъ какъ изъ-за этого дѣла легко могъ произойти разрывъ съ Турцiей, грозившiй трудной войной, къ которой государство не было готово. Поэтому въ сентябрѣ того же года Царь отправилъ къ султану грамоту, въ которой, выгораживая себя, писалъ, что казаки взяли Азовъ «воровствомъ» (т. е. самовольно, безъ приказу), что Донскiе казаки издавна воры, бѣглые холопы и царскаго повелѣнья ни въ чемъ не слушаютъ, а рати Московской по-

слать на нихъ нельзя, потому что живутъ въ дальнихъ мѣстахъ: «а вамъ бы, брату нашему, на насъ досады и нелюбья не держать за то, что казаки посланника вашего убили и Азовъ взяли: это они сдѣлали безъ нашего повелѣнья, самовольствомъ, и мы за такихъ воровъ (беззаконниковъ) никакъ не стоимъ, и ссоры за нихъ никакой не хотимъ, хотя ихъ, воровъ, всѣхъ въ одинъ часъ велите побить; мы съ вашимъ султановымъ величествомъ въ крѣпкой братской дружбѣ и любви быть хотимъ». Впрочемъ, безъ непріятностей дѣло все-таки не обошлось: въ сентябрѣ крымцы подъ начальствомъ ханскаго брата Нуръ-Эддина опустошили Московскую Украйну, при чемъ ханъ Богадуръ-Гирей писалъ въ Москву, что это дѣлается по приказу султана въ отместку за взятіе Азова. Однако казаковъ крымцы тронуть побоялись и даже не сдѣлали ни малѣйшей попытки отбить крѣпость обратно.

Что же касается до самого султана Мурада, то какъ не взбѣшенъ онъ былъ потерей Азова, однако предпринимать ничего не рѣшался, такъ какъ въ то время велъ войну съ Персіей. Когда въ 1639 году эта война окончилась, въ Турціи начались дѣятельныя приготовленія къ войнѣ съ казаками, но смерть Мурада, послѣдовавшая въ 1640 году, оттянула дѣло, и только въ 1641 году наслѣдникъ его Ибрагимъ I двинулъ подъ Азовъ огромную армію въ 240000 человѣкъ при сотнѣ осадныхъ орудій.

Казаковъ въ городѣ было совсѣмъ немного: 5367 мужчинъ и около 800 женщинъ, а всего, значитъ, шесть тысячъ съ небольшимъ; казачекъ тоже надо ставить въ счетъ боевой силы, такъ какъ онѣ дѣятельно помогали защитѣ города. Въ это же время въ Азовѣ находились предводители возстанія за освобожденіе Малороссіи отъ гнета Польши—Остраныця и Гуня со своими товарищами.

Обложивъ городъ 24-го іюля, турки тщетно осаждали его два мѣсяца (по 26-е сентября) и принуждены были, наконецъ, отступить, потерявъ убитыми болѣе 20000 человѣкъ. Казаки послали въ Москву въ высшей степени любопытное по формѣ и по содержанію подроб-

ное описаніе своей **геройской обороны Азова. Это была оборона, которой не было, нѣтъ и не будетъ равной въ мірѣ!...** Шесть тысячъ защитниковъ и защитницъ выдержали двухмѣсячную осаду со стороны противника, превосходившаго въ 50 разъ своею численностью, снабженнаго въ избыткѣ артиллеріей и всякими припасами[21]), отбили 25 приступовъ и выдержали бомбардировку, не прекращавшуюся ни днемъ, ни ночью въ теченіи 16 сутокъ. «И отъ пушекъ ихъ громъ стоялъ», пишутъ казаки, «и огонь и дымъ топился отъ нихъ до неба; 16 денъ и нощей 16 не перемолкъ снарядъ ихъ пушечный ни на единый часъ. Всѣ наши Азовскія крѣпости распались, стѣны и башни всѣ и церковь Предотечева; и палаты всѣ до единыя разбили у насъ по подошву самую, и снарядъ нашъ пушечный переломали весь. Одна лише у насъ во всемъ Азовѣ-городѣ церковь Николы Чудотворца вполы (до половины) осталася; потому ея столько осталося, что она стояла внизу добрѣ, у моря, подъ гору. А мы отъ нихъ сидѣли по ямамъ всѣ, и выглянути намъ изъ нихъ не дадутъ... Почали уже они къ намъ метати въ ямы наши ядра огненныя, чиненныя (фугасныя бомбы), и всякія нѣмецкія приступныя мудрости. Тѣмъ намъ они чинили пуще приступовъ тѣсноты великія. Побивали многихъ насъ. Послѣ тѣхъ ядеръ огненныхъ, вымышляя они надъ нами умомъ своимъ, оставя они всѣ уже мудрости, почали насъ осиловать и доступать прямымъ боемъ, своими силами: почали они къ намъ въ приступъ присылать на всякій день людей своихъ, яныченъ (янычаръ) по 10000 человѣкъ: тѣ ужъ къ намъ приступаютъ ночь всю до свѣта. Ни на единъ часъ не дадутъ покою намъ: они бьются съ перемѣною день и нощь, чтобъ тою истомою осиловать насъ. Отъ такого ихъ злого ухищренія и промыслу отъ бѣсовскаго, и отъ тяжелыхъ ранъ своихъ, и отъ всякихъ осадныхъ лютыхъ нуждъ, и отъ человѣческаго трупія, отягчали мы всѣ многими болѣз-

---

[21]) У турокъ было 120 большихъ осадныхъ пушекъ (отъ одного пуда до двухъ ядро), 674 полевыхъ пушки и 32 мортиры, тогда какъ у казаковъ всего-на-всего имѣлось 12 пушекъ, и то стрѣлявшихъ только «дробомъ» (картечью).

ньми лютыми осадными. А сѣли въ малѣ дружинѣ своей: ужь только стало, перемѣниться нѣкѣмъ; ни на единый часъ отдохнуть намъ не дадутъ»...

Только закаленное въ бояхъ булатное казачье сердце могло перенести всѣ эти несказанные ужасы и до послѣдней минуты пылать твердой рѣшимостью лучше погибнуть всѣмъ до единаго, чѣмъ допустить себя до позора сдачи.

Войско Донское просило Царя принять отъ казаковъ Азовъ, добытый и удержанный съ такими жертвами и нечеловѣческими усиліями: «Мы наги, босы и голодны», писали они: «запасовъ пороху и свинцу нѣту, оттого многіе казаки хотятъ итти врознь, а многіе переранены». Царь послалъ казакамъ запасовъ и 5000 руб. денегъ, относительно же крѣпости порѣшилъ посовѣтоваться съ народомъ, для чего былъ созванъ въ январѣ 1643 года Земскій Соборъ. Когда все дѣло было доложено Собору, то онъ постановилъ передать рѣшеніе вопроса на благоусмотрѣніе Царя, города же и области выразили готовность не жалѣть ни жизни, ни имущества, если потребуется. Посланные для осмотра крѣпости царскіе довѣренные донесли, что городъ разбитъ и разоренъ до основанія, скоро его поправить никакъ нельзя и отъ воинскихъ людей защищаться не въ чемъ. Царь порѣшилъ, что отстаивать отъ турокъ Азовъ пришлось бы съ крайнимъ напряженіемъ всѣхъ силъ государства, а оно и безъ того страшно разорено и ослаблено, а потому послалъ 30-го апрѣля 1643 года казакамъ грамоту съ повелѣніемъ покинуть Азовъ. Казаки вышли изъ города на Махинъ островъ, куда перевезли свои трофеи и запасы, а Азовъ предали окончательному разрушенію, такъ что турецкая армія, явившаяся для новой осады, нашла на мѣстѣ грозной крѣпости только безпорядочныя груды развалинъ.

Какъ бы то ни было, а казаки добились своего: выходъ на море былъ вновь свободенъ, и снова начался длинный рядъ удалыхъ морскихъ набѣговъ.

Въ море ходили казаки и малыми партіями—струговъ по 10, по 15; ходили и цѣлыми флотиліями—въ 50, въ 70 и до 100 сруговъ. А въ стругѣ человѣкъ по 30,

по 40 и по 50. Само собой разумѣется, что такіе отряды, какъ ураганъ, сметали все передъ собой: села и города обращались въ развалины, жилища предавались огню, мужчины «подъ мечемъ клонились», а женщинъ и прочую добычу забирали казаки въ свои далекіе городки[22]). Если на обратномъ пути встрѣчались турецкіе военные корабли, то ужь трудно было казакамъ дѣйствовать на своихъ челнахъ, перегруженныхъ всякой добычей, приходилось итти на-утекъ, пока не замѣтилъ врагъ ныряющихъ по волнамъ казацкихъ струговъ. Если же уйти ужь было невозможно, то приходилось принимать бой въ невыгодныхъ условіяхъ, и тогда жестоко доставалось казакамъ, несмотря на всю ихъ храбрость и проворство. Тогда шла на дно морское вся купленная дорогой цѣной казачья добыча, а сами храбрецы попадали въ руки враговъ, продавались въ рабство въ далекіе мусульманскіе края, или же, прикованные тяжелыми цѣпями къ огромнымъ весламъ турецкихъ «каторгъ», пѣнили ими волны Чернаго моря. Тяжка была неволя турецкая. По 20, по 30 лѣтъ просиживали казаки въ цѣпяхъ, томились въ тюремныхъ подземельяхъ или исполняли самыя тяжелыя и унизительныя работы по прихоти своихъ повелителей. И проливали казаки горькія слезы, выжидая, когда же придутъ «бративъ вызволяти» ихъ удалые товарищи.

Поэтому казаки предпочитали встрѣтиться съ непріятельскими кораблями въ началѣ похода, и тогда сами первые нападали на врага. Завидѣвъ издали военный корабль, казаки старались занять выгодное для себя положеніе, становясь отъ него въ сторонѣ солнца. Тогда безполезны были для турокъ ихъ грозныя пушки: солнце било наводчикамъ прямо въ лицо, въ глазахъ рябило отъ блестящей морской поверхности,—и о вѣрной стрѣльбѣ нечего было и думать. Если же день былъ неясный, то казаки, прикрываясь мглой, охватывали непрі-

---

[22]) «А злато и серебро», говорятъ казаки туркамъ во время Азовскаго сидѣнья, «емлемъ у васъ за моремъ: то вамъ самимъ вѣдомо. А жены себѣ красныя (красивыя) и любимыя водимъ и выбираемъ отъ васъ же изъ Царя-града».

ятеля кольцомъ и устремлялись на него со всѣхъ сторонъ одновременно. Много струговъ разлеталось тогда въ мелкія щепки подъ ударами турецкихъ ядеръ, опрокидывалось и тонуло въ морской пучинѣ, но остальные доходили до цѣли и съ перваго же налета оставались побѣдителями.

Въ то время, какъ Донцы и Запорожцы опустошали берега Чернаго моря, Волжскіе и Яицкіе казаки хозяйничали на Хвалынскомъ (Каспійскомъ), и часто «дуванили» (дѣлили) несмѣтную добычу, собираемую ими по богатымъ ханствамъ Закавказья и Персіи. Впрочемъ, въ этихъ набѣгахъ принимали участвіе и Донцы, чаще малыми группами, а иногда въ довольно значительныхъ силахъ, какъ въ 1621 г., въ 1632 г., въ 1641 г. и, особенно, въ походахъ извѣстнѣйшаго казацкаго атамана Стеньки Разина. Еще и донынѣ сохранились въ низовьяхъ Куры остатки огромной казацкой крѣпости, служившей главной опорой для Разинскихъ удальцовъ съ Дона, Волги и Яика, съ которыми онъ въ 1668—69 годахъ опустошалъ персидское побережье Каспія отъ Дербента и Баку до Решта и Фарабада. Напрасно персидскій шахъ выслалъ противъ Разина свой флотъ съ 4000 войска. Разинъ разогналъ во всѣ стороны персидскіе корабли и поперетопилъ ихъ почти всѣ: только три судна спаслись бѣгствомъ. Съ ними бѣжалъ и неудачный персидскій флотоводецъ Менеды-ханъ, дочь котораго въ числѣ прочей добычи досталась въ руки побѣдителей казаковъ, со славой и богатой добычей возвратившихся въ свои городки.

УРГЕНЧЪ.

(Уральское преданье о набѣгѣ атамана Нечая на Хиву въ 1605 г.).

По крутымъ берегамъ, вдоль Яика рѣки,
Видны здѣсь, видны тамъ казаки, казаки...
Все-то вольный народъ, всюду сабли гремятъ.
Нѣтъ печали, заботъ,—звонко пѣсни звенятъ...
Здѣсь и тамъ тумаки, черный волосъ до плечъ;
И шумятъ казаки, и свободна ихъ рѣчь...
Вотъ и «кругъ»... Атаманъ въ серединѣ стоитъ...
«Что намъ сдѣлаетъ ханъ?» Громко онъ говоритъ:
«Городъ брошенъ, слышь, имъ,—ни хивинца въ немъ нѣтъ:
«Со всѣмъ войскомъ своимъ ханъ Арабъ-Магометъ
«На кочевкѣ живетъ. Мы къ Ургенчу подойдемъ,—
«Кто желаетъ въ походъ?!» Всколыхнулась кругомъ
Вся толпа... «На коней!» Всюду слышится крикъ,
И летитъ вдоль степей онъ неистовъ и дикъ...

Дремлетъ знойная степь... Вонъ, обозъ казаковъ
Протянулся, какъ цѣпь, по вершинамъ холмовъ.
Славно сдѣланъ набѣгъ. Взято шелкъ, серебро...
Въ девятьсотъ, слышь, телѣгъ все поклали добро
Да красавицъ къ тому взято въ плѣнъ девятьсотъ...
Всколыхнулась Аму, когда гаркнулъ «въ походъ»
Ханъ Арабъ, услыхавъ про набѣгъ казаковъ...
И помчался стремглавъ ханъ Арабъ на враговъ.

Дремлетъ знойная степь... А обозъ казаковъ
Протянулся какъ цѣпь по вершинамъ холмовъ...
Что за пыль тамъ взвилась въ сторонѣ далеко
И столбомъ поднялась къ небесамъ высоко?...
То, быть можетъ, косякъ лошадей, дикихъ козъ?
Зорко смотритъ казакъ,—остановленъ обозъ...
Ближе, ближе... И вотъ на вспѣненныхъ коняхъ
Мчится туча людей съ ярой злобой въ очахъ.
И шайтаны не такъ были бъ страшны въ тотъ мигъ...
Но не дрогнулъ казакъ... «Сабли вонъ!»... Ревъ и гикъ
Раздались, и въ пыли, словно духи толпой
Въ мигъ одинъ изъ земли, они ринулись въ бой.
И свернули въ кружокъ свой обозъ казаки,
И защелкалъ курокъ, засверкали клинки...
Бьются день... Солнце жжетъ. Обложилъ врагъ кругомъ
И вздохнуть не даетъ. Подъ палящимъ лучемъ
Жаждой мучимъ казакъ,—кровь изъ труповъ онъ пьетъ...
Сталъ кругомъ лютый врагъ,—нѣтъ ни шагу впередъ...
Бьются ночь... Кучи тѣлъ вознеслись здѣсь и тамъ...
И орелъ прилетѣлъ къ посинѣвшимъ тѣламъ.
Удалился орелъ, и голодной толпой,
Когда мѣсяцъ взошелъ, волки подняли вой...

Да, не даромъ далась эта битва врагамъ,
Но не даромъ пришлось и лихимъ казакамъ:
Не одинъ лютый врагъ въ жаркой сѣчѣ погибъ,
Ни единый казакъ не пришелъ на Яикъ...
Всѣ погибли... Орелъ трупы съ клектомъ терзалъ,
А какъ мѣсяцъ взошелъ, волкъ голодный ихъ рвалъ...
Только въ пѣснѣ простой вспоминаютъ о томъ,
Какъ былъ страшенъ тотъ бой, какъ валился кругомъ
И ревѣлъ лютый врагъ, какъ гудѣлъ стонъ и гикъ,
И какъ бился казакъ и неистовъ, и дикъ...

VI. Историческое значеніе казачества. А. Оборона границъ и расширеніе предѣловъ.

Казаки—передовые бойцы и развѣдчики. Покореніе Сибири. Открытіе новыхъ земель на Дальнемъ Востокѣ. Казаки на Амурѣ. Первыя дѣла съ Китаемъ. Твердость казачья въ дѣлѣ защиты границъ.

Чѣмъ шире разливалось русское народное море на югъ и на востокъ, тѣмъ все дальше и дальше въ глубь невѣдомыхъ странъ проникали казачьи отряды. И при этомъ поступательномъ движеніи Русскаго государства, казаки сыграли роль огромной важности и значенія. Они всюду являлись первыми вѣстниками наступающей власти Бѣлаго Царя. Судьбы казачества и государства тѣсно сплетались. Уходя за предѣлы государственной власти, казаки все-же силою вещей, волей-неволей служили государству великую службу. И чѣмъ дальше въ глубь степей и таежныхъ дебрей забирались казаки, тѣмъ скорѣе шагала по пятамъ ихъ государственная власть, и за спиной вольныхъ казачьихъ «станицъ» рубились царскіе города, ставились «остроги», возводились укрѣпленья, распоряжались царскіе воеводы. Всю тяжесть и всѣ превратности передовой борьбы принимало на свою богатырскую грудь казачество, а плодами казачьихъ трудовъ цѣликомъ воспользовалось государство.

Мы выше уже видѣли, что казаки служили Царю не только какъ вооруженная сила: они являлись и пер-

выми дипломатическими агентами, первыми посредниками въ международныхъ сношеніяхъ Руси съ Востокомъ. Черезъ ихъ руки проходятъ царскія грамоты, съ ихъ помощью ведутся переговоры съ Ногаями, Крымомъ, Турціей и Персіей. Даже и въ отдаленномъ Китаѣ казакамъ суждено было сыграть роль первыхъ посредниковъ между Богдыханомъ и Бѣлымъ Царемъ.

Начало завоеванія Сибири и присоединенія къ Россіи всей сѣверной Азіи было положено, какъ это всѣмъ извѣстно, славнымъ атаманомъ казачьимъ, Ермакомъ Тимофеевичемъ. Напомнимъ въ краткихъ словахъ главные моменты этого великаго событія.

Во второй половинѣ XVI вѣка въ Сѣверномъ Приуральѣ, въ Закамскомъ краю, основались именитые торговые люди промышленники Строгоновы. Они вели тамъ обширную торговлю съ сосѣдними инородцами, вываривали соль и занимались различными промыслами. По всей округѣ ходили ихъ караваны съ товарами, а въ удобныхъ мѣстахъ строили Строгоновы городки, въ которыхъ вели торгъ съ туземцами. Для охраны своихъ каравановъ и складовъ Строгоновы держали свою собственную стражу, набиравшуюся изъ охочихъ вольныхъ людей.

Вотъ къ этимъ-то Строгоновымъ и явился около 1578 г. атаманъ Ермакъ со своей казачьей дружиной. Однако не долго прожили удалые товарищи Ермака на купеческихъ хлѣбахъ. Ихъ буйная сила требовала большаго простора, гдѣ бы можно было развернуть свою удаль во всю ширину. И вотъ въ 1580 г. вольная казачья дружина, числомъ до 500 человѣкъ, получивъ необходимые боевые припасы отъ Строгоновыхъ, двинулась подъ предводительствомъ своего отважнаго атамана за Уральскій хребетъ. Въ слѣдующемъ же году казаки занимаютъ столицу Сибирскаго царя Кучума—городъ Искеръ (или Сибирь), находившуюся близъ впаденія рѣки Тобола въ Иртышъ, гдѣ нынѣ городъ Тобольскъ.

Основавшись въ Сибири, казаки отправили къ Царю Ивану Грозному посольство съ предложеніемъ принять отъ казаковъ завоеванную ими страну, а сами тѣмъ временемъ дѣятельно занялись дальнѣйшимъ покореніемъ

инородческихъ племенъ. Во время одного изъ такихъ походовъ, когда казаки въ бурную ночь спали на берегу Иртыша, на нихъ неожиданно напалъ Кучумъ, и безпечные казаки были перебиты прежде, чѣмъ успѣли схватиться за оружіе. Самъ атаманъ, защищенный желѣзнымъ панцыремъ, отчаянно отбивался отъ окружившихъ его враговъ, но видя превосходство силъ, бросился въ воду, пытаясь вплавь добраться до стоявшихъ среди Иртыша казачьихъ струговъ. Однако латы, спасшіе Ермака отъ ударовъ татарскаго оружія, сами погубили его, потянувъ своею тяжестью на дно рѣки.

Не стало славнаго Ермака, покорителя Сибири, но мужественные сотоварищи его продолжали начатое имъ великое дѣло. Все шире и шире «раздвигали они предѣлъ порубежный и твердою грудью заслоняли своей». Открывая все новыя и новыя страны, казаки Мангазейскіе, Тобольскіе, Сургутскіе, Томскіе, Енисейскіе, Якутскіе во всѣхъ направленіяхъ рыскали по сибирскимъ тайгамъ, тундрамъ, рѣкамъ и горамъ, собирая «ясакъ» Бѣлому Царю съ безчисленныхъ народцевъ: бурятъ, тунгузовъ, даурцевъ, баргутовъ, якутовъ, юкагировъ, чукчей, каряковъ, камчадаловъ и т. д. Въ 1637—38 г.г. Енисейскіе казаки по Ленѣ доходятъ до Сѣвернаго Ледовитуго океана и начинаютъ изслѣдованіе его побережья. Въ 1639 г. впервые появляются русскіе казаки на побережьи Великаго океана въ Охотскомъ морѣ, и черезъ 10 лѣтъ отважный Семенъ Дежневъ, всего съ 25 казаками, на лодкѣ выходитъ для открытія земель изъ Нижне-Колымска, огибаетъ восточную оконечность Азіи—Чукотскій Носъ и первымъ изъ европейцевъ проходитъ черезъ морской проливъ, раздѣляющій Азію отъ Америки[23]).

За вольными казаками—охотниками слѣдомъ идутъ, какъ повелось, государскіе служилые люди. Немедленно по полученіи отъ Деженева свѣдѣнія о новыхъ земляхъ,

---

[23]) Этотъ проливъ и прилегающее къ, нему море впослѣдствіи получили имя нѣмца Беринга, побывавшаго въ тѣхъ водахъ болѣе чѣмъ на 100 лѣтъ позже казаковъ Дежнева, но, тѣмъ не менѣе, присвоившаго себѣ честь перваго открытія.

богатыхъ рыбой и моржовымъ зубомъ, изъ Якутска посылается стрѣлецкій сотникъ утвердить власть Великаго Государя въ новой землицѣ и установить порядокъ въ промыслахъ, съ соблюденіемъ казеннаго интереса.

Около того-же времени появились казаки и въ пограничномъ съ Китаемъ Приамурьѣ. Въ 1643—1644 году первый проходитъ по Амуру до самаго устья Василій Поярковъ, прошедшій съ партіей въ 133 человѣка изъ Якутска внизъ по р. Ленѣ, въ притокъ ея Алданъ, а по нему—къ притоку Амура, р. Зеѣ. Изъ Амурскаго устья Поярковъ вышелъ въ Охотское море, откуда уже сухимъ путемъ пробрался снова къ Алдану. Вернувшись въ 1646 году изъ этого тяжелаго и опаснаго похода, въ которомъ отъ голода и въ битвахъ потерялъ болѣе половины товарищей, Поярковъ представилъ богатый «ясакъ» и описаніе вновь открытыхъ странъ. «Тамъ въ походы ходить», пишетъ онъ, «и пашенныхъ хлѣбныхъ сидячихъ людей подъ царскую высокую руку привести можно, и въ вѣчномъ холопствѣ укрѣпить, и ясакъ съ нихъ сбирать,—въ томъ Государю будетъ прибыль, потому что тѣ землицы людны, и хлѣбны, и собольны, и всякаго звѣря много, и хлѣба водится много, и тѣ рѣки рыбны, и государевымъ ратнымъ людямъ хлѣбной скудости ни въ чемъ не будетъ»,

Въ 1649 году идетъ въ Амурскій край новый изслѣдователь Ерофей Хабаровъ съ 70-ю товарищами. Поднявшись изъ Якутска вверхъ по р.р. Ленѣ и Олекмѣ, онъ вышелъ на Амуръ значительно выше, чѣмъ Поярковъ. Идя внизъ по Амуру, Хабаровъ нашелъ богатые и благоустроенные города Даурскаго князя Лавкая. Ознакомившись съ богатствомъ Даурíи и находя свои силы недостаточными для полнаго ея покоренія, Хабаровъ оставилъ на Амурѣ своихъ товарищей, а самъ въ 1560 году возвратился въ Якутскъ, откуда въ томъ же году, взявъ съ собою отрядъ въ 200 человѣкъ вольныхъ и служилыхъ людей, при 3 пушкахъ, пошелъ опять въ Даурію. Дауры встрѣтили его на этотъ разъ съ оружіемъ въ рукахъ, но Хабаровъ разбилъ ихъ и занялъ ихъ городъ Албазинъ. Неоднократныя попытки туземцевъ выбить завоевателей изъ Приамурья не привели ни къ

чему. Тогда Дауры обратились за помощью къ Китаю, и вотъ весною 1652 года подъ занятый казаками Ачанскій городокъ подступило многочисленное войско Китайскаго Богдыхана. Хотя Манчжуры были вооружены пушками и ружьями, однако перевѣсъ все-таки остался на сторонѣ храбрѣйшихъ.

Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ первомъ столкновеніи Руси съ Китаемъ Хабаровъ: «Марта въ 24 день, на утренней зарѣ, сверхъ Амура рѣки славныя ударила сила изъ прикрыта на городъ Ачанскій, на насъ, казаковъ, сила Богдойская,--всѣ люди конные и куячные (панцырные). И нашъ казачій Есаулъ закричалъ въ городъ Андрей Ивановъ, служилый человѣкъ: «Братцы казаки! вставайте на-скорѣ и оболокайтесь въ куяки крѣпкіе!»... И метались казаки на городъ въ однѣхъ рубашкахъ на стѣну городовую, и мы, казаки, чаяли изъ пушекъ, изъ оружья бьютъ казаки изъ города,—ажно бьютъ изъ оружья и изъ пушекъ по нашему городу казачью войско Богдойское. И мы казаки съ ними, богдойскими людьми, съ войскомъ ихъ, дрались изъ-за стѣны съ зари и до схода солнца. И то войско богдойское на юрты казачьи пометалось, и не дадутъ намъ, казакамъ, въ тѣ поры пройти черезъ городъ; а богдойскіе люди знаменами стѣну городовую укрывали; у того нашего города вырубили они, богдойскіе люди, три звена стѣны сверху до-земли. И изъ того ихъ великаго войска богдойскаго кличетъ Князь Исиней царя Богдойскаго и все войско богдойское: «Не жгите и не рубите казаковъ,—емлите ихъ, казаковъ, живьемъ!»... И толмачи наши тѣ рѣчи князя Исинея услышали и мнѣ Ярофейку сказали. И слыша тѣ рѣчи у князя Исинея, оболокали мы всѣ казаки на ся куяки и язъ (я) Ярофейко, и служилые люди, и вольные казаки, помолясь Спасу и Пречистой Владычицѣ нашей Богородицѣ и угоднику Христову Николаю Чудотворцу, промежъ собою прощались и говорили то слово язъ Ярофейко и Есаулъ Андрей Ивановъ, и все наше войско казачье: «Умремъ мы, братцы казаки, за вѣру крещеную и постоимъ за домъ Спаса и Пречистыя и Николая Чудотворца, и порадѣемъ мы казаки Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея

Россiи и **помремъ мы казаки всѣ за одинъ человѣкъ противъ государева недруга, а живы мы, казаки, въ руки имъ, богдойскимъ людямъ не дадимся»**... И въ тѣ стѣны проломныя стали скакать тѣ люди Богдоевы, и мы казаки прикатили тутъ на городовое проломное мѣсто пушку большую мѣдную и почали изъ пушки по богдойскому войску бити, и изъ мелкаго оружья учали стрѣлять изъ города, и изъ иныхъ пушекъ желѣзныхъ бити жъ стали по нихъ, богдойскихъ людяхъ. Тутъ и богдойскихъ людей и силу ихъ всю, Божiею милостью и Государскимъ счастьемъ, и нашимъ радѣнiемъ, ихъ, собакъ, побили многихъ. И какъ они, богдои, отъ того нашего пушечнаго бою и отъ промыслу отшатились прочь, и въ та поры выходили служилые и вольные охочiе казаки 156 человѣкъ въ куякахъ на вылазку богдойскимъ людямъ за городъ, а пятьдесятъ человѣкъ осталось въ городѣ. И какъ мы къ нимъ, богдойскимъ людямъ, на вылазку вышли изъ города, и у нихъ, богдоевъ, тутъ подъ городомъ приведены были двѣ пушки желѣзныя, и Божiею милостiю и Государскимъ счастiемъ тѣ двѣ пушки мы, казаки, у нихъ, богдойскихъ людей и у войска отшибли. И у которыхъ у нихъ, богдойскихъ людей, у лучшихъ воитиновъ огненно оружье было, и тѣхъ людей мы побили и оружiе взяли. И нападе на нихъ, богдоевъ, страхъ великiй: покажись имъ наша сила несчетная,—и всѣ достальные богдоевы люди отъ городу и отъ нашего бою побѣжали врознь. А кругъ того Ачанскаго города смѣчали мы, что побито. Богдоевыхъ людей и силы ихъ 676 человѣкъ наповалъ, а нашiе силы казачьи отъ нихъ легло отъ богдоевъ 10 человѣкъ, да переранили насъ, казаковъ, на той дракѣ 78 человѣкъ».

Такъ умѣли стоять за Царя и отечество, за церкви Божiя да за славу свою молодецкую казаки на далекой восточной окрайнѣ.

«Лучше смерть, чѣмъ позоръ сдачи»—въ одинъ голосъ говорятъ казаки на всѣхъ своихъ заставахъ богатырскихъ, по всему казачьему фронту отъ Амура черезъ Яикъ, Терекъ и Донъ до славнаго оплота Днѣпровскаго казачества—Запорожской Сiчи.

Мужественная защита Ачанскаго городка Амурскими

казаками, въ 1652 г., геройская оборона Гребенцовъ въ своемъ Сунженскомъ острогѣ отъ полчищъ Шамхала Тарковскаго въ 1651 г., безпримѣрное въ исторіи «Азовское сидѣніе» Донскихъ казаковъ въ 1641 г. и гордый отвѣтъ запорожскихъ казаковъ турецкому султану Махмуду IV въ 1674 г.,—это все дѣла одного и того же времени,—половины XVII вѣка, времени разцвѣта казачьихъ силъ, которыя, накопившись, искали себѣ выхода на широкій просторъ...

Съ краевъ полуночи.

(Пѣсня эта сложена въ 1850 году Сунженскими казаками по случаю прiѣзда на Кавказскую линiю въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II въ бытность Его Наслѣдникомъ Цесаревичемъ).

Съ краевъ полуночи на полдень далеко
Могучiй державный Орелъ прилетѣлъ,
Окинулъ орлинымъ прозорливымъ окомъ
Широкаго царства далекiй предѣлъ;
Раздолья степныя, снѣжныя вершины
Покорнаго края гранитныхъ зубцовъ
Измѣривъ въ полетѣ, слетѣлъ на долины
На клики привѣта Своихъ соколовъ.
Тебя мы, Державный, давно ожидали,
Желали орлиный Твой взоръ увидать,
Отъ коршуновъ хищныхъ поле очищали,
Чтобъ было просторно Тебя принимать.
И, славясь Тобою, мы лавры добыли,
На вражьемъ порогѣ ставъ твердой стопой,
И славы избытокъ своей подѣлили
За новое имя съ безвѣстной струей.
И съ силою новой подъ сѣнью надежной
Хоругви Отчизны и власти Твоей
Мы двинемъ далеко предѣлъ порубежный
И твердою грудью заслонимъ своей.
И здравствуй на славу Руси Православной,
На радость и счастье Своихъ соколовъ,
Прими, Атаманъ нашъ, Могучiй, Державный,
Сердечные клики дѣтей казаковъ.
Ура! Ура! Ура! Великому Царю!
Ура! Ура! Ура! Тебѣ богатырю!
Ура! Надеждѣ славныхъ дней!
Ура! и всей семьѣ Твоей!

VI. Историческое значеніе казачества. Б. Присоединеніе Малороссіи.

Католичество и православіе въ Западной Руси. Унія. Выступленіе казачества. Гетманъ Наливайко. Новыя бѣдствія Малороссіи. Тарасова ночь. Жестокость поляковъ при казни народныхъ вождей. Богданъ Хмѣльницкій. Переясловская Рада.

Не только далекія чуждыя страны и земли добывало казачество для Великаго Русскаго Государства, тому же казачеству обязано наше отечество и возвращеніемъ коренной русской области — Кіевской Руси, попавшей подъ тяжелое польское иго.

Когда Малая Русь подчинилась Литовскимъ Великимъ Князьямъ, то первое время русскимъ хорошо и свободно жилось подъ властью Литвы. О какихъ бы то ни было стѣсненіяхъ или преслѣдованіяхъ не могло быть и рѣчи. Литовцы и русскіе жили другъ съ другомъ какъ родные братья,—какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ. Русскій языкъ былъ господствующимъ въ Западномъ краѣ, и даже сводъ литовскихъ законовъ («Литовскій Статутъ») былъ написанъ не на литовскомъ, а на русскомъ языкѣ.

Но со времени соединенія Литвы съ Польшей (въ 1569 году) дѣло начинаетъ принимать совершенно иной оборотъ.

Причиной этому прежде всего послужила религіозная рознь. Польское государство приняло христіанскую вѣру съ Запада, отъ Латинской церкви, а потому духовнымъ главою своимъ считало римскаго папу (патріарха).

Между тѣмъ русскій народъ получилъ наставленіе въ вѣрѣ съ Востока, изъ Константинополя, отъ Грече-

ской церкви. Еще въ XI вѣкѣ Восточная и Западная церкви стали другъ къ другу во враждебныя отношенія изъ-за вопроса о подчиненіи: Римскіе папы настаивали, чтобы всѣ христіанскія церкви признали Римъ своей главою, потому что въ Римѣ умеръ Апостолъ Петръ, которому вручилъ Господь ключи Царства Небеснаго. Такъ какъ патріархи Восточной церкви не пожелали ставить себя въ зависимость отъ папъ, то между западнымъ и восточнымъ христіанствомъ, между римско-католичествомъ и греко-православіемъ возникла смертельная вражда.

Понятно, что послѣ соединенія Польши съ Литвою римское духовенство, пользовавшееся въ Польшѣ наибольшимъ вліяніемъ, съ неудовольствіемъ стало смотрѣть на права, предоставлявшіяся въ Литвѣ православному духовенству. Началась сперва тайная, а затѣмъ и открытая борьба за вѣроисповѣданіе. Католики требовали, чтобы православные, которыхъ они именовали «схизматиками», т. е. раскольниками, еретиками, отказались бы отъ своей «ереси», приняли бы обряды латинской церкви и признали бы своимъ духовнымъ главою римскаго папу. Конечно, ни православный русскій народъ, ни тѣмъ болѣе духовенство на это не могли согласиться. Тогда католическіе ксендзы и епископы стали настойчиво добиваться того, чтобы права православнаго духовенства были бы ограничены. Обиженный этимъ русскій народъ еще крѣпче привязался къ своему вѣроученію.

Къ религіознымъ спорамъ присоединились еще и другія обстоятельства, обострявшія польско-русскія отношенія. Польская знать стала пріобрѣтать себѣ помѣстья въ Малороссіи, и при этомъ коренное мѣстное русское, искони свободное «посполъство» (простонародье) постепенно обращалось въ «хлоповъ» (крѣпостныхъ), въ собственность польскихъ пановъ.

Такимъ образомъ уже къ концу XVI в. мы находимъ въ Западной Руси двѣ враждующихъ между собою стороны: польско-католическую—помѣщики, войско, чиновники и русско-православную—сельчане, казаки и горожане.

Въ 1596 году группа православныхъ епископовъ и священниковъ, желая получить права, равныя съ католическимъ духовенствомъ, придумала такъ-называемую

«унію»—соединеніе православія съ католичествомъ, сущность котораго сводилась къ тому, что «уніаты» могли попрежнему исполнять обряды восточной церкви, молиться на своемъ языкѣ, а не на латинскомъ, но признавали римскаго папу главою православной западно-русской церкви. Однако за уніатами пастырями не послѣдовала ихъ паства, и «унія» вмѣсто успокоенія внесла только большую вражду и ярость въ религіозный споръ. Уніаты стали употреблять всѣ мѣры для утвержденія уніи, не гнушаясь даже насиліями и звѣрствами: опираясь на сочувствіе и помощь католиковъ, они захватывали въ свои руки православные храмы и монастыри, арестовывали и истязали православныхъ священниковъ. Православный народъ заволновался...

А тутъ еще подоспѣлъ казачій вопросъ. Мы уже видѣли выше (гл. IV), какъ польское правительство къ концу XVI вѣка начинаетъ принимать мѣры къ ограниченію и ослабленію казачьихъ вооруженныхъ силъ, начинаетъ свободныхъ дотолѣ реестровыхъ казаковъ обращать въ крѣпостныхъ хлоповъ. Русскому народу приходилось съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свои права и свою свободу, попираемыя угнетателями ляхами и ихъ пособниками отступниками—уніатами. И кровавая борьба началась.

Еще въ 1592 году поднялись было казаки подъ предводительствомъ гетмана Косинскаго. Но этотъ гетманъ самъ былъ природный полякъ, а потому не пошло за нимъ такъ казачество и народъ русскій, какъ пошли бы за вождемъ соплеменникомъ. Когда же начались звѣрства уніатовъ, таковой вождь отыскался. Это былъ гетманъ казацкій Павелъ Наливайко, избранный въ гетманы казаками на «радѣ» въ Чигиринѣ въ 1596 году. И хотя это избраніе произошло вопреки запрещенію польскаго правительства, однако Наливайко началъ съ того, что обратился къ королю польскому съ просьбой утвердить его избраніе и подкрѣпить своимъ королевскимъ словомъ прежнія права и свободы русскаго народа. Но король въ Польшѣ не имѣлъ уже никакой силы: всѣми государственными дѣлами самовластно распоряжались окружавшіе короля «магнаты» (вельможи), исполнявшіе

всѣ свои прихоти королевскимъ именемъ. Поэтому, не смотря на полную справедливость и законность требованій гетмана, правительство двинуло противъ него войска. Сталъ собирать свои силы и Наливайко. Подъ Чигириномъ, на берегу р. Тясмина, онъ расположился укрѣпленнымъ лагеремъ, выставивъ на курганѣ три бѣлыя хоругви съ надписями: «Миръ христіанству, а на зачинщика Богъ и Его Крестъ». Поляки противъ знаменъ воздвигли три висѣлицы и, повѣсивъ на нихъ трехъ казацкихъ старшинъ—Богуна, Войновича и Сутыгу, сдѣлали надъ ними надпись: «Кара бунтовщикамъ».

Нѣкоторое время враги стояли другъ противъ друга, выжидая. Наконецъ, поляки первые перешли въ наступленіе. Однако опытный вояка былъ Наливайко: пославъ лучшую часть своего войска въ обходъ, онъ произвелъ переполохъ въ польскомъ станѣ и тогда ударилъ съ фронта. Жестоко бились казаки, горя желаніемъ отомстить за поруганныхъ старшинъ своихъ. Не выдержали кичливые ляхи дружнаго натиска и обратились въ бѣгство. И справили казаки въ Тясминской битвѣ первую свою кровавую тризну по мученикамъ за вѣру и свободу: болѣе 17000 польскихъ воиновъ легло въ этой сѣчѣ.

Одержавъ столь блестящую побѣду, Наливайко дѣятельно принялся за очищеніе Малороссіи отъ поляковъ и уніатовъ. Отправивъ полковника Лободу съ частью войска вверхъ по Днѣпру, онъ съ остальными казаками двинулся на Западъ. Въ три съ половиною мѣсяца вся Малороссія была очищена отъ враговъ и утѣснителей народныхъ. Кто не успѣлъ уйти, были перебиты безъ всякаго сожалѣнія. Оказывавшіе сопротивленіе замки, крѣпости и даже цѣлые города (Могилевъ, Слуцкъ) были выжжены и разорены до-тла.

Надъ Случью снова встрѣтился Наливайко съ польскими войсками. Уже сбавили ляхи спѣси своей: теперь они сами окопались и ждали нападенія казаковъ. Какъ только оба казацкихъ отряда (Гетмана и Лободы) соединились, казаки начали приступъ. Четыре дня они атаковали сильно укрѣпленную и удобную позицію польскаго войска и уже выбили врага изъ передовыхъ укрѣпленій, когда на мѣсто битвы явились посланцы короля и его

именемъ велѣли прекратить побоище, а польскимъ военачальникамъ передали приказъ заключить съ Наливайкой вѣчный миръ на условіяхъ полной амнистіи (забвенія вины возставшихъ) и признанія за русскимъ народомъ всѣхъ дарованныхъ правъ и свободъ.

Не желая напраснаго квовопролитія и получивъ исполненіе своихъ требованій, Наливайко заключилъ миръ и, вернувшись на Украйну, принялся за приведеніе въ порядокъ разоренной страны. Но польское правительство, принужденное силою къ уступкамъ, было далеко отъ мысли считать споръ оконченнымъ и, затаивъ на время свою злобу, только ожидало удобнаго случая снова отнять у народа дарованныя королемъ права. А пока оно все-таки выместило свою злобу на вождяхъ народныхъ. Въ томъ же году на Общій Сеймъ поѣхали и депутаты казацкаго войска—полковникъ Лобода, судья Мазепа и сотникъ Кизимъ. Съ ними поѣхалъ въ Варшаву и самъ герой народнаго возстанія, гетманъ Наливайко, чтобы лично засвидѣтельствовать королю свою вѣрноподданническую покорность. Но, несмотря на обѣщаніе короля, не смотря на торжественно данную амнистію, всѣ четверо были немедленно же по пріѣздѣ заключены въ тюрьму, а черезъ три дня преданы ужасной, небывалой еще до того по своей жестокости казни: **Наливайку съ товарищами посадили въ мѣднаго быка и сожгли на площади на медленномъ огнѣ...**

И это звѣрство прошло безнаказанно. Не всколыхнулись народныя массы, не загорѣлись сердца русскія жаждой мести за мученическую гибель борцовъ за народную свободу: дарованныя права и преимущества пока еще признавались польскими властями, и народъ чувствовалъ себя спокойно.

Впрочемъ недолго.

Мало по-малу опять все повернулось по старому: вновь захватили поляки всю Украйну въ свои руки, начались снова прежнія притѣсненія и жестокости. По всей Украйнѣ расположились польскія войска, грабя и избивая жителей, насилуя женщинъ и даже дѣтей. Паны-помѣщики, въ возмѣщеніе понесенныхъ во время возстанія убытковъ, увеличили свои поборы и, опираясь на

силу польскихъ отрядовъ, стали все имущество сельчанъ признавать своею собственностью. Недовольные такимъ беззаконіемъ предавались пыткамъ, истязанію и смертной казни. Католическіе ксендзы ѣздили въ повозкахъ, запряженныхъ людьми, по двадцати и болѣе человѣкъ въ цугъ.

А всего горше было русскому народу издѣвательство надъ вѣрой православной, превосходившее всякія границы. «Церкви несоглашавшихся на унію прихожанъ», говоритъ современный лѣтописецъ, «отданы жидамъ въ аренду, и положена въ оныхъ за каждую отправку денежная плата отъ одного до пяти талеровъ, а за крещеніе младенцевъ и за похороны мертвыхъ отъ одного до пяти золотыхъ. При всякой требѣ христіанской итти къ жиду, торжиться съ нимъ и по важности отправы заплатить за нее и выпросить ключи, а жидъ при томъ, насмѣявшись довольно богослуженію христіанскому и перехуливши все христіанами чинимое, называя его языческимъ, или «гойскимъ», приказывалъ ктитору возвращать ему ключи съ клятвою, что ничего въ запасъ не отправлено». Святыя Пасхи были обложены податью, и откупщики-евреи, собирая подать, клали на пасхахъ углемъ или мѣломъ свои замѣтки.

Наконецъ терпѣніе народное стало истощаться, и опять начинаются народныя возстанія. Одинъ за другимъ поднимаются, по примѣру Наливайки, казацкіе вожди и подобно ему же гибнутъ мучительной смертью отъ рукъ польскаго правительства.

Въ 1628 году гетманъ Тарасъ Трясило[24]), собравъ подъ знамя возстанія болѣе 30000 казаковъ, засѣлъ съ ними въ укрѣпленномъ станѣ между Трубежомъ и Альтою, близъ Переяславля. Огромное польское войско окружило его, но казаки, напавъ на поляковъ неожиданно ночью, нанесли имъ ужасное пораженье: часть вырѣзали и потоптали, а часть перетопили въ рѣкѣ. Надолго врѣзалась ляхамъ въ память кровавая «Тарасова ночь», вѣсть о которой объяла пожаромъ возстанія всю Украйну. Поляки, уніаты и евреи арендаторы были безпо-

---

[24]) Послужившій прототипомъ для извѣстнаго всякому Гоголевскаго героя Тараса Бульбы.

щадно перебиты по всей Малороссіи, и вздохнулъ свободно русскій народъ, хотя впрочемъ не надолго. Вскорѣ опять начались притѣсненія. Возставшій въ 1633 году гетманъ Сулима былъ четвертованъ. Вслѣдъ за нимъ, въ 1637—1638 г.г. поднимаетъ знамя возстанія **гетманъ Павлюкъ,** но захваченный измѣннически въ плѣнъ, въ страшныхъ мукахъ умираетъ въ Варшавѣ: **съ него живого содрали кожу и набивъ ее гречневою половою (мякиной), выставили на страхъ другимъ въ Чигиринѣ.** Въ Нѣжинѣ, Умани, Батуринѣ и Черкасахъ на кольяхъ были выставлены головы его ближайшихъ сподвижниковъ.

Но чѣмъ свирѣпѣе была жестокость польскаго правительства, тѣмъ больше закалялся русскій народъ въ борьбѣ за свободу. Все чаще и чаще вспыхиваютъ возстанія. Въ 1638 г. поднимаются Остряныця и Гуня. На берегахъ рѣки Старицы Остряныця на голову разбилъ польское войско, положивъ болѣе 11000 поляковъ мертвыми. Поляки просятъ мира, но по заключеніи его опять хватаютъ вождей казацкихъ и казнятъ ихъ въ Варшавѣ. На этотъ разъ казнь превосходитъ всякія вѣроятія. **Гетманъ Остряныця** съ четырмя полковниками **колесованъ.** Пять полковниковъ **пронизаны желѣзными копьями и повѣшаны** за нихъ **живыми на столбахъ.** Семь есауловъ и пять сотниковъ **прибиты гвоздями къ осмоленнымъ доскамъ и сожжены медленнымъ огнемъ.** Семь хорунжихъ **растерзаны желѣзными крючьями.** Девять старшинъ **четвертованы.** Женамъ казнимыхъ **обрѣзаны груди, и палачи били окровавленными сосцами по лицамъ живыхъ еще мужей. Дѣтей ихъ тутъ же, на глазахъ отцовъ, жгли на угляхъ и варили въ котлахъ.**

Всѣ эти жестокости привели, наконецъ, къ тому, что въ 1647 году вся до послѣдняго человѣка встала Украйна. И когда поднялись всѣ, какъ одинъ, то ужъ никакая сила не могла удержать народныя массы. Вождемъ возстанія выступилъ на этотъ разъ полковникъ Богданъ Хмѣльницкій, которому Богъ судилъ окончить великое дѣло освобожденія своего народа, начатое еще за полъ вѣка до того гетманомъ Наливайко. Съ перемѣннымъ счастіемъ, почти въ теченіи восьми лѣтъ, воюетъ Хмѣльницкій съ Польшей. То разбиваетъ онъ поляковъ (въ 1648 г. – при Желтыхъ Водахъ, подъ Корсу-

немъ, подъ Пилявцами; въ 1649 г.—подъ Зборовымъ; въ 1650 г.—близь Житомира и т. д.), то самъ терпитъ крупныя неудачи (1651 г.—подъ Берестечкомъ и др.). И въ зависимости отъ хода войны, то вновь признаются королемъ Польскимъ всѣ права и свободы русскаго народа, то опять также вѣроломно нарушаются всѣ клятвы и обѣщанія.

Въ концѣ концовъ, Украйна пришла къ убѣжденію, что единственный для нея правильный выходъ—отдѣлиться разъ навсегда отъ Польши и присоединиться къ единокровной и единовѣрной Московской Руси. Мысль эта была далеко не нова. Еще въ 1557 году предлагали Запорожцы свою службу Московскому Царю, а въ 1625 году малорусское духовенство прямо обращалось къ царю Михаилу Федоровичу съ просьбой принять подъ свою защиту многострадальную Кіевскую Русь. Но видѣла Москва, что прійдется изъ-за Малороссіи вести тяжелую (и, быть можетъ, непосильную) борьбу съ Польшей, и поэтому предложенія эти были, хотя и скрѣпя сердце, отклонены.

Хмѣльницкій еще въ 1649 году просилъ у Царя покровительства, но безуспѣшно. Спустя два года послѣ неудачи подъ Берестечкомъ, онъ вновь повторяетъ свою спросьбу о защитѣ. Еще болѣе настоятельными становятся эти просьбы въ слѣдующемъ, 1652 году. Тогда Царь рѣшаетъ посовѣтоваться о такомъ важномъ дѣлѣ съ представителями всей земли Русской, и созванный имъ въ Москвѣ въ 1653 году Земскій Соборъ приходитъ къ убѣжденію, что нельзя болѣе оставлять Малороссію на краю гибели и необходимо протянуть ей руку помощи.

Получивъ извѣстіе о такомъ постановленіи Собора, Хмѣльницкій назначаетъ для окончательнаго рѣшенія вопроса общую «раду» въ Переяславлѣ, и здѣсь 8 января 1654 г. Божіею милостью и волею всего казачества и всего народа Малорусскаго совершился величайшій въ исторіи Россіи актъ возсоединенія раздѣленныхъ въ теченіи почти трехъ вѣковъ двухъ половинъ единой великой и отнынѣ недѣлимой Россіи.

Исповѣдь Наливайки.

Не говори, отецъ святой,
Что это грѣхъ, — слова напрасны!
Пусть грѣхъ жестокій, грѣхъ ужасный...
Чтобъ Малороссіи родной,
Чтобъ только русскому народу
Вновь возвратить его свободу,
Грѣхи татаръ, грѣхи жидовъ,
Отступничество уніатовъ,
Всѣ преступленія сарматовъ,
Я на душу принять готовъ!...
Итакъ, ужъ не старайся болѣ
Меня страшить. Не убѣждай.
Мнѣ адъ—Украйну зрѣть въ неволѣ,
Ее свободной видѣть—рай!
Еще отъ самой колыбели
Къ свободѣ страсть зажглась во мнѣ.
Мнѣ мать и сестры пѣсни пѣли
О незабвенной старинѣ:
Тогда объятый низкимъ страхомъ
Никто не рабствовалъ предъ ляхомъ,
Никто дней жалкихъ не влачилъ
Подъ игомъ тяжкимъ и безславнымъ,—
Казакъ въ союзѣ съ ляхомъ былъ,
Какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ...
Но все исчезло какъ призракъ!
Уже давно узналъ казакъ
Въ своихъ союзникахъ тирановъ:
Жидъ, уніатъ, литвинъ, полякъ,
Какъ стая кровожадныхъ врановъ,

Терзаютъ безпощадно насъ.
Давно законъ въ Варшавѣ дремлетъ,
Вотще народной слышенъ гласъ,—
Ему никто, никто не внемлетъ...
Къ полякамъ ненависть съ тѣхъ поръ
Во мнѣ кипитъ и кровь волнуетъ.
Угрюмъ, суровъ и дикъ мой взоръ,
Душа безъ вольности тоскуетъ—
Одна мечта и ночь и день
Меня преслѣдуеть какъ тѣнь;
Она мнѣ не даетъ покоя
Ни въ тишинѣ степей родныхъ,
Ни въ таборѣ, ни въ вихрѣ боя,
Ни въ часъ мольбы въ церквахъ святыхъ:
«Пора!» мнѣ шепчетъ голосъ тайный,
«Пора губить враговъ Украйны!»...
Извѣстно мнѣ, погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На утѣснителей народа,—
Судьба меня ужъ обрекла...
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода!...
Погибну я за край родной,—
Я это чувствую, я знаю, —
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю!...

К. Ѳ. Рылѣевъ.

VI. Историческое значеніе казачества. В. Дѣятельность казаковъ въ лихолѣтья.

Смутное время. Участіе казаковъ въ прекращеніи смуты и въ избраніи перваго Государя изъ Дома Романовыхъ. Нашествіе французовъ въ 1812 году. Смуты недавняго времени.

Словно гранитный утесъ непоколебимо и твердо стояло казачество, принимая на свою богатырскую грудь всѣ случайности и невзгоды борьбы съ врагами Россіи на всѣхъ далекихъ и близкихъ окрайнахъ широкаго Русскаго царства. Однако, служба казачья не ограничивалась защитой отечества отъ внѣшней грозы. Приходилось Русскому государству переживать и такія тяжелыя времена, когда на ряду съ внѣшней опасностью вставала болѣе грозная—внутренняя, когда борьба партій за власть и междоусобная вражда доходили до такой степени, что государство, казалось, стояло уже на краю окончательной гибели, на порогѣ полнаго распада и смерти. И въ эти трудные дни казачество обнаруживало во всю ширроту свою скрытую мощь, свою беззавѣтную преданность отечеству и свою готовность сознательно приносить частные интересы въ жертву общей пользѣ: дружно и смѣло вставало оно, какъ одинъ человѣкъ, на защиту цѣлости, свободы и чести государства и спасало его отъ конечной гибели.

Ровно триста лѣтъ тому назадъ отечество наше раздиралось Великой Смутой. Прекратился царствовав-

шій до того времени родъ Рюриковичей, престолъ русскій попалъ въ руки случайнаго человѣка—полутатарина Бориса Годунова, не пользовавшагося любовью народной, несмотря ни на свой умъ, ни на свою готовность послужить пользѣ государственной. И когда противъ Годунова поднялся изъ Польши невѣдомый никому человѣкъ, назвавшій себя Димитріемъ, сыномъ царя Ивана Грознаго, то все Русское государство, - духовенство, бояре, воеводы, служилые люди и простой народъ,—незамедлили измѣнить своему же избраннику царю Борису и сыну его Өеодору и предались на сторону самозванца, которому вскорѣ также измѣнили, самаго его убили, а царемъ поставили боярина Василія Шуйскаго. Но не долго и этотъ просидѣлъ на расшатавшемся престолѣ, и былъ въ свою очередь свергнутъ.

И тогда началось на Руси междуцарствіе (1610—1613 г.г.). Во всѣхъ концахъ государства появились чуть ли не десятки самозванцевъ, называвшихъ себя царями и царевичами русскими. Каждый изъ нихъ тянулъ въ свою сторону, и метались люди русскіе изъ одного стана въ другой, не зная, за кого же стоять, кто «истинный государь», а кто «прямой воръ». Въ исканіи собственныхъ выгодъ, боярство московское дошло даже до того, что предложило русскій Тронъ иноземцу-католику, польскому королевичу Владиславу.

Вотъ тутъ-то и выступили казаки, поставивъ себѣ задачей не допустить отечество до такой бѣды, чтобы сталъ царемъ иноземецъ. По всей землѣ русской народное броженіе дошло до крайней степени. Поляки были заперты въ Московскомъ Кремлѣ, и стали къ Москвѣ стекаться со всѣхъ сторонъ отряды добровольцевъ—патріотовъ, готовыхъ сложить свои головы за Родину и цѣной своей жизни освободить отечество отъ грозящаго ему чужеземнаго ига.

Однако и въ этомъ случаѣ все та-же несчастная самоубійственная борьба за власть чуть было не погубила всего дѣла въ самомъ началѣ: между предводителемъ дворянскаго ополченія - рязанцемъ Прокопіемъ Ляпуновымъ и казацкаго - княземъ Трубецкимъ пошла вражда изъ-за первенства, дошедшая до того, что Ля-

пуновъ былъ убитъ казаками. Готово было уже рухнуть великое дѣло спасенія отечества, но къ счастію въ это самое время въ Нижнемъ-Новгородѣ возникло сильное народное движеніе, начало которому и дальнѣйшее направленіе далъ извѣстный Козьма Мининъ, сумѣвшій настолько возбудить патріотизмъ своихъ согражданъ, что въ короткое время собрана была огромная казна и набрано ополченіе, и вскорѣ подъ Москвою собралось руководимое воеводой кн. Пожарскимъ сильное войско, готовое на рѣшительную борьбу съ поляками.

И было въ пору, такъ какъ шелъ уже на помощь къ запертымъ въ Кремлѣ полякамъ гетманъ польскій Ходкевичъ съ большими силами. Но воевода князь Пожарскій преградилъ Ходкевичу путь и вступилъ съ нимъ въ битву, которая чуть было не окончилась пораженіемъ русскихъ, благодаря тому, что завистливый и честолюбивый князь Трубецкой, начальствовавшій казацкимъ ополченіемъ, не хотѣлъ оказать помощи Пожарскому. Однако въ рѣшительную минуту сраженія, когда дальнѣйшее промедленіе грозило повлечь за собою разгромъ русскаго войска, казацкіе атаманы Филатъ Межаковъ, Афанасій Коломна, Дружина Романовъ и Марко Козловъ, невзирая на запрещеніе князя Трубецкого, сами вмѣшались въ дѣло и кинулись на поддержку Пожарскому со своими казаками, крича Трубецкому: «Отъ вашей ссоры Московскому Государству и ратнымъ людямъ пагуба становится!»... Эта поддержка, оказанная во-время и умѣло, придала рѣшительный перевѣсъ русскимъ,— поляки были разбиты и оттѣснены отъ Москвы.

Первый успѣхъ сразу ободрилъ русскихъ и наполнилъ ихъ сердца увѣренностью въ благополучномъ исходѣ начатаго дѣла. И дѣйствительно, вскорѣ все государство Московское было очищено отъ поляковъ, послѣ чего можно было приступить къ приведенію въ порядокъ внутреннихъ дѣлъ.

Казаки и здѣсь шли впереди, указывая вѣрный путь къ выходу изъ бѣдственнаго положенія. Они еще ранѣе, разсылая изъ-подъ Москвы грамоты въ разные города русскіе съ просьбой итти къ нимъ на помощь для борьбы съ поляками, указывали на то, что для спасенія оте-

чества необходимо положить конецъ безначалію и выбрать всею землею новаго царя. И вотъ въ освобожденной Москвѣ собирается Земскій Соборъ для избранія царя. Прежде всего былъ поставленъ вопросъ, выбирать ли русскаго или изъ сосѣднихъ царствующихъ фамилій и рѣшено было «Литовскаго и Шведскаго короля, и ихъ дѣтей и иныхъ нѣмецкихъ вѣръ и нѣкоторыхъ государствъ иноязычныхъ не христіанской вѣры греческаго закона на Владимирское и Московское государства не избирать». Стали выбирать изъ своихъ. Охотниковъ занять престолъ набралось немало,—и начались козни, дрязги, смуты и волненія. Каждый тянулъ за своего и не хотѣлъ уступить другому. Наконецъ, **казачій голосъ рѣшилъ дѣло въ пользу малоизвѣстнаго Михаила Ѳеодоровича, молодого внука боярина Никиты Романовича Юрьева-Захарьина, бывшаго еще при Іоаннѣ Грозномъ наказнымъ атаманомъ всѣхъ городовыхъ казаковъ и начальникомъ «польской украйны»** (см. выше гл. II),—однимъ изъ Донскихъ атамановъ было подано Земскому Собору письменное казачье мнѣніе. «О природномъ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ». Къ этому мнѣнію присоединились и прочіе выборные, и 21 февраля 1613 года предложенный казаками кандидатъ[25]) былъ волею Божіею и голосомъ народа русскаго провозглашенъ царемъ Московскимъ, и престолъ былъ врученъ донынѣ благополучно царствующему Дому Романовыхъ.

Современниками ясно сознавалось огромное значеніе казачьей службы въ Смутное Время, и вотъ какую оцѣнку этой службы даютъ Царь, Земскій Соборъ и высшее Россійское духовенство въ грамотахъ своихъ, посланныхъ къ атаманамъ и казакамъ на Донъ, на Волгу, на Яикъ и на Терекъ[26]): «И вы, атаманы и казаки, помня Бога и истинную нашу хрестьянскую вѣру... пришли подъ царствующій градъ Москву и, будучи подъ Москвою многое время, къ великому Россійскому государству многую свою

---

[25]) Что именно казаки поддержали кандидатуру Михаила Ѳеодоровича, видно еще изъ того, что отцу новоизбраннаго Царя, Филарету Никитичу, бывшему въ то время въ польскомъ плѣну, поляки открыто говорили: «Посадили сына твоего на Московское государство одни казаки Донцы»...

[26]) Дон. Дѣла, томъ I, стр. 91—94, 161, 165, 166, 173.

службу и радѣніе показали; съ Польскими и Литовскими людьми билися, не щадя головъ своихъ, и многіе ваша братья, атаманы и казаки, за истинную нашу православную хрестьянскую вѣру и за всѣхъ православныхъ крестьянъ на многихъ бояхъ побиты и ранены. И по милости Божіей, а **вашею атаманскою и казачьею** къ великимъ Россійскимъ государствамъ **прямою многою службою, и радѣньемъ и кровью, и дородствомъ, и крѣпостью, и правдою, Московское государство отъ Польскихъ и отъ Литовскихъ людей очистилось**, отъ ихъ злого плѣненія учинилось свободно... И ваша братья, атаманы и казаки, которые съ тѣми государевыми бояры и воеводами, многую свою службу къ великому Гооударю нашему и ко всему Россійскому государству показали: городы: Можаескъ, и Вязьму, и Дорогобужъ, и Бѣлую, и Путивль, и Черниговъ, и иные многіе города отъ Польскихъ и Литовскихъ людей очистили, а отъ Нѣмецкіе украйны, Тихвинъ монастырь и иные многіе Ноугородскіе пригороды очистили и подъ царскую высокую руку привели попрежнему; и Литовскую землю нынѣ воюютъ, многіе городы и строжки въ Литовской землѣ поимали; и недружбу имъ и ихъ многіе неправды мстятъ; **да и ваше, атамановъ и казаковъ и всего вашего Великаго Войска, которые нынѣ на Дону, и на Волгѣ, и на Терекѣ, и на Яикѣ, Великому Государю нашему многая служба и радѣнье объявилось**: и къ Великому Государю писали свою службу и радѣнье, что они хотятъ Великому Государю нашему служить прямымъ своимъ сердечнымъ желательнымъ радѣньемъ до кончины живота своего и къ воровству ни къ какому приставать не хотятъ... А вы-бъ, атаманы и казаки, по своему истинному обѣщанію, службу свою и радѣнье къ Великому Государю нашему и ко всему Государству Московскому совершали, на тѣхъ воровъ вмѣстѣ стояли. А Великій Государь нашъ, его Царское Величество, за вашу истинную къ Богу вѣру и правду, и къ нему, Великому Государю, за службу и за радѣнье учнетъ васъ держати въ своемъ милостивомъ царскомъ жалованьѣ и въ призрѣньѣ свыше прежнихъ великихъ Государей... А отъ всемогущаго Бога Творца и Создателя и отъ Пречистые его Богоматери, крѣпкіе надежи и заступницы, и великихъ чу-

дотворцевъ, просіявшихъ въ нашемъ Россійскомъ царствіи здѣсь и въ будущій вѣкъ милость; а **отъ всего Московскаго государства и отъ окрестныхъ государствъ честь и хвалу въ томъ на вѣки получите.** И въ его цаскомъ жалованьѣ и въ милостивомъ призрѣньѣ будете на вѣки неподвижны».

Прошло два вѣка, въ теченіе которыхъ казаки окончательно вошли въ составъ вооруженныхъ силъ государства. Борьба Петра Великаго со Швеціей, Полтавскій бой, Азовскіе походы, войны съ отдаленной Персіей, съ Крымомъ и Турціей, создавая славу казачеству, укрѣпляли мощь Россіи. Но въ началѣ XIX вѣка снова отечеству нашему пришлось перенести тяжелое испытаніе,- въ 1812 году французскій императоръ Наполеонъ I Бонопартъ съ полумиліонной арміей, составленной изъ всѣхъ народовъ Европы («дванадесяти языковъ»), вступилъ въ предѣлы Россіи, оттѣснилъ русскую армію въ глубь страны и послѣ жестокой и кровопролитной Бородинской битвы занялъ первопрестольную столицу русскую Москву. И снова единодушно поднялся народъ русскій, тысячи казаковъ, какъ и прежде, явились подъ Москву биться съ врагомъ и опять «атаманскою и казачьею прямою службою, и радѣніемъ, и кровію, и дородствомъ и правдою великою Россійское государство отъ дванадесяти языковъ очистилось и отъ злого ихъ плѣненія учинилось свободно».

Какъ орлы на лакомую добычу, кинулись казаки на вражескую армію, неустанно терзали и гнали ее при отступленіи изъ Москвы, въ преслѣдованіи своемъ дошли до самаго Парижа, столицы Франціи, и разнесли громкую славу непобѣдимаго русскаго оружія по всей Европѣ. Объ успѣхахъ лихихъ казацкихъ вождей («вихря-атамана» Платова и др.) Кутузовъ доносилъ Государю такъ: «Великъ Богъ, Всемилостивѣйшій Государь, припадая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, поздравляю Васъ съ новою побѣдою. **Казаки дѣлаютъ чудеса, бьютъ на артиллерію и пѣхотные колонны**. Всѣ французы въ плѣнъ забираемые, неотступно просятъ о принятіи ихъ въ русскую службу. Даже вчера италіанской гвардіи 15

офицеровъ приступили съ той же просьбой. Они говорятъ, что нѣтъ выше чести, какъ носить русскій мундиръ.»...[27]).

Французскій генералъ Де-Бракъ, одинъ изъ лучшихъ кавалерійскихъ офицеровъ арміи Наполеона I, даетъ въ своей книгѣ «Аванпосты легкой кавалеріи», изданной въ 1831 году, самые лестные отзывы о боевыхъ качествахъ казаковъ. «**Казаки**», говоритъ онъ,[28]) «**лучшая легкая кавалерія въ Европѣ**, вполнѣ достигшая цѣли своего назначенія (которое должно было бы быть назначеніемъ всякой легкой кавалеріи). Имъ свойственны инстинкты волка и лисицы; они привычны къ войнѣ и отличаются крѣпостью тѣла, а лошади ихъ черезвычайно выносливы...»

«Если казаки раздѣляются при отступленіи тѣмъ больше, чѣмъ продолжительнѣе ваши атаки, то не думайте, что они потеряли увѣренность и оробѣли. Нѣтъ, это способъ ихъ отступленія, способъ черезвычайно опасный для преслѣдующаго ихъ непріятеля, которому часто приходится раскаяться въ своей смѣлости. Если же, напротивъ, другія европейскія войска нескоро собираются при отступленіи, то это вѣрный признакъ ихъ деморализаціи; тогда нужно сильно насѣсть на нихъ ...

«Упоминая о **казакахъ**, я указалъ вамъ на нихъ, какъ **на совершенный образецъ**. Я снова подтверждаю то, что мною было сказано объ этомъ. Нѣкоторые офицеры, не участвовавшіе въ войнѣ или участвовавшіе въ ней не на аванпостахъ, считаютъ своей обязанностью презрительно отзываться объ этой кавалеріи; **не вѣрьте имъ!** Несправедливость къ своему противнику есть всегда дурная и ложная политика, и лучшій способъ для обогащенія себя боевыми средствами заключается не въ злословіи, а въ наблюденіи. **Спросите мнѣніе, составленное о казакахъ нашими знаменитостями**, каковы маршалы: Сультъ, Жераръ, Клозель, Мезонъ; генералы: Моранъ, Лаллеманъ,

---

[27]) Михайловскій-Данилевскій. Описаніе отечественной войны 1812 года. С-ПБ. 1843 г. ч. III, стр. 383.

[28]) Де-Бракъ. Аванпосты легкой кавалеріи. Воспоминанія. Пер. съ фран. С. Домогацкаго. Стр. 260-262, 480-482.

Пажоль, Кольберъ, Корбино, Ламаркъ, Преваль; спросите нашихъ неустрашимыхъ командировъ: д'Омениля Фарина и др., однимъ словомъ, **спросите всякаго настоящаго боевого офицера**, и они скажутъ вамъ, что **легкіе кавалеристы**, которые, **подобно казакамъ**, окружаютъ армію бдительной и непроницаемой сѣтью и, защищая ее, вмѣстѣ съ тѣмъ утомляютъ непріятеля, постоянно наносятъ удары и лишь рѣдко подвергаются имъ, **прекрасно и вполнѣ удовлетворяютъ назначенію какой бы то ни было легкой кавалеріи**».

«Вы прочтете въ запискахъ Ла-Валета: «Казаки были оружіемъ, которое дѣлало войну черезвычайно опасной, въ особенности для офицеровъ, назначенныхъ для рекогносцировки. Многіе изъ нихъ и преимущественно офицеры генеральнаго штаба, избранные начальникомъ штаба, предпочитали доставлять свои рапорты, основывая ихъ на показаніяхъ крестьянъ, чѣмъ подвергаться въ дали нападеніямъ казаковъ. Такимъ образомъ Императоръ уже не могъ знать истины».

«И такъ, вы видите офацеровъ, не смѣющихъ даже во Франціи отойти на разстояніе. Вы видите, что **геній Императора парализуется дѣятельностью казаковъ**. Развѣ этотъ фактъ ничего не значитъ!».

Генералъ Моранъ въ свою очередь говоритъ про нихъ слѣдующее: «Но эти конные народы не знаютъ ни правильныхъ подраздѣленій на части, ни равненія, не знаютъ вообще столь высоко цѣнимаго порядка и стройности; они ѣздятъ обыкновенно прижавъ колѣни къ лошади, а ногами упираются на широкія стремена, служащія имъ опорой при употребленіи въ дѣло оружія, такъ что они могутъ наклонять свой корпусъ впередъ для нанесенія удара и отшатываться для избѣжанія послѣдняго. Лошади ихъ пріѣзжанныя такимъ образомъ, что могутъ съ мѣста въ карьеръ и сразу останавливаться въ карьерѣ, усугубляютъ ихъ ловкость и какъ бы составляютъ съ ними одно цѣлое. Люди эти постоянно бодрствуютъ, двигаются съ замѣчательной быстротой, имѣютъ весьма ограниченныя потребности, а въ умахъ ихъ зарождаются однѣ лишь воинственныя мысли»...

«**Движеніе французской арміи было замедлено казаками**,—

отрѣзавъ ее отъ всякой помощи, они безпрестанно съ остервенѣніемъ нападали на ея фланги, подобно разсвирѣпѣвшимъ пчеламъ, безчисленные уколы которыхъ замучиваютъ и обезсиливаютъ льва. .

«Какое чудное зрѣлище представляла эта европейская кавалерія, раскинувшая свои линіи на берегахъ Нѣмана, блестящая сталью и золотомъ на солнечныхъ лучахъ іюньскаго дня и сіяющая пыломъ и храбростью. Какое горькое воспоминаніе оставили по себѣ тѣ безполезныя, истощившія ее маневрированія, которыя она употребляла **противъ казаковъ, прежде презираемыхъ, но сдѣлавшихъ для спасенія Россіи болѣе, чѣмъ всѣ арміи этой Имперіи**; ежедневно показывались они на горизонты, растянувъ свою линію на громадномъ пространствѣ, а ихъ ловкіе наѣздники смѣло подъѣзжали чуть не къ самымъ нашимъ шеренгамъ: мы строились, шли на эту линію, но когда совсѣмъ уже подходили къ ней, она исчезала и на горизонтѣ снова виднѣлись однѣ березы да сосны; но часъ спустя, когда лошадямъ былъ заданъ кормъ, атака начиналась снова,—черная линія ихъ опять появлялась, и снова повторялись тѣ же маневры, приводившіе къ тѣмъ же результатамъ. И такимъ образомъ самая лучшая, самая храбрая кавалерія, была замучена и изнурена людьми, которыхъ они считали недостойными для себя противниками, но **которые между тѣмъ одни могли спасти государство, нашедшее въ нихъ истинную опору и единственныхъ освободителей.** Къ довершенію нашего огорченія надо прибавить, что наша кавалерія была многочисленѣе казаковъ; что она была поддержана самой легкой и доблестной артиллеріей, составлявшей ужаснѣйшее изъ когда-либо существовавшихъ орудій смерти; кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что ея начальникъ, образецъ храбрости, поддерживалъ каждое свое движеніе самой неустрашимой пѣхотой. И не смотря на это, казаки возвратились покрытые славой, съ богатой добычей на плодородные берега Дона, между тѣмъ какъ поля Россіи были усѣяны трупами и оружіемъ нашихъ воиновъ, столь доблестныхъ, неустрашимыхъ и столь преданныхъ славѣ нашего отечества: вотъ въ чемъ заключается тайна побѣдъ Чингисъ-Хана»...

Такимъ образомъ, по признанію самого противника нашего, казачество въ 1812 году явилось вновь спасителемъ отечества отъ конечной гибели.

Наконецъ, и въ недавніе смутные годы, когда расшаталась и ослабѣла въ Россіи государственная власть, когда опять потерявшіе голову русскіе люди не знали, за что стоять, кому служить и чему вѣрить, попрежнему не поколебалось казачество и нетолько не примкнуло къ озвѣрѣвшимъ толпамъ мятежниковъ, но всѣ, какъ одинъ, самоотверженно стали казаки на защиту законности и порядка и по всему лицу Земли Русской мужественно и твердо исполняли свой тяжелый долгъ службы и присяги, не требуя наградъ за вѣру и вѣрность свою и не страшась ни пуль, ни кинжаловъ, ни бомбъ.

Много пришлось казакамъ перенести и вытерпѣть отъ обезумѣвшихъ враговъ порядка. Немало клеветы и оскорбленій пало на казачьи головы, но и это не поколебало твердости духа казаковъ, всегда и вездѣ готовыхъ служить пользѣ отечества до самозабвенія, до послѣдней капли крови стоять за цѣлость, силу и честь единой недѣлимой Россіи и быть крѣпкимъ оплотомъ, надежной опорой Царскаго Трона.....

На кличъ Орлиный.

На высокомъ утесѣ, среди сѣдыхъ скалъ
Царь пернатыхъ гнѣздо свое свилъ,
И оттуда Орелъ за добычей леталъ
И надъ мрачной стремниной парилъ.
Вотъ однажды домой возвратился Орелъ
Послѣ долгой прогулки въ горахъ
И въ гнѣздѣ своемъ царскомъ ехидну нашелъ
Съ ядомъ злобы въ коварныхъ глазахъ.
Попытался крыломъ ее Царь отогнать,
Но змѣя между мхомъ забралась
И, шипя на Орла, стала злобно взирать
И, готовясь къ прыжку, извивалась.
За родное гнѣздо Царь-Орелъ вступилъ въ бой,
Но не могъ съ ней одинъ совладать,
А межъ тѣмъ изъ расщелинъ ехидны гурьбой
Стали, злобно шипя, выползать.
И взился высоко къ небесамъ тутъ Орелъ,
Выше облакъ полетъ направлялъ,
Быстрымъ взоромъ равнины и горы обвелъ...
Зычно клекотъ Его прозвучалъ...
И съ Сибирскихъ степей, съ Забайкальскихъ высотъ,
Съ горъ Кавказа, съ Урала и съ Дона
Сталъ слетаться могучій орлиный оплотъ
На защиту Державнаго трона.
Побросавъ свои гнѣзда, на призывъ Царя
Понеслись Орлы въ бой беззавѣтно...
Всѣ слетѣлись, къ отчизнѣ любовью горя,
Окруживъ Царя стаей несмѣтной...
Налетѣли, какъ вихрь, они на враговъ,
Разнесли на клочки злое племя,—
И забылъ про ехидну народъ, а Орловъ
Прославлять будетъ вѣчное время...

Н. А. Карауловъ І-ый.

VII. Казачьи войска.

Изъ бывшихъ вольныхъ: Донское, Уральское, Терское, Кубанское. Изъ бывшихъ городовыхъ: Астраханское, Оренбургское, Сибирское. Семирѣченское, Забайкальское, Амурское и Уссурійское.

Въ предыдущихъ главахъ мы видѣли, что казачество при первоначальномъ своемъ возникновеніи раздѣлялось на двѣ совершенно различныя группы вольныя общины и служилое городовое казачество. Но съ теченіемъ времени часть городового казачества слилась съ мелкимъ помѣстнымъ дворянствомъ, съ стрѣльцами и съ иными городскими и сельскими сословіями, остальные же (за исключеніемъ Красноярскихъ, Иркутскихъ и Якутскихъ, оставшихся донынѣ, на основахъ 1822 года, въ гражданскомъ вѣдомствѣ) или вошли въ составъ бывшихъ вольныхъ общинъ, или послужили къ образованію новыхъ казачьихъ войскъ. Такимъ образомъ въ настоящее время семья казачья состоитъ изъ 11 отдѣльныхъ казачьихъ войскъ, общественный и правовой строй которыхъ представляетъ собою смѣсь началъ, лежавшихъ въ основѣ организаціи безсословнаго вольнаго и сословнаго городового казачества.

I. Старѣйшимъ и крупнѣйшимъ, какъ по своей численности, такъ и по историческому своему значенію, является **Войско Донское**, возникновеніе котораго относится къ первой половинѣ XVI вѣка, а старшинство считается со времени первой милостивой Царской грамоты, посланной Донцамъ Иваномъ Грознымъ въ 1570 году. Площадь

войскового землевладѣнія, количество населенія, выставляемыя войскомъ боевыя части и другія о войскѣ свѣдѣнія помѣщены въ прилагаемой къ сему ниже сводной статистической таблицѣ. Донское Войско не только сохранило до настоящаго времени свой первоначальный строй, но въ теченіи своей долговѣчной службы Царю и Отечеству Донскому войску не разъ приходилось выдѣлять значительныя массы своихъ сыновъ, отправлявшихся для заселенія иныхъ областей и для подкрѣпленія прочихъ войскъ. Съ исконныхъ временъ Донское войско дѣлится на двѣ различныя части: казаки «верховые» и «низовые», составлявшіе первоначальныя отдѣльныя войсковыя общины. Войсковые круги Донского Войска происходятъ 1-го января, 6-го мая, 25-го мая, 30-го августа и 5-го октября.

II. Сохранить подобно Донскому свой первоначальный составъ довелось только **Войску Уральскому**, переименованному въ 1775 году изъ бывшаго Яицкаго, образовавшагося около средины XVI вѣка и считающему свое старшинство съ 1591 года, когда впервые Яицкіе казаки приняли участіе въ походѣ Царскихъ войскъ противъ Шамхала Тарковскаго. Къ Уральскому Войску принадлежатъ и Илецкіе казаки, составляющіе все же отдѣльную отъ Войска земельную общину изъ своихъ станицъ. Войсковой кругъ 8-го ноября.

III. Къ той же серединѣ, или даже къ началу XVI вѣка относится возникновеніе и **Терскаго Войска**, основаніе которому положили вольные казаки, поселившіеся въ Терско-Сунженскихъ горныхъ гребняхъ, отъ которыхъ и получили имя «Гребенскихъ». Въ послѣдствіи къ нимъ присоединилось войско Терское Семейное, Аграханскіе и Кизлярскіе казаки, большая часть прежняго Волжскаго войска, составившая Моздокскій и Волжскій полки, и казаки Малороссійскіе, образовавшіе Владикавказскій полкъ. Кромѣ того, Терское казачество разновременно пополнялось какъ русскими выходцами и переселенцами съ Дона, изъ Малороссіи и изъ различныхъ губерній центральной Россіи, такъ и иноплеменниками—татарами, осетинами, грузинами. Старшинство Терскому Войску считается съ 1577 года, когда Терскіе казаки

впервые дѣйствуютъ подъ царскими знаменами. Войсковой кругъ 25-го августа, въ память взятія Шамиля на Гунибѣ въ 1859 г.

IV. Наконецъ, четвертое войско, имѣющее своимъ ядромъ вольную общину,—**Кубанское** составлено въ 1860 году изъ бывшаго Черноморскаго и части Кавказскаго Линейнаго войска, въ которомъ старѣйшимъ былъ Хоперскій полкъ, образованный изъ Новохоперскихъ городовыхъ казаковъ; по этому полку и дано старшинство Кубанскому Войску съ 1696 года. Черноморскіе же казаки, поселенные въ Кубанскомъ краю Императрицей Екатериной Великой въ 1792 году, являются прямыми потомками и наслѣдниками славнѣйшихъ изъ казаковъ —Запорожцевъ. Войсковые круги—11 апрѣля, 6 и 25 мая, 30 августа и 5 октября.

Что касается до остальныхъ войскъ, то всѣ они образованы изъ городовыхъ командъ и полковъ и по старшинству стоятъ въ слѣдующемъ порядкѣ.

V. **Оренбургское Войско**, образованное въ 1744 году изъ казаковъ Исетскихъ, оставшихся со временъ Ермака, и городовыхъ казаковъ Самарскихъ, Уфимскихъ и переселенныхъ Малороссійскихъ казаковъ. Войсковой кругъ 23 апрѣля.

VI. **Астраханское Войско** образовано въ 1818 году изъ бывшаго Астраханскаго полка и казачьихъ командъ Саратова и ниже его лежащихъ поволжскихъ городовъ. Астраханскій же полкъ былъ сформированъ въ 1750 г. изъ трехсотенной Астраханской городовой казачьей команды, учрежденной въ 1737 году въ гор. Астрахани изъ калмыковъ и русскихъ. Старшинство Астраханскому Войску дано съ 1750 года. Войсковой кругъ 19 августа и 5 октября.

VII. **Сибирское Войско** было составлено въ 1760 году изъ разбросанныхъ на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ верстъ небольшихъ отдѣльныхъ командъ городовыхъ и пограничныхъ казаковъ, а впослѣдствіи, въ 1867 году, отъ него было отдѣлено новое Семирѣченское Войско. Войсковой кругъ 6-го декабря.

VIII. **Забайкальское войско** было образовано въ 1851 году изъ казаковъ, жившихъ въ Забайкальѣ, съ присое-

диненіемъ значительной части русскихъ крестьянъ и инородцевъ: казаковъ 10115 (пограничныхъ 7543, городовыхъ 1415 и станичныхъ 1157), крестьянъ 29815, бурятъ 9864 и тунгузъ 1667. Войсковые круги Забайкальскому Войску установлены 17 марта и 21 іюня.

IX. Въ 1858 году часть Забайкальскаго Войска, расположенная по р. Амуру, получила самостоятельное устройство и составило отдѣльное **Амурское** казачье **войско**. Войсковой кругъ 17-го марта.

X. Въ 1867 году, при образованіи Туркестанскаго военнаго округа, въ видахъ большаго удобства управленія, изъ поселеній 9 и 10 полковыхъ округовъ Сибирскаго Войска было образовано новое казачье **войско—Семирѣченское**. Войсковой кругъ 23-го апрѣля.

XI. Самое молодое **Войско Уссурійское** было образовано въ 1889 году изъ станицъ Амурскаго Войска, лежащихъ по р. Уссури. Составъ Уссурійскаго Войска былъ постепенно пополненъ переселенцами-казаками старыхъ Войскъ—Донского, Оренбургскаго, Кубанскаго, Терскаго, и Уральскаго. Войсковой кругъ 17-го марта.

Какъ на рѣчкѣ на Камышинкѣ.

Какъ на рѣчкѣ было на Камышинкѣ
Собирались казаки, люди вольные,
Люди вольные собирались, безпаспортные,
Что Донскіе казаки, Гребенскіе и Яицкіе.
Атаманомъ былъ у нихъ Ермакъ Тимофеевичъ,
Есауломъ былъ Гаврюшка Лаврентьевичъ.
Собирались казаки во единый кругъ
Всѣ—Донскіе, Гребенскіе и Яицкіе.
Во кругу стоитъ атаманушка;
Онъ рѣчь говоритъ, что въ трубу трубитъ:
«Ой вы, брацы, мои други, удалые казаки!
«Вы мнѣ думушку попридумайте:
«Ужъ какъ лѣто то проходитъ, лѣто теплое,
«Настаетъ она—зима, брацы, холодная.
«Гдѣ-жъ мы зимушку зимовать будемъ,
«Какъ мы лютую коротать будемъ.
«На Яикъ итти—переходъ великъ,
«А на Волгѣ жить—намъ ворами слыть...
«Подъ Казань пойти—тамъ самъ Царь стоитъ,
«Грозный Царь стоитъ, Иванъ Васильевичъ.
«У него тамъ силы-войска много-множество:
«Тамъ намъ всѣмъ, казакамъ, быть изловленнымъ,
«По темнымъ темницамъ поразсаженнымъ,
«А мнѣ, Ермаку, быть повѣшеннымъ.

«Ой вы гей еси, братцы, атаманы-молодцы,
«Вы Донскіе казаки, Гребенскіе и Яицкіе.
«Гей вы, думайте, братцы, пораздумайте
«Да меня, Ермака, вы послушайте:
«Зазимуемъ-ка мы, братцы, всѣ въ Астрахани,
«А зимой мы, братцы, поисправимся,
«И какъ зимушка пройдетъ холодная,
«Какъ и лѣто настанетъ, братцы, лѣто теплое,—
«Мы тогда то, братцы, во походъ пойдемъ,
«Мы заслужимъ предъ Царемъ всю вину свою:
«Мы пойдемъ въ походъ съ Божьей помощью
«Воевать тѣ царства бусурманскія,
«Покоримъ ихъ, братцы, Царю Бѣлому,
«Царю Бѣлому Православному».

Старинная казачья пѣсня.

Часть II.

КАЗАКИ НА ТЕРЕКѢ.

„Твой отецъ былъ старый воинъ, —
„Закаленъ въ бою“...

Не изъ тучушки вѣтерочки дуютъ.

Не изъ тучушки вѣтерочки дуютъ;
Не дубравушка во полѣ шумитъ;
То не сизые орлы въ полѣ клекочутъ,
По-надъ небесью орлы летучи;
Не сѣрые гусюшки гогочутъ,
По-надъ бережкомъ гуси сидючи, —
То расплакались Гребенскіе казаченьки,

Передъ Грознымъ Царемъ стоючи:
«Ужъ Ты, Батюшка, Ты нашъ Царь-Надежа,
«Православный Ты нашъ Государь.
«Не изволь Ты насъ казнить вѣшать,—
«Позволь рѣчи говорить.
«Какъ бывалоча, Ты, нашъ Царь-Надежа,
«Много насъ дарилъ, много жаловалъ,
«А теперь, Ты, нашъ Царь-Надежа,
«Чѣмъ подаришь насъ, чѣмъ пожалуешь.»
-- «Подарю я васъ, Гребенскіе казаки,
«Рѣкой вольною—быстрымъ Терекомъ
«Отъ самаго гребня до синя моря,
«До синя моря до Хвалынскаго.»...
Какъ взглянулъ тутъ Царь-Надежа
На удалыхъ казаковъ
И отдалъ имъ быстрый Терекъ
Владѣть во-вѣки вѣковъ.

I. Гребенское войско.

Первыя казачьи поселенія на Терекѣ. Отношенія новоселовъ къ туземцамъ. Семейный и общественный бытъ Гребенцовъ. Первые труды и подвиги. Переходъ Гребенцовъ на лѣвый берегъ Терека. Дальнѣйшая судьба Гребенского Войска.

Первымъ слоемъ казачества на Терекѣ явились Гребенцы, появленіе которыхъ на Сѣверномъ Кавказѣ надо отнести къ серединѣ или даже, быть можетъ, къ первой половинѣ XVI вѣка.

Откуда и какъ попали они на Кавказъ— вопросъ, и до сихъ поръ недостаточно выясненный. Одни полагаютъ, что Гребенцы являются отпрыскомъ Донского казачества, другіе видятъ въ нихъ остатки вольнаго казачества Рязанской украйны, проживавшаго въ волости Червленнаго Яра и покинувшаго свои насиженныя мѣста въ пору окончательнаго присоединенія Рязанскаго княжества къ Москвѣ (1520 г.). Особенности гребенского казачьяго говора, рѣзко отличающія Гребенцовъ отъ остальной части Терскаго казачества, даютъ возможность съ полной увѣренностью отрицать какую бы то ни было ближайшую кровную связь ихъ съ Донцами и, наоборотъ, указываютъ на близость къ казакамъ Уральскимъ (до конца XVIII вѣка называвшимся Яицкими). Поэтому болѣе вѣроятнымъ приходится признавать старинное преданіе Гребенцовъ, по которому они составляютъ смѣсь рязанскихъ казаковъ Червленаго Яра съ новгородскими «ушкуйниками»,— -вольными удальцами новгородцами, рыскавшими въ цѣляхъ охоты, торговли и,

при случаѣ, грабежа по рѣкамъ Земли Русской отъ Бѣлаго моря, гдѣ они били бѣлыхъ медвѣдей («ушкуевъ»), до синя моря до Хвалынскаго (Каспійское), гдѣ громили «кизильбашскія бусы-галеры» (персидскія торговыя и военныя суда).

Не желавшая подчиниться Москвѣ казачья ватага выступила въ поиски новыхъ мѣстъ поселенія весною 1520 года, прошла Дономъ къ «переволокѣ» на Волгу, по которой спустилась въ Каспій, и оттуда вошла въ Терекъ, на берегахъ котораго и осѣла въ полутораста верстахъ отъ его низовья. Мимо Астрахани казаки могли пройти или мирно, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что русскіе торговые люди въ тѣ времена были частыми дорогими гостями и въ Астрахани, и въ Кизильбашахъ, и даже въ далекой Бухарѣ, а можетъ быть не утерпѣли казаки и потѣшились своимъ молодечествомъ, мимоходомъ захвативъ въ свои руки столицу Астраханскаго царства по-казацки—«изгономъ» (налетомъ). Хотя въ русскихъ лѣтописяхъ и не упоминается о такомъ происшествіи, однако оно имѣетъ за собою большую вѣроятность, если вспомнить, что еще до взятія Казани, около 1550 года, Султанъ Турецкій писалъ къ ногайцамъ о томъ, какъ «казаки Астрахань взяли, оба берега Волги воюютъ».

Точнаго мѣста, гдѣ поставили свои городки первые Гребенцы, въ настоящее время указать нельзя. Извѣстно только, что въ 1628 году иностранцы минералоги Фричъ и Геральдъ, посланные Московскимъ правительствомъ на поиски серебряной и мѣдной руды въ горахъ Кавказа, нашли гребенскіе городки въ горахъ выше «кабаковъ» (селеній) Илдара и Келмамета, сыновей Ибака-мурзы, и совѣтовали поставить царскій острогъ на р. Сунжѣ для связи между Гребенцами и царскимъ городомъ Терками (см. ниже); что въ 1651 году воевода Терскій писалъ въ Москву, что въ полутораста верстахъ отъ Терокъ, въ казачьихъ гребенскихъ городахъ винограднаго кустья добрѣ много; что въ 1668 году донскіе атаманы Алешка Протокинъ и Алешка Каторжный, явившись къ Гребенцамъ съ предложеніемъ принять участіе въ замыслахъ Стеньки Разина, располагаются станомъ про-

тивъ гребенскихъ городковъ, у Калиновыхъ Лукъ, на Терекѣ и что, какъ сообщаетъ генералъ Ригельманъ, писавшій въ XVIII столѣтіи исторію Донского Войска, «первоначальное убѣжище казаковъ было въ урочищахъ Голаго Гребня, въ ущельѣ Павловомъ при гребнѣ и въ ущельѣ Кашлаковскомъ и при Пименовомъ Дубѣ». Сопоставляя эти данныя и освѣщая ихъ устными преданіями Гребенцовъ, можно съ увѣренностью говорить о томъ, что Гребенцы, прибывъ на Терекъ, заняли своими поселеніями гребень Терскаго хребта между Терекомъ и нижней Сунжей, отъ котораго и получили свое прозваніе «Гребенскихъ».

Въ тѣ времена на Терской равнинѣ господствовали только кабардинцы и кумыки, образовывавшіе мелкія княжества и владѣнія, изъ которыхъ было болѣе значительнымъ Шамхальство Тарковское, лежавшее въ сѣверной части Дагестанскаго побережья, въ окрестностяхъ нынѣшняго Петровска. Въ дремучихъ лѣсахъ, покрывавшихъ тогда чеченскую равнину, кое-гдѣ были раскинуты рѣдкіе хутора чеченцевъ, бывшихъ въ ту пору миролюбивымъ пастушескимъ народомъ, страдавшимъ отъ кумыковъ и кабардинцевъ. Большинство чеченцевъ, ингуши и осетины были оттиснуты еще татарами въ глубину горныхъ ущелій, изъ которыхъ стали показываться лишь съ начала XVIII столѣтія.

Обстоятельства складывались на Терекѣ такимъ образомъ, что Гребенцамъ пришлось занять пустопорожнія мѣста, очищенныя отъ населенія еще кочевниками-татарами, а потому съ первыхъ же дней между Гребенцами и ближайшими ихъ сосѣдями установились самыя добрососѣдскія отношенія. Гребенцы куначились и съ кабардинцами и съ чеченцами, причемъ отъ послѣднихъ часто брали себѣ женъ, а отъ первыхъ, бывшихъ въ то время законодателями модъ на Сѣверномъ Кавказѣ, переняли конское снаряженіе, холодное оружіе и одежду; что же касается до огнестрѣльнаго оружія («огненнаго боя»), то Гребенцы принесли его съ собой изъ Руси, чѣмъ сразу завоевали себѣ почетное положеніе среди народцевъ Сѣвернаго Кавказа, не имѣвшихъ еще иного кромѣ «лучнаго боя». Мирныя отношенія съ сосѣдями

привели къ тому, что въ то время, какъ на Дону даже въ 1690 году, занятіе земледѣліемъ среди казаковъ каралось смертною казнью, на Терекѣ, въ Гребняхъ, на первыхъ же порахъ наряду съ охотой и рыболовствомъ развивается въ широкихъ размѣрахъ скотоводство, хлѣбопашество, шелководство, пчеловодство, садоводство, виноградарство и винодѣліе, о которомъ въ 1651 году воевода Терскій пишетъ, что Гребенцы приготовляютъ «виноградное питье», которое продаютъ въ Теркахъ и про себя держатъ». Чапурка «родительскаго» съ первыхъ лѣтъ существованія и до нынѣ скрашиваетъ досугъ гребенца и сопутствуетъ ему во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ случаяхъ жизни: проводы и встрѣчи, родины, крестины, свадьба и похороны, удача въ дѣлахъ... Кстати здѣсь будетъ только сказать въ укоръ современникамъ, что въ то время, какъ въ старину Гребенцы въ будни, въ рабочіе дни за позоръ считали обмочить усы въ «родительскомъ», а безусымъ и безбородымъ запретъ былъ и въ праздники, памятуя мудрое изрѣченіе: «вино есть млеко старцамъ, а юности огонь поядаяй», теперь пьютъ «почемъ зря» и старый и малый, и въ будни и въ праздникъ, и гибнетъ годъ отъ году гребенское хозяйство, здоровье и сила.

Впрочемъ, занятіе хозяйствомъ не мѣшало Гребенцамъ и пользоваться выгодами своего стратегическаго (военнаго) положенія. Поселившись на бойкомъ мѣстѣ, на большой Черкасской дорогѣ, по которой тянулись изъ одного конца въ другой изъ Крыма и Азова чрезъ Куму въ Терки, Дербентъ и Баку и обратно товары европейскіе, турецкіе, персидскіе, бухарскіе, индійскіе, и пользуясь тѣмъ, что Терекъ и Сунжа были въ то время гораздо многоводнѣе, чѣмъ нынѣ, почему «перелазы» (броды) черезъ нихъ были только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, извѣстныхъ казакамъ, Гребенцы залегали на бродахъ и собирали съ проѣзжихъ купцовъ «дани — выходы», находя въ такихъ занятіяхъ выходъ удали своей молодецкой и добывая цвѣтные шелка, золото и серебро для подруги тревожной своей жизни — гребенички, сохранившей и донынѣ, на ряду съ рѣдкимъ трудолюбіемъ и домовитостью, неудержимую склонность къ на-

рядамь и украшеніямъ въ видѣ ожерелій съ «припой-ками» (монетами съ припаянными ушками), дорогихъ поясовъ, бляхъ, застежекъ, яркихъ шелковыхъ бешметовъ, составляющихъ неизмѣнную принадлежность одежды гребенской женщины.

Турція и Персія съ первымъ появленіемъ на Терекѣ казаковъ не даютъ Москвѣ покоя своими вѣчными жалобами на то, что они Черкасскую дорогу затворили, по перелазамъ лежатъ, съ купцовъ оброки берутъ великіе, а иныхъ и грабятъ и до смерти убиваютъ, чѣмъ торговлю подрываютъ въ конецъ. Но у Москвы былъ на это готовый отвѣвъ: «Сами знаете, что на Терекѣ и на Дону живутъ воры, бѣглые люди, безъ вѣдома Государева, не слушаютъ они никого, и намъ до казаковъ какое дѣло».

Общественное устройство Гребенского Войска было тождественно съ устройствомъ и прочихъ вольныхъ Войскъ: тотъ же Войсковой Кругъ, выбиравшій полновластнаго Войскового Атамана, Есаула и Писаря и прочую старшину: войскового знаменщика, станичныхъ атамановъ, есауловъ, сотниковъ, пятидесятниковъ и иныхъ; то же равенство всѣхъ и каждаго.

Домашній укладъ быта и характеръ гребенца и донынѣ сохранилъ на себѣ отпечатокъ любопытнаго соединенія чисто русскихъ основъ съ основами азіатскими: русскій рубленый курень и азіатская мазанка—«избушка»; старинные мѣдные складни въ кіотѣ въ переднемъ углу и по стѣнамъ оружіе и конская сбруя; замкнутость старообрядческаго религіознаго міросозерцанія и постоянное якшаніе съ иновѣрцами—«азіятами»; сусѣкъ для засыпки хлѣба и сапетка для храненія «початки»; широкій размахъ русскаго гулливаго трепака и скромная, полная граціозности и плавности движеній лезгинка; мужественная стойкость въ пѣшемъ бою, несмотря ни накакія потери, и лихое наѣздничество и безумная отвага рукопашнаго коннаго боя «по-кавказски»,—все это невѣроятное смѣшеніе выработало изъ гребенца типъ хозяина—война рѣдкихъ качествъ, всегда выдѣлявшихъ его изъ общей массы даже въ средѣ такихъ войскъ испытанной отваги и удали, каковыми были всегда войска Кавказ-

ской арміи. Графъ Гудовичъ во всеподаннѣйшемъ донесеніи Императрицѣ Екатеринѣ Великой отъ 7 ноября 1791 года о Гребенцахъ писалъ: «**Гребенскіе казаки отмѣнно храбрые, хорошо стрѣлять умѣющіе** и для здѣшняго горнаго края полезны; можно оныхъ почесть конными егерьми. Они и въ прошедшій походъ подъ Анапой (1788 г.) **вездѣ себя особливо отличили**».

Благодаря такимъ высокимъ боевымъ качествамъ, Гребенскіе казаки чрезвычайно цѣнились военными начальниками края и нарасхватъ разбирались хотя-бы малыми частями по различнымъ отрядамъ въ командировки. Поэтому совершенно справедливо будетъ сказать, вмѣстѣ съ ротмистромъ графомъ Стенбокомъ (въ донесеніи Наказному Атаману Верзилину отъ 3 марта 1835 г.), что «**исторія походовъ на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи есть и исторія походовъ Гребенскихъ казаковъ, находившихся всегда частями въ составѣ всѣхъ дѣйствующихъ отрядовъ**». Дѣйствительно, три вѣка неустанно лили Гребенцы и свою кровь и вражью въ безпрерывныхъ бояхъ и стычкахъ въ горахъ и дебряхъ Кавказа, начиная съ походовъ Хворостина (1594 г.), Бутурлина и Плещеева (1604 г.) и кончая походами противъ Шамиля и взятіемъ его въ Гунибѣ въ 1859 г.

Въ началѣ XVIII вѣка бывшія дотолѣ мирными отношенія между Гребенцами и чеченцами въ конецъ испортились, благодаря двумъ причинамъ: съ одной стороны въ среду чеченцевъ проникло мусульманство и турецкое вліяніе, враждебное русскимъ, а съ другой—чеченцамъ пришлось испытать крайне разорительное нашествіе степняковъ калмыковъ, которые пользовались поддержкой русскихъ властей. Возникшія къ этому времени мелкія хищничества со стороны чеченцевъ принудили русское правительство озаботиться укрѣпленіемъ граничной съ Предкавказьемъ линіи вдоль р. Терека, почему генералъ Апраксинъ предложилъ въ 1711 году Гребенцамъ перейти на лѣвый берегъ Терека, что Гребенцы и сдѣлали, надѣясь быть въ большей безопасности отъ хищниковъ. Надеждамъ ихъ не суждено было оправдаться, а между тѣмъ Гребенцы лишились привольныхъ и плодородныхъ юртовъ своихъ по правому берегу, оста-

вавшихся до начала XIX вѣка въ ихъ пользованіи, а затѣмъ переданныхъ русскимъ правительствомъ «мирнымъ» чеченцамъ.

Въ 1819 году генералъ Ермоловъ уничтожилъ остатки самоуправленія Войска, подчинивъ его хозяйственный бытъ назначаемымъ военнымъ начальникамъ; въ 1832 году Войско было переименовано въ Гребенской казачій полкъ, вошедшій сначала въ составъ Кавказскаго Линейнаго войска, а затѣмъ съ 1861 года въ составъ Терскаго Казачьяго войска.

Смерть Волженскаго.

(Дѣло 19 августа 1832 г.).

Пыль клубится по дорогѣ темной длинной полосой:
Изъ Червленной по тревогѣ скачетъ полкъ нашъ Гребенской.
Скачетъ-мчится, точно буря, къ Гудермесу подскакалъ,
Гдѣ Кази-Мулла съ ордою въ десять тысячъ его ждалъ.
Полкъ не дрогнулъ, увидавши таку силу предъ собой:
Шашки вынулъ и помчался на бой смертный съ той ордой.
Храбрый Волженскій полковникъ первымъ врѣзался въ орду
И съ полкомъ по ней метался, точно будто бы въ чаду.
Всѣ рубились, на смерть бились удалые Гребенцы.
Храбрый Волженскій полковникъ кричалъ: «Браво, молодцы!»
Орда дрогнула, бѣжала, мы помчалися за ней.
Но насъ тамъ засада ждала изъ отважнѣйшихъ людей.
Мы засаду ту разбили и шли дальше все впередъ,
Но не знали, что въ оврагѣ насъ другая бѣда ждетъ.
Тамъ собралися чеченцы, все отважные бойцы,
Вотъ отъ нихъ то пострадали тогда наши Гребенцы.
Залпъ раздался... Отвѣчали двумя пушками ему.
Бой отчаянный начался... Здѣсь забыли мы жену,
Здѣсь забыли матерей, сестеръ, братьевъ и отцовъ,—
Только помнили одну славу дѣдовъ Гребенцовъ!
Справа, слѣва обходили храбрый полкъ нашъ Гребенской...
Тутъ Волженскаго убили, тутъ лилася кровь рѣкой.
Враги думали, что можно всѣхъ въ могилу насъ сложить,
И что больше безпокоить мы не будемъ уже ихъ.
Но не такъ свершилось дѣло въ ту минуту Гребенцамъ:
Полкъ не дрогнулъ, пошелъ смѣло искать путь себѣ началъ.
Полкъ рубился, на смерть бился съ тѣмъ безчисленнымъ врагомъ;
Врагъ со страхомъ разступился, путь открылъ передъ полкомъ.
Полкъ помчался къ переправѣ, что на Терекѣ была.
Тамъ кричали намъ солдаты: «Честь и слава вамъ, ура!»
Переправясь черезъ Терекъ, по станицѣ разбрелись.
Кто веселый, кто съ слезами тутъ мать съ сыномъ обнялись.
Въ Червленой встрѣтивши убитыхъ, намъ сказали матерья:
«Мы привыкли видѣть жертвы за любимаго Царя!»

II. Низовые Терскіе казаки.

(Войска Терское, Терское Семейное и Кизлярское).

Возникновеніе Терскаго Войска. Царскіе города на Терекѣ. Борьба съ Дагестаномъ и Персіей. Донскіе раскольники на Кумѣ и Аграхани. Аграханское Войско. Построеніе Кизляра и дальнѣйшая судьба низоваго Терскаго Войска.

Сокрушивъ былое могущество Золотой Орды, Москва явилась въ глазахъ всего ближняго Востока естественной наслѣдницей всѣхъ татарскихъ владѣній. Прошло съ небольшимъ полъ вѣка со времени освобожденія Москвы отъ татарскаго ига (въ 1480 г.), какъ уже все необъятное степное пространство почувствовало надъ собою властную руку Московскаго Царя. Послѣ упорной борьбы пала въ 1552 году Казань, за ней вскорѣ подчинилась Москвѣ и Астрахань. Въ Ногайской ордѣ стали ходить среди кочевниковъ упорные толки, что «взялъ Государь всю Волгу до самаго моря, скоро возьметъ и Сарайчикъ; возьметъ весь Яикъ, Шамаху, Дербентъ, и намъ де всѣмъ отъ него быть взятымъ. Наши книги говорятъ, что **всѣ бусурманскіе государи Русскому Государю поработаютъ**». Большинство ногаевъ признало надъ собою власть Царя и принесло ему шерть (присягу), а меньшая часть (Малые Ногаи) откочевала къ Манычу и Азовскому морю, гдѣ стала извѣстна подъ именемъ Казыевыхъ-улусовъ.

Чувствуя приближеніе Московской власти, стали бить челомъ Царю и мелкіе владѣтели Сѣвернаго Кавказа. Первыми явились въ ноябрѣ 1552 года князья Жанейскихъ и Пятигорскихъ черкасъ (кабардинцевъ), просившихъ принять ихъ въ русское подданство и защитить отъ притязаній Крыма и Турціи. Въ 1555 году съ той же просьбой обращаются Владѣтель Тюменьскій (небольшого княжества, находившагося въ болотистыхъ ни-

зовьяхъ Терека) и Шамхалъ Тарковскій, возобновлявшій свои просьбы еще въ 1557 и въ 1558 годахъ. Въ 1557 году кабардинцы принимаются въ Московское подданство, часть ихъ переходитъ въ Москву на службу и въ слѣдующемъ году участвуетъ въ Ливонской войнѣ и въ походѣ воеводы Вишневецкаго на Крымъ. Въ 1559 году уже на Терекѣ появляются впервые царскія войска для защиты кабардинцевъ отъ кумыкъ, и въ 1560 г. воевоевода Черемисиновъ съ русской ратью и съ кабардинцами идетъ въ походъ противъ Шамхала Тарковскаго.

Женитьба Царя Ивана Грознаго (въ 1561 г.) на кабардинской княжнѣ Маріи (Гуашѣ) Темрюковнѣ еще болѣе сблизила Кабарду съ Русью и дала поводъ Царю объявить ее вотчиною Государевою. Въ 1563 году въ помощь царскому тестю князю Темрюку Айдаровичу посылается изъ Астрахани 500 стрѣльцовъ и 500 казаковъ, и воевода Плещеевъ строитъ въ Кабардѣ первый полурусскій-полукабардинскій городъ на правомъ берегу Терека[29]). Въ 1567—68 г.г. въ устьѣ рѣки Сунжи былъ построенъ русскій военный городъ—Первая Терка, просуществовавшая очень недолго: въ 1571 году она была оставлена русскими войсками, а чрезъ семь лѣтъ построена была воеводой Новосильцевымъ, посланнымъ на Терекъ «со многими людьми и вогненнымъ боемъ для ратнаго и городового дѣла», въ томъ же устьѣ Сунжи, но уже на новомъ мѣстѣ вторая Терка, которую, впрочемъ, постигла участь первой Терки: по настоятельнымъ требованіямъ Турецкаго Султана войска Царскія были вновь сведены съ Терека. Однако Терка не осталась пустовать, а была занята вольными казаками, пришедшими на Терекъ съ Волги, гдѣ въ то время московское правительство предприняло дѣятельную борьбу съ увеличившимся до крайнихъ предѣловъ разбойничествомъ волжскаго казачества (дѣйствія стольника Мурашкина

[29]) Вѣроятно, въ Нижнемъ Джулатѣ, на высокомъ мысу отрога Кабардинскаго хребта, возвышающемся надъ Терекомъ противъ станціи Котляревской, гдѣ и до нынѣ сохранились остатки городища, съ явными признаками, что на томъ мѣстѣ стоялъ большой городъ, съ укрѣпленіемъ на командующей надъ окрестностью высотѣ и съ высокой башней.

въ 1577 г.). Разсѣянные во всѣ стороны волжскіе казаки покинули Матушку Волгу и двинулись на новыя мѣста: одни захватили ногайскую столицу Сарайчикъ и заняли Яикъ, положивъ начало Яицкому (нынѣ Уральскому) Войску, другіе съ Ермакомъ направились на завоеваніе Сибири, а третьи разселились въ низовьяхъ Терека, гдѣ болотистыя камышевыя заросли давали спокойный пріютъ безшабашнымъ удальцамъ, искавшимъ свободы отъ государственной власти. Съ того же 1577 г. и считается офиціальное старшинство Терскаго Казачьяго Войска.

Въ 1588 году вновь царскія войска занимаютъ низовья Терека. Строится во владѣніяхъ Тюменьскаго князя близь моря воеводскій городъ—третья Терка, съ различными торговыми и государственными учрежденіями. Первый Терскій воевода Андрей Хворостининъ принимаетъ мѣры къ развитію мирныхъ торговыхъ сношеній съ сосѣдними народами, а для удержанія края въ своей власти ставитъ на Сунжѣ «острогъ» (укрѣпленный сторожевой постъ), занимаемый стрѣльцами и городовыми казаками. Вскорѣ ставятся также остроги на Койсу и на Акташѣ. Однако послѣ славныхъ, но тѣмъ не менѣе неудачныхъ, походовъ на Тарки воеводы Хворостинина въ 1594 году и Бутурлина въ 1604 г. и въ виду начавшагося на Руси Смутнаго Времени (1605—1613 г.г.) всѣ эти остроги снимаются, и дальнѣйшее наступленіе Руси въ Терскомъ краѣ надолго задерживается.

Къ началу XVII вѣка въ низовьяхъ Терека, наряду съ царскими войсками (дѣтьми боярскими, стрѣльцами пѣшими и конными, городовыми казаками), появляется и дѣйствуетъ многочисленная группа Вольнаго Терскаго Казачества. Несмотря на постоянныя потери въ жаркихъ схваткахъ съ прикавказскими народцами и въ молодецкихъ подвигахъ на Каспійскомъ морѣ, эта понизовая Терская вольница настолько разростается численно, что въ 1606 году, не получая за свою службу царскаго жалованья, 4000 казаковъ подняли возстаніе противъ Терскихъ воеводъ. Сначала они предполагали пойти пограбить турецкія владѣнія въ Закавказьѣ по рѣкѣ Курѣ или предложить свою службу Шаху Персидскому, но потомъ передумали и рѣшили пойти на Москву ставить

на царскій престолъ своего царевича Петра, роль котораго поручили бродягѣ муромцу Ильѣ Коровину. Четырехтысячное Терское войско прошло въ Астрахань, а оттуда двинулось вверхъ по Волгѣ. Бывшій тогда на Московскомъ престолѣ Димитрій I Самозванецъ (1605—1606 г.г.) пригласилъ «царевича» въ Москву, но до прибытія Терцевъ самъ былъ свергнутъ съ престола и убитъ. Престолъ занялъ Василій Шуйскій, противъ котораго почти повсемѣстно стали подниматься народныя возстанія, въ водоворотѣ которыхъ закрутились и Терскіе казаки со своимъ «царевичемъ». Довольно замѣтна была роль, которую играли въ ту пору Терскіе казаки, такъ что въ условіяхъ, на которыхъ согласился польскій царевичъ Владиславъ принять предложенный ему боярами царскій престолъ на Москвѣ, въ статьѣ 18 значилось: «**О казакахъ** Волжскихъ, Донскихъ, Яицкихъ **и Терскихъ король долженъ будетъ держать совѣтъ съ боярами и думными людьми: будутъ ли эти казаки надобны или нѣтъ**».

Уже только въ половинѣ XVII вѣка, и то робкими осторожными шагами, наступаетъ вновь къ югу русское правительство. Въ 1651 году на Сунжѣ, между гребенскими городками и барагунскими «кабаками» вновь ставится «острогъ», занимаемый стрѣльцами и Гребенскими казаками, а около острога подъ его прикрытіемъ раскидываются слободы торговаго люда изъ кабардинцевъ, чеченцевъ, кумыкъ и др. Однако и этотъ острогъ не долго продержался: въ 1653 году осаждаетъ острогъ большое скопище кумыкъ и дагестанцевъ подъ предводительствомъ Шамхала Тарковскаго и Эндерійскаго владѣльца Казанъ-Алипа, усиленное персидскимъ отрядомъ изъ Дербента съ двумя пушками. Несмотря на тяжелыя условія, въ которыхъ оказались осажденые защитники острога, все-же всѣ приступы были ими отбиты. Отчаявшись въ надеждѣ взять острогъ, кумыки и дагестанцы отступили, но, воспользовавшись тѣмъ, что большинство Гребенцовъ находилось въ осадѣ, они пограбили казачьи городки, чѣмъ принудили Гребенцовъ очистить острогъ и заняться укрѣпленіемъ своихъ городковъ. Стрѣльцы отошли съ Сунжи въ Терки, разрушивъ укрѣпленіе и захвативъ съ собою пушки и огнестрѣль-

ные запасы. Государемъ была объявлена стрѣльцамъ и Гребенцамъ благодарность за мужественную оборону, причемъ однако приказывалось «Сунженскаго острогу до Государева указу строить не велѣть».

Въ концѣ XVII вѣка (около 1680 г.) начавшіяся въ Россіи преслѣдованія раскольниковъ привели къ тому, что на Дону образовались въ лѣсныхъ дебряхъ значительныя поселенія раскольниковъ. Тѣснимые не сочувствовавшими расколу Донцами, раскольники перешли въ прикумскіе «Черные Лѣса», къ устью рѣчки Томузлова, въ окрестности развалинъ города Маджаръ, когда-то въ числѣ своего населенія имѣвшаго и христіанъ-русскихъ, а затѣмъ съ Кумы перебрались на Аграхань, лѣвый протокъ Сулака, во владѣнія Шамхала Тарковскаго, который далъ имъ пріютъ въ расчетѣ, что они окажутъ ему существенную помощь въ борьбѣ съ Русскими. Предоставивъ имъ удобныя мѣста для поселеній, Шамхалъ снабдилъ ихъ конями и стругами. Раскольники стали заниматься грабежами и разбоемъ, какъ на морѣ, такъ и на сухомъ пути. Отдавая половину награбленнаго Шамхалу, они ходили на добычу къ Теркамъ, къ Астрахани и даже къ Дону. Однако чрезъ нѣсколько лѣтъ дружной работы раскольники, наконецъ, разссорились съ Шамхаломъ при дѣлежѣ добычи и, тѣснимые кумыками, переселились на Кубань (въ 1691 г.), подъ защиту Крымскаго хана, и въ составѣ крымскихъ войскъ защищали Азовъ противъ Петра I въ 1695 году.

А тѣмъ временемъ въ низовьи Терека вокругъ большого города Терки раскинулись поселенія Терскихъ казаковъ. Убыль, понесенная Войскомъ въ Смутное Время, пополнилась снова выходцами съ Руси, съ Дону, съ Кубани, черкесами, окоченскими татарами, поляками, грузинами. Находясь подъ управленіемъ семьи кабардинскихъ князей Сунчалеевыхъ они основались въ Трехстѣнномъ городкѣ[30]) близь впаденія въ Каспійское море Баклаковскаго ерика, «отправляя ревностную свою службу россійскому престолу, охраняя не только усадьбу своего владѣнія, но употреблялись и въ разные заграничные походы, а въ 1668 году августа 17 дня, въ разсужденіи бывшаго отъ Каспійскаго моря тому Трехстѣн-

ному городу великаго потопа, по именному Высочайшему повелѣнію и вѣчно достойныя памяти Государя-Царя и Великаго князя Алексѣя Михаиловича, переселено войско на рѣку Капай, въ называемый Старый городъ[30]), на которой въ 1707 году, пришедши Кубанскій Каипъ-Султанъ со многимъ войскомъ, нечаянно ночнымъ временемъ напавъ, предковъ сего войска побилъ и, пожегши форштатъ, многое число народа плѣнилъ; оставшееся количество оружейниковъ, хотя и сдѣлали знатною вылазкою своей на непріятеля нападеніе, а пришедшаго Каипъ-Султана, поймавъ, отправили къ начальству, но войскомъ, съ нимъ пришедшимъ, учиненное разореніе и пожегъ домовъ сдѣлало столь великое опустошеніе, что и всѣ грамоты, въ войско Всеавгустѣйшихъ Государей насланныя, пожжены, и за опустошеніемъ и разграбленіемъ сего города тогожъ года переселились предки сего войска къ морю, въ называемый «редутъ», откуда съ покойнымъ генералъ-маіоромъ княземъ Александромъ Бековичемъ-Черкасскимъ, во время нахожденія въ походѣ подъ городомъ Хивою, гдѣ многіе и почти всѣ бывшіе съ нимъ лишились жизни, прочіе жъ оставшіеся въ томъ городѣ по 1722 годъ, а по онымъ прибывшій въ сей городъ Государь Императоръ Петръ Великій повелѣлъ сему войску перейти на рѣку Сулакъ и, построя на ономъ крѣпость Святаго Креста, поселиться по штату комплектнаго числа казаковъ конныхъ 500 и 300 человѣкъ пѣшихъ, при коихъ начальники именовались головами, а по указу Государя Императора Петра Великаго переименованы въ ротмистры; а 1729 года, по случившемуся стѣсненію морского воздуха, заразительнаго повѣтрія, померли столь большое количество, такъ что многіе и съ названіями вовсе истребились, а въ 1735 г. господинъ генералъ-аншефъ и кавалеръ Левашевъ ордеромъ предписалъ, въ разсужденіи заключеннаго между Россійской Имперіей въ Ганжѣ трактата, вытти изъ крѣпости Святаго Креста, зарыть оную и упразднить, а поселиться при новоучрежденномъ городѣ и крѣпости Кизлярской, куда жъ того года войско сіе и переселено».

---

[30]) Валы этихъ городовъ отчетливо видны и въ настоящее время.

Переселивъ Терское Войско на Аграхань, Петръ Великій нашелъ его составъ слишкомъ недостаточнымъ для обороны выдвинутой на югъ новой пограничной линіи. Поэтому образованное въ 1722 году Аграханское Войско было пополнено 1000 казачьихъ семей, переселенныхъ въ 1724 году съ Дона, и размѣщено вдоль границы пятью городками. Прибывшій въ 1726 году на Сулакскую линію главнокомандующій Долгорукій такъ обрисовалъ дѣятельность Аграханскихъ казаковъ въ донесеніи къ Императрицѣ Екатеринѣ I-й: «Въ русскомъ войскѣ есть двѣ иностранныя роты—армянская и грузинская, изъ которыхъ каждая получаетъ казенное содержаніе; **русскимъ же казакамъ не даютъ ничего, а между тѣмъ они служатъ больше и непріятелю страшнѣе.** Я опредѣлилъ имъ также денежныя выдачи, ибо, по моему мнѣнію, лучше платить своимъ, нежели чужимъ. Правда, армяне и грузины служатъ изрядно, однако-же **казаки дѣйствують гораздо отважнѣе**».

Послѣ обратнаго переселенія оборонной линіи съ Дагестаномъ съ Сулака на Терекъ въ 1735-6 году и постройки крѣпости Кизляра, Аграханское войско, значительно ослабленное не столько боями, сколько болѣзнями и моромъ 1729 года, поселено было частью въ самомъ Кизлярѣ подъ именемъ Войска Терскаго Кизлярскаго, а частью выше Кизляра тремя городками: Бороздинскимъ, Дубовскимъ и Каргалинскимъ, образовавшими Войско Терское Семейное, которому по переходѣ на Терекъ опредѣлено было выдавать провіантъ не только на служилый составъ, но и на семьи, не исключая и сиротъ, такъ какъ поселенные на неудобномъ къ земледѣлію болотистомъ мѣстѣ казаки Терскіе лишены были возможности имѣть при мѣстахъ поселенія необходимое къ существованію пропитаніе.

Въ 1745 году Терское Семейное Войско было соединено съ Гребенскимъ въ одно, но это измѣненіе оказалось неудачнымъ, и черезъ десять лѣтъ оба Войска были вновь обособлены подъ прежними своими наименованіями. Въ 1771 году на Терекъ явился получившій потомъ извѣстность донской казакъ Емельянъ Пугачевъ и приписался сначала къ Дубовскому, а потомъ къ Кар-

галинскому городку. Весною 1772 года Терское Войско, недовольное своимъ атаманомъ Татаринцевымъ, «заручилось» избрать въ войсковые атаманы Пугачева, но обвиненный въ смутѣ Пугачевъ былъ схваченъ и посаженъ въ кандалахъ[31]) въ Моздокскую тюрьму, откуда бѣжалъ на Яикъ, гдѣ дѣло его пошло, какъ извѣстно, далеко удачнѣе.

Къ концу XVIII вѣка (въ январѣ 1792 года) въ Терскомъ Семейномъ Войскѣ числилось всего 1051 человѣкъ, а въ Терскомъ Кизлярскомъ и того меньше --279 человѣкъ, причемъ тѣ и другіе занимались въ ту пору землепашествомъ и имѣли виноградные сады. Совмѣстно съ Гребенскимъ Войскомъ оба Терскія Войска стояли на охранѣ Терской линіи, держали по «кордону» «пикеты» (конные посты), а въ случаѣ чрезвычайной опасности усиливали своими отрядами гарнизонъ Кизлярской крѣпости. Особенно пришлось имъ поработать и покрыть себя блистательною славой при оборонѣ Кизляра въ 1785 году отъ двѣнадцатитысячнаго скопища чеченцевъ, кумыкъ и дагестанцевъ, руководимаго Шейхъ-Мансуромъ. Перейдя 20-го августа Терекъ ниже Кизляра, горцы разграбили сады и хутора, окружавшіе Кизляръ, и пять разъ штурмовали крѣпостную ограду, но каждый разъ были отбиваемы съ огромнымъ урономъ. Гребенцами въ этой славной оборонѣ руководилъ атаманъ Сехинъ, а Терцами князь Бековичъ-Черкасскій.

При образованіи Кавказскаго Линейнаго Войска въ 1832 году Терское Семейное и Терское Кизлярское Войска были переименованы въ Кизлярскій и Терскій казачьи полки, а затѣмъ (въ 1836 году) слиты въ одинъ полкъ, названный сначала Семейнымъ-Кизлярскимъ, а при изданіи положенія о Линейномъ Войскѣ (въ 1845 г.) получившій имя просто Кизлярскаго полка. Съ 1870 г. Кизлярцы и Гребенцы составляютъ одинъ Кизляро-Гребенской полкъ, старѣйшій изъ полковъ Россійской имперіи: онъ болѣе чѣмъ на сто лѣтъ старше полковъ старой гвардіи Петра Великаго.

---

[31]) Кандалы эти нынѣ хранятся въ Терскомъ Областномъ Музеѣ.

Между Кумъ-то рѣки, между Терекомъ.

Между Кумъ-то рѣки, между Терекомъ,
Между тѣхъ-то было отноженокъ,
Тамъ ходилъ, гулялъ удалой молодецъ,
Младъ-ли терскій казакъ, младъ охотничекъ.
За плечами онъ носилъ винтовочку,—
Долгомѣрную-то, семипядную, восьмибляшную;
Вмѣсто цѣлика у ней—брильянтъ камень,
Насѣчка-то у ней позлаченая,
А подсошечекъ у ней кизиловый:
На винтовочкѣ-то какъ написано – напечатано:
Что Иванъ-то сударь, Краснощековъ сынъ...
Онъ шелъ-то, сударь, шелъ не стеженькою, не дорожкою;
А все тропинкою, все звѣриною:
На встрѣчу-то ему мать сѣра ланья съ ланятами...
Какъ раскидываетъ онъ подсошечекъ.
Что подсошечекъ ли тотъ кизиловый.
«Позволь-ка ты, мать сѣра ланья,
«По тебѣ-ль стрѣлять, твоимъ дѣточкамъ, по ланяточкамъ».
«Ты меня-то убьешь, не шубу сошьешь,
«Моихъ ланятъ убьешь, не ушишься.
«Пойди-ка ты, пойди, младъ терскій казакъ,
«Ты, младъ терскій казакъ, младъ охотничекъ,
«Въ зеленые луга, въ заповѣдные,
«Тамъ ходитъ турчинъ съ турчаночкою.
«Ублажаетъ онъ младу турчаночку,
«Забавляетъ ее въ звонки гусельки,
«Турчина ты изъ винтовочки убьешь.
«Младу турчаночку за себя возьмешь».

Старинная казачья пѣсня.

III. Кавказская линія.

Начало Кавказской линіи. Кубанское намѣстничество. Кабардинскій вопросъ. Крѣпости и селенія по линіи. Моздокскій полкъ. Волгскій и Хоперскій полки. Черноморцы и Кубанцы.

Передвиженіемъ Гребенскихъ городковъ на лѣвый берегъ Терека, постройкой Кизляра и поселеніемъ Терскаго Семейнаго Войска между Кизляромъ и Гребенскимъ Войскомъ было положено начало великой Кавказской Линіи, гдѣ затѣмъ разыгралась столѣтняя Кавказская Война, исторія которой полна страницъ настолько же славныхъ, насколько и кровавыхъ.

Въ то же самое время, въ 1736 году, Россія вновь взяла съ бою у Турціи городъ Азовъ, давно уже служившій яблокомъ раздора между обѣими имперіями и не разъ уже переходившій изъ рукъ въ руки. А между тѣмъ Азовъ и Терка стояли на двухъ противоположныхъ концахъ «большой Черкасской дороги», торговаго пути, соединявшаго Турцію и Крымъ съ Каспійскимъ моремъ и лежащими за нимъ Хивой и Бухарой[32]). Вмѣстѣ съ тѣмъ вошли въ предѣлы государства и зарубежныя до

---

[32]) Еще въ 1638 году Донцы въ Москвѣ показывали, что «пріѣзжаютъ въ Азовъ изъ Астрахани и съ Терки русскіе всякіе люди съ товарами и кизильбашскіе тезики (купцы), а товары де привозятъ дорогіе, киндяки и сафьяны и всякую мелкую продажную рухлядь, и продаютъ имъ тѣ товары на деньги, мѣняютъ на медъ и на всякую рухлядь, и на татарскій ясырь (плѣнныхъ), а ѣзду де будетъ изъ Астрахани къ Азову станишною ѣздою денъ съ 10, а съ товары недѣли съ 2; а съ Терки до Азова ѣзду будетъ недѣли съ 3». (Д. Д. I. 782).

той поры земли Гребенцовъ (послѣ 1711 года) и Донцовъ (послѣ усмиренія Булавинскаго бунта въ 1708 г.). Теперь сама собой возникла для Россіи необходимость овладѣть Кавказскимъ предгорьемъ и шедшимъ вдоль него торговымъ путемъ, да кстати захватить въ свои руки и обширныя пустопорожнія земли, лежавшія между территоріями обоихъ казачьихъ Войскъ.

А тутъ еще присоединилось неизбѣжное столкновеніе съ населявшими Кавказское предгорье мелкими и крупными племенами, начавшими подпадать подъ вліяніе Крыма и Турціи въ XVII столѣтіи, къ концу котораго это вліяніе настолько упрочилось, что все Прикубанье образовало уже отдѣльную область, во главѣ которой стоялъ крымскій сераскиръ, или «калга», т. е. намѣстникъ. Созданіе сильной власти въ близкомъ сосѣдствѣ отъ дальней русской окраины скоро дало себя знать. Уже въ 1688 году сераскиръ Казы-Гирей пришелъ съ огромной крымской ратью на Терекъ и погромилъ городки Терскихъ казаковъ. Черезъ 20 лѣтъ (въ 1707 г.) вновь крымцы доходятъ до Каспія, сераскиръ Эштекъ-Каипъ-Султанъ, разгромивъ снова Терскихъ казаковъ, сжигаетъ и самый большой ихъ городъ[33]), причемъ погибли въ пламени всѣ старыя грамоты и документы низоваго Терскаго казачества. Надо было принимать рѣшительныя мѣры, чтобы не потерять всего Предкавказья.

Удачные походы крымцевъ на Терекъ не только окончательно объединили многочисленныя прикубанскія племена черкесъ—адыге: натухайцевъ, шапсуговъ, бжедуговъ, убыховъ, темиргоевцевъ, бесленеевцевъ, даховцевъ, махошевцевъ, абазинцевъ и др., но грозили и самымъ Теркамъ. Подчинившіеся Москвѣ еще при Иванѣ Грозномъ кабардинцы заговорили теперь иначе. Мусульманство сдѣлало огромные успѣхи среди кабардинцевъ, хотя и исповѣдывавшихъ до того времени частью христіанство, частью язычество, но по обычаямъ своимъ не подходившихъ подъ христіанскій укладъ быта. Дѣй-

---

[33]) Развалины окоповъ этого города и донынѣ видны близъ станицы Александрійской и извѣстны подъ именемъ Гюйгенъ-Кала, что значитъ по-татарски «сожженная крѣпость».

ствовавшій въ 1721 году на Кавказѣ Волынскій писалъ Императору Петру Великому: «Итако вся Кабарда нынѣ видится подъ рукою Вашего Величества; токмо не знаю, будетъ ли имъ изъ моей медіаціи впредь польза, понеже между ними и во-вѣки миру не бывать, ибо житье ихъ самое звѣрское, и не токмо посторонніе, но и родные другъ друга за бездѣлицу рѣжутъ, и я чаю, такого удивительнаго дѣла мало бывало, или и никогда; понеже по изслѣдованіи дѣла не сыскался виноватый ни одинъ, и праваго никого нѣтъ; а за что первая началась ссора, то уже изъ памяти вышло; итакъ, за что дерутся и рѣжутся,—истинно ни одинъ не знаетъ, только ужъ вошло у нихъ то въ обычай, что и перемѣнить не возможно. Еще жъ приводитъ ихъ къ тому нищета, понеже такъ нищи, что нѣкоторые князья ко мнѣ затѣмъ не ѣдутъ, что не имѣютъ платья, а въ овчинныхъ шубахъ ѣхать стыдно, а купить и негдѣ и неначто, понеже у нихъ монеты никакой нѣтъ, лучшее было богатство скотъ, но и то все крымцы обобрали, а нынѣ князей кормятъ уздени, и всего ихъ мерзкаго житья и описать не возможно; только одно могу похвалить, что всѣ такіе воины, какихъ въ здѣшнихъ странахъ не обрѣтается, ибо что татаръ или кумыковъ тысяча, тутъ черкесовъ довольно двухсотъ.»

Но тѣмъ не менѣе уже въ слѣдующемъ году Императоръ, начиная персидскую войну, долженъ былъ отказаться отъ мысли имѣть вліяніе на кабардинцевъ и въ договорѣ съ Турціей призналъ Кабарду въ 1722 году нейтральною. Впрочемъ черезъ 10 лѣтъ вновь успѣхи нашего оружія измѣнили положеніе вопроса, и снова началась дѣятельная работа нашихъ посланниковъ при турецкомъ дворѣ въ смыслѣ подчиненія Кабарды русскому вліянію. Особенно старался посолъ Нелидовъ, вѣрно оцѣнившій значеніе Кабарды и писавшій въ 1734 году, что «Кабарды уступить и этимъ отворить татарамъ въ Дагестанъ ворота никакъ нельзя.» И хотя по договору съ Турціей, въ 1739 году, обѣ Кабарды были объявлены нейтральными, однако немедленно же послѣ вступленія на престолъ Императрицы Екатерины Великой Россія возобновляетъ свою дѣятельность въ Кабардѣ.

Еще въ 1721 году царевичъ грузинскій Вахтангъ просилъ Волынскаго занять гарнизонами Грузію, для связи съ которой построить русскую крѣпость на Терекѣ «между Кабарды и Гребенскихъ казаковъ». И вотъ въ 1763 году, по соглашенію съ Малокабардинскимъ княземъ Канчокинымъ, на лѣвомъ берегу Терека, въ урочищѣ «Мыздогу» (что значитъ «Дремучій Лѣсъ») было построено небольшое укрѣпленіе легкаго типа (форпостъ). Черезъ два года, въ 1765 году, этотъ форпостъ, невзирая на усиленныя просьбы кабардинцевъ объ его уничтоженіи, былъ обращенъ въ сильную, по тогдашнимъ временамъ, крѣпость «Моздокъ».

Для усиленія гарнизона крѣпости въ 1769 году была сформирована изъ кабардинскихъ выходцевъ Моздокская Горская казачья команда, а для связи Моздока съ Кизляромъ была переведена на Терекъ съ Волги половина Волгскаго казачьяго войска. Эта половина (517 семей) образовала Моздокскій казачій полкъ, поселившійся между Моздокомъ и Гребенскими городками пятью станицами: Галюгай, Ищеры, Науръ, Мекени и Калиновская. Полкъ былъ, по числу станицъ, пятисотеннаго состава и управлялся какъ въ военномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніяхъ полковымъ командиромъ. Въ то же время для прислуги при крѣпостной артиллеріи было переселено съ Дону 100 семей Донскихъ канонировъ, образовавшихъ станицу Луковскую при крѣпости Моздокской. Вскорѣ составъ Моздокскаго полка былъ усиленъ новыми переселенцами: Донцами, Волгцами (Московсковской Легіонной команды), крещенными калмыками, казаками Саратовской крѣпостной милиціи, причемъ образована была между Моздокомъ и Галюгаемъ станица Стодеревская (въ 1799 году). Устроителемъ полка явился старшина Волгскаго Войска полковникъ (впослѣдствіи генералъ) Савельевъ, по имени котораго названы были сады и хутора около Мекеней, составляющіе нынѣ станицу Савельевскую.

Въ 1774 году окончилась война съ Турціей, и по Кучукъ-Кайнарджійскому миру Азовъ съ прилегающей къ нему мѣстностью окончательно отошелъ къ Россіи. Назначенный генералъ-гуебрнаторомъ Новороссіи свѣт-

лѣйшій князь Г. А. Потемкинъ обратилъ свое вниманіе и на Кавказскій край, вошедшій въ составъ его генералъ-губернаторства. Для устройства линіи онъ прислалъ на Кавказъ генерала И. В. Якоби, съ званіемъ Астраханскаго военнаго губернатора.

Хотя Терская Линія, заселенная мужественными и лихими Терскими, Гребенскими и Моздокскими казаками, представляла изъ себя весьма серіозную защиту со стороны Чечни и Дагестана, однако заслоняя лишь незначительную часть русской границы, она оставляла совершенно открытыми, обширныя постранства между Моздокомъ и Азовомъ, гдѣ свободно проходили хищныя толпы закубанскихъ черкесъ и татаръ, безпокоившихъ своими набѣгами не только Волгу и Донъ, но даже и отдаленные предѣлы Воронежской губерніи. Поэтому, по рапорту Потемкина, военная коллегія учредила по линіи отъ Моздока къ Азову 10 укрѣпленій: Св. Екатерины, Св. Павла, Св. Маріи, Св. Георгія, Св. Андрея, Св. Александра, Ставрополь, Донское, Московское и Владимірское. На Дону была построена крѣпость Св. Димитрія Ростовскаго (нынѣ городъ Ростовъ). Для занятія Азовско-Моздокской линіи была переселена съ Волги остальная часть Волгскаго Войска (700 семей, свыше 4500 душъ), а съ Хопра—Хоперскій казачій полкъ. Волгцы образовали на линіи Волгскій же полкъ и заняли станицы-укрѣпленія Екатериноградскую, Павловскую, Марьинскую, Георгіевскую и Александровскую. Хоперскимъ полкомъ устроены были станицы: Сѣверная, Ставропольская, Московская и Донская. Впослѣдствіи, въ первые годы царствованія Императора Николая I, Хоперцы были передвинуты на Кубань.

Когда Кубань сдѣлалась съ 1783 года границей между Россіей и Турціей, то Моздокская линія оказалась внутри государства. Казачьи поселенія стали тогда переноситься все болѣе и болѣе къ югу, а въ тылу ихъ усиленно начали устраиваться селенія государственныхъ крестьянъ и частныя имѣнія. Тогда же было рѣшено заселить Черноморскими казаками степное пространство, раскинувшееся между Азовомъ и Кубанью, къ востоку отъ Азовскаго моря. Черноморскіе казаки представляли

изъ себя часть славнаго когда-то Запорожскаго Войска, и въ то время число ихъ доходило до 12600 человѣкъ. Въ 1792 году Черноморцы заняли отведенныя имъ пространства, а по Кубани, отъ устья ея до впаденія въ нее рѣки Лабы, поставили охранную «кордонную» линію изъ укрѣпленій и постовъ. По среднему же теченію Кубани, начиная отъ предѣловъ Черноморіи, расположился Кубанскій полкъ, составленный изъ 1000 казачихъ Донскихъ семей, занявшихъ станицы: Усть-Лабинскую, Кавказскую, Григориполисскую, Прочноокопскую, Темнолѣскую и Воровсколѣскую.

Такимъ образомъ къ началу XIX столѣтія по Кавказской линіи жили слѣдующія, независимыя другъ отъ друга, группы казачьяго населенія: Терское Кизлярское Войско, Терское Семейное Войско, Гребенское Войско, Моздокскій казачій полкъ, Моздокская Горская казачья команда, казачьи полки -Волгскій, Хоперскій, Кубанскій, и Черноморское Войско. Все Кавказское казачество выставляло на строевую полевую службу до $13^1/_2$ тысячъ казаковъ, въ томъ числѣ Кизлярцы 108, Терцы 400, Гребенцы 466, Моздокцы 1000, Моздокская команда 50, Волгцы 510, Хоперцы 519, Кубанцы 501 и Черноморцы 9000 конныхъ и пѣшихъ казаковъ да, кромѣ того, гребную морскую флотилію въ 25 судовъ, вооруженную 27-ю пушками.

То не соколы крылаты.

То не соколы крылаты
Чуютъ солнечный восходъ,—
Царя Бѣлаго солдаты
Собираются въ походъ.
То не буря зашумѣла
Во сыромъ бору зимой,—
Вѣсть въ народѣ пролетѣла:
Мы въ походъ идемъ весной!...
По линеюшкѣ Кавказской
Не сизой орелъ летитъ,—
Приказъ строгій атаманскій
Ту же вѣсточку вторитъ:
Выступать чтобъ намъ сотнями,
Какъ онѣ въ составѣ есть;
Ружья съ новыми кремнями,
Шашки острыя имѣть...
Подъ начальствомъ Воронцова
Лестно даже умереть;
Какъ онъ скажетъ намъ два слова:
«Шашки вонъ!»—летимъ на смерть.
Мы давно рады сражаться
Съ кровожадною ордой
И намъ нечего бояться—
Полетимъ на новый бой.
Пусть Шамиль строитъ завалы,
Словно башни до небесъ:
Мы имъ это доказали,—
Всѣхъ загонимъ въ темный лѣсъ...

Казачья пѣсня.

IV. Геройская оборона Наурской станицы въ 1774 году.

Оборона Наурской станицы Моздокскими казаками 10-го іюня 1774 года представляетъ собою одинъ изъ тѣхъ подвиговъ, которые, не имѣя большого политическаго и военнаго значенія, вмѣстѣ съ тѣмъ невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе и современниковъ и потомства, поражая умъ и воображеніе. И въ лѣтописяхъ царствованія Великой Императрицы Русской, столь славнаго богатырскими дѣлами, и въ лѣтописяхъ кавказской войны, этотъ эпизодъ долженъ занять мѣсто между славнѣйшими подвигами, прославившими русское имя.

Была первая турецкая война, и Наурскую станицу обложило девятитысячное скопище татаръ, кабардинцевъ и турокъ, подъ предводительствомъ калги—изъ рода крымскихъ султановъ. Строевые казаки еще не возвращались изъ похода, и дома оставались только старики, женщины, дѣти и легіонная команда. У непріятеля былъ явный расчетъ захватить врасплохъ беззащитныхъ жителей станицы, которая едва только устраивалась, хотя, правда, и была обнесена валомъ и снабжена орудіями. Непріятель не зналъ однако же, съ кѣмъ будетъ имѣть дѣло—и встрѣтилъ небывалое войско и съ небывалымъ оружіемъ. Разряженныя наурскія казачки въ красныхъ сарафанахъ вышли на защиту родного городка и отражали непріятельскіе приступы на ряду съ мужьями и братьями. На женщинъ, между прочимъ была возложена обязанность поддерживать костры, разогрѣ-

вать смолу и лить со стѣнъ кипятокъ на головы штурмующихъ. Сохранилось преданіе, что даже щи, варившіяся къ обѣду, шли у казаковъ на дѣло защиты.

Оборона Наура была первымъ случаемъ, когда отъ кавказской женщины понадобилась серіозная и опасная боевая служба. Впослѣдствіи она уже не разставалась съ нею и даже сроднилась, какъ съ чѣмъ-то неизбѣжнымъ среди суровой обстановки порубежнаго быта. Моздокскія казачки не пугались ни свиста вражескихъ пуль, ни стрѣлъ, ни дикаго рева и гика нападающихъ непріятелей. Спокойно, рядомъ со старыми Волгскими бойцами, встрѣчали онѣ яростныя атаки татаръ, защищались серпами, косили косами смѣльчаковъ, появлявшихся на земляномъ валу станицы. Чугунныя пушки перевозились на людяхъ съ мѣста на мѣсто, смотря по тому, откуда усиливался приступъ.

Нѣсколько отбитыхъ штурмовъ дорого стоили татарамъ. Полагаютъ, что ихъ потеря простиралась до восьмисотъ человѣкъ, и что большая часть ея пала на кабардинцевъ. Въ числѣ убитыхъ кабардинцевъ былъ и одинъ изъ извѣстнѣйшихъ владѣльцевъ, князь Коргоко Татархановъ, и тѣло его осталось на полѣ сраженія. Уже одно это обстоятельство показываетъ, какъ сильно было смятеніе татаръ, считающихъ священнымъ долгомъ выносить изъ боя тѣла убитыхъ товарищей, а тѣмъ болѣе вождей и предводителей.

Цѣлый день длилась кровавая борьба за обладаніе Науромъ, и цѣлый день истомленные боемъ Наурцы ждали выручки; но выручка не появлялась. Станица Червленая лежала всего въ сорока верстахъ, но сообщеніе съ нею было прервано.

Говорятъ, что въ Червленой былъ слышенъ гулъ пушечныхъ выстрѣловъ, но что командиръ пѣхотнаго полка, расположеннаго въ станицѣ, почему-то думалъ, что у Наурцевъ идетъ совсѣмъ не кровавая драма, а водевиль съ потѣшными огнями, до которыхъ, нужно сказать мимоходомъ, былъ великій любитель начальникъ Моздокскихъ казаковъ, старый полковникъ Савельевъ.

Такъ прошелъ день 10-го іюня. 11-го съ разсвѣтомъ вновь загремѣли казацкія пушки, но къ общему

удивленію непріятель сталъ быстро отходить отъ станичныхъ валовъ, и скоро безпорядочныя толпы его скрылись изъ глазъ изумленныхъ Наурцевъ. Никто не зналъ и не догадывался о настоящей причинѣ столь поспѣшнаго отступленія вражескаго табора, и уже впослѣдствіи только стали говорить, что снятіемъ осады Науръ обязанъ былъ казаку Перепорху, наведшему орудіе прямо на высокій курганъ, гдѣ стояла ставка калги, и счастливымъ выстрѣломъ убившему любимаго племянника предводителя. Въ этой случайности калга увидѣлъ для себя дурное предзнаменованіе и больше не хотѣлъ оставаться на тѣхъ поляхъ, которыя обагрены были неповинною кровью юноши...

Спустя много лѣтъ послѣ этого событія, въ 1838 г., казаки разрывали однажды станичный курганъ, на которомъ, по разсказамъ ихъ дѣдовъ, стояла ставка крымскаго султана, и дѣйствительно нашли въ землѣ человѣческія кости, серебряный кувшинъ и золотыя украшенія съ пояса и конской сбруи. Кто знаетъ, быть можетъ это и были останки того человѣка, случайная смерть котораго рѣшила участь наурской осады.

Хотя разсказъ о казакѣ Перепорхѣ и его удачномъ выстрѣлѣ и довольно популяренъ среди жителей Наурской станицы, но большинство казаковъ и донынѣ приписываетъ снятіе осады и бѣгство непріятеля только особому Божьему покровительству. Преданіе говоритъ, что на зарѣ 11-го іюня, въ день памяти святыхъ апостоловъ Варфоломея и Варнаввы, два всадника на бѣлыхъ коняхъ и въ бѣлой одеждѣ проѣхали вдоль вражьяго стана и навели на татаръ паническій ужасъ. Въ ознаменованіе этого событія въ наурской церкви устроенъ даже придѣлъ во имя апостоловъ Варфоломея и Варнаввы, и день 11-го іюня празднуется въ Моздокскомъ полку до настоящаго времени.

«Это бабій праздникъ», говорятъ о немъ казаки, вспоминая славное участіе, которое приняло въ бою женское населеніе станицы. Многія изъ представительницъ славнаго дѣла дожили до позднѣйшаго времени, и посѣтители Наура не очень давно еще встрѣчали старыхъ героинь, украшенныхъ медалями за его оборону.

Видная роль, выпавшая на долю женщины-казачки при защитѣ Наура, была особенною причиною, почему кабардинцы долго не могли забыть позора своего пораженія. Даже мирные изъ нихъ старались не встрѣчаться съ моздокскимъ казакомъ, боясь насмѣшекъ на счетъ того, «какъ Кабарда пошла воевать, да не управилась съ казацкими бабами». Когда же приходилось встрѣчать кого-нибудь изъ нихъ съ обожженнымъ лицомъ, то казакъ и казачка уже навѣрно не пропустятъ, бывало, случая позубоскалить надъ злополучнымъ джигитомъ.

— «А то, досъ (пріятель), не щи ли въ Наурѣ хлебалъ?» спроситъ, бывало, линеецъ и провожаетъ добродушнымъ смѣхомъ угрюмо молчащаго кабардинца.

В. А. Потто. «Кавказская Война», т. I стр. 94—87.

Вспомнимъ, братцы, про былое.

Вспомнимъ, братцы, про былое, что какъ сладкій сонъ прошло,
Жизнь—раздолье удалое, наше время золото!
    Дружно грянемъ про Слѣпцова, память храбраго почтимъ
    И минуты наслажденья хоть на мигъ мы возвратимъ.
Какъ съ нимъ жили и служили, веселились въ добрый часъ,
Непріятелей какъ били, и какъ жаловалъ онъ насъ!
    Бывало, праздничекъ подходитъ, съ нетерпѣньемъ каждый ждетъ,
    И на площадь къ его дому погулять тогда идетъ.
Джигитовъ шайка удалая вдоль по площади летитъ,
Будто къ бою вызывая, она скачетъ и гичитъ.
    И мальчишки со значками свою пушку привезли
    И нестройными толпами ужъ лезгинку завели.
Онъ выходитъ съ яснымъ взоромъ, съ свѣтлымъ радостнымъ челомъ
И вездѣ между народомъ пролетаетъ соколомъ.
    Всѣхъ онъ знаетъ, всѣхъ ласкаетъ, веселиться проситъ всѣхъ,
    И такъ утро насъ встрѣчаетъ средь гуляній и утѣхъ...
Аль, бывало, мѣсяцъ ясный только на небѣ взойдетъ,
Онъ воздушною тропинкой смѣло насъ въ набѣгъ ведетъ.
    И лишь только что зарница на востокѣ заблеститъ,
    Передъ нимъ аулъ, какъ львица, въ своемъ логовищѣ спитъ.
И какъ туча громовая, черезъ горныя скалы
Ринетъ шайка удалая во всѣ вражія норы...
    Нѣтъ нигдѣ врагамъ спасенья: всюду рѣжутъ, жгутъ и бьютъ,
    И поклонники пророка къ намъ съ покорностью идутъ.
И съ богатою добычей возвращался онъ домой,
Удальцамъ своимъ награды сыпалъ щедрою рукой.
    Дома встрѣча ужъ готова: вся станица у воротъ,—
    Для наѣздника лихого хлѣбъ-соль общество несетъ.
Онъ отцамъ благодаренье за ихъ дѣтокъ отдавалъ
И сиротъ послѣ убитыхъ тутъ же щедро награждалъ.
    И опять пойдетъ пирушка: мы гуляемъ до утра,
    Воронцову и Слѣпцову кричимъ дружное «ура!»...

Казачья пѣсня.

V. Казачье житье-бытье на Терской линіи.

Укрѣпленія по линіи. Станицы и ихъ устройство. «Кордонъ», «Фигуры», «Летучки» и «Цидулы». Условія хозяйственнаго быта. Тревоги. Строевыя части. Участіе въ походахъ. Жалованіе и другіе виды довольствія. Повинности. Отзывъ Ермолова о линейцахъ.

Основу Кавказской линіи составляли крѣпости, редуты, форпосты и другія укрѣпленія разныхъ типовъ, тянувшіяся вдоль всей линіи на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи другъ отъ друга. Изъ представленнаго графомъ Гудовичемъ въ 1792 году описанія Кавказской линіи[34]) можно видѣть, что всего къ тому времени въ предѣлахъ нынѣшней Терской области состояло: 10 крѣпостей, 22 редута и 1 фельдшанецъ (полевое укрѣпленіе усиленнаго типа) причемъ изъ нихъ заняты были войсками 9 крѣпостей и 7 редутовъ, остальные же брошены по разнымъ причинамъ: редутъ при Очинской пристани на Каспійскомъ морѣ за перемѣною пристани на Сладкоеричную; фельдшанецъ на Старомъ Терекѣ «въ разсужденіи болотистыхъ мѣстъ и по отдаленію отъ него моря»; редуты на Старомъ Терекѣ—Салтанъ-Бековскій, Голодаевскій, Долобинскій, Крупитайскій, Лартинскій и Урчуковскій—«по причинѣ сдѣлавшихся въ сихъ мѣстахъ впереди Терека непроходимыхъ бо-

[34]) И. И. Дмитренко. «Сборникъ историческихъ матеріаловъ по исторіи Кубанскаго Казачьяго Войска». Т. I, стр. 114—149.

лотъ»; редутъ Щедринскій на Терекѣ—«по уничтоженію въ семъ мѣстѣ бывшей главной квартиры генералъ-поручика Де-Медема»; карантинные редуты у Моздока—«по причинѣ распространенія далѣе сихъ карантиновъ линіи Кавказской»; Апраксинскій на Малкѣ—«по причинѣ переселенія кордоновъ вверхъ по Малкѣ къ Соляному броду»; редуты по Грузинской дорогѣ – Григориполисъ въ Малой Кабардѣ, Камбилейскій на рѣчкѣ Камбилеѣ (нынѣ Камбилеевка), Потемкинскій на Терекѣ и крѣпость Владикавказъ—«по причинѣ положенія ихъ въ горахъ въ большомъ отдаленіи отъ кордоновъ».

Заняты же были (начиная съ востока) Каргинскій редутъ на Каргинкѣ, крѣпость Кизляръ на Старомъ Терекѣ («важнѣйшій пунктъ противъ Персіи полагается и закрываетъ весь лѣвый флангъ линіи»), редутъ при Кизлярскомъ Перевозѣ, на Бороздѣ и Козій Яръ на Терекѣ выше Червленой, крѣпость Науръ, редутъ у Ста Деревъ, крѣпость Моздокъ («довольно надежна, защищаетъ своимъ укрѣпленіемъ всѣ тамошнія селенія; при сей крѣпости главный проѣздъ изъ Грузіи») и Екатериноградъ, редуты Солимановъ бродъ (около Прохладной) и у Соленаго Брода на Малкѣ, крѣпости Павловская на Курѣ и Марьинская на Золкѣ, редутъ на Золкѣ, крѣпость Георгіевская на Подкумкѣ и Константиногорская на Подкумкѣ же («подлѣ Бештовыхъ горъ»), и редутъ Коммуникаціонный на Кумѣ. Гарнизоны крѣпостей и редутовъ, служившихъ основой оборонительной линіи, состояли изъ поселенныхъ казаковъ, пѣхоты и драгунъ.

Однако какъ ни сильны были эти укрѣпленія, все же само правительство сознавало, что съ одной регулярной арміей не одолѣть безпокойнаго Кавказа, и лучшимъ средствомъ въ дѣлѣ замиренія края является заселеніе его казачьими станицами и крестьянскими селами. Поэтому оно дѣлало то и другое, стараясь при всякомъ удобномъ случаѣ увеличить число линейныхъ казаковъ вливаніемъ въ станицы новыхъ поселенцевъ или даже обращеніемъ цѣлыхъ селъ крестьянскихъ въ въ казачье званіе. Таковы бывшія села и слободы, а нынѣ станицы Александрійская (Копайская), Шелковская, Павлодольская, Прохладная, Солдатская, Курская,

Александрійская (Пятигорскаго отдѣла), Подгорная, Незлобная, Государственная. Понимали эту разницу и сами горцы. Они говорили: «Укрѣпленіе—это камень, брошенный въ полѣ: дождь и вѣтеръ уничтожаетъ его; станица—это растеніе, которое впивается въ землю корнями и понемногу застилаетъ и охватываетъ все поле».

Въ большинствѣ случаевъ станицы строились по одному общему плану. Прямыя улицы разсѣкаютъ станицу вдоль и поперекъ. Посреди станицы просторная площадь для сборовъ по тревогѣ, общественныхъ сходовъ и Божьяго Храма. Со всѣхъ четырехъ сторонъ линейная станица обычно окапывалась глубокимъ и широкимъ рвомъ, по внутреннему краю котораго насыпался окружающій станицу валъ, увѣнчанный плетневой оградой съ колючимъ терновникомъ. Съ двухъ (а то и трехъ, четырехъ) сторонъ станицы въѣзды,—крѣпкія ворота. У воротъ часовой и «вѣстовая» пушка. Впрочемъ не для вѣстей только стояли пушки у станичныхъ воротъ,—частенько посылали онѣ непрошеннымъ гостямъ и болѣе рѣшительное привѣтствіе, въ отвѣтъ на которое лютые враги не мѣшкали класть земные поклоны.

Въ промежуткѣ отъ станицы до станицы тянулся «кордонъ».—цѣпь сторожевыхъ постовъ, между которыми въ подходящихъ мѣстахъ на ночь закладывались еще «секреты». Посты были конные и пѣшіе. На каждомъ посту непремѣнной его принадлежностью являлась вышка для часового, ставившаяся, если было возможно, на курганѣ, кошъ (шалашъ) или хатка «для прочей братіи наборной» и служившая для подачи постомъ огневыхъ сигналовъ «фигура»,—высокій шестъ обмотанный паклей, соломой, сѣномъ и т. п., пропитанный смолой, нефтью, дегтемъ или другимъ горючимъ веществомъ. На конныхъ постахъ была, кромѣ того, и плетневая конюшня. Весь постъ обычно окружался рвомъ, валомъ и плетнемъ, такъ что постовые въ случаѣ крайности могли выдерживать натискъ и превосходящаго силами противника.

Замѣтивъ прорывъ непріятельской партіи, постовые стрѣляли изъ пушки, если она была, зажигали «фигуру» и скакали съ донесеніемъ въ ближайшую станицу. До-

несенія о заранѣе ожидаемыхъ прорывахъ посылались по постамъ открытыми «цидулами», ставившими всю линію въ извѣстность о грозящей опасности. Такимъ образомъ помимо сторожевого дѣла посты исполняли и обязанности летучей почты, перевозя казенные (и частные) пакеты вдоль линіи. Если донесеніе или приказаніе нужно было везти, по его спѣшности, безъ малѣйшаго замедленія, то къ нему пришивалось орлиное (или иное какое) перо, и такой пакетъ получилъ имя «летучки».

Съ первыхъ годовъ поселенія на Терекѣ казаки, какъ мы уже видѣли выше, ревностно занялись хлѣбопашествомъ, садоводствомъ и другими видами сельскаго хозяйства. Это было удобно пока еще сидѣли далеко въ горахъ чеченцы и ингуши, а съ кабардинцами отношенія не обострились до крайнихъ предѣловъ. Ко времени же заложенія Кавказской линіи горскіе народы постепенно выдвинулись на плоскость и размѣстились въ близкомъ сосѣдствѣ съ казаками. Постоянная угроза набѣговъ, нападеній съ убійствами, угономъ скота и захватомъ людей въ плѣнъ, въ конецъ препятствовали правильнымъ хозяйственнымъ работамъ. Каждое утро, на развѣтѣ, «выбѣгали» изъ станицы во всѣ стороны конные казачьи разъѣзды, чтобы «освѣтить мѣстность». И только когда доносили эти разъѣзды, что кругомъ все спокойно и слѣдовъ непріятеля не обнаружено,—растворялись станичныя ворота и станичники отправлялись на свои работы.

Да и самая работа шла въ тяжелыхъ условіяхъ. Хлѣбопашцамъ приходилось сбиваться въ кучи, чтобъ при случаѣ оказать другъ другу поддержку. Самыми работами занималось поневолѣ не все населеніе: на каждой нивѣ, въ каждомъ саду становился мальчишка или дѣдъ съ ружьемъ на часахъ (взрослые казаки были постоянно или «на кордонѣ» или «въ набѣгахъ»). Малѣйшая оплошность со стороны часового,—и безъ времени гибли казаки, а казачки попадали въ плѣнъ къ горцамъ, гдѣ и погибали на вѣки. Иногда, правда, плѣнныхъ выкупали, но часто бывало и такъ, что плѣнная казачка становилась женой своего хозяина—горца, приживала съ нимъ кучу дѣтей, и сама уже не хотѣла мѣнять но-

вую свою семью на старую, отъ которой была все-равно отрѣзанный ломоть.

Эти постоянныя опасности лучше всего закаляли духъ линейнаго казака, и подъ давленіемъ безконечныхъ тревогъ и стычекъ крѣпли казацкія силы. Въ этой безпрерывной, неустанной борьбѣ **казаки «привыкли видѣть жертвы за любимаго Царя»**, **привыкли «не разъ терять близкихъ кровныхъ въ схваткахъ жаркихъ и неровныхъ»**, какъ поютъ казачьи пѣсни.

Да впрочемъ въ то лихое время не только въ чистомъ полѣ, но и дома въ станицѣ казакъ не чувствовалъ себя въ полной безопасности. Иногда горцы нападали на станицы цѣлыми тысячами. И эти случаи были до того обычны, что казаки привыкли уже понимать предупредительный голосъ родимаго Терека: запруженный въ мѣстѣ брода стѣной конныхъ хищниковъ онъ издавалъ своеобразный ревъ и по этому ропоту догадывались часовые въ станицѣ, что врагъ близко и въ большихъ массахъ переходитъ рѣку въ бродъ.

Быстро поднималась на ноги станица. Способные владѣть оружіемъ выбѣгали на станичный валъ. Удальцы вылетали на коняхъ на развѣдку и съ вѣстью въ сосѣднія станицы, просить «сикурсу» (помощи). Женщины выкатывали въ прямыя станичныя улицы возы и дѣлали тамъ баррикады, которыя сдерживали бы движеніе конницы въ случаѣ прорыва ея внутрь станицы. Цѣнныя вещи, дѣтей и дряхлыхъ стариковъ прятали въ погреба, входы въ которые заваливали дровами, хворостомъ и всякимъ хламомъ. Станица живо приспосабливалась къ оборонѣ и готова была дорого продать свою жизнь. И чаще всего горцы, видя, что отпоръ имъ будетъ хорошій, уходили ни съ чѣмъ, потерявъ безъ всякой пользы нѣсколько десятковъ лучшихъ своихъ джигитовъ, слишкомъ приблизившихся къ грознымъ станичнымъ валамъ.

Казачья служба на линіи дѣлилась на полевую (въ походахъ и на охранѣ границы) и внутреннюю (въ станицѣ). Пока въ силахъ былъ казакъ нести всѣ тягости походной и боевой жизни, до тѣхъ поръ состоялъ въ строевой сотнѣ и постоянно бывалъ въ самыхъ различныхъ командировкахъ. Любопытный тому примѣръ пред-

ставляетъ служба Екатериноградской станицы урядника Кузьмы Иванова Пастухова, поступившаго въ Волгскій полкъ 25-го марта 1781 года: «1783 года былъ въ походахъ противъ горскихъ народовъ, подъ командою полковника Ребиндера; 1784 г. противъ тѣхъ же народовъ, подъ командою генералъ-поручика Потемкина; 1785 г. съ генералъ-маіоромъ Савельевымъ противъ кабардинцевъ; 1786 г. былъ отправленъ съ разными бумагами отъ генералъ-поручика Потемкина курьеромъ въ Москву къ генераламъ Нарышкину и Воронцову; 1787 г. съ генераломъ-поручикомъ Потемкинымъ въ экспедиціи противъ Закубанскихъ народовъ; 1788 г. съ генералъ-маіоромъ Текеліемъ въ дѣйствіи и осадѣ турецкаго города Анапы; 1789 г. съ генералъ-маіоромъ Булгаковымъ за Кубанью; 1790 г. съ генералъ-поручикомъ Бибиковымъ до города Анапы и при дѣйствительной осадѣ онаго, за что получилъ за отличіе противъ непріятеля и усердіе къ службѣ серебряную медаль съ надписью «за вѣрность Екатеринѣ», на Андреевской лентѣ; 1790 г. съ генералъ-аншефомъ Ртищевымъ противъ кабардинцевъ; 1791 г. съ генералъ-поручикомъ Гудовичемъ при дѣйствительной осадѣ города Анапы и во время дѣла съ непріятелемъ былъ раненъ пулею въ правую ногу на-вылетъ и за взятіе города Анапы, за отличіе и усердіе къ службѣ, отъ генералъ-поручика Гудовича получилъ похвальный аттестатъ; 1794 г. съ генералъ-маіоромъ Мухтелемъ противъ кабардинцевъ и въ дѣлахъ противъ непріятеля за отличіе былъ произведенъ въ урядники; 1796 г. съ генералъ-аншефомъ графомъ Зубовымъ въ Персіи, Дербентѣ и Баку»... Въ 1801 году Пастуховъ былъ уволенъ за болѣзнью отъ службы, что не мѣшало начальству въ 1837 году требовать службы отъ 82-х-лѣтняго Пастухова, какъ сказано въ прошеніи, поданномъ имъ во время проѣзда по Кавказской области Императора Николая I-го: «Начальство, не уважая моихъ старыхъ лѣтъ и прежней моей службы, употребляетъ во всѣ мѣста не только по внутренней, но и на кордоны употреблялся на службу; исполняю всѣ станичныя повинности, какъ денежныя, равно и подводы долженъ от-

бывать на равнѣ съ прочими; а при томъ начальство угрожаетъ тѣлеснымъ наказаніемъ».

Что ближайшее начальство вполнѣ сознавало тяжелыя условія службы линейныхъ казаковъ видно изъ слѣдующихъ выписокъ. Наказный Атаманъ генералъ-лейтенантъ Николаевъ, въ рапортѣ своемъ командующему войсками на Кавказской линіи генералъ-лейтенанту Граббе, отъ 23-го августа 1838 года, говоритъ: «Разъ записанный въ служащіе линейный казакъ на весь двадцатипятилѣтній срокъ службы отдѣляется отъ домашняго хозяйства и только переходитъ съ поста на постъ, чередуясь съ товарищами. Отъ него требуется въ хорошемъ видѣ и исправности строевая лошадь, мундиръ, вооруженіе; онъ и скудное хозяйство его подвержены всегдашнимъ хищеніямъ горцевъ. Пограничное жительство казаковъ дѣлаетъ положеніе ихъ еще тягостнѣе: будучи подвержены набѣгамъ хищниковъ, они не могутъ упрочить хозяйства своего, которое по свойству края и по условіямъ быта казачьяго, наиболѣе должно состоять изъ скотоводства»... Еще раньше, а именно въ представленіи своемъ главноуправляющему въ Грузіи, графу Паскевичу-Эриванскому, 24-го апрѣля 1828 года начальникъ Кавказской области генералъ-отъ-кавалеріи Эммануель писалъ: «**Полки линейные, неся безпрерывную и тягостную противъ другихъ казачьихъ войскъ службу**, будучи почти всегда на первой кордонной стражѣ, растянуты на значительное пространство мелкими частями, ограничены или **вовсе лишены способовъ къ безбѣдному себя и своихъ семействъ содержанію.** Офицеры получаютъ жалованье наравнѣ почти съ нижними чинами»...

До чего же ничтожно было выдаваемое казакамъ за такую тяжелую службу жалованье видно изъ того, что, напримѣръ, Волгскаго полка Войсковой Старшина, Есаулъ, Сотникъ и Хорунжій въ 1838 году получали жалованья каждый по 17 руб. 82 коп. (ассигнаціями) въ годъ да провіанту и фуражу по 3 четверика муки, по 2 четверти крупъ, по 8 четвертей овса и по 180-ти пудовъ сѣна. Заурядъ-Хорунжій, урядникъ и казакъ получали деньгами по 11 руб. 88 коп. да натурой—муки по 3 четверика, крупъ по 2 четв. 2 гарнца, овса по 2 четве-

рика и сѣна по 180 пудовъ въ годъ. Когда казакамъ приходилось быть въ походѣ далѣе 100 верстъ отъ своей станицы, то денежное жалованье выдавалось имъ по старому гусарскому окладу, т. е. Полковнику 1122 руб. 90 коп., Войсковому Старшинѣ 577 руб. 5 коп., Есаулу 430 руб. 10 коп., Сотнику 310 руб. 37½ коп., Хорунжему 250 руб. 30 коп., Заурядъ-Хорунжему и старшему уряднику 37 руб. 24 коп. и младшему уряднику 16 руб. 66 коп. въ годъ. Если командиръ полка былъ не войскового сословія, то ему выдавались еще столовыя 1100 руб. и фуражъ на 8 лошадей.

Наряду съ несеніемъ тяжелой «полевой» и «кордонной» службы на линейныхъ казакахъ лежала и масса денежныхъ и натуральныхъ повинностей: постойная, подводная, дорожная, береговая (по укрѣпленію береговъ рѣки Терека) и другія. При построеніи крѣпостей Св. Креста, Кизляра и Моздока Гребенцы исполняли работы по доставкѣ лѣса и строительнаго матеріала, по возведенію зданій и укрѣпленій, и т. п. Позже казаки безплатно содержали по Тереку почтовыя станціи, паромы и каючныя переправы, рубили просѣки въ лѣсахъ, строили вмѣстѣ съ солдатами новыя укрѣпленія, и т. д. Съ развитіемъ военныхъ дѣйствій въ краѣ, подводная повинность настолько усилилась, что для несенія ея за недостаткомъ мужчинъ, приходилось наряжать женщинъ. Кромѣ того, еще съ тѣхъ же казаковъ взыскивали на содержаніе почтъ въ губерніи подушный налогъ по 1 р. 90 к. ежегодно. Вслѣдствіе жалобы по поводу послѣдняго налога, поданной Государю Николаю I-му при проѣздѣ Его по Кавказу, Наказный Атаманъ Николаевъ доносилъ, что «**въ особенности отягощены полки Моздокскій и, наиболѣе, Гребенской**, гдѣ по малолюдству при необыкновенно-тягостной кордонной службѣ, кромѣ всегдашняго постоя войскъ, проходятъ въ большомъ числѣ рекрутскія партіи и другія команды; казаки возятъ въ лазареты больныхъ и проѣзжающихъ по службѣ чиновниковъ въ Дагестанъ, въ крѣпость Грозную, Внезапную и оттуда; а также ежегодно снабжаютъ пастбищными мѣстами и сѣнокосами полки, батареи и команды; вспомогательныхъ участковъ не имѣютъ и, при всемъ этомъ, на со-

держаніе почтъ платятъ деньги подушнымъ сборомъ съ неслужащихъ казаковъ». А тутъ еще донималъ низовыхъ казаковъ и гнѣвный батюшка Терекъ Горынычъ, что годъ рвавшій сковывавшіе мощный ходъ его плотины и валы, обрушивавшійся на сады, огороды и поля несчастныхъ казаковъ и заставлявшій ихъ по нѣскольку разъ переселяться съ мѣста на мѣсто.

Вотъ каково было житье-бытье на «Погибельномъ Кавказѣ» нашихъ дѣдовъ и отцовъ, славныхъ Линейныхъ казаковъ, о которыхъ безпристрастный и строгій судья, знаменитый кавказскій герой генералъ А. П. Ермоловъ писалъ: «**Полное уваженіе мое пріобрѣли Линейные казаки**. Прежде видалъ я ихъ небольшими частями и не такъ близко, но **теперь могу судить и о храбрости ихъ и о предпріимчивости. Конечно изо всѣхъ многоразличныхъ казаковъ въ Россіи едвали есть подобные имъ**».

Садися, мужъ мой, на коня.

—«Садися, мужъ мой, на коня!
«Осѣдланъ онъ моей рукою.
«Садись скорѣй: свѣтило дня
«Ужъ меркнетъ за горою!
«Садись скорѣй: свѣтило дня
«Ужъ меркнетъ за горою...

«Въ долинѣ ставки казаковъ,—
«Враги живутъ на Сунжѣ нашей,
«И пьютъ гяуры полной чашей
«Чеченцевъ пламенную кровь.
«И пьютъ гяуры полной чашей
«Чеченцевъ пламенную кровь...

«Ударь на нихъ ты въ шашки смѣло!
«Гостей незванныхъ отрази!
«И мнѣ, мой мужъ, мое свѣтило,
«Изъ битвы черепъ привези...
«И мнѣ, мой мужъ, мое свѣтило,
«Изъ битвы черепъ привези»...

—»Въ лѣса бѣги, моя семья!
»Бѣги, жена! бѣгите, дѣти!
»А здѣсь одинъ останусь я,—

»Намъ русскій врагъ готовитъ сѣти:
»Ермоловъ рать свою ведетъ,
»Но онъ въ лѣсу васъ не найдетъ»...

– «Къ чему же ты ихъ станешь ждать?
«Бѣги скорѣй! бѣги ты съ нами!
«Опаснѣй грома русскихъ рать:
«Они убьютъ тебя штыками, —
«Тебя отвага не спасетъ,
«Когда Ермоловъ ихъ ведетъ»...

—»Бѣгите, –близокъ ужъ разсвѣтъ!
»Спасенья нѣтъ родному краю...
»Ермолову преграды нѣтъ, —
»Меня убьютъ, я это знаю...
»Но я никакъ моимъ врагамъ
»Безъ боя сакли не отдамъ!»...

Чеченская пѣсня.

VI. Передовая (Терско-Сунженская) линія.

Горскій полкъ. Военно-Грузинская дорога. Образованіе Владикавказскаго полка. Сунженская линія. Генералъ-маіоръ Н. П. Слѣпцовъ. Окончательное заселеніе Сунжи.

Такъ какъ каждый казачій полкъ помимо участія въ походно-боевой работѣ обязанъ былъ и вести бдительную охрану какъ мѣста своего жительства, такъ и пространствъ, занятыхъ русскими поселеніями въ ближайшемъ къ полковому участку линіи раіонѣ, то въ началѣ XIX столѣтія оказалось, что съ увеличеніемъ числа такихъ поселеній Волгскій полкъ сталъ въ совершенную невозможность справляться съ лежавшими на немъ многочисленными обязанностями. Поэтому начальникъ Кавказскаго края генералъ А. П. Ермоловъ нашелъ необходимымъ подкрѣпить участокъ Волгскаго полка образованіемъ по линіи особой казачьей части. Эта часть, получившая имя Горскаго казачьяго полка, была устроена въ 1824 году, причемъ въ составъ ея вошли: Моздокская Горская казачья команда, двѣ старыхъ станицы—Луковская и Екатериноградская, двѣ станицы изъ осетинскихъ селеній—Черноярская и Новоосетинская, и четыре станицы изъ русскихъ гражданскихъ слободъ, находившихся въ этомъ участкѣ линіи,—Павлодольская, Приближная, Прохладная и Солдатская, населеніе которыхъ при этомъ обращено было въ войсковое сословіе. Черезъ 4 года (въ 1829 году) полкъ былъ усиленъ еще двумя станицами изъ гражданскихъ селеній—Государственной и Курской, послѣ чего могъ выставлять въ строй 800 казаковъ.

Мы выше уже упоминали, что отъ Моздока начиналась издревлѣ извѣстная дорога въ Грузію. Въ 1784 г. по пути отъ Моздока къ Дарьяльскому ущелью были

построены для охраны безопасности движенія русскія военныя укрѣпленія, давшія дорогѣ имя Военно-Грузинской. При самомъ входѣ въ горныя тѣснины была устроена крѣпость, которую Императрицѣ Екатеринѣ угодно было наименовать громкимъ именемъ «Владикавказа», въ предвидѣніи ея будущей важной роли въ дѣлѣ завоеванія Кавказскаго края. По пути отъ Моздока къ Владикавказу было поставлено два редута—Григориполисскій, въ горахъ близъ нынѣшняго селенія Владимирскаго (оно же св. Георгія, или Батако-Юртъ) и Камбилеевскій на рѣкѣ Камбилеевкѣ, около нынѣшняго селенія Зильги. Для наблюденія за Кабардой, у Татартупскаго ущелья былъ построенъ редутъ Потемкинскій, на рѣкѣ Терекѣ. Впослѣдствіи было еще поставлено между Моздокомъ и Григориполисомъ укрѣпленіе Константиновское, близъ нынѣшняго селенія Согопшъ.

Съ началомъ XIX столѣтія сношенія наши съ единовѣрной намъ Грузіей, добровольно присоединившейся въ 1800 году къ России, приняли еще болѣе оживленный характеръ. Между тѣмъ усилившіеся къ этому времени постоянные набѣги на линію со стороны чеченцевъ, а отчасти и ихъ соплеменниковъ ингушей, дѣлали движеніе по старой Моздокской дорогѣ почти совершенно невозможнымъ, почему въ 1825 году генералъ Ермоловъ далъ Военно-Грузинской дорогѣ нѣсколько иное направленіе,—по лѣвому берегу Терека черезъ Татартупское ущелье на станицу Екатериноградскую, минуя Моздокъ, потерявшій прежнее значеніе со времени перенесенія центровъ Кавказскаго управленія въ Георгіевскъ и Ставрополь. Для защиты новой дорожной линіи были поставлены укрѣпленія Урухское, Ардонское и Архонское, а затѣмъ для окончательнаго закрѣпленія ея и прикрытія отъ нападенія хищниковъ рѣшено было заселить ее казачьими поселеніями. Такимъ образомъ въ 1837 году возникла 100 верстная Передовая Терская казачья линія, занятая восмью станицами шестисотеннаго Владикавказскаго казачьяго полка—Пришибской, Котляревской, Александровской, Урухской (впослѣдствіи была перенесена въ раіонъ Волгскаго полка, къ городу Георгіевску), Змѣйской, Николаевской, Ардонской и Архонской. Яд-

ромъ для образованія Владикавказскаго полка послужили два Малороссійскихъ казачьихъ полка, сформированныхъ въ 1831 году Малороссійскимъ дворянствомъ для дѣйствій противъ польскаго возстанія, а потомъ обращенныхъ на службу въ войскахъ Кавказской линіи. Къ семейнымъ казакамъ этихъ Малороссійскихъ полковъ было присоединено нѣсколько десятковъ казачьихъ семействъ «Старолинейцевъ», солдатскихъ изъ упраздненныхъ военныхъ поселеній и переселенческихъ изъ губерній Черниговской, Харьковской и Воронежской.

Почти одновременно съ занятіемъ Верхне-Терской линіи начали ставиться укрѣпленія и станицы по Сунженской линіи, необходимость которой указывалась еще въ 1804 году княземъ Циціановымъ. Начало Сунженской линіи было положено въ 1809 году, когда командовавшій Владикавказскимъ округомъ генералъ Дельпоццо, послѣ добровольнаго присоединенія жившихъ въ верховьи Сунжи и по Ассѣ ингушей, поставилъ въ ихъ селеніи Назрань гарнизонъ, а на среднемъ теченіи Сунжи, въ урочищѣ Казакъ-Кичу («Казачій бродъ») заложилъ передовое укрѣпленіе Казакъ-Кичинское. Затѣмъ Ермоловъ, въ 1818 году усилилъ Назрановское укрѣпленіе, а въ нижней Сунжѣ поставилъ крѣпость Грозную. Настоящее же занятіе Сунженской линіи началось въ 1845 году съ учрежденіемъ Сунженскаго казачьяго полка и велось подъ руководствомъ командира этого полка, генералъ-маіора Н. П. Слѣпцова, стяжавшаго своими смѣлыми и рѣшительными дѣйствіями противъ чеченцевъ безсмертную славу героя и прославившаго своихъ лихихъ Сунженцевъ — «Слѣпцовцевъ». Ядромъ Сунженскаго полка явились офицеры и урядники Моздокскаго и другихъ полковъ Старой Линіи. Въ составъ же нижнихъ чиновъ вошли кромѣ «Старолинейцевъ» (Моздокцевъ, Волгцевъ, Гребенцовъ, Кубанцевъ и Ставропольцевъ) также и Донскіе казаки. Такимъ образомъ, старые «Линейцы»- принимая новое имя Сунженцевъ» подѣлили, какъ это поется въ казачьей пѣснѣ («Съ краевъ полуночи»), избытокъ своей славы «съ безвѣстной струей» новыхъ переселенцевъ, ставшихъ вмѣстѣ съ ними «на вражьемъ порогѣ твердою стопой».

Первыми были построены станицы Троицкая, на мѣстѣ бывшаго укрѣпленія Волынскаго, и Сунженская (нынѣ Слѣпцовская), каждая на 250 дворовъ. За ними, какъ грибы послѣ дождя, выростали остальныя, несмотря на то, что постоянныя боевыя тревоги и набѣги до крайности затрудняли дѣло заселенія. Слѣпцову приходилось день и ночь быть въ работѣ: то планировать новую станицу, то быть на лѣсной рубкѣ, то участвовать со своимъ полкомъ въ общихъ боевыхъ дѣйствіяхъ... И неутомимый труженикъ вездѣ поспѣвалъ, вездѣ у него кипѣла работа, и дѣло спорилось. Высоко цѣнили и уважали Николая Павловича даже и враги чеченцы, а что касается до окружавшихъ его казаковъ, то эти прямо боготворили своего героя-командира. Его открытый характеръ, не терпѣвшій лукавства, его великодушіе къ побѣжденному врагу, его необычайная отвага, не знавшая преградъ, подкупали всякаго. Слѣдующій небольшой случай изъ жизни Слѣпцова ярко рисуетъ намъ мощную фигуру удальца-генерала и отношеніе къ нему окружавшихъ.

Въ одинъ изъ сѣренькихъ осеннихъ дней, стоявшій у восточныхъ воротъ станицы Сунженской (Слѣпцовской) часовой казакъ Силай Шайдаровъ услыхалъ выстрѣлы со стороны Михайловской станицы. «Вѣстовая» грянула на углу вала, внезапно прервавъ размышленія привратника. Необходимо было тотчасъ отворить ворота, а дежурный тутъ какъ тутъ, что-то спросилъ и ускакалъ. Растерялся Силай, не можетъ найти ключей. Ноги подкашиваются отъ страха, руки отнимаются, а голова теряетъ способность мыслить. Страхъ обуялъ при мысли, что вотъ-вотъ батюшка Слѣпцовъ нагрянетъ, а ворота не отворены,—убьетъ! Не успѣла промелькнуть въ головѣ эта мысль, какъ вдругъ точно изъ земли выросъ передъ глазами командиръ на своемъ сѣромъ кабардинцѣ. Сверкаютъ огнемъ его черные глаза, грудь высоко поднимается отъ прерывистаго дыханія, а конь стоитъ на заднихъ ногахъ и проситъ поводовъ. «Негодяй! мерзавецъ!»—не своимъ голосомъ закричалъ Слѣпцовъ, поднялъ руку съ нагайкой, гикнулъ и исчезъ, точно сквозь землю провалился. Осмотрѣлся кругомъ Силай,—

нѣтъ командира. Ключи-же были все время за поясомъ. Посмотрѣлъ Силай черезъ валъ, а сѣрый конь и сѣрая черкеска уже мелькали по Михайловской дорогѣ одинъ-одинешенекъ. Кинулся Шайдаровъ отворять ворота, и лишь только ихъ распахнулъ, отскочилъ въ сторону: передъ глазами промелькнула гигантская фигура урядника Полубоярова, летѣвшаго пригнувшись къ гривѣ коня съ оранжевымъ значкомъ Слѣпцова, спутника во всѣхъ его бояхъ. Исчезъ въ облакахъ пыли и бравый казакъ Яковъ Мелиховъ, а за нимъ и все дежурство. «Сторонись! берегись! гей!»—кричали съ гикомъ казаки, спѣшившіе догнать своего командира. Перекрестился Силай Шайдаровъ и остался въ нѣмомъ размышленіи: какъ могъ Слѣпцовъ перескочить черезъ валъ, обнесенный непроходимымъ терновникомъ? какъ не сломалъ конь своихъ ногъ въ глубокомъ рву? какъ вынесъ онъ всадника оттуда?. И долго, на всю жизнь остались памятны ему эти пять минутъ...

Заселеніе Сунжи, начатое въ 1845 году, тянулось болѣе 15 лѣтъ, и въ концѣ концовъ по Сунжѣ и ея притокамъ водворилось три казачьихъ полка: 2-ой Владикавказскій, занявшій семью станицами (Владикавказская, Камбилеевская,—обѣ онѣ въ 1859 году образовали станицу Тарскую, Ново-Сунженская, Аки-Юртовская, Фельдмаршальская, Нестеровская и, впослѣдствіи упраздненная, Галашевская) верховья Камбилея, Сунжи и Ассы, 1-й Сунженскій, по среднему теченію Сунжи съ боковымъ сообщеніемъ къ Моздоку въ семи станицахъ (Терская, Магометъ-Юртовская, Карабулакская, Троицкая, Сунженская, Михайловская и Ассинская) и 2-ой Сунженскій, сомкнувшій Сунженскую линію съ Гребенскими городками восемью станицами (Самашки, Заканъ-Юртъ, Алханъ-Юртъ, Грозненская, Петропавловская, Джалкинская, Умаханъ-Юртъ и Горячеводская).

Такимъ образомъ слишкомъ три вѣка происходило постепенное населеніе и разростаніе казачества на Терекѣ, начиная съ первыхъ поселенцевъ—Гребенцовъ и кончая самыми молодыми станицами—Сунженскими...

Что ты, Сунженецъ, не веселъ.

Что ты, Сунженецъ, не веселъ, безшабашный сорванецъ?
Что ты буйную повѣсилъ? Или пусть твой гаманецъ?
Или ты коня лишился въ прошломъ жаркомъ во бою?
Или съ братомъ распростился въ басурманскомъ ты краю?
Иль сердечная кручина завелася у тебя?
Иль измѣнщица дѣвчина въ часъ урочный не пришла?
Это горе намъ не горе: не привыкли мы такъ жить,
Чтобъ по вѣтренной дѣвчонкѣ сокрушаться и тужить!
И потеря близкихъ кровныхъ такъ не тронула бы насъ:
Въ схваткахъ жаркихъ и неровныхъ мы теряли ихъ не разъ.
Съ смертью мы давно сроднились,—шли на вѣрную не разъ;
Пули, шашки и кинжалы были шутками для насъ.
И орелъ нашъ славный горный, онъ куда не залеталъ,
Изъ какихъ ущелій темныхъ онъ врага не выгонялъ!
И какая неприступность насъ могла остановить,
Когда нашъ побѣдоносецъ впереди всегда летитъ!
Съ нимъ врагамъ своимъ мы мстили за ихъ старые грѣхи,
И сторицей отплатили, когда брали мы Гехи.
Онъ орломъ предъ нами мчался и вездѣ самъ успѣвалъ;
Съ шашкой самъ въ толпу кидался и дружину поощрялъ.
Изъ завала поразила пуля мѣткая его,—
Наше счастье схоронила, жизнь отнявши у него.
Хоть врагамъ мы отплатили,—ихъ прогнали далеко,
Но потеря командира въ грудь запала глубоко.
Какъ несли его на буркѣ, онъ едва уже дышалъ
И, собравъ послѣдни силы, свою волю завѣщалъ:
«Храбро, весело, отважно чтобъ Царю всегда служить!
«И чтобъ имени Слѣпцова вамъ во-вѣки не забыть!»...
Потомъ съ горестью простился съ полкомъ Сунженскимъ своимъ,
Душой къ Богу обратился,—такъ разстались мы съ нимъ.
Какъ-же, братцы, намъ не плакать, какъ намъ горько не тужить:
Отца друга-командира намъ такого не нажить!
Такъ помолимся же Богу, чтобы Царь и Воронцовъ
Въ память славнаго Слѣпцова не забыли бъ Сунженцовъ.
И завѣтъ Слѣпцова вспомнимъ—съ Предимировымъ впередъ:
Слова батюшки исполнимъ,—и предъ нами все падетъ!

Казачья пѣсня.

VII. Окончательное покореніе Кавказа.

Ермоловъ на Линіи. Его планъ покоренія Кавказа. Мюридизмъ. Кази Мулла. Шамиль Борьба съ Шамилемъ. Экспедиціи. Время Воронцова. Паденіе Гуниба и плѣнъ Шамиля. Покореніе Западнаго Кавказа. Участіе казаковъ въ Кавказской Войнѣ.

Къ началу XIX столѣтія, съ присоединеніемъ Грузіи къ Россіи, независимыя племена, населявшія горныя ущелья Кавказа, оказались оцѣпленными кольцомъ русскихъ владѣній. Съ сѣвера шла Кавказская Линія, на востокѣ намъ принадлежала узкая полоса Дагестанскаго побережья Каспійскаго моря, на югѣ—почти все Закавказье. Такое положеніе дѣлъ не могло удержаться долго, и Кавказская война приняла болѣе напряженный характеръ.

Вскорѣ же кабардинцы, все время колебавшіеся въ своей вѣрности и при малѣйшемъ удобномъ случаѣ поднимавшіе возстанія, окончательно признали себя русскими подданными. За ними послѣдовали ингуши (въ 1809 году) и осетины-дигорцы. Такимъ образомъ оставалось только присоединить чеченцевъ и дагестанцевъ, населявшихъ горы и предгорье противъ лѣваго фланга Кавказской линіи.

Въ 1816 году на Кавказъ назначенъ былъ начальникомъ края знаменитый генералъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, представлявшій образецъ разсудительности, рѣшительности и мужества. Его грозныя очи сверкавшія изъ-подъ нависшихъ бровей и напоминавшая львиную го-

лова, покрытая огромной шапкой сѣдыхъ волосъ, наводили ужасъ на враговъ, а въ подчиненныхъ и сотрудникахъ вселяли глубокую вѣру въ силу и непобѣдимость своего вождя. Ермоловъ быстро понялъ положеніе дѣлъ и правильно оцѣнилъ обстановку. «Кавказъ», говорилъ онъ, «это огромная крѣпость, которую штурмомъ не взять,— надо вести правильную осаду». И началъ работу: сталъ подводить подкопы и проводить траншеи по всѣмъ правиламъ военнаго искусства.

Кавказская линія уже представляла изъ себя огромную осадную траншею (линію осадныхъ окоповъ), но стояла она далеко отъ центральной части крѣпости,— нужно было провести «параллель» (вторую линію окоповъ, ближе къ стѣнамъ крѣпости). И этой параллелью явилась начатая Ермоловымъ Сунженская линія и продолженіе ея къ старымъ Таркамъ. Еще до прибытія Ермолова на Линію на Сунжѣ стоялъ Назрановскій редутъ, который Ермоловымъ былъ значительно усиленъ. Лѣтомъ 1817 года онъ поставилъ ниже укрѣпленіе «Преградный станъ» (гдѣ нынѣ станица Михайловская). Въ 1818 году строитъ крѣпость Грозную, на слѣдующій годъ крѣпость Внезапную (близь нынѣшняго Хасавъ-Юрта), за которой слѣдуетъ Бурная (около Тарковъ). Въ слѣдующіе годы между этими крѣпостями воздвигается сплошная линія мелкихъ укрѣпленій, расчитанныхъ на небольшіе гарнизоны, но представлявшихъ изъ себя серіозную преграду хищникамъ благодаря своимъ глубокимъ рвамъ и высокимъ, крѣпкимъ валамъ.

«Параллель» была готова. Противникъ былъ притиснутъ къ горамъ, и оставалось только продолжать съ успѣхомъ начатую работу. Но, къ сожалѣнію, благодаря петербургскимъ кознямъ, Ермоловъ въ 1826 году былъ устраненъ, и на его мѣсто вступилъ блестящій молодой полководецъ Паскевичъ, впослѣдствіи графъ Эриванскій и князь Варшавскій, увлеченный болѣе дѣлами Закавказья и борьбой съ Персіей и Турціей.

Съ 1827 г. по 1831 годъ Кавказская линія была предоставлена самой себѣ, наступательныя дѣйствія противъ «Кавказской цитадели», начатыя Ермоловымъ, прекращены, и энергичную работу смѣнила полная бездѣя-

тельность, способствовавщая развитію въ горахъ Чечни и Дагестана фанатическаго религіознаго ученія «мюридизма», и стоившая намъ затѣмъ потоковъ крови и десятковъ лѣтъ упорной войны.

Около 1810 года въ глухія ущелья Дагестана проникло изъ Багдада ученіе «тариката», т. е. правилъ благочестивой жизни. Проповѣдники «тариката» носятъ имя «муршидовъ» (т. е. «направляющихъ»), а послѣдователи ихъ, ученики и послушники, называются «мюридами» («ищущими»). Первоначально ученіе это носило совершенно мирный характеръ, но въ двадцатыхъ годахъ приняло иное направленіе: пылкій учитель тариката Кази-Мулла сталъ открыто проповѣдывать, что нѣтъ угоднѣе Богу дѣла, какъ война съ невѣрными и распространеніе ислама силою оружія. Такая постановка вопроса пришлась по сердцу воинственнымъ народамъ Чечни и Дагестана, которымъ давно уже претило мирное житье. Въ горахъ закипѣла работа, и повсюду разнесся призывъ къ «газавату» (священному походу) противъ русскихъ. Слабая политика Паскевича, предписавшаго въ обращеніи съ горцами кротость и ласку, которыя они понимали не иначе какъ трусость и заискиваніе, еще болѣе способствовали подъему духа у горцевъ. Кази-Мулла объявилъ себя, въ концѣ 1829 года, имамомъ т. е. верховнымъ главою мусульманъ, и подъ знамена его стали стекаться безчисленныя толпы Дагестанцевъ и Чеченцевъ.

Упоенный рядомъ частичныхъ успѣховъ, Кази-Мулла въ маѣ 1831 года осадилъ крѣпость Бурную, затѣмъ напалъ на Внезапную, и хотя потерпѣлъ при этомъ неудачу, но все-же огромныя скопища его произвели впечатлѣніе на умы кумыкъ и чеченцевъ, и привлекли на его сторону массу новыхъ послѣдователей. Въ слѣдующемъ году онъ подходилъ къ Грозной и даже ко Владикавказу, чѣмъ вызвалъ противъ себя болѣе рѣшительныя дѣйствія. Чечня была разгромлена, родной аулъ Кази-Муллы, Гимры, взятъ штурмомъ въ 1832 году, причемъ и самъ Кази-Мулла палъ въ бою.

Но это не потушило начавшагося пожара. Званіе имама перешло къ племяннику Кази-Муллы Гамзатъ-

беку, по смерти котораго имамомъ сдѣлался близкій сподвижникъ Кази-Муллы и Гамзатъ-бека гимринецъ Шамиль. Умный и ловкій, съ желѣзнымъ характеромъ и безграничнымъ властолюбіемъ, Шамиль благодаря своимъ военнымъ и административнымъ дарованіямъ сумѣлъ совершенно подчинить своей власти свободолюбивыхъ горцевъ и дѣятельно велъ борьбу съ Россіей въ теченіе 25 лѣтъ.

Съ перемѣннымъ успѣхомъ велась эта упорная борьба, въ пылу которой съ обѣихъ сторонъ пролились потоки крови, разорялись крѣпости и станицы, гибли въ пламени аулы и хутора. Эта борьба выдвинула съ русской стороны цѣлый рядъ замѣчательныхъ вождей и героевъ, каковы генералы князь Воронцовъ, князь Барятинскій, графъ Евдокимовъ, Слѣпцовъ, Баклановъ, Фези, Граббе, Круковской и другіе.

Въ то время какъ мы безцѣльными и безсвязными дѣйствіями только роняли значеніе русскаго оружія, Шамиль успѣлъ ввести нѣкоторый порядокъ среди подчинявшихся ему племенъ. Вся страна была раздѣлена на наибства (округа), во главѣ которыхъ стояли наибы-довѣренныя лица имама. Все мужское населеніе въ возрастѣ отъ 16 до 60 лѣтъ было обязано военной службой. Призывавшіяся ополченія дѣлились на десятки, сотни и полутысячи. Шамилемъ былъ установленъ правильно собиравшійся съ населенія подоходный налогъ. Снабженіе войскъ продовольствіемъ и огнестрѣльными припасами было поставлено у Шамиля настолько удовлетворительно, что онъ могъ выставлять въ поле для боевыхъ дѣйствій отряды, превосходившіе 20000 воиновъ. Чтобы обезпечить себя вооруженіемъ, Шамиль устроилъ въ горахъ выдѣлку холоднаго и огнестрѣльнаго оружія (не исключая и пушекъ), и даже поставилъ пороховые заводы.

Борьба съ Шамилемъ, завершившаяся окончательнымъ покореніемъ Чечни и Дагестана, можетъ быть раздѣлена на три періода, различающіеся другъ отъ друга самымъ способомъ веденія войны: до 1845 года, годы 1845—1856 (время князя Воронцова) и годы 1856—1859 (время князя Барятинскаго).

Первый періодъ отличался полнымъ отсутствіемъ въ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ какого-либо общаго плана и цѣли. Во всемъ противодѣйствовавшій начинаніямъ Ермолова Паскевичъ на только пріостановилъ всю работу своего прозорливаго предшественника, но даже, въ противовѣсъ ей, отдалъ приказъ, чтобы взамѣнъ постройки сѣти укрѣпленій начальники линіи старались «сосредоточивать внезапно отряды, вторгаться въ земли горцевъ и потомъ возвращаться на свои пункты для приготовленія къ новымъ экспедиціямъ». Такой способъ дѣйствія, продолжавшійся, благодаря вліянію Паскевича, пятнадцать лѣтъ, велъ только къ безполезному пролитію крови, напрасно затягивая войну и создавая въ горцахъ увѣренность въ невозможности для русскихъ укрѣпиться въ горныхъ тѣснинахъ и дремучихъ лѣсахъ предгорья.

Только съ назначеніемъ на Кавказъ графа Михаила Семеновича Воронцова прекратились безполезныя экспедиціи въ горы. Прибывъ на Кавказъ весною 1845 года, Воронцовъ засталъ уже конецъ приготовленій къ большой второй эксцедиціи въ Дарго, укрѣпленную резиденцію Шамиля. Первая экспедиція, предпринятая въ 1842 году генераломъ Граббе, была направлена отъ Герзель-аула по долинѣ рѣки Аксая чрезъ непроходимые лѣса Ичкеріи и потерпѣла полную неудачу: отрядъ потерялъ 1700 нижнихъ чиновъ (изъ 10000), 60 офицеровъ и 1 орудіе. Новая экспедиція предположена была по другому направленію: въ обходъ, черезъ Андійскій хребетъ (раздѣляющій нынѣшнюю Терскую область отъ Дагестанской). Преодолѣвъ необыкновенныя трудности пути въ горныхъ трущобахъ Чечни, покрытой дремучими лѣсами, ведя безпрерывный бой съ упорнымъ и отчаяннымъ непріятелемъ, войска наши, руководимыя самимъ графомъ Воронцовымъ, подошли наконецъ въ іюлѣ 1845 года къ Дарго и взяли его съ бою. Однако Шамиль успѣлъ ускользнуть, и игра вышла въ пустую. Обратный путь на плоскость совершить было еще труднѣе. Горныя дебри, яростный противникъ и полный недостатокъ продовольствія (взятые въ походъ сухари пришли къ концу, а на мѣстѣ продовольствія найти было негдѣ) дѣлали положеніе отряда безвыходнымъ. И только героическое му-

жество Кавказскаго солдата и походно-боевой опытъ младшихъ начальниковъ спасъ «сухарную» экспедицію отъ позорнаго конца.

Эта экспедиція окончательно убѣдила Воронцова въ безполезности «способа Паскевича» и въ необходимости возобновить приведеніе въ исполненіе великаго плана Ермолова. Со времени «сухарной экспедиціи» война снова принимаетъ характеръ постоянной блокады Чечни и Дагестана съ очень осторожными наступательными дѣйствіями.

Въ теченіе десятилѣтняго періода времени (съ 1846 г. по 1856 годъ) строются сильныя укрѣпленія, чрезъ дремучіе лѣса прорубаются широкія просѣки, по горнымъ крутизнамъ прокладываются военныя дороги и, главное, предгорье прочно занимается рядами казачьихъ станицъ, предназначенныхъ

«Двинуть далеко предѣлъ порубежный
«И твердою грудью заслонить своей»...

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что окончательнымъ успѣхомъ въ тяжелой борьбѣ мы обязаны только этой малозамѣтной, неблагодарной и трудной подготовительной работѣ, о которую разбивались безплодно всѣ усилія, вся отвага и подвижность славнаго Кавказскаго вождя горской независимости—Шамиля.

Въ 1856 году назначенъ былъ Намѣстникомъ Кавказскимъ отважный и рѣшительный князь Барятинскій. Пользуясь наступившимъ удобнымъ моментомъ онъ со всѣхъ сторонъ двинулъ русскія войска въ глубину горъ Чечни и Дагестана, окружилъ Шамиля на Гунибской горѣ и принудилъ его сдаться въ плѣнъ 25-го августа 1859 г.

Въ этотъ день замолкъ, наконецъ, боевой громъ, грозно разносившійся по Кавказу въ теченіи столѣтій, и только лишь на западной окраинѣ Линіи, на «Правомъ Флангѣ», еще слышался отдаленный рокотъ битвы съ черкесскими племенами Закубанья, куда были двинуты войска всей Линіи для окончательнаго покоренія и Западнаго Кавказа, которое произошло въ 1864 году, и въ которомъ отъ Терскаго Войска участвовалъ пятисотенный сводный полкъ.

Мы уже упоминали выше, что **исторія Линейныхъ казаковъ есть исторія боевыхъ дѣйствій и походовъ на Линіи**, такъ какъ ни одного похода, ни одной экспедиціи, ни одного боя не обходилось безъ дѣятельнаго участія лихихъ нашихъ дѣдовъ и отцовъ—Линейцевъ: Кизлярцевъ, Терцевъ, Гребенцовъ, Моздокцевъ, Волгцевъ, Владикавказцевъ, Сунженцевъ и ихъ собратій. Въ этой неустанной борьбѣ, въ этихъ часто неравныхъ бояхъ, даже сказочные геройскіе подвиги мужества и беззавѣтной отваги, которую проявляли казаки на каждомъ шагу, были слишкомъ обычнымъ явленіемъ, не обращавшимъ на себя особаго вниманія. На кровавыхъ страницахъ исторіи покоренія Кавказа тонутъ незамѣтно въ общей массѣ писанные кровью безконечные подвиги Линейцевъ. И только **громкая слава, окружающая свѣтлымъ ореоломъ имя Кавказскихъ казаковъ** и ихъ вождей-героевъ, да **высокія милости Русскихъ Царей, всегда благоволившихъ къ своимъ вѣрнымъ и неизмѣннымъ казакамъ,** свидѣтельствуютъ о понесенныхъ ими въ былое время трудахъ и совершонныхъ подвигахъ.

Въ воздаяніе военныхъ трудовъ и заслугъ и въ ознаменованіе особаго Монаршаго благоволенія къ казакамъ Кизлярскаго, Гребенского, Моздокскаго, Владикавказскаго, 1-го Сунженскаго и 2-го Сунженскаго полковъ, Государь Императоръ пожаловалъ этимъ полкамъ 4-го марта 1860 года Георгіевскія Знамена съ надписью: «За военные подвиги противъ непокорныхъ горцевъ». А съ окончаніемъ военныхъ дѣйствій на Западномъ Кавказѣ, Государь, въ постоянномъ вниманіи къ боевой службѣ казаковъ, соизволилъ выразить Терцамъ свою милость въ слѣдующей грамотѣ отъ 12-го іюля 1864 года:

«Нашему вѣрнолюбезному Терскому Казачьему Войску.

«Покореніе Западнаго Кавказа, достигнутое рядомъ доблестныхъ подвиговъ и долговременныхъ трудовъ нашихъ, заключило многолѣтнюю кавказскую войну. Съ достославнымъ событіемъ этимъ тѣсно связано и имя вѣрнолюбезнаго Намъ **Терскаго Казачьяго Войска, издавна стяжавшаго себѣ громкую славу на Кавказѣ.** Предки нынѣшнихъ Терскихъ казаковъ составляли изъ себя первыхъ осѣд-

лыхъ русскихъ воиновъ для оплота отъ хищническихъ набѣговъ горцевъ, и въ продолженіи двухъ столѣтій храбрые обитатели береговъ Терека—подъ именемъ Гребенскихъ, Терскихъ, Волжскихъ, Горскихъ, Моздокскихъ, Кизлярскихъ, Владикавказскихъ, Кавказскихъ линейныхъ, Сунженскихъ казаковъ, не переставали обуздывать стремленія дикихъ сосѣдей своихъ къ внесенію огня и меча въ притерскія русскія поселенія и сами проникали въ ущелья горъ для наказанія хищниковъ въ собственныхъ жилищахъ ихъ. **Геройскіе подвиги Терскихъ казаковъ въ рядахъ нашихъ войскъ, на всемъ пространствѣ восточнаго Кавказа, приготовили покореніе Кавказа Западнаго** и достославное окончаніе Кавказской войны. Въ ознаменованіе Монаршей признательности Нашей за таковую полезную для отечества службу Терскаго Казачьяго Войска, Мы признали за благо—сократить для всѣхъ чиновъ онаго сроки обязательной службы, назначая отнынѣ: для полевой—15 и для внутренней—7 лѣтъ.

«Пребывая засимъ ко всему Терскому Казачьему Войску Нашею Императорскою милостію благосклонны, Мы надѣемся, что все это доблестное Войско получая нынѣ, чрезъ сокращеніе служебныхъ сроковъ своихъ и умиротвореніе всего сопредѣльнаго съ Войскомъ края, полную возможность развивать все болѣе и болѣе домашнее свое благосостояніе, вмѣстѣ съ тѣмъ не перестанетъ и впредь находиться въ постоянной готовности переносить свою боевую опытность всюду, куда укажутъ пользы отечества; **славное же имя Терскихъ казаковъ будетъ занимать вездѣ и всегда почетное имя въ рядахъ русскихъ воиновъ**». (На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:) «**АЛЕКСАНДРЪ**».

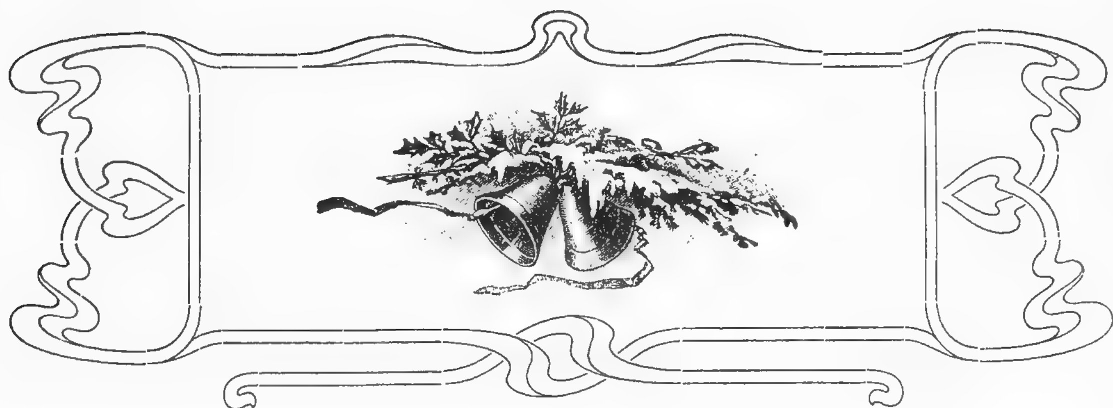

Днесь возсіялъ свѣтъ въ государствѣ.

Днесь возсіялъ свѣтъ въ государствѣ,
Россія въ славѣ стала жить:
Нѣтъ битвъ и нѣтъ того, кто-бъ въ рабствѣ,
Такъ что же намъ, о чемъ тужить!
    Живемъ, работаемъ, трудимся
    И помнимъ, служба что велитъ...
    Слухъ о войнѣ,—мы веселимся:
    Готовъ изъ насъ каждый кровь пролить.
Скажи намъ Царь одно лишь слово:
«А ну-ка, брацы-казаки!»—
И въ мигъ казачество готово
Содвинуть въ бой свои полки.
    Стать Атаману съ Михаиломъ
    Передъ войсками на врага,—
    Мы въ шашки удалью прибрызнемъ:
    Врагамъ тутъ смерть, а намъ «ура»!...
И пѣшимъ строемъ мы поладимъ,—
Лошадкамъ скажемъ: «ну, ложись!»
Враговъ стрѣльбою позабавимъ,—
На лошадь въ мигъ— и съ шашкой мчись!...
    Враги пусть смотрятъ, гдѣ дѣваться?
    Имъ ускользнуть прошла пора,—
    Въ живыхъ ужъ имъ не оставаться,—
    Мы прогремимъ вездѣ «ура!»...
Ура!... Царю всея Россіи,
Ей—Матушкѣ на много лѣтъ!
Наслѣднику и Михаилу
Отъ всѣхъ Кавказскихъ войскъ привѣтъ!...

П. Гранадчиковъ (1864 г.).

Часть III.

ТЕРЦЫ НА ВОЙНѢ.

(Участіе Терскихъ казаковъ во внѣшнихъ войнахъ Россіи).

„Самъ узнаешь,—будетъ время,—
„Бранное житье“...

Ура! пойдемъ мы на границу.

(Маршъ изъ кавалерійскихъ сигналовъ).

Ура! Ура! Пойдемъ мы на границу
Бить отечества враговъ
За Царя и за Царицу
И за Родину отцовъ!

Всѣ дружнѣе собирайтесь,
Попроворнѣй снаряжайтесь,
Живо сѣдлайте коней:
Нужно собраться скорѣй!

Всадники—други, въ походъ собирайтесь,—
Радостный звукъ васъ ко славѣ зоветъ!
Съ бодрымъ духомъ храбро сражайтесь!
За Царя и Россію смѣло въ бой впередъ!

Ну, во всѣ стороны!
Быстро, какъ молніи,
Строемъ разсыпаннымъ
Ударимъ на врага!

Ги-и-и-и!...

Казачья пѣсня.

I. Хивинскій походъ князя Бековича-Черкасскаго въ 1717 году.[35]

Задачи и подготовка похода. Переходъ къ Хивѣ. Гибель отряда. Разсказъ участника похода гребенца Демушкина. Хивинскій походъ 1873 года. Терскіе казаки за Каспіемъ въ 1879 и 1885 годахъ.

Съ заключеніемъ прутскаго мира, когда Россія вынуждена была уступить Турціи обратно Азовъ,—этотъ ключь къ Черному морю, Петръ перенесъ свои любимые помыслы на каспійское побережье и рѣшился предпринять изслѣдованіе восточныхъ береговъ этого моря, откуда, предположилъ искать торговаго пути въ Индію. Исполнителемъ этой могучей мысли былъ избранъ имъ князь Александръ Бековичъ-Черкасскій. Въ 1716 году Бековичъ отплылъ изъ Астрахани и началъ сосредоточивать сильный отрядъ близъ самаго устья Яика.

Съ Кавказа были назначены въ этотъ походъ конный пятисотенный полкъ Гребенскихъ и часть Терскихъ казаковъ, преимущественно изъ инородцевъ. Они прибыли въ Гурьевъ—городокъ и здѣсь долго простояли въ бездѣйствіи, такъ какъ князь Бековичъ ѣздилъ выбирать опорные пункты на Каспійскомъ морѣ и устраивалъ укрѣпленія св. Петра, Александровское и Красноводское, поставленныя имъ у мыса Тюпъ-Карагана и у

[35]) Начало этой главы цѣликомъ заимствовано у В. А. Потто («Кавказская война»), а середина (разсказъ Демушкина) у И. Попко («Гребенское войско»).

входа въ Александровскій и Балаханскій заливы, какъ на мѣстахъ болѣе удобныхъ для сообщенія съ Астраханью.

Только утвердясь такимъ образомъ на берегу Каспійскаго моря, русскія войска вышли изъ Гурьева въ іюнѣ 1717 года и двинулись по необъятнымъ и невѣдомымъ степямъ, по направленію къ Хивинскому царству. На дорогѣ, у плотинъ, заграждавшихъ теченіе Аму-Дарьи къ каспійскому бассейну, требовалось остановиться, чтобы устроить городокъ и произвести нѣкоторыя сооруженія, долженствовавшія возвратить древнему Оксусу славное нѣкогда теченіе его къ морю Хвалынскому. Въ народѣ жило преданіе, что средне-азіатскіе ханы отвратили это теченіе, носившее великія богатства, къ пустынному морю Аральскому именно для того, чтобы не дать Руси пробраться въ глубину невѣдомаго міра азіатскихъ пустынь.

Съ такою богатырскою миссіею князь Бековичъ-Черкасскій шелъ шесть недѣль по голодной и безводной степи, сдѣлалъ до тысячи четырехсотъ верстъ и цѣною невообразимыхъ лишеній достигъ, наконецъ, озеръ, образуемыхъ плотинами Аму-Дарьи. До этого мѣста только киргизы и туркмены сдѣлали на русскихъ два большихъ нападенія. Но едва русскій отрядъ остановился на берегу Аму-Дарьи для короткаго отдыха, какъ самъ хивинскій ханъ Ширъ-Гази появился передъ нимъ съ многолюдною ратью, конной и пѣшей, и началъ биться «пищальнымъ и лучнымъ боемъ», продолжавшимся три дня. Казаковъ за окопами было побито не больше десяти человѣкъ, а нападавшихъ хищниковъ съ киргизами и туркменами полегло больше тысячи. На четвертый день ханъ вступилъ въ мирные переговоры и клялся на коранѣ, чтобы противу русскихъ не поднимать оружія и быть во всемъ имъ послушнымъ. Но едва Бековичъ, повѣрившій этой клятвѣ, принялъ предложеніе хана посѣтить Хиву и раздѣлить весь отрядъ на нѣсколько частей для лучшаго продовольствія, какъ вѣроломные хивинцы предательски напали на русскихъ и по частямъ истребили отрядъ до послѣдняго человѣка. Самъ Бековичъ-Черкасскій погибъ мучительной смертью: съ него сняли кожу и, сдѣ-

лавъ изъ нея чучело, выставили на позоръ надъ городскими воротами.

Пятьсотъ отборныхъ Гребенскихъ бойцовъ и большая часть Терскихъ казаковъ погибли тогда въ рукахъ полудикихъ варваровъ, или подъ ударомъ предательскаго ножа, или въ цѣпяхъ тяжкаго рабства. Сотни семей осиротѣли на Терекѣ, и памятникомъ этого остаются въ Гребенскихъ городкахъ до сихъ поръ своеобразныя фамиліи, данныя оставшимся при вдовахъ мальчикамъ по именамъ ихъ отцовъ: Семенкинъ, Федюшкинъ, и тому подобное. Осенью того же 1717 года четверо случайно ушедшихъ плѣнныхъ: яицкій казакъ Емельяновъ, татаринъ Алтынъ, гребенской казакъ Бѣлотелкинъ и вожакъ похода туркменъ Ходажа-Нефесъ передъ сенатомъ и въ присутствіи самаго Царя передали, что видѣли и знали о несчастномъ концѣ индѣйскаго похода. Еще извѣстны два станичника, которымъ, и то уже чрезъ многіе годы, тоже удалось вернуться на родину. То были: Червленаго городка казакъ Иванъ Демушкинъ и Щедринскаго городка—Петръ Стрѣлковъ. (Послѣдняго до самой смерти звали «хивинцемъ» и это прозвище унаслѣдовали и его дѣти). Оба они, переходя отъ одного бусурманскаго хозяина къ другому путемъ продажи, попали наконецъ въ Персію, откуда и выбѣжали уже въ старости.

Вотъ какъ разсказывалъ объ этомъ несчастномъ походѣ Демушкинъ.

«Взяли мы, пятьсотъ Гребенскихъ казаковъ, отъ отцовъ и матерей родительское благословеніе, навѣки нерушимое, распрощались съ дѣтьми и женами, братьями и сестрами, и отправились къ Гурьеву—городку, въ отрядъ князя Бековича-Черкасскаго. Съ того сборнаго мѣста, отъ Гурьева—городка, начался нашъ походъ безталанный черезъ недѣлю аль черезъ двѣ послѣ Красной-Горки. Потянулася предъ нами степь безлюдная, и нѣтъ ей конца-краю. Жары наступили пуще, чѣмъ у насъ въ Успеньевъ постъ. Идемъ все по пескамъ сыпучимъ, пѣсеньки попѣваючи; становимся на отдыхъ, гдѣ попадается поляна съ копанью и тощей травкой. Воду пьемъ соленую и горькую, страсть какую противную, кормимся казеннымъ сухаремъ, а домашнія кокурки давно ужь вы-

шли. Гдѣ трафится бурьянъ, колючка какая, сваримъ кашу, а посчастливится подстрѣлить сайгака, поѣдимъ печенаго мяса. Сайгаковъ подсиживать мы выучились у Яицкихъ казаковъ; такимъ только способомъ его шайтана и добудешь, а конемъ, хоть бы тебѣ Шолохова завода былъ, ни въ жизнь не догонишъ. Недѣли черезъ три кони у насъ крѣпко исхудали, а еще черезъ недѣльку стали падать. Да что кони, и казенные верблюды валиться начали. На седьмой аль на восьмой недѣлѣ мы дошли до большихъ озеръ: сказывали Яицкіе казаки, рѣка тамъ большая перепружена. До этого мѣста киргизы и трухмены дѣлали на насъ два большихъ нападенія,—слышь, хивинскимъ ханомъ были подкуплены, —мы ихъ оба раза, какъ мякину, по степи развѣяли. Яицкіе казаки дивовались, какъ мы супротивъ длинныхъ киргизскихъ пикъ въ шашки ходили, а мы какъ понажмемъ поганыхъ халатниковъ да погонимъ по-кабардинскому, такъ они и пики свои по полю поразбросаютъ; подберемъ мы эти шесты оберемками да послѣ на дрова рубимъ и кашу варимъ. Такъ-то!... У озеръ князь Бековичъ велѣлъ дѣлать окопъ: идетъ, вишь, на нашъ отрядъ самъ ханъ хивинскій съ силой великой басурманской. И точно подошла орда несмѣтная, напуски дѣлала со всѣхъ сторонъ и билась три дня. На четвертый день и слѣдъ ея простылъ, а мы тронулись къ Хивѣ. Тутъ было намъ небесное видѣніе. Явилось оно послѣ половины дня, на привалѣ. Солнце пекло немилосердно; ни единой тучки не было на небѣ, да ихъ въ той сторонѣ и не бываетъ вовсе въ лѣтнюю пору. Вдругъ солнышко начало примеркать, темнѣть; темнѣетъ оно больше и больше, въ чугунную сковороду, съ позволенія сказать, оборачивается, и дошло до того, что отъ него остался одинъ лишь небольшой краешекъ на подобіе молодого мѣсяца. Сдѣлались сумерки, а до вечера-то было далеко. Въ отрядѣ все притихло, на всѣхъ нашелъ страхъ. Лошади и верблюды ежатся, торопятся, какъ бы чуютъ звѣря. Мы крестимся, говоримъ про себя: «Господи Исусе», а какіе были въ отрядѣ татары, тѣ раскинули по песку епанчи и стали дѣлать поклоненіе явленному въ денную пору, молодому мѣсяцу. Прошло полчаса, коли

не больше, въ этомъ страхѣ и ужасѣ; потомъ солнце начало мало по малу открываться, прогонять мракъ бѣсовскій, и наконецъ опять пришло въ свой прежній видъ. Опять пошелъ по отряду говоръ, да толки невеселые. Всѣ старые люди, казаки, драгуны, астраханскіе купцы, въ одинъ голосъ сказали: «Сіе знаменіе на радость махаметамъ, а намъ не къ добру!» Такъ оно и вышло. За одинъ переходъ до Хивы ханъ замирился, прислалъ князю Бековичу подарки, просилъ остановить войско, а самаго князя звалъ въ гости въ свой ханскій дворецъ. Собравшись ѣхать въ гости, Бековичъ взялъ съ собою нашихъ гребенскихъ казаковъ триста человѣкъ подъ коими держались еще кони, а у остальныхъ уже не было ихъ: часть были за походъ побиты либо ранены, и брошены на съѣденіе бирюкамъ, а часть подохли отъ безкормицы. Я съ дядей Іевомъ въ числѣ трехсотъ конныхъ находился. Отправились мы въ Хиву прибравшись въ новые чекмени и бешметы съ галуномъ, а коней посѣдлали съ наборной сбруей. Хива городъ большой, обнесенъ стѣной съ каланчами, да только улицы оченно тѣсны. У воротъ насъ встрѣтили знатные ханскіе вельможи; низко кланялись они князю, а намъ съ усмѣшкою говорили: «Черкезъ-казакъ якши, рака будетъ кушай.» Ужъ и дали жъ они намъ раки, измѣнники треклятые, трусы подлые, что умѣютъ бить только лежачаго. Справивши почетную встрѣчу, повели они насъ въ городъ, а тамъ были положены двѣ засады да съ боковъ скрытно разставлены двѣ орды въ дворахъ за высокими глиняными заборами. Уличка, гдѣ эта ловушка была устроена, и по коей они насъ вели, была узенькая и изгибалась какъ змѣя; проѣзжали мы по два и по три коня—больше нельзя; заднимъ совсѣмъ не видать переднихъ по кривулинамъ. Какъ только миновали мы первую засаду, она поднялась, запрудила уличку и бросилась на нашихъ заднихъ, а вторая загородила дорогу переднимъ и начала по нимъ палить. Не знаютъ наши, впередъ-ли, назадъ-ли дѣйствовать? А въ это самое время показалась орда съ обоихъ боковъ улички и давай жарить съ заборовъ, съ крышъ, съ деревьевъ, изъ оконъ домовъ. Вотъ въ какую западню мы втюри-

лись. И не приведи-же, Господи, какое началось тамъ побоище: пули, камни сыпались на насъ со всѣхъ сторонъ, даже пиками трехсаженными донимали насъ сверху: знаешь, какъ рыбу багрятъ на Яикѣ зимой. Старшины и пятидесятники съ самаго начала крикнули: «Съ конь долой! ружье въ руки!», а потомъ всѣ подаютъ голосъ: «въ кучу, молодцы, въ кучу!» Кудажъ тамъ въ кучу, коль двумъ, тремъ человѣкамъ съ лошадьми обернуться негдѣ. Бились въ растяжку, да и бились же не на животъ, а на смерть, поколь ни одного человѣка не осталось на ногахъ. Раненые, и тѣ отбивались лежачіе, не хотѣли отдаваться въ полонъ. Раненыхъ было много, затѣмъ, что непріятель билъ все сверху, прячась за свои заслоны, и неловко попадалъ, а какой смѣло выставлялся, того наша пуля не миновала. Подъ конецъ дѣла, нашихъ раненыхъ топтали лошади, въ переполохѣ, а хивинцы ихъ дорѣзали. Ни одинъ человѣкъ не вышелъ изъ треклятой трущобы, всѣ тамъ полегли. Не по щадили изверги и казацкихъ труповъ: у иныхъ отрѣзывали головы, вздѣвали на пики и носили по базарамъ. Бековича схватили раненаго, какъ видно, не тяжело, поволокли во дворецъ и тамъ вымучили у него приказъ къ отряду, чтобъ расходился малыми частями по разнымъ ауламъ на квартиры; а когда разошлись такимъ глупымъ порядкомъ, въ тѣ поры однихъ побили, другихъ разобрали по рукамъ и повернули въ ясыри. Послѣ того, какъ Бековичъ подписалъ такой приказъ въ ханскомъ дворцѣ, его тиранили всякими лютыми муками, еще съ живого сдирали кожу, сперва съ головы, а потомъ съ рукъ и съ ногъ, да все приговаривали: «Не ходи, Довлетъ, въ нашу землю! не отнимай у насъ Аму-Дарьи рѣки! не ищи золотыхъ песковъ!». Какимъ же родомъ, спросите вы, я-то остался живъ? А вотъ какимъ. Я безотлучно находился съ боку дяди Іева: сказано,—отъ дяди ни пяди. Когда спѣшились, онъ велѣлъ мнѣ держать коней, а самъ все отстрѣливался; кони дюже бились, а онъ мнѣ: «Держи, держи, Ванюша, не робѣй, дурачокъ! дастъ Богъ отмахаемся, а тамъ опять на-конь и тогда вотъ какъ погонимъ ихъ, поганцевъ!». Тутъ покойникъ изругался неладно, а меня вдругъ трах-

нуло камнемъ по головѣ, въ глазахъ пожелтѣло, и я повалился безъ чувствія лошадямъ подъ ноги. Долго ли находился я въ этомъ безчувственномъ состояніи, сказать не умѣю, только очнулся, себѣ не на радость, въ дворѣ одного знатнаго хивинца; дворъ большой, вокругъ меня много народа съ звѣрскими лицами, а дядина голова, смотрю, торчитъ на пикѣ. На меня надѣли цѣпь, какъ на собаку, и съ того страшнаго дня началась моя долгая горькая неволя. Нѣтъ злѣе каторги на свѣтѣ, какъ жизнь въ ясыряхъ у басурманъ.»

Спустя полтораста слишкомъ лѣтъ послѣ несчастнаго похода князя Бековича, вновь Терскіе казаки приняли участіе въ походѣ на Хиву, въ 1873 году. Русскія войска вели наступленіе тремя отрядами по различнымъ направленіямъ отъ Туркестана, Оренбурга и Мангишлака (Кавказскій отрядъ). Въ Мангишлакскомъ отрядѣ въ числѣ прочихъ Кавказскихъ войскъ (7 ротъ Апшеронцевъ, 2 роты Самурцевъ, 3 роты Ширванцевъ, 1 рота Сапернаго баталіона, 4 орудія 2-ой батареи и 1 единорогъ 1-ой батареи 21-ой артиллерійской бригады) были и четыре сотни Кавказскихъ казаковъ: Кизляро-Гребенская, Владикавказская, Сунженская и Ейская. Войска почти не встрѣтили сопротивленія, и 29-го мая 1873 года Хива была занята русскими.

Въ 1879 году были за Каспіемъ и Волгцы: 2-я и 4-я сотни Волгскаго полка участвовали въ Ахалъ-Текинской экспедиціи и при штурмѣ Геокъ-Тепе, а когда въ 1885 году послѣ Кушкинскаго столкновенія на Авганской границѣ двинуты были за Каспій войска, то въ числѣ прочихъ находился и 1-й Кизляро-Гребенской полкъ. Всѣ эти походы послѣдняго времени, хотя и не дали случая Терцамъ записать въ исторію своихъ подвиговъ яркую страницу, все-же лишній разъ доказали, что и современныя поколѣнія Терцевъ нисколько не уступаютъ своимъ предкамъ въ самыхъ характерныхъ для линейца качествахъ—въ лихости и предпріимчивости.

Походъ князя Бековича въ Хиву въ 1717 году.

Какъ на устьѣ было, братцы, Яикушки,
На краю было моря Каспицкаго,
Что во славномъ городкѣ было во Гурьевѣ,—
Собиралися тутъ войска царскія,
Войска царскія итти за море...
А съ войсками, братцы, казаки были:
Гребенскіе были, братцы, и яиціе-старожилые.
Какъ яицкихъ казаковъ полторы было,
Гребенскихъ было, братцы, полъ тысячи.
А посланникомъ Царя былъ князь Бековичъ,
Таково сказалъ онъ намъ словечушко:
—«Вотъ нашъ батюшка, православный Царь,
Посылаетъ насъ на Аму-Дарью рѣку
На Аму-рѣку, на Ургенчъ—городъ.
Завоюемъ-ка мы царство Хивинское,
Покоримъ его Царю Бѣлому,
Царю Бѣлому Петру Первому.
Мы хивинцевъ всѣхъ расколотимъ тамъ,
Самого хана мы въ полонъ возьмемъ,
И за то за все наградитъ Царь васъ,

Наградитъ Государь всѣхъ по-Царски.
А теперь, братцы, вы послушайте,
Вы послушайте меня, казаки-молодцы!
Что походъ будетъ намъ труднехонекъ;
На пути своемъ не встрѣтимъ рѣчушекъ,
Одна гола степь безъ дороженекъ...
Ой вы, братцы мои, казаченьки,
Гребенскіе казаки и Яицкіе, постарайтеся,
Сослужите службу небывалую,
Помогите вы Царю-Батюшкѣ.
Мы возьмемъ Хиву, погостимся тамъ,
А къ холодной зимѣ и домой прійдемъ.»

Уральская казачья пѣсня.

II. Первыя турецкія и персидскія войны.

Первыя встрѣчи Терцевъ съ турками. Терцы подъ Азовомъ. Анапскіе походы Текелли и Гудовича. Походъ Зубова въ Персію. Начало постоянной службы Терцевъ въ Закавказьи. Первые подвиги.

Исконными противниками Руси на Ближнемъ Востокѣ являлись два слабыя нынѣ, но могущественныя въ былыя времена мусульманскія государства — Турція и Персія. По горло занятые боевыми дѣлами у себя дома на Терекѣ, гдѣ не смолкая грохотали выстрѣлы то въ одной, то въ другой сторонѣ, Кавказскіе казаки не всегда имѣли время и возможность принять непосредственное участіе въ столкновеніяхъ Россіи съ этими державами и показать свою удаль казацкую на турецкихъ и персидскихъ головахъ.

Тѣмъ не менѣе первое серіозное боевое знакомство Терцевъ съ турками и подвластными имъ крымцами и темрюкскими черкесами произошло еще около 1593 г., когда Турція предъявила русскому послу Семену Безобразову требованія принять мѣры противъ дерзости Терскихъ казаковъ. Посланникъ писалъ къ Царю: «Да чтобъ ты, государь, **унялъ Терскихъ казаковъ, что они чинятъ Царя Турскаго людямъ обиду великую:** приходили де къ городу Темрюку и посады пожгли; и буде ты, государь, казаковъ Терскихъ не уймешь и не сведешь (съ Терека рѣки), и миру до-вѣка нельзя остаться»... (Дѣла Крымскія, XX, 9 и 10).

Вновь встрѣчаемъ мы Терцевъ близъ Азовскаго моря въ 1646 г., когда послѣ безпримѣрнаго въ исторіи, славнаго Азовскаго сидѣнія (1641 г.) Донскихъ казаковъ, турки и крымцы грозились громить Донъ, то по Цареву указу Гребенцы и Терцы подъ предводительствомъ Астраханскаго воеводы князя Пожарскаго и вождя Терскаго войска князя Муцала Сунчалеевича Черкасскаго съ «многими Терскими Царскаго Величества ратными людьми, и съ Черкасскими, и съ Горскими, и съ Кумыцкими князи и мурзы, и съ Ногайскими, и съ Эдисанскими мурзы и съ Татары» пришли въ Черкасскъ, на Донъ, для совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій противъ Крыма. 6-го іюля подъ самымъ Черкасскомъ Муцалу Сунчалеевичу съ Терской ратью пришлось выдержать упорный бой съ неожиданно, ночною порой, напавшимъ многочисленнымъ (до 10000 человѣкъ) противникомъ. «И учинилъ онъ» писали о томъ въ Москву Донцы (Д. Д. I, 910), «князь Мусалъ съ ними бой. И послыша мы тотъ ихъ бой и крикъ, вышли мы къ нему, къ князю Мусалу, на выручку тотчасъ наспѣхъ всѣмъ войскомъ, конные и пѣшіе, и учинили мы съ ними бой. И князь Семенъ Романовичъ Пожарскій пришелъ со всею ратью не замѣшкавъ же ни часу. И билися мы, Государь, съ ними съ утра и до вечера, и кровопролитіе у насъ, Государь, было съ ними великое. И Божіею милостью, а твоимъ Государевымъ Царевымъ счастіемъ, съ кошу мы ихъ сбили, и многихъ людей побили, и языковъ у нихъ побрали. А царевичъ (Крымскій) со всѣми своими людьми пошелъ отъ насъ отводомъ съ великою нуждою. И на томъ, Государь, бою князь Семена Романовича Пожарскаго ранили изъ лука, да письменнаго голову Якова Хрущова ранили-жъ; да и нашихъ, Государь, казаковъ и князь Мусаловыхъ узденей и Терскихъ казаковъ многихъ переранили и коней у насъ наповалъ многихъ же побили.»..

Затѣмъ довелось быть Гребенцамъ и Терцамъ въ бояхъ подъ Чигириномъ, въ Малороссіи, въ 1677 году, а въ 1687 и 1689 годахъ въ походахъ князя Голицина на Крымъ. Въ 1695 году они снова бьются съ турками подъ Азовомъ въ составѣ русскаго осаднаго корпуса Гордона. Послѣ постройки Кизляра и заключенія съ Персіей проч-

наго мира на условіяхъ перенесенія русской границы съ Сулака на Терекъ, мы видимъ Гребенцовъ, Терцевъ и неразлучныхъ съ ними кабардинцевъ подъ Азовомъ въ 1736 году и съ калмыкскимъ ханомъ Дондукомъ-Омбо въ Прикубанскомъ краѣ, гдѣ бьются они и съ татарами, и съ турками, и съ закубанскими черкесами (бесленеевцами и темиргоевцами), и съ некрасовскими казаками.

Во всѣхъ этихъ походахъ Терцы участвуютъ на случайныхъ неопредѣленныхъ началахъ,—въ ихъ «станицы» (отряды) собираются только лишь «кто пожелаетъ и у кого кони есть». Со второй же половины XIX вѣка участіе Терскихъ казаковъ въ внѣшнихъ войнахъ Россіи становится болѣе обычнымъ и принимаетъ болѣе правильныя формы.

Въ русско-турецкихъ войнахъ того времени Терцамъ пришлось не разъ побывать въ турецкомъ Закубаньи и между прочимъ три раза подъ сильной турецкой крѣпостью Анапой, лежавшей на берегу Чернаго моря между Суджакомъ (нынѣ Новороссійскъ) и устьями Кубани.

Первоначально на мѣстѣ Анапы стоялъ небольшой редутъ, но въ 1781 году турки обратили его въ первоклассную крѣпость, настолько хорошо оборудованную, что она получила названіе «ключа азіатскихъ береговъ Чернаго моря». Первое появленіе русскихъ подъ Анапой, въ 1788 году, подъ предводительствомъ генералъ-аншефа Текелли, носило характеръ усиленной рекогносцировки и кончилось ничѣмъ. Въ походѣ подъ Анапу принимали дѣятельное участіе Моздокцы, Волгцы, Терцы и Гребенцы, особенно отличившіеся въ бою съ турками (2½ тысячи) и съ закубанскими черкесами (до 8000) въ верховьяхъ рѣки Убина, 26-го сентября. Во время этого боя Терцы и Гребенцы, руководимые отважнымъ подполковникомъ Селимъ-Гиреемъ, племянникомъ послѣдняго крымскаго хана, разгромили черкесскую конницу и отбили въ схваткѣ непріятельское знамя.

Раннею весною слѣдующаго года генералъ Бибиковъ попытался овладѣть Анапой, но несмотря на необычайное мужество и выносливость войскъ, походъ былъ крайне неудаченъ и отрядъ почти весь погибъ. Однако

черезъ два года (въ 1791 году) генералъ Гудовичъ, осадившій Анапу съ отрядомъ, не превышавшимъ 10000, взялъ ее штурмомъ. Не спасли Анапу ни черезвычайно выгодныя природныя условія, ни образцовыя оборонительныя укрѣпленія, ни огромная артиллерія, ни фанатически настроенный многочисленный гарнизонъ, доходившій до 15000 человѣкъ.

Раздѣливъ отрядъ на четыре колонны, Гудовичъ въ полночъ съ 21-го на 22-ое іюня двинулъ три изъ нихъ на приступъ, а четвертую (генерала Загряжскаго) поставилъ съ противоположной стороны лагеря заслономъ противъ нападенія черкесскихъ полчищъ, оказывавшихъ дѣятельную помощь осажденной крѣпости. Въ эту-то колонну и попали наши славные Терцы. Когда штурмующіе уже ворвались въ крѣпость, то 8000 черкесъ, высыпавъ изъ сосѣднихъ горныхъ ущелій, ударили вдругъ на горсть Линейцевъ, стоявшихъ впереди отряда Загряжскаго. Но **«отмѣнно храбрые Гребенскіе и Терскіе казаки не подались ни шагу назадъ»**, какъ писалъ объ этомъ въ своемъ донесеніи самъ Гудовичъ. Поддержанные Таганрогскими драгунами, ударившими черкесамъ во флангъ казаки перешли въ наступленіе и окончательно опрокинули противника. Отдавая должное лихости казаковъ, Гудовичъ о Гребенцахъ писалъ Императрицѣ Екатеринѣ II-й: **«Гребенскіе казаки отмѣнно храбрые, хорошо стрѣлять умѣющіе и для здѣшняго горскаго края полезны**; можно оныхъ почесть конными егерьми. **Они и въ прошедшій походъ подъ Анапой вездѣ себя особливо отличали»**.

Черезъ пять лѣтъ мы находимъ Линейцевъ уже на противоположной сторонѣ Кавказа,—на побережьи Каспійскаго моря, въ Дербентѣ, Баку и въ далекой Муганской степи, принимавшими участіе въ славномъ, но безполезномъ походѣ графа В. И. Зубова на Персію. Еще 19 декабря 1795 года, какъ бы въ видѣ авангарда, былъ двинут изъ Кизляра къ Таркамъ и далѣе генералъ Савельевъ, бывшій командиръ Моздокскаго полка, съ отрядомъ изъ трехъ родовъ оружія, имѣя въ томъ числѣ болѣе 500 Линейцевъ (100 Моздокцевъ, 100 Гребенцовъ, 200 Терцевъ и 116 человѣкъ Моздокской легіонной команды). Въ составѣ главныхъ силъ Зубова было кромѣ

того до 2000 казаковъ, въ числѣ которыхъ было 300 Гребенцовъ, 75 Терцевъ, 320 Волгцевъ, 300 Моздокцевъ и 12 казаковъ Легіонной команды. Недолго тянулась осада Дербента, въ которой особенно отличились Гребенцы и Волгцы: 10-го мая крѣпость сдалась и графу Зубову поднесены были серебряные ключи города. 13-го іюня отрядъ уже занялъ Баку, и на зимовку казаки расположились въ Муганской степи, на правомъ берегу рѣки Куры, черезъ которую переправились 21-го ноября. Походъ этотъ, несмотря на сопутствовавшій ему успѣхъ, оказался совершенно безполезнымъ, такъ какъ со вступленіемъ на престолъ Императора Павла I, зимой же 1796 года, частямъ отряда было приказано возвратиться на Линію.

Весною 1802 года генералъ-лейтенантъ Кноррингъ, назначенный начальникомъ Кавказскаго края, отправляясь въ недавно присоединившуюся къ Россіи Грузію, сформировалъ на Линіи семисотенный Сборный Линейный казачій полкъ, который взялъ съ собою въ видѣ конвоя. Съ этихъ поръ началась постоянная служба Линейцевъ въ Закавказьи, гдѣ всегда находился при главномъ начальникѣ края Сборный Линейный казачій полкъ, численность котораго колебалась между 300 и 500 казаковъ. Линейцы принимаютъ послѣ того участіе во всѣхъ крупныхъ и во множествѣ мелкихъ сраженій въ Закавказьѣ, причемъ вездѣ и всюду отличаются съ самой лучшей стороны, **особенно выдѣляясь своей «храбростью и предпріимчивостью»**, качествами которыя у нихъ подмѣтилъ строгій цѣнитель и знатокъ людей Ермоловъ. Въ слѣдующемъ же (1803 году) смѣнная команда Гребенцовъ въ 30 человѣкъ, возвращаясь изъ Закавказья домой, сказываетъ существенную поддержку генералу Тучкову въ схваткѣ его съ горцами, занявшими Дарьяльское ущелье, причемъ спѣшенные Гребенцы смѣло и рѣшительно атакуютъ засѣвшаго въ скалахъ противника.

Въ 1804 году Линейцы отличаются въ бою подъ Эриванью, когда, одержавъ съ чрезвычайными усиліями побѣду надъ персами, главнокомандующій князь Циціановъ не рѣшился пустить утомленныя походомъ и битвой войска преслѣдовать противника, между тѣмъ какъ

Линейцы есаулы Сурковъ и Егоровъ съ 30 казаками Семейнаго и Гребенского войска, обскакавъ гору, успѣли отрѣзать часть бѣгущей персидской арміи и отбили 4 знамени и 4 фальконета на верблюдахъ.

Въ 1807 году Линейцы участвуютъ въ бою подъ Гумрами (нынѣ Александрополь) 18-го іюня, а 4-го октября они преслѣдуютъ съ генераломъ Портнягинымъ, бѣжавшаго изъ Эривани Гусейнъ-Кули-хана Эриванскаго. Черезъ годъ, 17-го октября 1808 года, вновь отличаются во время преслѣдованія того же Гусейнъ-Кули-хана въ составѣ особаго отряда подполковника Подлуцкаго (200 егерей 15-го полка, 4 эскадрона Нарвскихъ драгунъ и 200 Линейцевъ), который доносилъ Гудовичу: «Весь его (хана Эриванскаго) лагерь и собственный его экипажъ, катеровъ до 50-ти съ вьюками, въ добычу ~~добычу~~ достались грузинскимъ, шамшадильскимъ, борчалинскимъ и россійскимъ войскамъ, кои нынѣ всѣ тяжело обвьючены. **У казаковъ добычи нѣтъ никакой, потому что за ними драгунскіе фуктели** («рубаки») **вслѣдъ летѣли.»...**

Въ 1812 году мы находимъ Линейцевъ въ Кахетіи, гдѣ они принимаютъ участіе въ усмиреніи возстанія кахетинцевъ, и въ Карабахѣ съ генераломъ Ртищевымъ (въ числѣ 350-ти); въ Хевсуріи, въ карательной экспедиціи, и т. д. Словомъ, Линейцы появляются вездѣ, сопутствуя Главной Квартирѣ Начальника края, и все больше и больше укрѣпляютъ за собой славу лучшихъ бойцовъ, превосходящихъ всѣхъ прочихъ въ отвагѣ, смѣлости, расторопности и сообразительности. И донынѣ еще приходится слышать про линейскаго казака полупрезрительную—полузавистливую поговорку, что онъ «голый, какъ мышь, а острый, какъ бритва».

Съ одного конца Кавказа.

Съ одного конца Кавказа на конецъ другой
Перешагнемъ въ силу указа твердою ногой.
Такъ за Царя, за Русь, за Вѣру
Мы грянемъ грозное «Ура!»
Мы обвиты уже славой: коли Царь велитъ,
Русскій нашъ орелъ двуглавый всюду пролетитъ!
Такъ за Царя, за Русь и т. д.
Ни труды намъ, ни болѣзни путь не преградятъ,
Боевыя наши пѣсни всюду прогремятъ.
Такъ за Царя, и т. д.
Командиръ нашъ въ дѣлѣ бравый, славно съ нимъ живемъ
Съ нимъ на страшный бой кровавый, какъ на пиръ идемъ.:
Такъ за Царя, и т. д.
Офицеры всѣ лихіе, хваты-удальцы,
Несмотря что молодые,—въ дѣлѣ молодцы!
Такъ за Царя, и т. д.
Такъ чего же намъ бояться? Врагъ бѣжитъ всегда!
А какъ мы начнемъ сражаться, то ему бѣда.
Такъ за Царя, и т. д.
Не въ первой разъ супостатамъ жару поддавать,
И за то лихимъ солдатамъ кресты получать.
Такъ за Царя, за Русь, и т. д.
Штыкъ трегранный на готовѣ носимъ мы всегда,—
И не знаемъ среди поля страху никогда...
Такъ за Царя, за Русь, и т. д.
Въ дѣло будто на охоту съ радостью идемъ
И турецкую пѣхоту словно зайцевъ бьемъ.
Такъ за Царя, за Русь, и т. д.
Послѣ дѣла подъ Ягнами задрожалъ и Карсъ,—
Страхъ нагнали мы штыками,—былъ самъ Богъ за насъ.
Такъ за Царя, за Русь, и т. д.
Значитъ, съ Богомъ! со штыками мы вездѣ пройдемъ!...
Командиры если съ нами, то мы всѣхъ побьемъ!...
Такъ за Царя, за Русь, за Вѣру
Мы грянемъ грозное «Ура!»

Солдатская пѣсня.

III. Русско-турецкая война 1828-1829 годовъ.

Поводъ къ войнѣ. Первыя стычки. Линейцы подъ Карсомъ и Ахалцихомъ. Взятіе Гакки-паши. Подвигъ 12-ти Линейцевъ на Эрзерумъ-Бейбуртской дорогѣ. Образованіе Варшавскаго дивизіона.

Начатая еще Петромъ Великимъ упорная борьба Россіи съ Персіей за обладаніе Каспійскимъ побережьемъ и восточнымъ Закавказьемъ закончилась 9-го февраля 1828 года Туркманчайскимъ мирнымъ договоромъ, условія котораго и донынѣ являются основой взаимныхъ отношеній Персіи и Россіи. Но не успѣла кончиться война съ Персіей, какъ завязалась новая борьба—съ Турціей.

Поводомъ къ войнѣ послужило освобожденіе Греціи изъ-подъ Турецкаго владычества и уничтоженіе турецкой эскадры подъ Навариномъ (въ Греціи) соединенными флотами Россіи, Франціи и Англіи 18-го октября 1827 г. Война разыгралась на Балканскомъ полуостровѣ и на Кавказѣ. Линейцамъ довелось принять участіе только въ боевыхъ дѣйствіяхъ на Азіатскомъ театрѣ войны. Въ началѣ войны въ дѣйствующей Кавказской арміи графа Паскевича находились двѣ линейныя части—Сборный Линейный казачій полкъ, бывшій подъ командой подполковника Верзилина (впослѣдствіи Наказнаго Атамана Линейнаго Войска), составлявшій конвой Главнокомандующаго, и конно-артиллерійская Линейная казачья № 5-й полурота. Впослѣдствіи прибавились 2-ой Сбор-

ный Линейный казачій полкъ и конно-артиллерійская Линейная казачья № 6-ой рота.

14-го іюня Паскевичъ двинулъ свои войска (до 12000) черезъ Арпачай (близъ нынѣшняго Александрополя) противъ турокъ, армія которыхъ доходила до 60000 человѣкъ. Уже 19-го было первое дѣло Линейцевъ съ турками, причемъ Линейцы, двинутые въ помощь Донцамъ, тѣснимые делибашами, сначала стойко держались противъ насѣдавшаго противника и лихо перестрѣливались, джигитуя въ конномъ строю, а затѣмъ, ударивъ въ шашки и сбивъ делибашей (что значитъ «сорви-голова», т. е. обрекшій себя на смерть), заставили ихъ предпочесть бѣгство лютой смерти подъ казачьими шашками.

На другой день русскіе осадили первоклассную турецкую крѣпость Карсъ, во время усиленной развѣдки къ которому Линейцы опять отличились: сотня Линейцевъ спѣшившись, шла въ передовой цѣпи, а два орудія картечнымъ огнемъ помогали штурмующимъ. Еще больше отличились «батарейцы» 12-го іюня, когда два казачьихъ орудія подъ командой есаула Зубкова заставили замолчать шестиорудійную турецкую батарею. Руководившій наступленіемъ генералъ Муравьевъ говорилъ, что пальму первенства передъ всѣми батареями въ этотъ день нужно было отдать конно-артиллерійской Линейной казачьей ротѣ, отличавшейся особымъ проворствомъ прислуги и лучшимъ сортомъ лошадей, которыя были привычны къ горамъ и не знали препятствій. Самъ есаулъ Зубковъ былъ выдающійся офицеръ, постоянно отличавшійся во всю войну отважными и смѣлыми дѣйствіями. Онъ всегда самъ наводилъ орудія, не любилъ діоптровъ и замѣнялъ ихъ своими двумя указательными пальцами, которые ставилъ на тарель орудія, и ядро, пущенное съ его батареи, рѣдко не попадало въ цѣль.

23-го іюня Карсъ былъ взятъ штурмомъ. За нимъ русскіе овладѣли Ахалкалакской крѣпостью и 4-го августа подошли къ Ахалциху, десятитысячный гарнизонъ котораго рѣшилъ драться до послѣдней капли крови и долго выдерживалъ осаду. Извѣстіе о приближеніи турецкихъ подкрѣпленій заставило Паскевича рѣшиться на штурмъ. Упорный бой кипѣлъ всю ночь, и только

утромъ 15-го августа Ахалцихъ палъ. Главная роль въ этомъ бою принадлежала Ширванцамъ, которыхъ поддержалъ въ самую трудную минуту все тотъ же есаулъ Зубковъ, слѣдомъ за ними ворвавшійся съ помощью саперъ чрезъ палисадъ въ крѣпость съ орудіями и открывшій огонь черезъ головы Ширванцевъ. **Несмотря на двѣ контузіи, полученныя въ грудь, храбрый есаулъ Зубковъ, лежа на буркѣ руководилъ огнемъ батареи. За это дѣло онъ получилъ Георгія 4-й степени.**

Въ слѣдующемъ году покрыли себя Линейцы славой, совершивъ чудеса храбрости въ дѣлѣ у Катанлы, за Саганлугомъ, когда тридцатитысячный корпусъ турецкаго сераскира (главнокомандующаго) былъ разбитъ на-голову, и въ бою 20-го іюня у Милли-Дюза съ Гакки-пашею, спѣшившимъ съ 20000 турокъ на соединеніе съ сераскиромъ. Въ этомъ послѣднемъ бою **Сборному Линейному полку, бывшему подъ командой Верзилина**, удалось во время преслѣдованія отступавшаго непріятеля изрубить болѣе 200 турокъ и 100 человѣкъ взять въ плѣнъ, а въ томъ числѣ и самого начальника корпуса Гакки-пашу. Счастіе захватить въ плѣнъ пашу выпало на долю двухъ урядниковъ Горскаго казачьяго полка Александра **Венеровскаго** и Бориса **Атарщикова**, извѣстныхъ еще на Линіи своимъ удальствомъ. **Несмотря на то, что паша былъ окруженъ большой свитой, смѣльчаки врубились въ толпу турокъ и схватили его.** Растерянная свита кинулась въ разсыпную, но вся пала подъ шашками Линейцевъ. Въ 11 часовъ утра Венеровскій и Атарщиковъ представили Гакки-пашу Паскевичу, который тутъ же произвелъ ихъ въ офицеры.

27-го іюня Паскевичъ уже безъ сопротивленія занялъ Эрзерумъ, и войска были двинуты къ Бейбурту, гдѣ въ бою 27-го сентября **сотникъ Волгскаго полка Чуксѣевъ отбилъ турецкое знамя.** Боями подъ Бейбуртомъ закончились военныя операціи въ Азіатской Турціи. Миръ между державами былъ заключенъ 2-го сентября въ Адріанополѣ, и по договору Россія получила Ахалцихскій и Ахалкалакскій округа, а также Черноморское побережье отъ Анапы до Поти.

Въ числѣ прочихъ частей получили боевыя награды и Линейцы: Линейной казачьей конно-артиллерійской

№ 6-ой ротѣ даны были знаки «За отличіе», а Войскамъ Гребенскому, Терскому Семейному, Кизлярскому и полкамъ Кавказскому, Кубанскому, Хоперскому, Волгскому, Горскому и Моздокскому, изъ которыхъ комплектовались Сборные Линейные полки, были пожалованы знамена съ надписью «За отличіе въ Турецкую войну и за дѣла противъ горцевъ».

Въ теченіе двухъ лѣтъ войны храбрые Линейцы, имѣли много случаевъ выказать свою беззавѣтную отвагу и необычайную находчивость при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Изъ ихъ безчисленныхъ подвиговъ нельзя умолчать еще объ одномъ, наиболѣе ярко обнаруживающемъ удаль терскаго казака,—о 12-ти линейцахъ 2-го Сборнаго полка, отправленныхъ съ депешами изъ Эрзерума въ Бейбуртъ. Уже въ началѣ своего пути казаки встрѣтили транспортъ, конвоируемый сильнымъ прикрытіемъ, которое предупредило ихъ, что по дорогѣ проѣхать крайне опасно, такъ какъ вся окрестность наполнена турецкими шайками. Тогда линейцы выбрали изъ своей среды старшимъ стараго гребенского казака Семена Бакалдина, бывшаго въ кавказскихъ передѣлкахъ, осмотрѣли еще разъ коней и оружіе и, возложивъ упованіе на милосердіе Божіе, тронулись въ дальнѣйшій путь, усиливъ свою бдительность. Но какъ ни осторожно ѣхали казаки, на третьемъ переходѣ они вдругъ лицомъ къ лицу столкнулись съ 30-ю конными турками, внезапно выѣхавшими изъ придорожнаго оврага. Казаки, по знаку Бакалдина, спѣшились и, залегши за камнями, открыли огонь; турки сдѣлали тоже,—и на большой дорогѣ закипѣла оживленная перестрѣлка. Бакалдинъ смекнулъ однако, что сколько-бы времени они ни стрѣляли, а ѣхать впередъ все-же надо, да и турокъ пулей съ дороги не сгонишь,—крикнулъ: «на-конь!» Въ одну минуту линейцы были уже въ сѣдлахъ, дали залпъ и выхвативъ шашки, ринулись на непріятеля. Внезапность нападенія до того озадачила турокъ, что толпа ихъ бросилась съ дороги въ сторону, къ ближайшей деревнѣ, не успѣвъ захватить даже тѣло одного изъ своихъ товарищей. Казаки неслись за ними съ ужасающимъ гикомъ, но замѣтивъ, что изъ деревни скачетъ другая

толпа, они, отстрѣливаясь, отступили опять на дорогу и, проскакавъ по ней во весь духъ нѣсколько верстъ, поѣхали шагомъ. Погони не было. Но вотъ на дорогѣ узкій каменный мостъ. Съ двухъ сторонъ подступали къ нему громадныя скалы и, сдвинувшись вмѣстѣ, образовывали такой узкій корридоръ, по которому можно проѣхать только гуськомъ. Казаки пріостановились. Кавказское чутье подсказало имъ, что здѣсь должна быть засада. И, дѣйствительно, нѣсколько выстрѣловъ, пущенныхъ наудачу, разомъ вызвали 20-ть отвѣтныхъ пуль. Теперь не было сомнѣнія, что непріятель засѣлъ по гребню скалы и сторожитъ свою добычу. Но миновать это роковое мѣсто было нельзя. Казаки попытались было выбить врата мѣткими выстрѣлами, но пули только рикошетировали, ударяясь о камни, и безвредно проносились надъ головами турокъ. Патроны, между тѣмъ, всѣ были израсходованы, и оставалось одно—прорваться чрезъ ущелье. Бакалдинъ опять крикнулъ «на-конь!»—и казаки гуськомъ, по кустамъ и острому каменнику, понеслись подъ перекрестнымъ огнемъ непріятеля. Но видно Богъ хранилъ удальцовъ,—ни одинъ турокъ не загородилъ имъ дороги, ни одна пуля не попала въ цѣль, - и черезъ нѣсколько минутъ удальцы были внѣ опасности. Давъ вздохнуть конямъ, Бакалдинъ раздалъ товарищамъ нѣсколько патроновъ, случайно сохранившихся у него въ переметныхъ сумахъ, и снова казаки тронулись въ дальнѣйшій путь. Едва они проѣхали версты двѣ, какъ въ третій разъ передъ ними явился непріятель, въ числѣ 28-ми человѣкъ, преградившій имъ дорогу. Но, извѣдавъ уже на опытѣ, что перестрѣлка не приведетъ ни къ чему, казаки, выхвативъ шашки, ринулись на турокъ, и черезъ минуту вогнали ихъ въ лѣсистое ущелье... Еще часъ пути, - и вдали показался Бейбуртъ... Казаки вздохнули свободно.

Главнокомандующій произвелъ Бакалдина въ урядники и пожаловалъ ему знакъ отличія Военнаго Ордена; два другіе креста украсили грудь его товарищей, по выбору самихъ казаковъ. Это были: Терско-Семейнаго Войска казакъ Андрей Панковъ и Моздокскаго—Мартынъ Мельниковъ.

Отдавая должное выдающимся боевымъ качествамъ Линейцевъ, графъ Паскевичъ настолько къ нимъ привязался за время Кавказскихъ походовъ, что получивъ въ 1831 году назначеніе въ Польшу на борьбу съ польскимъ возстаніемъ, взялъ съ собою и туда Сборный Линейный казачій дивизіонъ. Въ слѣдующемъ же (1832 г.) команда отборныхъ казаковъ Варшавскаго дивизіона вошла въ составъ Собственнаго Его Величества Конвоя и послужила ядромъ для образованія впослѣдствіи Терскихъ сотенъ Конвоя.

Съ Малки, съ Терека, съ Кубани.

Съ Малки, съ Терека, съ Кубани довелось собраться намъ,
Чтобы дали басурмане честь и мѣсто казакамъ.

Видно турки въ самомъ дѣлѣ заартачились не въ прокъ,
Позабыть уже успѣли прежде заданный урокъ.

Лѣзутъ съ грозною замашкой,—мы на встрѣчу выйдемъ къ нимъ
И казацкой острой шашкой туркамъ память подновимъ.

Для начала, ради скуки, мы потѣшимся слегка,—
Пусть себѣ баши-бузуки распознаютъ казака.

А когда ряды низама[36]) фронтъ безсчетный развернутъ,
Имъ же больше будетъ срама, какъ отъ нашихъ побѣгутъ.

То-то знатная работа! Распотѣшились сполна:
Гдѣ ни взглянь,—у насъ ворота, а у нихъ валитъ стѣна!...

Ихъ французы обучали, англичанинъ имъ кунакъ,
А доучитъ ихъ едва ли не линейный нашъ казакъ!

Хватимъ дружнымъ ихъ ударомъ на казацкое «ура!»,
Чтобы вслѣдъ за Кадыкларомъ вспомнить имъ Кюрюкъ-Дора.

Да и намъ-то на станицѣ будетъ что поразсказать,
На турецкой какъ границѣ мы умѣли воевать.

Противъ силы нечестивой, какъ насъ велъ лихой Камковъ,
И какъ Скобелевъ правдивый службу правилъ казаковъ...

Не жалѣлъ за Русь, за Бога онъ ни жизни ни труда,
И хоть съ нами былъ немного,—будетъ нашимъ навсегда.

Передъ всѣмъ крещеннымъ міромъ пусть же вѣкъ поется намъ:
«Честь и слава командирамъ! Честь и мѣсто казакамъ!»...

Казачья пѣсня.

---

36) Турецкая регулярная пѣхота.

IV. Восточная война 1853—1856 г.г.

(Севастопольская кампанія).

Начало войны. Ахалцихъ. Башъ-Кадыкларское дѣло 19-го ноября 1853 года. Бой у Кюрюкъ-Дора 24-го іюля 1854 года. Обложеніе Карса. Лихое дѣло Линейцевъ у Пеняка 30-го августа 1855 года. Паденіе Карса и Парижскій миръ.

По окончаніи Турецкой войны 1828—1829 г.г. русское вліяніе сдѣлалось въ Константинополѣ настолько преобладающимъ, что въ 1833 году между Россіей и Турціей былъ заключенъ оборонительный договоръ, по которому мы должны были, въ случаѣ необходимости, помогать Турціи войсками, а она обязалась не пропускать чрезъ проливъ въ Черное море иностранныхъ военныхъ кораблей. Наши давнишніе соперники на европейскомъ Востокѣ—англичане и французы, опасаясь возраставшаго могущества Россіи и желая уничтожить нашъ черноморскій флотъ и всѣ военныя портовыя сооруженія, разссорили насъ съ Турціей, а потомъ приняли ея сторону, объявивъ намъ войну; къ Англіи, Франціи и Турціи присоединилась и Сардинія. Такимъ образомъ Россіи пришлось имѣть дѣло съ союзомъ четырехъ державъ почему и сама война получила также имя «Союзнической».

Начавшіеся въ концѣ 1853 года военныя дѣйствія застали наши войска на Кавказѣ совершенно не готовыми. Между тѣмъ турки двинули въ октябрѣ сорокатысячную армію къ Александрополю и 18000 человѣкъ къ

Ахалциху. 2-го ноября нашъ семитысячный отрядъ подъ начальствомъ князя Орбеліани, высланный на встрѣчу туркамъ главнокомандующимъ княземъ Бебутовымъ, былъ разбитъ подъ Баяндуромъ и избѣжалъ полнаго пораженія только вслѣдствіе своевременнаго прибытія подкрѣпленій. Въ это время всѣ враждебные намъ элемннты на Кавказѣ заволновались, и положеніе наше стало критическимъ.

Однако благодаря энергіи нѣкоторыхъ начальниковъ и несравненной отвагѣ нашихъ войскъ, дѣла наши начали вскорѣ поправляться. 14-го ноября князь Андрониковъ съ отрядомъ въ 7000 человѣкъ разбилъ на-голову подъ Ахалцихомъ восемнадцатитысячный отрядъ Али-паши, причемъ въ наши руки попало 11 орудій, 5 знаменъ, 18 значковъ, весь лагерь и даже канцелярія Али-паши; наша потеря была 361 человѣкъ, между тѣмъ какъ турки потеряли болѣе $3^1/_2$ тысячъ.

Громъ Ахалцихской побѣды произвелъ успокаивающее вліяніе на мѣстное населеніе и возбудилъ соревнованіе въ главномъ русскомъ отрядѣ, который въ числѣ 10000 человѣкъ съ 32-мя орудіями стоялъ подъ Александрополемъ, наблюдая за турецкимъ отрядомъ у Башъ-Кадыклара, подъ командою Ахмеда-паши, силою въ 36000 человѣкъ при 46-ти орудіяхъ. Наступленіе этого небольшого отряда, 19-го ноября, противъ сильно укрѣпленной турецкой позиціи, прикрытой съ фронта скалистымъ оврагомъ, казалось туркамъ столь дерзкимъ, что Ахмедъ-паша сказалъ окружавшимъ его лицамъ: «Русскіе или съ ума сошли, или упились своею поганою водкой!». Однако рѣшительное наступленіе гренадерской бригады въ штыки и смѣлыя дѣйствія конницы на нашемъ лѣвомъ флангѣ вскорѣ окончательно склонили побѣду на нашу сторону. Руководившій конницей генералъ Багговутъ двинулъ имѣвшіяся въ его распоряженіи 9 сотенъ линейцевъ (3 сотни полковника Камкова и 6-ть сотенъ полковника Евсѣева) съ Донскимъ артиллерійскимъ дивизіономъ есаула Кульгачева и дивизіонъ Нижегородскихъ драгунъ на обходившія нашъ лѣвый флангъ массы турецкой регулярной кавалеріи и курдовъ, опрокинулъ ихъ и въ пылу преслѣдованія попалъ на правый флангъ ту-

рокъ. Лихой есаулъ Кульгачевъ въ 50-ти шагахъ отъ турецкаго каре снялся съ передковъ и осыпалъ картечью не ожидавшаго ничего подобнаго непріятеля. Линейцы кинулись въ шашки, за ними пошли Нижегородцы,– и весь правый флангъ (съ частью центра) турецкаго расположенія былъ смятъ и опрокинутъ. Главная турецкая батарея въ 20-ть орудій досталась побѣдителямъ. Турки были совершенно разбиты, потерявъ лагерь, весь обозъ, 24 орудія и около 6000 человѣкъ; наша потеря состояла изъ 1243-хъ человѣкъ. Послѣдствія Башъ-Кадыкларской побѣды были громадны; все населеніе Кавказа ясно увидѣло, что наша власть стоитъ прочно, и что многочисленность и сила нашихъ враговъ не обезпечиваетъ еще имъ вѣрнаго успѣха: готовившееся въ краѣ возстаніе сразу затихло.

1854 годъ начался удачными дѣйствіями нашихъ войскъ въ Гуріи и Имеретіи. Въ іюнѣ мѣсяцѣ александропольскій отрядъ подъ начальствомъ князя Бебутова, силою до 22000 человѣкъ двинулся къ Карсу и занялъ позицію у Кюрюкъ-Дора, не рѣшаясь атаковать крѣпость по недостатку осаднаго парка. Между тѣмъ 60-тысячная турецкая армія Зарифа-паши, по настоянію руководившихъ ею иностранныхъ офицеровъ, двинулась для атаки нашего отряда, который одновременно перешелъ въ наступленіе. На разсвѣтѣ 24-го іюля обѣ арміи случайно столкнулись на равнинахъ въ трехъ верстахъ отъ Кюрюкъ-Дора и завязали ожесточенный бой, въ которомъ **Линейцы покрыли себя неувядаемой славой**. Въ самомъ разгарѣ боя, стоявшіе на правомъ крылѣ казаки были пущены въ атаку на обходившую насъ турецкую конницу. Три сотни полковника Скобелева (отца «Бѣлаго генерала»), за ними полкъ Камкова, три сотни Донцовъ и конно-мусульманская бригада, поддержанные дивизіономъ Тверскихъ драгунъ съ дружнымъ «ура!» кинулись впередъ. Вся масса турецкой кавалеріи была въ мигъ разсѣяна. Линейцы Скобелева, заѣхавъ впередъ правымъ плечомъ, атаковали дивизіонъ конной артиллеріи и взяли три орудія. Турецкій уланскій полкъ, бросившійся на выручку орудій, былъ атакованъ съ фронта сотнями Скобелева, Донцами и Тверскими драгунами, а съ фланга—

Линейцами Камкова, и почти весь истребленъ. Увлеченные преслѣдованіемъ Линейцы гнали противника до тыла его расположенія сквозь интервалы турецкой пѣхоты. Въ концѣ концовъ турки были разбиты на-голову и въ полнѣйшемъ разстройствѣ отступили въ Карсъ, потерявъ въ этомъ бою 15 орудій, 26 знаменъ и значковъ и до 10000 человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными; кромѣ того, у нихъ разбѣжалось до 12000 баши-бузуковъ. Наша потеря была около 3000 человѣкъ. Несмотря на эту блестящую побѣду, князь Бебутовъ все-таки не рѣшился приступить къ осадѣ Карса, защищавшагося 40 тысячной турецкой арміей, и осенью отошелъ обратно къ Александрополю.

Одновременно съ этими событіями разыгрались серіозныя военныя дѣйствія и на Эриванскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій.

Военныя дѣйствія 1855 года на Азіатскомъ театрѣ не были столь рѣшительны какъ первые два года Турки очистивъ Закавказье, отступили къ Эрзеруму. Только лишь въ Карсѣ оставили они 20-титысячный гарнизонъ, въ надеждѣ на сильныя естественныя и искусственныя укрѣпленія, дѣлавшія эту крѣпость неприступной. Русскіе обложили Карсъ и успѣшно блокировали его до половины ноября.

Нѣсколько разъ турки пытались прорвать блокаду и пробиться на выручку къ Карсу, но напрасно. Одна изъ такихъ попытокъ была сдѣлана въ концѣ августа и дала **случай «закаленнымъ въ бояхъ» Линейцамъ показать во всю ширь свою удаль и умѣніе пользоваться минутой и обстоятельствами.** Получивъ извѣстіе что сильный кавалерійскій отрядъ турокъ (болѣе 3000 при 4-хъ горныхъ орудіяхъ) сосредоточился въ Пенякѣ (верстахъ въ 120-ти къ западу отъ Карса, по Карсо-Ольтинской дорогѣ), Муравьевъ двинулъ противъ турокъ отрядъ Ковалевскаго, передовую часть котораго составляли 4-е сотни Линейцевъ, ракетная команда и сотня охотниковъ. Давно уже тяготясь вынужденной бездѣятельностью подъ Карсомъ, казаки, радуясь встрѣчѣ съ врагомъ, понеслись впередъ **«по-линейски»**, какъ привыкли скакать дома на тревоги. Длинною вереницею растянулись они по тѣсному ущелью,

когда головные удальцы, въ 6-ть часовъ вечера 30-го августа, домчались до Пеняка. Несмотря на встрѣчный ружейный огонь, **передовая сотня**, князя Туманова, **бросилась въ шашки** на встрѣтившихъ ее баши-бузуковъ и на ихъ плечахъ ворвалась въ селеніе Пенякъ. Подоспѣвшая ракетная команда сотника Вакульскаго очистила склоны ущелья отъ стрѣлковъ,—и Пенякъ былъ нашъ. Хотя Линейцамъ не давалось задачи атаковать весь отрядъ, но упоенные успѣхомъ, они кинулись въ шашки на пораженныхъ неожиданностью турокъ. Тѣ не выждавъ удара обратились въ бѣгство, сперва право-фланговый а потомъ и лѣво-фланговый полкъ; примѣру ихъ послѣдовали и всѣ прочія непріятельскія войска. **Есаулъ Сердюковъ взялъ съ боя одно орудіе**, остальныя же ушли вмѣстѣ съ ихъ прикрытіемъ. Али-паша покушался остановить бѣжавшія войска, и если не былъ убитъ окружившими его казаками, то спасся, вѣроятно, только благодаря капитану Романовскому, который, усмотрѣвъ раненнаго, но все еще продолжавшаго сопротивляться, пашу, успѣлъ остановить казаковъ. Али-паша былъ захваченъ въ плѣнъ. Главная масса турокъ бѣжала по ольтинской дорогѣ, а другая къ селенію Котыкъ. Капитанъ Романовскій, собравъ, по возможности, казаковъ, изъ которыхъ одни были увлечены въ разныя стороны преслѣдованіемъ бѣжавшихъ турокъ, а другіе кинулись въ ихъ лагерь, направилъ казачьи сотни по ольтинской дорогѣ. **Линейцы гнали непріятеля на протяженіи 15 верстъ**, и только наступившая темнота и совершенное утомленіе лошадей заставили ихъ прекратить преслѣдованіе, въ продолженіи котораго **взяты ими еще два орудія**, **четвертое же захвачено по дорогѣ** въ селеніе Котыкъ, куда самъ Ковалевскій послалъ часть своей колонны. Уронъ непріятеля простирался одними убитыми до 300 человѣкъ. Въ плѣнъ взяты, кромѣ начальника отряда Али-паши, одинъ офицеръ и 45 нижнихъ чиновъ, остальные разбѣжались по горамъ. Съ нашей стороны убитыхъ не было; ранены два казака и 6-ть милиціонеровъ.

16-го ноября Карсъ сдался, причемъ 30-тысячная турецкая анатолійская армія во главѣ съ главнокомандующимъ муширомъ Вассифъ-пашей и восемью другими па-

шами попала въ плѣнъ. Однако, невзирая на такой успѣхъ на Азіатскомъ театрѣ, война въ общемъ не была удачна для Россіи. Паденіе Севастополя привело къ тому, что согласно Парижскому миру, окончившсму эту кровопролитную войну, мы должны были, кромѣ другихъ тяжелыхъ условій, возвратить Турціи всѣ завоеванныя нами у нея въ эту войну области.

Въ вечеръ поздній непогодный.

Въ вечаръ поздній непогодный по ущельямъ и скаламъ
Вѣтерокъ вѣялъ холодный, шелъ дождь съ снѣгомъ пополамъ...

Тамъ по бережку холмистомъ путь-дороженька легла;
По холмистомъ, каменистомъ извиваяся вела.

Той дорожкой проѣзжали на постъ Братскій казаки:
Бурки черныя мелькали, и бѣлѣли башлыки.

Вдругъ догналъ казакъ съ приказомъ,—онъ догналъ и передалъ
Чтобъ Морозовъ сотню разомъ въ Шингъ-Тапинскій постъ собралъ.

Мы собрались предъ развѣтомъ... Не прошла ночная тьма.—
Встрѣтилъ ласковымъ привѣтомъ насъ полковникъ Малама.

Онъ поздравилъ насъ съ войною,—и тотчасъ за Арпачай!
Передвинулъ за собою весь нашъ полкъ въ турецкій край,

И въ залогъ грядущей славы, безъ стрѣльбы и суеты,
Тотчасъ послѣ переправы снялъ турецкіе посты.

Турки всѣ безпечно спали: имъ не снилось про войну,
А проснувшися узнали,—очутившись всѣ въ плѣну.

И маіоръ нашъ славный Піевъ съ нихъ оружье поснималъ.
Малама же ихъ злодѣевъ какъ барановъ въ плѣнъ погналъ.

Пѣсня Моздокскаго полка.

V. Русско-турецкая война

(За освобожденіе славянъ).

Поводъ къ войнѣ. Распредѣленіе русскихъ войскъ. Участіе Терцевъ въ войнѣ. Славныя дѣла Гребенцовъ, Моздокцевъ, Волгцевъ и Владикавказцевъ. Возстаніе въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Приказъ Наказнаго Атамана.

12-го апрѣля 1877 года Россія объявила Турціи войну, и наши войска перешли границу какъ въ Закавказьѣ, такъ и на Балканскомъ полуостровѣ. Ближайшимъ поводомъ къ войнѣ послужило востаніе славянскихъ народовъ (Сербовъ и Болгаръ) противъ власти турокъ и страшныя звѣрства, допущенныя турками при подавленіи этого возстанія. Война кончилась въ 1878 году полной побѣдой русскихъ и по Берлинскому мирному договору, къ Россіи отошли Карская и Батумская области.

Для веденія военныхъ операцій на Европейскомъ театрѣ была сформирована Дунайская армія, поступившая подъ командованіе Великаго Князя Николая Николаевича, а руководство военными дѣйствіями на Кавказѣ было вручено Намѣстнику Кавказскому Великому Князю Михаилу Николаевичу. Кавказскія войска были раздѣлены на отдѣльные отряды: Кобулетскій генерала Оклобжіо (до 38000 человѣкъ), для дѣйствія на черноморскомъ побережьѣ, Александропольскій генерала Лорисъ-Меликова (до 25000 человѣкъ) у Александрополя, Эриванскій генерала Тергукасова (до 11½ тысячъ человѣкъ) у Игдыря и Ахалцихскій отрядъ генерала Девеля (до 9000 человѣкъ) у Ахалкалакъ.

Съ самаго начала войны на Кавказскомъ театрѣ находилось семь полковъ и одна батарея Терскаго Войска, распредѣлявшихся по отдѣльнымъ отрядамъ (въ Александропольскомъ—полки 1-ый и 2-ой Горско-Моздокскіе, 1-ый и 2-ой Волгскіе, 2-ой Кизляро-Гребенской, и 1-я Терская казачья батарея; въ Ахалцихскомъ—2-ой Владикавказскій полкъ и въ Эриванскомъ—2-ой Сунженскій полкъ), а на Дунай пошелъ только лейбъ-гвардіи Терскій казачій эскадронъ Собственнаго Его Величества Конвоя, бывшій при главной квартирѣ, и 1-ый Владикавказскій полкъ, вошедшій въ составъ Кавказской казачьей бригады полковника Тутолмина, отличившійся въ бояхъ подъ Плевной и особенно въ дѣлѣ подъ Ловчей. Такимъ образомъ Терскому Войску пришлось принять участіе въ Турецкой войнѣ болѣе всего на Азіатскомъ театрѣ.

Начиная съ первыхъ часовъ войны, когда Терцы первые перешли турецкую границу на Арпачаѣ у селенія Шишъ-Тапа, причемъ первой жертвой съ русской стороны оказался казакъ 1-го Горско-Моздокскаго полка, убитый при снятіи турецкихъ постовъ у Хаджи-бека, и кончая взятіемъ Карса 6-го ноября казаки твердо переносили всѣ тягости войны и невзгоды, которыхъ выпадало на казачью долю не мало.

Въ теченіе войны боевыя лѣтописи славныхъ полковъ Терскаго Войска украсились многими яркими страницами, на которыхъ пестрѣютъ блестящія дѣла у Магараджикскаго оврага (2-ой Кизляро-Гребенской и 2-ой Волгскій полки) 13-го мая, Бегли-Ахмета 17-го мая (2-ой Кизляро-Гребенской, 1-ый и 2-ой Волгскіе полки), Аравартана 3-го іюня (2-ой Кизляро-Гребенской полкъ), Даяра 9-го іюня (2-ой Сунженскій полкъ), Зивина 13-го іюня (2-ой Кизляро-Гребенской и 2-ой Волгскій полки), Никополя 2-го іюля (1-ый Владикавказскій полкъ), Самовида въ ночь съ 3-го на 4-ое іюля (1-ый Владикавказскій полкъ), Суботана 6-го іюля (2-ой Владикавказскій), подъ Плевной на Зеленыхъ Горахъ 8-го и 18-го іюля и 30-го августа (1-ый Владикавказскій полкъ), подъ Ловчей 22-го августа (1-ый Владикавказскій и Конвойцы), у Ягновъ 20-го сентября (2-ой Горско-Моздокскій и 1-я батарея), Хаджи-Халиля 2-го октября (2-ой Кизляро-Гребенской и

2-ой Волгскій полки), Аладжинскихъ высотъ 3-го октября (2-ой Горско-Моздокскій и 2-ой Владикавказскій полки), Горнаго Дубняка 12-го октября (1-ый Владикавказскій полкъ), Гасанъ-Кала 17-го октября и при Деве-Бойну 23-го октября (2-ой Горско-Моздокскій, 1-ый Волгскій, 2-ой Волгскій, 2-ой Сунженскій и 1-я батарея) и у многихъ другихъ мѣстъ, бывшихъ свидѣтелями беззавѣтной преданности Терцевъ своему долгу и нелицемѣрной ихъ службы Царю и Отечеству «не жалѣя живота своего». **Турецкая война доказала, что слава о храбрости, смѣтливости и исполнительности Кавказскаго казака не пустой звукъ, а дѣйствительность, и что новое поколѣніе казаковъ ничѣмъ не уступаетъ своимъ дѣдамъ и отцамъ, создавшимъ эту славу.**

И хотя всѣ полки горѣли одинаковымъ желаніемъ добыть «честь и славу командирамъ, честь и мѣсто казакамъ», однако болѣе всѣхъ посчастливилось эскадрону Конвоя и полкамъ 1-му Владикавказскому, 2-му Кизляро-Гребенскому, 1-му и 2-му Горско-Моздокскимъ и 2-му Волгскому. Дѣлу подъ Ловчей, гдѣ отличились Конвойцы и Владикавказцы, мы посвящаемъ особую главу, а здѣсь въ краткихъ словахъ укажемъ на славныя дѣла Гребенцовъ, Моздокцевъ, Владикавказцевъ и Волгцевъ въ Азіи.

2-го октября 1877 года 2-я сотня 2-го Кизляро-Гребенского полка, подъ командой маіора (нынѣ генерала) Ржевусскаго, вмѣстѣ съ 3-мъ эскадрономъ Нижегородцевъ была направлена на развѣдку къ селенію Хаджи-Халиль. Возвращаясь на соединеніе къ своимъ частямъ, казаки и драгуны наткнулись на шедшіе въ походномъ порядкѣ 6-ть баталіоновъ турецкой пѣхоты, но не падая духомъ, бросились въ шашки, прорубились сквозь турецкую колонну, а затѣмъ, встрѣтивъ на пути непроходимый оврагъ, вновь повернулись къ пѣхотѣ, еще разъ врѣзались въ нее и опять прорубили себѣ путь, понеся значительныя потери въ людяхъ и конскомъ составѣ. Въ этомъ дѣлѣ былъ убитъ хорунжій Ушинкинъ.

1-ый Горско-Моздокскій полкъ, еще въ самомъ началѣ войны, 26-го апрѣля, при развѣдкѣ Карсскихъ укрѣпленій, былъ атакованъ съ фланга и тыла превосходящими силами турокъ, но казаки спѣшились и продолжали движеніе отбивая ружейнымъ огнемъ непріятель-

скія атаки на протяженіи пяти верстъ; 5-го мая при штурмѣ крѣпости Ардагана полкъ преслѣдовалъ отступающаго противника на протяженіи восьми верстъ, причемъ **казаками было взято въ плѣнъ нѣсколько турецкихъ офицеровъ и болѣе 100 солдатъ.**

2-ой Горско-Моздокскій полкъ особенно отличился 20-го сентября, когда вслѣдствіе приказанія командующаго дѣйствующимъ корпусомъ генерала Лорисъ-Меликова, 3-я и 4-я сотня во главѣ съ командующимъ полкомъ лихимъ маіоромъ **Алтадуковымъ** (изъ кабардинцевъ) **атаковали 4-ре роты турецкой пѣхоты и обратили ихъ въ бѣгство,** изрубивъ до 150 турокъ и въ томъ числѣ 3-хъ офицеровъ. 3-го октября **Моздокцы захватили** на Аладжинскихъ высотахъ **4-ре турецкихъ орудія**, а 23-го, во время боя у Деве-Бойну **еще 6-ть орудій**.

Волгцы въ бою 2-го октября, занявъ спѣшенной частью отрогъ горы около Базарджика, открыли жестокій ружейный огонь во флангъ турецкой обходной колонны и, прикрытые болотомъ, мѣшавшимъ туркамъ перейти противъ казаковъ въ наступленіе, не только задержали турокъ, но и нанесли имъ значительный уронъ **своей мѣткой «линейской» стрѣльбой.** За дѣло 2-го октября командиръ полка князь Орбеліани получилъ орденъ Георгія 4-ой степени.

2-ой Владикавказскій полкъ 6-го іюля одинъ, безъ участія другихъ частей войскъ, имѣлъ **лихое дѣло подъ Суботаномъ**, когда двинутый на прикрытіе движенія нашей конницы изъ Паргета къ Башъ-Кадыклару, сначала отбилъ тѣснившую его напріятельскую кавалерію, вдвое превосходившую казаковъ числомъ, затѣмъ занялъ стрѣлковую позицію и сталъ отбиваться огнемъ отъ окружившихъ его массъ турецкой кавалеріи. **Израсходовавъ всѣ патроны, полкъ вынужденъ былъ пробиваться черезъ кольцо непріятеля**, причемъ умѣло направленные командиромъ полка, полковникомъ Панинымъ, казаки быстрымъ и рѣшительнымъ натискомъ заставили турокъ очистить путь и дать возможность полку не только уйти самому, но и вынести изъ боя своихъ раненныхъ. **За это молодецкое дѣло полку пожалованъ Георгіевскій Штандартъ** съ надписью «За дѣло 6-го іюля 1877 года».

Между тѣмъ вслѣдъ за объявленіемъ Турціи войны въ Терской области начались волненія въ нагорной части Чечни. Мятежники собрались въ нѣсколько шаекъ, избрали имамомъ нѣкоего Али-бека и двинулись въ плоскостную часть Чечни, надѣясь поднять возстаніе и тамъ. Однако быстрыя и рѣшительныя дѣйствія нашихъ войскъ, руководимыхъ генералами Свистуновымъ (бывшимъ тогда начальникомъ области) и Смѣкаловымъ, остановили движеніе въ самомъ началѣ. 22-го апрѣля мятежники были разбиты близь аула Маюртупъ, а 28-го около аула Шали. Къ сентябрю мѣсяцу волненіе было подавлено въ Чечнѣ, но разыгралось съ большой силой въ Дагестанѣ, гдѣ улеглось только лишь съ наступленіемъ зимы. Вызванная этими волненіями потребность въ вооруженныхъ силахъ принудила мобилизовать третьеочередные полки Терскаго Войска и пустить ихъ въ дѣло борьбы съ возстаніемъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Казаки занимали кордонныя линіи и по-сотенно были распредѣлены по разнымъ отрядамъ. Такимъ образомъ Турецкая война повлекла за собой чрезвычайное напряженіе силъ Терскаго войска, которое съ честью вышло изъ тяжелаго испытанія, быстро и въ полной исправности снарядивъ 8-мь полковъ и 1 батарею въ Турцію и и 5-ть полковъ съ батареей на службу въ области.

«Знаю, товарищи,—писалъ Наказный Атаманъ въ приказѣ по Войску,—чего вамъ стоило это снаряженіе послѣ бѣдствій, постигшихъ край въ нынѣшнемъ году: послѣ майскихъ морозовъ, уничтожившихъ сады, послѣ засухи, доведшей до совершеннаго безплодія наши луга и нивы, послѣ саранчи, унесшей многіе посѣвы на Кизлярскихъ низменностяхъ. Знаю, что отцы выводили на продажу послѣдній скотъ для того, чтобы купить коней сыновьямъ; что жены ваши, оставляя дѣтей, сами становились за плугъ, дабы освободить мужей на службу. Совершить это могла **только присущая вамъ вѣковая казачья доблесть, въ одной лишь смерти находящая преграду къ исполненію Державной воли Царской...**

«Честно исполнивъ свой долгъ, вы стали выше всякой похвалы и не мнѣ благодарить васъ, товарищи: вашу службу не забудетъ Батюшка-Царь, съумѣетъ оцѣ-

нить ее мать—Россія. Вашъ Атаманъ можетъ только гордиться вами.

Васъ первыхъ, изъ всего русскаго казачества, осчастливилъ словомъ призыва со льготы Государь Императоръ черезъ Августѣйшаго Намѣстника: не сомнѣваюсь, что и **въ случаѣ встрѣчи съ врагомъ на васъ, какъ въ былые годы кавказскихъ битвъ, съ уваженіемъ и гордостью посмотрятъ братья-казаки со всѣхъ концовъ земли русской!»**

Взятіе Карса 6-го ноября 1877 года.

Въ горахъ скалистыхъ и обширныхъ
Холодъ царствовалъ кругомъ...,
　　Какъ по тѣмъ горамъ скалистымъ
　　Шли Сунженцы—молодцы.
Долго долго мы ходили
По горамъ и по скаламъ;
　　Днемъ отдыху не имѣли,
　　Ночь стояли по цѣпямъ.
Но зато-жъ мы поживились,
Отразивши басурманъ:
　　Спиртъ казенный вволю пили,
　　Мясо ѣли по фунтамъ!..
Громомъ пушки застонали
Подъ шестое ноября,—
　　Мы тогда Карсъ—крѣпость брали
　　По велѣнію Царя.
Вышина крѣпости Карсской—
Все природная скала,
　　Но Сунженцевъ не удержала,—
　　Понеслися на «ура!»...
То народъ былъ очень смѣлый,
Поразить врага умѣлъ,
　　А Россійскій нашъ Царь Бѣлый
　　Турокъ всѣхъ побить велѣлъ...
Будемъ биться же по-свойски
Днемъ и ночію въ горахъ,
　　Да прославимся геройски
　　Казаки на весь Кавказъ!...
Ура! ура! ура! ура!
И Россіи, и Царю!
　　Войску нашему родному,
　　И казачеству всему!...

Казачья пѣсня.

VI. Дѣло подъ Ловчей 22-го августа 1877 года.

Ловча. Подвигъ Мордвинова. Боевая обстановка подъ Ловчей. Планъ наступленія. Начало боя. Взятіе Ловчи. Преслѣдованіе. Трофеи боя.

Дѣло подъ Ловчей составляетъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ боевой лѣтописи Терскаго Казачьяго Войска. «Ловчинское дѣло—чисто и бѣло», такъ охарактеризовалъ его славный участникъ боя командиръ лейбъ-гвардіи Терскаго казачьяго эскадрона ротмистръ П. Т. Кулебякинъ. Здѣсь Терцы блестяще доказали, что во-время направленная въ дѣло и не раздробленная конница не упуститъ непріятельскую пѣхоту и сумѣетъ съ полнымъ успѣхомъ использовать саблю противъ штыка.

Ловча—небольшой городокъ въ Болгаріи, лежащій верстахъ въ 30-ти отъ получившей въ 1877 году общую извѣстность Плевны, взятіе которой стоило намъ многихъ тысячъ жизней. Чрезъ городокъ пробѣгаетъ своенравная горная рѣчка Осма, иногда легко проходимая повсюду, а иногда (послѣ дождей) наполняющаяся водой настолько обильно, что переправа въ бродъ становиться невозможной.

Впрочемъ для казаковъ и тутъ не было ничего невозможнаго, что видно изъ отчаянно смѣлаго поступка казака Владикавказскаго полка Мордвинова, переплывшаго черезъ бурную Осму 30-го іюля. Вотъ какъ описываетъ этотъ случай генералъ Тутолминъ. «Мордвиновъ показался на правомъ берегу Осмы. Вотъ онъ перегова-

ривается съ казаками, стоящими на нашемъ берегу, но за шумомъ водобѣга не слыхать его голоса; однако, по всему видно, что онъ хочетъ переправиться. Ему машутъ и кричатъ, совѣтуя переждать напоръ порывистаго потока; но онъ снялъ шапку, вынулъ изъ нея бумагу, показалъ ее на воздухѣ, какъ бы говоря этимъ: «знайте, донесеніе везу!», снова засунулъ бумагу за курпей папахи, перекрестился и бухнулъ въ воду. Вспѣнилась Осма подъ конемъ; но конь, послушный сѣдоку, храпѣлъ и плылъ, пока не измѣнили ему силы. Усталый, онъ клонился подъ напоромъ потока, и не устоялъ противъ сильной волны, которая опрокинула его и смыла Мордвинова съ сѣдла. Но всплылъ казакъ, а черезъ мгновеніе и конская голова показалась изъ воды. Мордвиновъ успѣлъ поймать его за поводъ, ухватилъ за гриву, и вотъ они поплыли оба рядомъ и достигли нашего берега. «Спѣшное»,—сказалъ Мордвиновъ, вылѣзая изъ воды, —«надо было плыть».

Пройдя Ловчу, Осма мѣняетъ свое сѣверное направленіе на сѣверо-восточное, къ Омаръ-Кіою и Иглову. Плевну и Ловчу соединяетъ шоссе, идущее въ южномъ направленіи къ Трояну. Къ западу отъ Ловчи лежитъ селеніе Микре, а къ востоку идетъ шоссе на Сельви, и оттуда на Трново и Габрово. По обѣ стороны Осмы тянется черезвычайно гористая мѣстность, пересѣченная въ разныхъ направленіяхъ оврагами и пропастями.

Кавказская казачья бригада генерала Тутолмина уже съ 23-го іюля стояла къ сѣверу отъ Ловчи между Осмой и Плевнинскимъ шоссе, неослабно наблюдая за сильнымъ турецкимъ отрядомъ, занявшимъ Ловчу и окружающія ее высоты, на которыхъ турки возвели рядъ укрѣпленій, главный фронтъ которыхъ направленъ былъ къ востоку противъ отряда князя Имеретинскаго. Большая возвышенность («Курганъ»), поднимающаяся къ западу отъ городка, была приведена въ сильно оборонительное состояніе, и вершину ея вѣнчалъ огромный редутъ, у котораго смыкались турецкіе окопы, опоясывавшіе Ловчу.

На 22-ое августа назначена была атака Ловчи, причемъ войска распредѣлены были на три колонны: лѣвая (генерала Скобелева) направлялась по Сельвинскому

шоссе; правая (генерала Добровольскаго) брала нѣсколько въ обхватъ, со стороны Осмы турецкія позиціи; третья (генерала Энгмана) составляла общій резервъ и держалась за колонной Скобелева, такъ какъ главный ударъ предполагалось нанести туркамъ въ ихъ правый флангъ. Кавказской казачьей бригадѣ (Владикавказскій полкъ, Кубанскій полкъ, Осетинскій дивизіонъ и 8-я Донская батарея) дана была задача: наблюдать за дорогой въ Плевну, содѣйствовать наступленію нашихъ войскъ и въ случаѣ отступленія турокъ на Микре, преслѣдовать ихъ насколько будетъ возможно. Наблюденіе за лѣвымъ флангомъ возложено было на двѣ сотни 30-го Донского полка. Кромѣ того, въ колоннѣ Скобелева находились Терскій эскадронъ Собственнаго Его Величества Конвоя и двѣ сотни Кавказскихъ казаковъ (2-я сотня Владикавказскаго полка и 1-я сотня Кубанскаго полка).

Съ 3-хъ часовъ утра бригада изготовилась къ бою: открытіе огня было назначено въ 5-ть часовъ. Занявъ Плевно-Ловчинское шоссе, Тутолминъ выдвинулъ впередъ Владикавказскій полкъ и 4-ре орудія, оставивъ въ резервѣ Кубанцевъ съ 2-мя орудіями. Какъ только артиллерія большого «Кургана» открыла огонь по нашимъ наступающимъ колоннамъ, 8-я Донская батарея стала осыпать ее снарядами, учащая огонь по мѣрѣ развитія боя. Турки принуждены были отвѣчать на огонь казачьей батареи, но казакамъ причиняли мало вреда. Когда же пѣхотныя цѣпи дошли уже до Осмы, батарея была продвинута насколько можно было ближе къ турецкому расположенію и частымъ огнемъ стала поддерживать наступленіе нашей пѣхоты. Вмѣстѣ съ батареей продвинутъ былъ впередъ и Владикавказскій полкъ, причемъ осетины и 1-я сотня заняли цѣпью стрѣлковъ гребень холма правѣе батареи, а 3-я и 4-я разсыпались лѣвѣе. Частый и мѣткій огонь казаковъ, вооруженныхъ скорострѣльными ружьями Бердана (тогда какъ вся армія имѣла на вооруженіи ружья системы Крнка), производили такое впечатлѣніе на турокъ, что они приняли жидкую казачью цѣпь за два баталіона.

Въ 2 часа дня штурмующія колонны заняли городъ. Оставалось выбить турокъ изъ редута на «Курганѣ», по

которому казачья батарея усилила свой огонь съ сѣвера, въ то время какъ съ востока уже стала карабкаться на холмъ пѣхота, скоро облѣпившая весь его склонъ. Кавказская бригада была уже на коняхъ. Полковникъ Левисъ движеніемъ нагайки далъ знакъ Терцамъ двинуться подъ «Курганъ».

«Рысью тронулась бригада», описываетъ бой Тутолминъ «Укоротили поводья казаки, нагнулись черныя папахи и десять сотенныхъ значковъ по вѣтру шелестѣли въ прозрачной синевѣ долины.

«Въ это время русская пѣхота врывалась въ окопанный вѣнецъ кургана, и видно было, какъ турки опрокинулись и побѣжали внизъ. Въ то-же мгновеніе изъ-за сосѣдней съ курганомъ деревни, что была правѣе Владикавказскаго полка, обозначилась турецкая густая пѣхотная колонна. Завидя казаковъ, она какъ будто бы остановилась; еще минута, еще сажень двѣсти и Терцы на нее насядутъ. «Съ Богомъ, други, шашки вонъ!» прокатилось въ рядахъ Владикавказскаго полка, и четыре его сотни вырвались изъ рукъ и полетѣли (3-я и 4-я Владикавказскія и 1-я и 2-я Осетинскія).

«Обрывистый, невидимый доселѣ, ручей преградилъ имъ гладкую дорогу, и казаки на мигъ укоротили ходъ. Тутъ-то вотъ, во рву ручья, стояло нѣсколько домовъ, а Владикавказцы шли между курганомъ и этими домами. Переправа съузила длину полка и оттянула его крылья; атака выходила клиномъ. Турки встрѣтили ее ружейнымъ огнемъ. Осетины перелетѣли черезъ ручей и ударили въ полъ-оборота налѣво; Кубанцы подходили и для хорошаго начала не хватало одной сотни вправо; турки могли уйти съ тылу.

-«Гдѣ же Астаховъ?» нетерпѣливо спросилъ Левисъ тѣмъ голосомъ, въ которомъ сказывалась надежда на Астахова (командиръ 1-ой сотни Владикавказскаго полка, «надежнѣйшій и опытнѣйшій офицеръ бригады»); а въ отвѣтъ ему отозвался размашистый топотъ сѣраго аргамака, который мчалъ Астахова изъ-за Кубанскаго полка. Занимая спѣшенными казаками тотъ холмъ, который находился на правомъ крылѣ Владикавказскаго полка, 1-я сотня должна была позднѣе другихъ сѣсть на

коней и пропустить Кубанскій полкъ, опередившій батарею. Какъ только дозволило мѣсто, Астаховъ выпустилъ свою сотню и подоспѣлъ въ то время, когда въ немъ нуждался Левисъ. «Я здѣсь, полковникъ», отвѣтилъ онъ, придержавъ коня. «Рубите вправо за деревню», приказалъ Левисъ. «Слушаюсь, полковникъ!» И снова мчался аргамакъ въ догонку своей сотни.

«Она, смѣкнувъ въ чемъ дѣло, сама взяла указанное направленіе; Астаховъ опередилъ ее на переправѣ, и сотня охватила турокъ съ тылу. Замолотили шашки въ разладѣ выстрѣловъ турецкой пѣхоты, и она припала къ копытамъ Владикавказскаго полка; порѣдѣла пыль, взвитая атакой, порѣдѣла и турецкая пѣхота. Не менѣе двухъ таборовъ легло на этомъ мѣстѣ подъ страшной сѣчей казаковъ, и тѣмъ выразился первый приступъ Кавказской бригады къ погрому турокъ 22-го августа. Но въ этомъ славномъ его началѣ, два сотенныхъ командира были въ числѣ немногихъ раненныхъ. Есаулъ Скоритовскій былъ пулею контуженъ въ грудь, Астаховъ остался безъ руки. Въ головѣ своей сотни онъ врубился въ свалку и въ тѣсной, рукопашной схваткѣ схватилъ рукою штыкъ турецкаго пѣхотинца. Ружье дало выстрѣлъ и раздробило Астахову кисть правой руки; но у него оставалась еще лѣвая рука, и у сѣдла, въ прежде отбитыхъ турецкихъ кобурахъ, висѣли пистолеты; его лѣвая рука повалила стрѣлявшаго въ него турка, и Астахова вывезли изъ сѣчи.[37])

«Въ то время какъ Терцы бросились въ атаку, а Кубанцы подошли уже къ ручью, Кавказская бригада только и могла видѣть, что, въ первое мгновеніе терскаго урагана, вправо отъ нея были турки, а передъ нею прямо на югъ разпростиралось холмистое поле.

«Что дѣлается за этими холмами и кто скрывается за ними, — долженъ былъ рѣшить Кубанскій полкъ, выстроясь уступомъ за лѣвымъ крыломъ Владикавказскаго полка. Въ это самое мгновеніе по направ-

---

[37]) Герой Ловчинскаго боя. безрукій полковникъ Тимофей Варламовичъ Астаховъ въ настоящее время проживаетъ въ родной своей станицѣ Луковской.

ленію отъ кургана былъ поданъ сигналъ: «батарея на позицію!». Первый разъ въ жизни пѣвучій звукъ этого сигнала показался непріятнымъ, - пришлось остановить Кубанскій полкъ на берегу ручья и вызвать батарею. Не замѣшкали наши пушки, но Кубанскій полкъ долженъ былъ пропустить ихъ и слѣдовать уже за ними; казалось, что онъ отстанетъ на уступѣ. Но такъ казалось въ рядахъ Кавказской бригады, а на самомъ дѣлѣ, изъ-за холмовъ, какъ буря летѣла дружная помощь Владикавказскому полку. Противъ насъ, на гребнѣ пологаго холма, обозначился широкоплечій кавказскій казакъ, а за нимъ выскочилъ на холмъ и сѣрый конь трубача Собственнаго Его Величества Конвоя. Въ широкоплечемъ казакѣ нельзя было не признать ротмистра Кулебякина, командира Терскаго Его Величества Конвоя, и ясно было, что онъ выравнивался съ своими братьями Владикавказскаго полка. Онъ подоспѣлъ въ то самое время, когда Владикавказскій полкъ раздѣлилъ турецкіе таборы. Эскадронъ его находился за холмомъ, посланный на перерѣзъ туркамъ съ лѣваго фланга генераломъ Скобелевымъ. Внезапное его появленіе въ то мгновеніе, когда нужно было имѣть кого-нибудь именно на томъ мѣстѣ, было выше счастья. Гвардейскій эскадронъ сталъ рядомъ съ Владикавказскимъ полкомъ, и они вмѣстѣ понеслись на турокъ,—и еще пуще дрогнула земля подъ ними. Батарея и Кубанскій полкъ, выжидая своей очереди, слѣдовали рысью. Скоро должна была наступить она и для нихъ, такъ какъ гонецъ за гонцомъ скакали отъ князя Имеретинскаго и отъ генерала Скобелева, съ приказаніемъ: «преслѣдовать до-нельзя». Но вотъ выбились изъ силъ и терскіе кони, измученные трехверстной сѣчей на полномъ ходу. Тогда-то и пригодилась батарея, которая и была вызвана на позицію, а Кубанскій полкъ смѣнилъ Владикавказцевъ и Терской эскадронъ Собственнаго Его Величества Конвоя. Этотъ послѣдній черезъ нѣсколько времени былъ отозванъ въ Ловчу, Владикавказцамъ дана передышка, Кубанцы заняли мѣста ихъ обоихъ и наступила менѣе блесткая, но болѣе трудная половина работы.»

Черезъ нѣсколько дней князь Имеретинскій доносилъ Великому Князю Главнокомандующему изъ-подъ

Плевны о послѣдствіяхъ сраженія подъ Ловчей и говорилъ: «Кромѣ взятія Ловчи, результаты эти слѣдующіе: взято два знамени (а не значка); одно изъ нихъ представляю, другое хранится въ Калужскомъ полку, дерущемся въ настоящее время съ противникомъ; а потому представить его не могу. По выступленіи моемъ изъ Ловчи, генераломъ Давыдовымъ въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ позиціи непріятеля похоронено 1200 тѣлъ. Во время нахожденія отряда въ Ловчѣ 23-го августа похоронено 1000 тѣлъ. Во время преслѣдованія непріятеля 22-го августа, **Кавказской бригадой и эскадрономъ Собственнаго Его Величества Конвоя изрублено до 4000 тѣлъ**. Массу патроновъ, брошенныхъ непріятелемъ и уничтоженныхъ нами, опредѣлить трудно, но во всякомъ случаѣ количество это далеко превышаетъ милліонъ штукъ. Намъ досталось нѣсколько зарядныхъ ящиковъ, полныхъ снарядами; часть ящиковъ сломана. Массу брошеннаго оружія и одно орудіе, сломанное и брошенное турками при преслѣдованіи, пришлось оставить на мѣстѣ. По распоряженію генерала Давыдова приняты мѣры къ отысканію орудія.» Оставленная при выступленіи Кавказской бригады изъ Ловчи 1-я сотня Кубанскаго полка, дѣйствительно, вскорѣ отыскала орудіе и вытащила его изъ кручи вмѣстѣ съ тремя зарядными ящиками.

Въ Манджурію.

То не змѣй въ травѣ зеленой, извиваяся, ползетъ,
Это Терекъ восхваленный къ морю Каспію течетъ.

Онъ давно течетъ струится, самъ калякаетъ съ собой
И все ждетъ, когда случится провожать сыновъ на бой.

Вотъ, услышавъ звукъ призывный, онъ собралъ своихъ сыновъ:
По тревогѣ полкъ старинный на бой смертный въ мигъ готовъ.

Терекъ весело сіяетъ и шумитъ-гудитъ волной:
На войну насъ провожаетъ за Царя и Край Родной.

Намъ не первый разъ сбираться за отчизну постоять,
Мы давно рады стараться со врагами воевать.

Триста лѣтъ Царю служили на своихъ лихихъ коняхъ,
Много разъ враговъ разили, отличалися въ бояхъ.

Такъ поддержимте, ребята, славу старую свою,—
Полетимъ на супостата мы въ Маньчжурскую страну!

Намъ чапурку дорогую забывать пришла пора,
Грянемъ пѣсню боевую и въ походъ пойдемъ! Ура!

Снова шашка заблистаетъ дѣда, прадѣда, отца.
Снова слава засіяетъ удалого Гребенца!...

Колотилинъ.

VII. Русско-Японская война 1904—1905 годовъ.

Начало войны. Стремленіе казаковъ на войну. Мобилизація и выступленіе. Прибытіе въ конный отрядъ генерала П. И. Мищенко. Участіе въ майскомъ набѣгѣ на Факумынь-Синминтинъ. Развѣдка Санвайзы 21-го мая. Бой подъ Ляоянвопынемъ 3-го іюня. Штурмъ Санвайзы 18-го іюня. Сунженцы съ генераломъ Мищенко во Владивостокѣ.

28-го января 1904 года подъ далекими стѣнами Портъ-Артура вдругъ загремѣлъ неожиданно для всей Россіи громъ японскихъ орудій. Японцы готовились къ войнѣ 10 лѣтъ: начиная съ того времени, какъ въ 1894 году Россія остановила Японію въ ея успѣшной борьбѣ съ Китаемъ и заняла, подъ видомъ аренды, Квантунскій полуостровъ и крѣпость Портъ-Артуръ, облитую уже японской кровью. Долголѣтняя подготовка Японіи къ борьбѣ съ Россіей прошла для насъ совершенно незамѣтно. До послѣдней войны большинство въ Россіи относилось совсѣмъ пренебрежительно къ «желтомордымъ макакамъ (обезьянамъ)», какъ называли у насъ японцевъ. Поэтому понятно было всеобщее удивленіе, вызванное дерзкимъ нападеніемъ Японцевъ на нашу окраину.

Однако послѣдствія показали, что дѣло борьбы съ Японіей значительно сложнѣй, чѣмъ это казалось многимъ раньше. Правда, русскій солдатъ не только не уступаетъ въ храбрости и выносливости японцу, но даже, несомнѣнно, превосходитъ его, но все-же Россія въ этой борьбѣ находилась въ чрезвычайно невыгодныхъ условіяхъ. Отдаленный и малознакомый театръ войны, чуждое и даже враждебное мѣстное населеніе, затруднительное сообщеніе съ центромъ при помощи узкой и длин-

ной полоски Сибирской желѣзной дороги, протянувшейся на многія тысячи верстъ, и притомъ вдоль внѣшней границы и по чужой территоріи, -все это до крайности затрудняло для Россіи веденіе войны.

Въ нашу задачу вовсе не входитъ изложеніе исторіи послѣдней войны во всѣхъ ея подробностяхъ, еще живыхъ и свѣжихъ въ памяти современнаго поколѣнія. Достаточно будетъ только сказать, что первыя же неудачи въ Кореѣ, на Ялу и на Квантунѣ поставили Россію въ необходимость напречь всѣ силы въ тяжелой борьбѣ.

Уже съ самаго начала войны казаки Терскіе загорѣлись желаніемъ полетѣть на Дальній Востокъ и подновить боевую славу своихъ дѣдовъ и отцовъ. Когда стала формироваться такъ-называемая «дикая» бригада — Терско-Кубанскій и 2-ой Дагестанскій горскіе полки, кадры которыхъ (офицеры, урядники и часть казаковъ) должны были быть составлены изъ Терцевъ и Кубанцевъ, то отъ охотниковъ не было отбою.

Офицеры 1-го Сунженско-Владикавказскаго полка во главѣ съ командиромъ полка, полковникомъ Н. Н. Баратовымъ, воодушевляемые незабвенной памятью своего шефа героя-удальца генерала Слѣпцова, по полученіи извѣстія, что генералъ-адъютантъ Куропаткинъ назначенъ на Дальній Востокъ главнокомандующимъ, послали ему телеграмму съ горячей просьбой взять на войну полкъ славнаго Слѣпцова въ полномъ составѣ. Но долго пришлось «Слѣпцовцамъ» ожидать исполненія просьбы, которую Куропаткинъ обѣщалъ имѣть при случаѣ въ виду.

Наконецъ пришло давно желанное извѣстіе. 13-го сентября въ Сунженскомъ полку получена была отъ командира полка телеграмма, извѣщающая о томъ, что полкъ предназначенъ къ походу. На другой же день были получены подробности. Оказалось, что рѣшено для отправки на Дальній Востокъ сформировать Сводную Кавказскую казачью дивизію въ составъ которой назначались два полка Кубанцевъ—Екатеринодарскій и Уманскій, два Терцевъ—Кизляро-Гребенской и Сунженско-Владикавказскій, двѣ батареи —1-я Кубанская и 2-я Терская. 22-го ноября въ 3 часа дня 1-му Сунженско-Владикавказскому полку была объявлена мобилизація. Казаки, истомившіе-

ся долгой стоянкой на Персидской границѣ, приняли извѣстія о мобилизаціи съ выраженіями самой живѣйшей радости, какъ бы предчувствуя ожидающій ихъ успѣхъ —за **блестящія дѣла полку по окончаніи войны пожалованы были георгіевскія петлицы.** До поздней ночи по штабъ-квартирѣ полка то и дѣло срывался и разносился отъ казармы къ казармѣ радостный кличъ «Въ Манжурію!»...

Съ 3-го декабря начали эшелоны Сунженскаго полка выступать изъ Ханъ-Кендовъ. По пути на сборный пунктъ дивизіи, въ селеніе Армавиръ, Кубанской области полку приходилось проѣзжать вдоль всей линіи станицъ Сунженскаго полкового округа. На станціяхъ дѣлались казакамъ встрѣчи и проводы, служились молебны, играли хоры музыки и пѣлись боевыя казачьи пѣсни.

Въ Армавирѣ дивизіи пришлось простоять до первыхъ чиселъ марта, почему на Дальній Востокъ части дивизіи стали прибывать только въ половинѣ апрѣля, т. е. уже значительно позже Мукденскаго боя. Въ то время армія наша занимала прекрасно укрѣпленныя и выгодныя въ боевомъ отношеніи Сипингайскія позиціи. Дивизія назначена была въ составъ 2-ой Арміи, а затѣмъ поступила въ Сводный кавалерійскій корпусъ славнаго героя Японской войны генералъ-адъютанта П. И. Мищенко. Корпусъ стоялъ впереди внѣ праваго фланга арміи, на правомъ берегу рѣки Дунъ-ляо-хе, на самой границѣ Монголіи, у городка Ляоянвопыня.

2-го мая дивизія представилась своему командиру корпуса и боевымъ товарищамъ Уральцамъ (4-ый и 5-ый Уральскіе полки) и Забайкальцамъ (Читинскій и Верхнеудинскій полки), а черезъ день, 4-го мая, въ 7½ часовъ утра, конный отрядъ выступилъ изъ Ляоянвопыня въ набѣгъ на Синминтинъ и Факумынь.

Отряду ставилось задачей пройти вдоль большой дороги Кайпынъ-Факумынь-Синминтинъ и пробраться поглубже въ тылъ западной группы японской арміи. Въ бой съ противникомъ, по возможности, не ввязываться, особенно съ противникомъ на укрѣпленной позиціи. При встрѣчѣ же съ коннымъ непріятелемъ въ чистомъ полѣ, особенно съ хунхузами, рѣшительно атаковать. Истреблять всякаго рода склады, транспорты, портить телегра-

фы и вообще пути подвоза. Главное назначеніе набѣга - оттянуть силы японцевъ съ фронта, вмѣстѣ съ тѣмъ задержать переходъ ихъ въ наступленіе и произвести при этомъ развѣдку ихъ лѣваго фланга.

По слухамъ японская армія къ 1-му мая уже пополнила свои мукденскія потери, и можно было ожидать съ ихъ стороны скораго наступленія. У насъ же пополненія стали подходить къ передовымъ линіямъ лишь съ 5-го мая по 5—6 тысячъ въ сутки. Кромѣ того, носились упорные слухи, что японцы сосредоточиваютъ свои войска на правомъ флангѣ, угрожая нашему лѣвому. Надо было разстроить планы японцевъ, и эта задача была возложена на Мищенко съ его казаками.

Отрядъ пошелъ къ югу двумя колоннами. Въ одной была Сводная Кавказская казачья дивизія—23 сотни и 4-ре орудія, въ другой—Сводная же Уральско-Забайкальская дивизія съ придачей къ ней одной сотни Дагестанцевъ и Терско-Кубанцевъ съ двумя пулеметами и 2 орудія 1-й Забайкальской батареи, т. е. тоже 23 сотни и 2 орудія.

Въ первый же день 4-го мая отрядъ безъ сопротивленія прорвалъ линію передовыхъ заставъ арміи Ноги и, пройдя 50-тъ верстъ, зашелъ далеко въ тылъ противника. Лишь на другой день противъ отряда японцы двинули достаточныя силы съ артиллеріей, но отрядъ ушелъ отъ нихъ дальше безъ всякаго для себя вреда. Работали только разъѣзды, причемъ Екатеринодарцамъ удалось поймать японскаго офицера съ донесеніемъ къ Ноги и порвать телеграфную линію Кайпинъ-Факумынь, а Уманцамъ захватить санитарный транспортъ. Къ югу отрядъ двигался до 7-го мая, а 8-го повернули уже обратно, дойдя такимъ образомъ до самаго Синминтина и блестяще исполнивъ свою задачу,—произведя переполохъ въ тылу у японцевъ и оттянувъ на себя гораздо больше силъ, чѣмъ это было нужно. 11-го мая отрядъ благополучно возвратился въ Ляоянвопынь, привезя съ собою всѣхъ своихъ раненныхъ[38]) и болѣе 200 человѣкъ

---

[38]) Изо всего отряда только лишь одинъ казакъ пропалъ безъ вѣсти, убитыхъ же похоронили съ честью на поляхъ японскаго расположенія.

плѣнныхъ японцевъ, --большинство «портъ-артурцы». Особенно въ этомъ отношенiи посчастливилось Сунженцамъ, 3-я сотня которыхъ подъ командой подъесаула Филиппова и сотника Борисова наткнулась 7-го числа на деревню, занятую японцами. Послѣ упорной перестрѣлки японцы бросили оружiе и сдались, причемъ это, оказалось, была цѣлая рота съ офицерами. За удачное дѣло 7-го мая сотникъ Борисовъ и подъесаулъ Филипповъ получили Георгiевскiе Кресты. Тутъ казакамъ пришлось на дѣлѣ убѣдиться, что не такой грозный врагъ японцы, какъ это приходилось имъ слышать, идя на войну: десятки японцевъ вооруженныхъ ружьями со штыками сдавались нѣсколькимъ казакамъ, вооруженнымъ ружьями безъ штыковъ.

Это первое впечатлѣнiе, произведенное на казаковъ японцами, еще больше подтвердилось въ бою 3-го iюня, разыгравшемся при такой обстановкѣ. По возвращенiи изъ набѣга отрядъ занялъ опять позиции у Ляоянвопыня, японцы же, продвинувшись вслѣдъ за отрядомъ, остановились въ 12-ти верстахъ къ югу, у Санвайзской горы. 21-го мая нами была произведена усиленная развѣдка непрiятельскаго расположенiя, обнаружившая, что позицiя прочно занята отрядомъ изъ трехъ родовъ оружiя съ тяжелой артиллерiей. Японцы, видимо, вновь готовились къ переходу въ наступленiе. И дѣйствительно, въ глухую ночь на 3-ье iюня, въ то время какъ въ отрядѣ шло торжество прiема германскаго принца Леопольда, японцы двинулись впередъ, опрокинули жидкую цѣпь коннаго охраненiя (въ охраненiи стояла Кубанская бригада) и въ третьемъ часу ночи подошли къ Ляоянвопыню. Отрядъ былъ расположенъ частью въ городѣ, а частью въ рощахъ на сѣверной окраинѣ города, южную сторону котораго занимала дежурная сотня, которой и на этотъ разъ оказалась та же 3-ья сотня Сунженцевъ подъ командой того же подъесаула Филиппова. Пославъ хорунжаго Одржеховскаго съ разъѣздомъ на лѣвый флангъ, командиръ сотни занялъ позицiю, и когда въ предразсвѣтномъ сумракѣ стали показываться силуеты японцевъ, открылъ жестокiй огонь пачками. Вскорѣ на поддержку къ нему явился офицеръ его же сотни, хо-

рунжій Карауловъ 3-й, лежавшій на бивакѣ въ лихорадкѣ, но, по полученіи извѣстія о начавшемся боѣ, собравшій оставшихся тамъ казаковъ сотни и поспѣшившій къ мѣсту боя, а затѣмъ подошли посланныя командиромъ полка 2-я сотня есаула Хатаева и 1-я сотня подъесаула Лысенко. Жаркая стрѣльба продолжалась до 9-ти часовъ утра, когда сотни получили приказаніе отойти къ коноводамъ и присоединиться къ полку: было получено свѣдѣніе (потомъ оказавшееся ложнымъ), будтобы противъ нашего праваго фланга, со стороны Монголіи, показался конный отрядъ въ 35-ть эскадроновъ. Желая ихъ встрѣтить атакой, Мищенко приказалъ прекратить огонь и сѣсть на коней для коннаго боя. Къ сожалѣнію, никакихъ японскихъ эскадроновъ не оказалось, а между тѣмъ стрѣлковыя позиціи уже были оставлены... Непріятель, занявъ Ляоянвопынь, сталъ обстрѣливать конныя части шимозами (гранатами) и принудилъ отрядъ отойти на нѣсколько верстъ къ сѣверу. Впрочемъ на другой день японцы, сжегши въ огромныхъ ямахъ трупы своихъ убитыхъ, отступили вновь къ Санвайзы, и отрядъ снова занялъ Ляоянвопынь и лежавшую къ сѣверу отъ него деревню Саньиченъ, въ которой Кавказская дивизія простояла уже до заключенія мира и отхода на зимнія квартиры. Въ бою 3-го іюня 3-ья сотня разстрѣляла до 10000 патроновъ, 1-я до 4000 и 2-я до 3000. Потери были: въ 3-й сотнѣ семь казаковъ ранено и одинъ урядникъ (Гаврилей) убитъ, въ 1-ой ранены хорунжій Тургіевъ и 3 казака, во 2-ой ранены хорунжій Татоновъ, трубачъ и фельдшеръ; во всѣхъ трехъ сотняхъ при посадкѣ было убито и ранено нѣсколько лошадей.

Еще разъ пришлось Кавказскимъ казакамъ принять участіе въ серіозномъ боевомъ столкновеніи съ японцами. Это было 18-го іюня, когда Конный Отрядъ былъ двинутъ на укрѣпленную японскую позицію на холмахъ у деревни Санвайзы. Послѣ жестокой перестрѣлки, тянувшейся почти съ утра и до наступленія сумерокъ, японская позиція была взята штурмомъ, причемъ и тутъ пришлось больше поработать Сунженцамъ, потерявшимъ въ бою убитыми подъесаула Гуржибекова и 10 казаковъ;

ранены были хорунжій Панкратовъ и 43 казака, изъ которыхъ пятеро умерло потомъ отъ ранъ.

Въ октябрѣ дивизія въ составѣ всего корпуса была передвинута на зимнія квартиры къ 74-му разъѣзду. Въ январѣ мѣсяцѣ генералъ-адъютантъ Мищенко былъ посланъ съ отрядомъ во Владивостокъ, гдѣ безпорядки въ гарнизонѣ дошли до крайнихъ предѣловъ,—комендантъ крѣпости генералъ Селивановъ подвергся обстрѣлу со стороны бунтовщиковъ, въ руки которыхъ попала вся крѣпость и городъ. На генерала Мищенко возложена была обязанность привести крѣпость къ порядку. И здѣсь Сунженскому полку выпала на долю высокая честь быть избраннымъ генераломъ Мищенко для передвиженія во Владивостокъ въ качествѣ войсковой части испытанной вѣрности и преданности долгу.

Несмотря на то, что бунтовщики высылали на встрѣчу отряда генерала Мищенко угрожающія письма, въ которыхъ обѣщали разстрѣлять отрядъ «изъ 11-ти дюймовыхъ орудій», и наглость ихъ дошла до того, что въ мѣстной революціонной газеткѣ «Листокъ союза союзовъ», въ № 4 (22-го января 1906 года), было даже напечатано, что «**появленіе казачьей части въ городѣ неминуемо повлекло бы къ страшному кровопролитію и поголовному истребленію казаковъ**», все-таки 23-го января казаки мирно и спокойно вступили въ городъ, руководители бунта поспѣшно ускользнули въ Японію на пароходѣ, а въ городѣ сразу же, безъ насилій и кровопролитія, воцарился полный порядокъ и спокойствіе, сохранявшіеся до самаго выѣзда генерала Мищенко и Сунженцевъ изъ Владивостока (въ первыхъ числахъ іюня 1906 г).

Нѣсколько мѣсяцевъ походно-боевой жизни на поляхъ далекой Манчжуріи и Владивостокская командировка дали всѣмъ возможность лишній разъ убѣдиться, что **умѣетъ терскій казакъ вѣрой и правдой служить Царю и Отечеству, не теряя твердости духа и вѣры въ себя ни въ тяжелыхъ условіяхъ походной жизни, ни въ жаркомъ бою съ врагами внѣшними, ни въ годины общей разрухи при столкновеніяхъ съ врагами внутренними.**

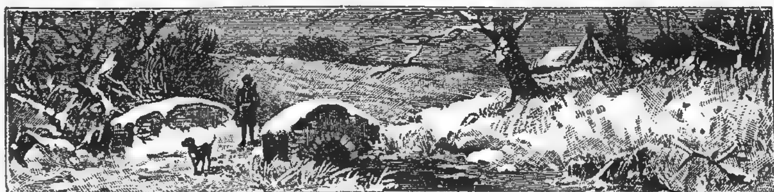

Съ Богомъ, Терцы.

Съ Богомъ, Терцы! Не робѣя,
Смѣло въ бой пойдемъ, друзья!
Бейте, рѣжьте, не жалѣя,
Басурманина врага.
    Тамъ далеко за Балканы
    Русскій много разъ шагалъ,
    Покоряя вражьи страны,
    Гордыхъ турокъ побѣждалъ!
Такъ идемъ путемъ прадѣдовъ
Славы лавры добывать!
Смерть за Вѣру, за Россію
Можно съ радостью принять.
    День двѣнадцатый апрѣля
    Будемъ помнить мы всегда:
    Какъ нашъ Царь, Отецъ Державный,
    Брата къ намъ подвелъ тогда,
Какъ онъ полонъ Царской мочи,
Съ отуманеннымъ челомъ:
«Берегите», сказалъ, «брата!
«Будьте каждый молодцомъ!
    «**Если нужно будетъ въ дѣло**
    «**Николаю васъ пустить,**
    «**То идите въ дѣло смѣло,—**
    «**Дѣдовъ славы не срамить!**»...
Съ Богомъ, Терцы! Не робѣя,
Смѣло въ бой пойдемъ, друзья!
Бейте, рѣжьте, не жалѣя,
Басурманина врага!...

П. Т. Кулебякинъ.

Часть IV.

ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ.

„По камнямъ струится Терекъ,
„Плещетъ мутный валъ“...

КАВКАЗЪ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины.
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ, низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи,—зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.
А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ;
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
И хищный наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи...
Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвши пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной
И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще! нѣтъ ни пищи ему, ни отрады,—
Тѣснятъ его грознонѣмыя громады.

А. С. Пушкинъ.

I. Территорія Терской области.

Границы ея и площадь. Устройство поверхности: горы, долины и степи. Войсковая территорія.

Терская область лежитъ между 59° 29′—65° 11′ восточной долготы и между 42° 29′—45° 8′ сѣверной широты, имѣя такимъ образомъ около 400 верстъ длины и отъ 150 до 250 верстъ ширины. Прилегая южной границей своей къ Главному Кавказскому хребту, а частью восточной—къ Каспійскому морю, она соприкасается своей территоріей: на югѣ съ двумя губерніями Закавказья – Кутаисской и Тифлисской и съ Дагестанской областью, расположенными по южному и частью по сѣверному склону Главнаго хребта; на востокѣ съ Дагестанской областью; на сѣверѣ съ Астраханской и Ставропольской губерніями, а на западѣ съ Кубанской областью. Какъ сѣверная, такъ и южная границы области представляютъ изъ себя ломанныя линіи съ рѣзкими отклоненіями отъ ихъ главнаго направленія.

Площадь, занимаемая Терской областью, заключаетъ въ себѣ 6630805 десятинъ земли, что составляетъ 63655,68 кв. верстъ или 72337 кв. километровъ. Такимъ образомъ Терская область значительно превосходитъ по своей площади не только многія губерніи Центральной Россіи (напримѣръ Московскую губернію болѣе, чѣмъ въ два раза), но и довольно значительныя государства Западной Европы: Греція равна лишь $^{9}/_{10}$ Терской области, Сербія $^{7}/_{10}$, Швейцарія и Данія $^{3}/_{5}$, Голландія $^{1}/_{2}$, а Бельгія даже $^{2}/_{5}$; королевство Баварія лишь на $^{5}/_{100}$ больше по своей площади, чѣмъ Терская область.

На сравнительно все-же небольшомъ пространствѣ области мы находимъ удивительное разнообразіе въ устройствѣ земной поверхности: огромныя, рѣзко очерченныя горы, поднимающіяся выше линіи вѣчныхъ снѣговъ, прорѣзанныя глубокими ущельями, уступаютъ мѣсто широкимъ долинамъ предгорья, переходящимъ въ степи съ тучнымъ черноземомъ, въ сыпучіе пески, въ солончаковыя пустыни или болотистыя прикаспійскія низменности, лежащія ниже уровня Чернаго моря.

Со стороны устройства поверхности Терскую область можно раздѣлить на три пояса, протягивающіеся почти съ запада на востокъ: Нагорная полоса, Предгорье и Степная полоса.

Кавказскій горный массивъ своими безчисленными вершинами, хребтами и отрогами заполняетъ все пространство Нагорной полосы. Здѣсь на линіи Главнаго хребта или на его отрогахъ лежатъ всѣ болѣе значительныя Кавказскія вершины, въ большинствѣ случаевъ обледенѣвшіе потухшіе вулканы: двуглавый Эльбрусъ (18470 футъ надъ уровнемъ Чернаго моря=5¹/₄ верстъ), Дыхъ-тау (17054 фута), Шхара-тау (17003 ф.), Коштанъ-тау (16880 ф.), Джанги-тау (16569 ф.), Казбекъ (16546 ф.), Катынъ-тау (16296 ф.), Мижирги (16135 ф.), и. т. д.

Параллельно Главному хребту и тѣсно съ ними связываясь поперечными отрогами, тянутся хребты: Передовой, Скалистый (или Пестрый), и Черныя горы, Передовой хребетъ представляетъ изъ себя исполинскій кряжъ, поднимающій свои скалистые зубцы мѣстами (у Казбека) выше Главнаго хребта. Средняя его высота, достигая 14400 футовъ, почти на 3¹/₂ тысячи футъ превышаетъ линію вѣчнаго снѣга. Далѣе къ сѣверу раскинулись красивой цѣпью известковыя вершины скалъ Пестраго хребта, называемаго такъ потому, что склоны его представляютъ изъ себя пеструю смѣсь скалъ, луговъ и рощъ березы, сосны, чинара и другихъ лѣсныхъ породъ: это горы Герты, Матъ-хохъ (Столовая гора, краса Владикавказа), Адай-хохъ, Кріу-хохъ, Кіонъ-хохъ и др.

У подножья Пестраго хребта лежатъ Черныя горы, получившія свое имя отъ чернолѣсья, густо покрывающаго ихъ склоны и заполняющаго отдѣляющія ихъ отъ Пе-

страго хребта долины, наиболѣе обширной и красивой изъ которыхъ, несомнѣнно, надо признать Тарскую долину подъ Столовой горой, славящуюся своей известью, родниками и форелью.

Предгорье представляетъ изъ себя обширную равнину, падающую легкимъ склономъ къ сѣверу и востоку, изрѣзанную безчисленными балками (оврагами), рѣчными руслами и горными гребнями. Гребни эти тянутся длинной полукруглой цѣпью, начинаясь подъ именемъ Кабардинскихъ горъ, или Кара-дага (т. е. «Чернаго хребта»), служащихъ водораздѣломъ рѣкъ Уруха и Дурдура, проходятъ въ сѣверовосточномъ направленіи, пересѣкаясь въ Эльхотовскомъ ущельи рѣкой Терекомъ, и поворачиваютъ затѣмъ на востокъ вдоль лѣваго берега Сунжи, подъ именемъ Сунженскаго хребта, наибольшая высота котораго не превышаетъ 2420 футовъ. Сѣвернѣе Сунженскаго хребта, вдоль праваго берега Терека, протянулся Терскій гребень, въ высшей своей точкѣ достигающій 2500 ф. и оканчивающійся крутыми обрывами близъ станицы Кахановской, у впаденія Сунжи въ Терекъ. Продолженіемъ Терскаго гребня за Сунжей служитъ Кочкалыковскій хребетъ, принимающій юговосточное направленіе и смыкающійся съ общей массой Кавказскихъ горъ.

Выше сліянія Кумы съ Подкумкомъ, въ раіонѣ Минеральныхъ водъ Пятигорья, одиноко поднимаются на открытой равнинѣ потухшіе малые вулканы: Бештау («пять горъ») со своими пятью остроконечными вершинами, давшими названіе какъ самой горѣ, такъ и всему раіону, Машукъ, Желѣзная, Змѣиная, Верблюдъ, Развалъ, Быкъ и утесы Медовка и Тупой.

Къ сѣверу отъ линіи рѣкъ Малки и Терека тянется широкая Степная полоса, частью (на западѣ) имѣющая видъ совершенно ровной поверхности, а частью представляющая изъ себя безпорядочную массу песчанныхъ «буруновъ».

Изъ общей площади Терской области (6630805 десятинъ) Терскому казачьему войску принадлежитъ почти третья часть. Вся войсковая территорія составляетъ въ общемъ 1964409 десятинъ, изъ которыхъ станичные на-

дѣлы занимаютъ 88%,—1738310 десятинъ; въ томъ числѣ удобной земли 1414711 дес., лѣсу и кустарника 133992 и неудобной земли 189607 десятинъ. Кромѣ того, къ войсковой территоріи относятся 108203 дес. войскового земельнаго запаса, значительная часть котораго уже предназначена къ раздѣлу между малоземельными станицами войска и 117896 дес., отмежеванныхъ по положенію 23 апрѣля 1870 года войсковымъ офицерамъ и чиновникамъ взамѣнъ пенсіи. Впрочемъ надо замѣтить, что въ настоящее время только самая ничтожная часть «офицерскихъ» участковъ осталась въ рукахъ лицъ войскового сословія, а вся масса давно уже распродана лицамъ другихъ сословій и національностей.

ТЕРЕКЪ.

Между сѣрыми камнями по ущельямъ среди скалъ
Серебристыми волнами бурный Терекъ пробѣгалъ...

Начинаясь у Казбека, наверху, средь ледниковъ,
Онъ ужъ больше чѣмъ три вѣка поитъ Терскихъ казаковъ.

И вспоенный ледяною свѣжей Теречной водой
Казакъ сердцемъ и душою любитъ Терекъ свой родной.

Какъ безъ удержу струится между каменныхъ громадъ
Терекъ нашъ, бурлитъ и мчится все впередъ, а не назадъ.

Такъ казакъ, къ завѣтной цѣли существомъ своимъ стремясь,
Въ каждомъ словѣ, въ каждомъ дѣлѣ не теряетъ съ нею связь:

Заповѣдали намъ дѣды сберегать Россіи честь,
Ради славы и побѣды своей жизни не жалѣть!

Что казакамъ всѣ преграды, если Царь благодаритъ,—
«Служимъ мы не за награды!» изъ насъ каждый говоритъ:

«Свои нужды забывая, побросавъ свои поля,
«Станемъ всѣ въ защиту края мы по призыву Царя.

«И пока шумитъ нашъ Терекъ, бьетъ волною по камнямъ
«И ласкаетъ влажный берегъ,—**не измѣнимъ мы Царямъ!»...**

Н. А. Карауловъ 1-ый.

II. Орошеніе и климатъ.

Характеръ рѣкъ Терской области. Терекъ и его притоки. Кура и Кума. Озера. Атмосферные осадки. Климатъ Терской области. Климатическія станціи.

Рѣки Терской области всѣ принадлежатъ бассейну Каспійскаго моря, т. е. по направленію къ нему катятъ свои воды. Впрочемъ до самаго моря доходятъ лишь Терекъ со своими притоками, а остальныя рѣки частью уходятъ въ степи и тамъ теряются въ пескахъ (Кума и Кура), частью же Аксай, Яманъ-су, Ярыкъ-су и Акъташъ) разбираются почти безъ слѣда по безчисленнымъ арыкамъ (оросительнымъ канавамъ).

Скатываясь съ крутыхъ склоновъ огромнаго Кавказскаго массива, всѣ эти рѣки носятъ обычный характеръ горныхъ потоковъ: быстрое, непостоянное теченіе; измѣнчивое русло, засоряемое въ верховьяхъ огромными каменными глыбами, въ среднемъ теченіи мелкими валунами и щебнемъ, а въ низовьяхъ иломъ; множество бродовъ, часто мѣняющихъ свои мѣста; неожиданные подъемы воды и выходъ ея изъ береговъ послѣ ливней въ горахъ,—все это не только мѣшаетъ мѣстнымъ рѣкамъ быть болѣе или менѣе удобными средствами сообщенія, но, наоборотъ, частые размывы, заносы и разливы уничтожаютъ труды цѣлыхъ поколѣній и надолго прекращаютъ всякое сношеніе между отдѣльными частями области. Терекъ и всѣ важнѣйшіе его притоки берутъ свое начало въ ледникахъ Главнаго хребта, почему наибольшій подъемъ воды въ нихъ происходитъ въ пору лѣт-

нихъ жаровъ, сопровождающихся усиленнымъ таяніемъ снѣговъ въ горахъ, тогда какъ зимой онѣ обращаются въ ничтожныя рѣченки.

Начинаясь подъ горой Зильги-хохъ, близъ Казбека, Терекъ проходитъ по знаменитому Дарьяльскому ущелью и около Владикавказа вырывается изъ горъ на равнину, гдѣ сразу умѣряетъ быстроту своего бѣга: уже около Владикавказа скорость его теченія падаетъ до 10—9 верстъ въ часъ. Прорѣзавъ въ Эльхотовскомъ ущельѣ Кабардинскій хребетъ, онъ огибаетъ западную оконечность Терскаго хребта и, соединившись съ многоводной Малкой, поворачиваетъ къ востоку, а принявъ въ себя воды Сунжи, сбивается къ сѣверостоку, къ выходу въ море, у котораго разливается по своей дельтѣ массой большихъ и малыхъ рукавовъ, протоковъ и ериковъ, образуя поростающія камышемъ болота, занимающія подъ Кизляромъ большія пространства и служащія разсадникомъ малярійныхъ заболѣваній (Кизлярскія лихорадки).

Съ правой стороны въ Терекъ впадаютъ: Кистинка («Бѣлая»), Камбилеевка, Курпъ, Сунжа съ многочисленными и многоводными притоками Ассой, Аргуномъ, Бѣлой и другими, а съ лѣвой Гизель-донъ, Фіагъ-донъ, Ардонъ, въ верховьяхъ котораго находится красивѣйшій изъ ледниковъ Кавказа — Цейскій, Урсъ-донъ, Урухъ, Лескенъ и Малка, принимающая въ себя многоводные притоки: Черекъ, одинъ изъ истоковъ котораго беретъ начало въ величайшемъ ледникѣ Кавказа—Безенгіевскомъ, и Урванъ съ Нальчикомъ, Шалушкой, Чегемомъ и Баксаномъ.

Степныя рѣки Кура и Кума далеко не такъ обильны водою, почему для питанія первой изъ нихъ существуетъ Курско-Малкинскій каналъ, выходящій изъ Малки близъ станицы Марьинской. Другой каналъ «Эристовская Неволька» проведенъ изъ Малки же и проходитъ между Курой и Терекомъ до надѣловъ станицы Галюгаевской. Кума принимаетъ въ себя слѣва маловодные притоки, выходящіе со Ставропольской возвышенности, а съ правой стороны—Подкумокъ съ Бугунтой, Ессентукомъ, Эшкакономъ, Березовкой, Бѣлой (Юцей) и Золку.

На сплошь изрѣзанной рѣками и рѣчками, оврагами

и ущельями поверхности Терской области болѣе или менѣе значительныя озера совершенно не встрѣчаются, если не считать за озера обширные мелководные болотистые разливы въ низовьяхъ Терека. Причиной такому явленію служитъ, очевидно, крутое паденіе скатовъ даже въ равнинныхъ участкахъ края, не говоря уже о напоминающихъ гигантскую лѣстницу огромныхъ уступахъ горнаго массива. Въ прибрежьи Каспійскаго моря находится нѣсколько соляныхъ озеръ, да небольшія озерца, почти лужи, разбросаны тамъ и сямъ по широкому степному простору Караногая и Гребенскихъ юртовъ. Изъ горныхъ озеръ наибольшимъ является лежащее у самаго Андійскаго хребта на границѣ съ Дагестаномъ, по пути изъ Ведено въ Ботлихъ, озеро Эзень-Амъ, извѣстное обиліемъ крупной горной форели. Значительно меньше по размѣрамъ озеро Галанчочъ, въ верховьяхъ р. Гехи, красивыя Голубыя Озера въ долинѣ Черека, по дорогѣ изъ Нальчика въ Болкарію, и минеральныя озера Пятигорской группы — Тамбуканъ и Горькосоленыя.

Атмосферные осадки (дождь, снѣгъ, роса) выпадаютъ на пространствѣ области крайне неравномѣрно, что и само собою понятно, если принять во вниманіе чрезвычайное разнообразіе въ устройствѣ поверхности, въ высотѣ надъ уровнемъ моря и въ направленіи скатовъ возвышенностей. Нагорная полоса и Предгорье орошаются, мѣстами даже болѣе чѣмъ достаточно, проточными водами, присутствіе которыхъ вызываетъ большую влажность воздуха и почвы, что въ свою очередь влечетъ за собою болѣе частые и обильные дожди и росы. Исключеніе во всемъ предгорьѣ представляетъ только лишь обширная Алханъ-Чуртская долина, занимающая между Терскимъ и Сунженскимъ хребтами площадь около 57000 десятинъ, лишенная всякой влаги: ни рѣки, ни дождей. Казаки присунженскихъ станицъ, надѣлы которыхъ расположены въ Алханъ-Чуртской долинѣ, принуждены во время полевыхъ работъ возить воду не только для себя, но и для своего скота за 10—15 вер. изъ Сунжи, по тяжелой дорогѣ черезъ высокій, крутой, изрытый балками, каменистый Сунженскій гребень. А между тѣмъ, еслибы дать этой долинѣ орошеніе, то она кормила бы до-сыта

не одну тысячу рвовъ. Въ такомъ же бѣдственномъ положенiи находится и Моздоко-Кизлярская степь, гдѣ въ однихъ мѣстахъ не поенная земля ничего не родитъ, а въ другихъ за недостаткомъ водопоя невозможны никакiя полевыя работы. Въ настоящее время областной администрацiей уже разрабатывается огромной важности планъ орошенiя этой степи путемъ отвода въ нее лишней воды изъ Малки и Терека, особенно во время половодья.

Протянувшись на значительномъ пространствѣ вдоль Кавказскаго хребта и включивъ въ свои границы на югѣ линiю снѣжныхъ хребтовъ и горъ, поднимающихся до высоты 5-ти слишкомъ верстъ, а на сѣверѣ уходя въ необъятный просторъ Прикаспiйскихъ степей, въ восточной своей части опускающихся на 12 саж. ниже уровня Чернаго моря, Терская область представляетъ чрезвычайное разнообразiе и климатическихъ условiй. Это разнообразiе въ связи съ обилiемъ минеральныхъ источниковъ и необыкновенными красотами горной природы создаетъ полную возможность широкаго использованiя многихъ уголковъ области въ качествѣ климатическихъ станцiй для слабогрудыхъ, дачныхъ мѣстъ, экскурсiонныхъ центровъ и т. д.

На первомъ мѣстѣ въ этомъ случаѣ стоятъ уже получившiе громкую извѣстность **Кисловодскъ и Нальчикъ**, изъ которыхъ первый съ 1910 года офицiально объявленъ зимнимъ курортомъ, а второй за послѣднiе годы сдѣлался излюбленнымъ мѣстомъ лѣтняго пребыванiя для слабогрудыхъ. Помимо этого, Кисловодскъ является центромъ интересныхъ въ научномъ отношенiи прогулокъ и экскурсiй по группамъ минеральныхъ водъ Пятигорья и къ ледникамъ высочайшей горы Кавказа—Эльборуса. Изъ Нальчика же съ успѣхомъ устраиваются экскурсiи по окрестному Черногорью, на Голубыя Озера, въ Болкарiю (родину цѣлительнаго кефирнаго грибка, откуда онъ распространился по всему свѣту), въ Хуламскую тѣснину Бѣшеннаго Черека, на величайшiй и красивѣйшiй ледникъ Кавказа—Безенги, къ слѣдующимъ за Эльборусомъ, по высотѣ, горамъ Коштанъ-тау и Дыхъ-тау, къ богатѣйшимъ залежамъ глинистыхъ конкрецiй (стяженiй) на Акъ-Топракѣ (Бѣлая Земля) въ Чегемскомъ ущельѣ, и т. д.

Вслѣдъ за Кисловодскомъ и Нальчикомъ, нѣсколько уступая имъ въ климатическомъ отношенiи, идутъ **Владикавказъ** (центръ интереснѣйшихъ экскурсiй по Военно-Грузинской дорогѣ, къ ледникамъ Казбека: Девдоракскому, Абано, Гергетскому, Чачскому, Джимаранскому и др., въ угрюмый Дарьялъ, къ замку царицы Тамары, въ дикое Кистинское ущелье, въ Джерахъ, Мецхаль и Цори къ ингушамъ, на Столовую гору, въ прекрасное ущелье Вогай-Чочъ, къ родникамъ Тарской долины, и т. д.), **Алагиръ** (начало богатой красотами Военно-Осетинской дороги и пути къ серебросвинцовымъ Садонскимъ рудникамъ и на Цейскiй ледникъ), **Воздвиженская** (при входѣ въ Аргунское ущелье—въ Горную Чечню), **Ведено** (преддверье суроваго Дагестана), и т. п.

Славный пышный быстрый Терекъ.

Славный, пышный, быстрый Терекъ,
Сынъ природный снѣжныхъ горъ!
Скоро-ль выйду я на твой на берегъ,
Обращу печальный взоръ?
    Гдѣ бывала жизнь моя отрада,
    Гдѣ я жилъ въ младыхъ лѣтахъ...
    Гдѣ душѣ моей, было, прохлада
    Разливалась на брегахъ,
Гдѣ служилъ Царю душою
И твой берегъ охранялъ...
А теперь за каменной стѣною
Погибать въ неволѣ я попалъ...
    Я сижу подъ клеветою,—
    Молю Вышняго Творца,
    Чтобы правдою святою
    Защитилъ бы меня молодца.
Сколько лѣтъ и зимъ проходитъ,
На тебя я, Терекъ, не гляжу,—
Время, молодость моя уходитъ,
Во неволѣ молодецъ сижу.
    Славный, пышный, быстрый Терекъ!
    Прорвавъ горные хребты,
    Прорвавъ скалы, прорви этотъ берегъ,—
    Съ собой, Терекъ, меня возьми ты!

Казачья пѣсня.

III. Почва; растительный и животный міръ.

Дельта Терека. Горные склоны и ущелья. Предгорныя равнины. Степная полоса. Животный міръ области.

Въ почвенномъ и растительномъ отношеніяхъ Терскую область нужно раздѣлить также на три полосы: Нагорную, Предгорье и Степную.

Особнякомъ стоитъ въ этомъ отношеніи низовье р. Терека, представляющее изъ себя обширную площадь наносовъ плодороднѣйшаго ила, дающаго при орошеніи баснословные урожаи. Значительная часть Теречной дельты, особенно сѣверозападный ея край, благодаря низменному своему характеру (до 12 саж. ниже уровня Черного моря), покрыта болотистыми разливами Терека, поросшими камышемъ и чаканомъ. Остальное же пространство требуетъ, наоборотъ, обильнаго орошенія, при которомъ получаются отличные урожаи пшеницы, риса, проса, хлопка, винограда и нѣжныхъ фруктъ: персиковъ, черешенъ, гранатъ и др. А ближе къ морскому берегу, на солончаковыхъ пустыряхъ, произростаютъ въ дикомъ видѣ каперсы (по-мѣстному, «капорцы»), сборъ которыхъ составляетъ оброчную статью станицы Александрійской и является нѣкоторымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ мѣстныхъ жителей. Лѣсовъ въ низовьяхъ Терека, можно сказать, нѣтъ, если не считать за лѣсъ густыя поросли колючаго лоховника (дикой маслины) и таловника (ивняка).

Совершенно иной характеръ носятъ почвы горныхъ

склоновъ и ущелій Нагорной полосы. Здѣсь каждый клочекъ годной къ обработкѣ земли представляетъ огромную цѣнность; малѣйшій выступъ скалы служитъ мѣстомъ для устройства крохотной нивы горца: туда натаскивается земля, удабривается навозомъ, проводится оросительная канавка... Сѣютъ въ горахъ, по-преимуществу, ячмень, мѣстами кукурузу и овесъ. Плодовыхъ деревьевъ почти нѣтъ. Изрѣдка встрѣчаются абрикосы, сливы, орѣшникъ. По рѣчнымъ долинамъ массами растетъ барбарисъ, смородина, крыжовникъ. По лугамъ роскошная альпійская растительность съ обильнымъ цвѣтеніемъ. Подъ ледниками вьются рододендроны, цвѣтутъ анемоны, колокольчики; ниже кустятся душистыя азаліи. Склоны Черныхъ горъ, а отчасти и Пестрыхъ, покрыты великанами—чинарами (буками), грабами, дубами, липами, карагачемъ, кленомъ, свидовникомъ, ольховникомъ, дикой черешней, грушей, яблоней, плодоноснымъ кизиломъ, малиной, черной смородиной, ежевикой, земляникой. Выше плетется костяника, брусника; по скаламъ цѣпляется можевельникъ; красуются березовыя и сосновыя рощи...

Предгорныя равнины (Владикавказская, Кабардинская, Чеченская и Кумыкская) покрыты въ большинствѣ случаевъ тучнымъ черноземомъ, подъ которымъ мѣстами обнажается его подстилка: хрящевые или глинистые наносы. Лѣтъ сто тому назадъ большая часть Предгорья представляла изъ себя непроходимыя заросли дремучихъ лѣсовъ, служившихъ лучшей защитой для хищниковъ горцевъ. Въ борьбѣ съ кавказскими народами русскимъ войскамъ приходилось дѣйствовать, держа въ одной рукѣ ружье, а въ другой топоръ, подъ ударами котораго тысячами падали вѣковые исполины, союзники свободолюбивыхъ горцевъ. Въ настоящее же время отъ былыхъ лѣсовъ остались одни воспоминанія, и необрабатываемыя клочки земли нынѣ покрыты лишь густой одеждой держидерева, терновника и мелкаго кустарника разныхъ породъ: ивы, ольхи, дубняка, шиповника и т. п. На тучныхъ нивахъ Предгорья выращиваются всѣ виды хлѣбныхъ злаковъ и другихъ сельскохозяйственныхъ растеній: пшеница, рожь, овесъ, ячмень, просо, гречиха, кукуруза, горчица, подсолнечникъ, ленъ, картофель, огур-

цы, помидоры, арбузы, дыни... По рѣчнымъ долинамъ раскинуты сады винограда, яблонъ, грушъ, вишенъ, черешенъ, персиковъ, айвы, сливъ.

Значительно въ болѣе худшихъ условiяхъ находится населенiе раскинутыхъ къ сѣверу отъ Терека степей. Это населенiе составляютъ почти исключительно казаки Моздокскаго и Кизлярскаго отдѣловъ. Урожаи здѣсь получаются болѣе или менѣе сносные только на «поду» (такъ называется черноземная прибрежная полоса), въ «бурунахъ» же развитiю сельскаго хозяйства, кромѣ малой производительности почвы, препятствуютъ всего больше постоянныя засухи, сопровождающiяся «захватами». А тутъ еще, массами гибнутъ посѣвы подъ тучами прожорливой саранчи, и мало по малу заносятся сыпучими песками разбросанные тамъ и сямъ по степному пространству плодородные клочки земли. Все это принуждаетъ населенiе степной полосы жить скученно въ удобныхъ для хозяйства мѣстахъ, главнымъ образомъ вдоль берега р. Терека, занимаясь бахчеводствомъ, садоводствомъ, огородничествомъ, скотоводствомъ и посѣвами проса, ржи, горчицы (гардана) и другихъ злаковъ. По всему же степному простору, вперемежку съ горами сыпучихъ песковъ, раскинулись безпорядочные бугры буруновъ, покрытыхъ полынью, свинороемъ, кугой, курой, перекатихой; кое-гдѣ только ютится чахлый колючiй караганникъ, жидкiй гребенчукъ (тамарискъ), тальникъ и другiя малоцѣнныя породы кустарниковъ.

Животный мiръ области также чрезвычайно разнообразенъ. Въ низовьяхъ Терека, по болотамъ и озерамъ, по морскимъ прибрежнымъ кутамъ, не умолкаютъ крики утокъ, гусей, лебедей, цапель, бабуръ и другихъ пернатыхъ обитателей. По камышамъ рыскаютъ кабаны, населяющiе и Черныя горы, гдѣ наряду съ ними встрѣчаются медвѣди, козы, олени, волки, лисицы, куницы, изрѣдка барсъ, дикiй котъ, рысь... Въ глубинѣ скалистыхъ горъ вольно скачетъ гордость Кавказа, горный козобыкъ—туръ, увлекающiй за собой смѣльчаковъ охотниковъ на недосягаемыя горныя выси. Въ камняхъ и въ травѣ извиваются и таятся змѣи самыхъ различныхъ видовъ и величинъ, начиная отъ маленькой, но страшно ядовитой

мѣдянки до безобразно большого желтопуза, достигающаго нѣсколькихъ аршинъ длины; бѣгаютъ ящерицы, мыши; ползаютъ муравьи, прыгаютъ кузнечики, порхаютъ яркоокрашенныя разноцвѣтныя бабочки, стрекозы, жуки... На утесахъ гнѣздятся орлы; ниже носятся одинокіе ястреба и цѣлыя тучи воронъ, галокъ, сорокъ... Въ степяхъ укрываются дудаки (дрофы), а въ прибрежномъ кустарникѣ по Тереку—фазаны...

Рыбныя богатства Терской области издавна пользовались вполнѣ заслуженной извѣстностью. Въ широко раскинутыхъ мелководныхъ «кутахъ» (заливчикахъ) Каспійскаго побережья значительная часть обитателей моря всегда находитъ громадное количество питательныхъ веществъ и свѣжую прѣсную воду, столь необходимую для икрометанія различнымъ цѣннымъ породамъ «красной рыбы» (осетру, севрюгѣ, огромной бѣлугѣ, доходящей до 65 пудовъ вѣсомъ, и др.). Безчисленные ерики, «ильмени», озера заросшія камышемъ и чаканомъ, захватывающіе почти всю дельту р. Терека, служатъ прекрасными пастбищами для выгула всѣхъ породъ «черной» (она же «бѣлая»), или «частиковой», рыбы: сазана, леща, воблы, шамаи, судака и т. п. Въ прибрежныхъ водахъ Каспійскаго моря носятся тучами сельди, а въ быстрыхъ горныхъ потокахъ, родникахъ и озерахъ разводятся различныя породы форели, имѣющей хорошій сбытъ на мѣстныхъ рынкахъ.

СПОРЪ

Какъ-то разъ, передъ толпою соплеменныхъ горъ
У Казбека съ Шатъ-горою былъ великій споръ.

«Берегись!» сказалъ Казбеку сѣдовласый Шатъ:
«Покорился человѣку ты не даромъ, братъ.

Онъ настроитъ дымныхъ келій по уступамъ горъ;
Въ глубинѣ твоихъ ущелій загремитъ топоръ,

И желѣзная лопата въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато, врѣжетъ страшный путь.

Ужъ проходятъ караваны черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы да цари-орлы.

Люди хитры! Хоть и труденъ первый былъ скачекъ,—
Берегися,—многолюденъ и могучъ Востокъ!»

— Не боюся я Востока! отвѣчалъ Казбекъ:
Родъ людской тамъ спитъ глубоко ужъ девятый вѣкъ.

Посмотри: въ тѣни чинары пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары сонный льетъ грузинъ.

И, склонясь въ дыму кальяна на цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана дремлетъ Тегеранъ.

Вотъ у ногъ Ерусалима, Богомъ сожжена,
Безглагольна, недвижима мертвая страна.

Дальше, вѣчно чуждый тѣни моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени царственныхъ могилъ.

Бедуинъ забылъ наѣзды для цвѣтныхъ шатровъ
И поетъ, считая звѣзды, про дѣла отцовъ.

Все, что здѣсь доступно оку, спитъ, покой цѣня...
Нѣтъ! не дряхлому Востоку покорить меня!...

«Не хвалися еще заранѣ!» молвилъ старый Шатъ:
«Вотъ на сѣверѣ въ туманѣ что-то видно, братъ!»

Тайно былъ Казбекъ огромный вѣстью той смущенъ,
И, смутясь, на сѣверъ темный взоры кинулъ онъ.

И туда въ недоумѣньѣ смотритъ полный думъ:
Видитъ странное движенье, слышитъ звонъ и шумъ,—

Отъ Урала до Дуная, до большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая движутся полки...

Вѣютъ бѣлые султаны, какъ степной ковыль,
Мчатся пестрые уланы, подымая пыль.

Боевые баталіоны тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамена, въ барабаны бьютъ.

Батареи мѣднымъ строемъ скачутъ и гремятъ,
И, дымясь, какъ передъ боемъ, фитили горятъ.

И, испытанный трудами бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами, генералъ сѣдой.

Идутъ всѣ полки могучи, шумны, какъ потокъ,
Страшномедленно, какъ тучи, прямо на востокъ.

И томимъ зловѣщей думой, полной черныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмый,—и не счелъ враговъ...

Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ,—и навѣкъ затихъ.

М. Ю. Лермонтовъ.

IV. Минеральныя богатства.

Минеральныя воды Терской области. Курорты Пятигорья, Сѣрноводскъ, Гребенскія Горячія Воды. Источники меньшаго значенія. Руды и другія полезныя ископаемыя области: нефть, серебро, свинецъ, цинкъ, строительный камень и др.

Минеральныя богатства Терской области настолько велики и разнородны, что при правильной ихъ разработкѣ, они уже одни могли бы служить прочнымъ основаніемъ къ развитію народнаго благосостоянія. Богатства эти можно раздѣлить на три группы: 1) минеральныя воды, 2) залежи металлическихъ рудъ и 3) другія полезныя ископаемыя.

Въ ряду многочисленныхъ минеральныхъ источниковъ, разбросанныхъ во всѣхъ краяхъ области, первое мѣсто по праву принадлежитъ источникамъ **курортовъ Пятигорья**. Нигдѣ въ мірѣ больше не встрѣчается такого благопріятнаго соединенія самыхъ разнообразныхъ цѣлебныхъ источниковъ рѣдкой силы въ непосредственной близости другъ отъ друга.

Курорты Пятигорья раздѣляются на четыре минеральныхъ группы: Пятигорскъ, Ессентуки, Желѣзноводскъ и Кисловодскъ, расположенные одинъ отъ другого на 1/2—1 часъ ѣзды по желѣзной дорогѣ и связанные однимъ общимъ управленіемъ.

Каждый изъ этихъ курортовъ имѣетъ свои особенности, свои лечебныя средства: въ Пятигорскѣ источники сѣрные (горячіе и холодные), въ Ессентукахъ — щелочные, соляно-щелочные и сѣрно-щелочные, въ Же-

лѣзноводскѣ—желѣзисто-землистые, а въ Кисловодскѣ знаменитый «Богатырь Ключъ» —Нарзанъ. Воды этихъ источниковъ употребляются и для питья и для ваннъ. Къ Пятигорской группѣ причисляются также находящіяся въ его окрестностяхъ цѣлебныя грязи Тамбуканскаго озера и принадлежащій къ горько-слабительнымъ водамъ Баталинскій Горькій источникъ, близъ колоніи Каррасъ.

Вторымъ по значенію цѣлебнымъ курортомъ области является имѣющій большую будущность «**Сѣрноводскъ**»,—минеральные источники близъ станицы Михайловской, Сунженскаго отдѣла. По химическому своему составу ключи Сѣрноводска имѣютъ одинъ общій характеръ (сѣрно-щелочная вода съ небольшой минерализаціей), но въ частностяхъ между ними есть и нѣкоторыя различія въ составѣ (большее или меньшее содержаніе соли и т. д.) и въ температурѣ (холодные -16° Реомюра, горячіе—56°). Это различіе между отдѣльными ключами сближаетъ курортъ Сѣрноводскъ съ Пятигорскомъ и выгодно отличаетъ его отъ подобныхъ ему источниковъ Гребенскихъ и Брагуновскихъ.

Гребенскія Горячія Воды находятся близъ станицы Барятинской, Кизлярскаго отдѣла, на сѣверномъ склонѣ Терскаго Гребня, въ 18-ти верстахъ къ сѣверу отъ города Грознаго. Они состоятъ изъ двухъ группъ ключей: западной («Св. Екатерины») и восточной («Желѣзистые»). По химическому составу обѣ группы почти тождественны и относятся къ сѣрно-соляно-щелочнымъ водамъ. Температура ключей болѣе горячей западной группы—96° Цельсія.

Помимо получившихъ широкую извѣстность минеральныхъ водъ Пятигорья, Сѣрноводска и Гребенскихъ водъ, безчисленные минеральные источники меньшаго значенія разбросаны въ различныхъ мѣстахъ области. Въ предлагаемомъ ниже перечнѣ помѣщены только болѣе извѣстные изъ нихъ.

На первомъ мѣстѣ по распространенности стоятъ **сѣрнистые ключи** (горячіе и холодные), находящіеся въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) въ бассейнѣ р. Подкумка, группа «Пятигорскихъ» источниковъ (болѣе 12-ти) подъ горой Машукъ; 2) подъ Эльбрусомъ, близъ ледника Гара-

су; 3) на обоихъ берегахъ р. Ардона, верстахъ въ 15-ти выше Алагира; 4) въ Тагаурскомъ ущельѣ, на правомъ берегу Гизель-дона, близъ селенія Даргавсъ; 5) въ Ассинскомъ ущельѣ, на лѣвомъ берегу Ассы, близъ бывшаго хутора Цорхъ; 6) въ верховьяхъ Сунжи, въ балкѣ Кульки-босъ; 7) у подошвы Сунженскаго хребта, въ 1—2 верстахъ отъ станицы Слѣпцовской; 8) курортъ Сѣрноводскъ близъ станицы Михайловской; 9) въ Мамакаевской балкѣ зъ 15 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Грознаго; 10) на южномъ склонѣ Терскаго гребня, въ Алханъ-Чуртской долинѣ, верстахъ въ 20 къ сѣверо-западу отъ Грознаго (источники «св. Павла»); 11) тамъ же, въ 8 верстахъ къ западу отъ предыдущихъ; 12) «Гребенскіе», близъ станицы Барятинской, на сѣверномъ склонѣ Терскаго гребня; 13) «Брагунскіе», или «св. Петра», въ 7 верстахъ къ юго-западу отъ селенія Брагуны; 14) тамъ же, «Умаханъ-Юртовскій»; 15) на правомъ берегу Сунжи, въ 4 верстахъ ниже станицы Кахановской; 16) близъ селенія Истису («Горячая вода»), на склонѣ Качкалыковскаго хребта, три группы источниковъ; 17) на лѣвомъ берегу Чанты-Аргуна, близъ развалинъ укрѣпленія Башинъ-кале, въ Аргунскомъ ущельѣ.

Сѣрнисто-щелочные: 1) при впаденіи р. Бугунты въ Подкумокъ, «Ессентуки»; 2) у подошвы горы Быкъ, въ 7 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Желѣзноводска, «Калмыкаевскій»; 3) на лѣвомъ берегу р. Сулака, въ 6 верстахъ отъ с. Міатлы, «Міатлинскіе» или «св. Андрея».

Углекислые (**Нарзанъ** и подобные ему): 1) въ Кисловодскѣ, знаменитый Нарзанъ; 2) въ 8—10 верстахъ выше Кисловодска, въ ущельѣ р. Березовки; 3) на сѣверо-восточномъ склонѣ Эльборуса, въ 10 верстахъ отъ его вершины, «Теплый Нарзанъ»; 4) въ Хасаутской долинѣ, въ верховьяхъ Малки; 5) въ верховьяхъ Кичъ-Малки; 6) въ ущельѣ Гара-су, въ верховьяхъ Чегема; 7) въ верховьяхъ Болкарскаго Черека, подъ горой Дыхъ-тау.

Углекисло-желѣзистые: 1) въ Хасаутскомъ ущельѣ; 2) въ ущельѣ Гара-су и 3) въ Ардонскомъ ущельѣ, на 48 верстѣ Военно-Осетинской дороги, у самаго шоссе.

Углекисло-щелочные: 1) въ верховьяхъ Малки, по обо-

имъ берегамъ ея, три группы и 2) въ верховьяхъ Юнгешли (Ингушли), у подножья Эльборуса.

Соляно-щелочные: 1) въ Ессентукахъ, 2) въ 13 вер. къ сѣверо-западу отъ нихъ, въ верховьяхъ р. Киркили; 3) въ Тагаурскомъ ущельѣ, въ верховьяхъ Геналъ-дона и 4) по р. Ачалукъ, ниже селенія Среднїй Ачалукъ.

Соляные: 1) въ истокахъ Гунделена, лѣваго притока Баксана; 2) въ истокахъ Гижгита, лѣваго притока Баксана; 3) на правомъ берегу Малки близъ селенія Бабукова; 4) въ верховьяхъ Ардона; 5) въ верховьяхъ Урсъдона; 6) у селенія Нижнїй-Ачалукъ; 7) близъ станицы Михайловской, въ балкахъ Соляной, Крестовой и Казакъ-Кичинской, 8) въ Датыхскомъ ущельѣ, по р. Фортангѣ; 9) въ верховьяхъ р. Нехтой, праваго притока Фортанги; 10) въ верховьяхъ р. Гудермесъ, въ 8 верстахъ отъ селенія Дышни-Ведень; 11) близъ станицы Троицкой, на сѣверномъ склонѣ Сунженскаго хребта, въ Рощупкиной балкѣ (горько-соленый) и 12) на южномъ склонѣ того же хребта, близъ Слѣпцовской дороги (горько-соленый).

Въ приморской полосѣ Караногайской степи, по бывшему Астраханскому тракту лежатъ **соляныя самосадочныя озера**: Оразай, Кара-Каска, Учъ-Какъ, Ачиколь (горько-соленое), Шекиръ, Яинлы, Сандыкъ, Акъ-Мурза, Мурза-Киши (горько-соленое), Бадуганъ-Тузъ (горько-соленое), Топъ и др.

Глауберово-соляные: 1) близъ колоніи Каррасъ; 2) близъ станицы Лысогорской и 3) близъ станицы Михайловской. Въ окрестностяхъ Пятигорска: въ 7 верстахъ къ сѣверо-востоку—Джамгатскія озера и въ 10 верстахъ къ юго-востоку—озера Большой и Малый Тамбуканъ.

Желѣзистые: 1) въ Харвесскомъ ущельѣ, въ верховьяхъ Уруха; 2) близъ селенія Ногкау и 3) въ Ассинскомъ ущельѣ, близъ хутора Алкунъ, въ Лонжинской балкѣ.

Желѣзисто-щелочные: (горячіе, теплые и холодные) выходятъ изъ горы Желѣзной, въ Желѣзноводскѣ, 15 источниковъ.

Купоросные: 1) въ 3 верстахъ къ сѣверозападу отъ Желѣзноводска и 2) въ мѣстности Кокъ-Ташъ («Синїй Камень»), на лѣвомъ берегу Чегема.

Цѣлебныя грязи извѣстны: 1) Тамбуканскія, изъ озера Тамбуканъ; 2) Міатлинскія, на Сулакѣ; 3) Ачалукскія, по р. Ачалуку и 4) Чеченскія, на островѣ Чечень на Каспійскомъ морѣ.

Изъ металловъ наибольшее распространеніе и большую мощность имѣютъ залежи **сребросвинцовыхъ** рудъ, содержащихъ въ себѣ значительную долю и **цинка**. Извѣстнѣе другихъ Садонское мѣсторожденіе, близъ Военно-Осетинской дороги, въ 3 верстахъ отъ нея, представляющее изъ себя мощную жилу, имѣющую на поверхности толщину не болѣе $1/8$ дюйма, на на глубинѣ доходящую до 12-ти и болѣе саженей толщины. Для обработки Садонскихъ рудъ существуетъ во Владикавказѣ Алагирскій серебро-свинцо-цинко-химическій заводъ, вырабатывающій **серебро**, **свинецъ**, **цинкъ и кислоты сѣрную и азотную.** Залежи серебро-свинцовыхъ рудъ извѣстны также въ ущельяхъ рѣкъ Баксана, Малки, Уруха, Фіагъдона, Гизель-дона, Терека, Сунжи и Аргуна.

Признаки **золота** въ розсыпяхъ обнаружены по р.р. Дурдуру, Уруху, Малкѣ и Тереку (около Моздока). **Мѣдь** встрѣчается въ горахъ Терской области небольшими залежами преимущественно, въ видѣ мѣднаго колчедана, иногда съ малахитомъ, и рѣдко въ видѣ куприта («красной мѣдной руды»), въ верховьяхъ Гунделена, Баксана, Сунжи, по ущельямъ Кистинки, Ардона, Уруха, Фіагъдона, Гизель-дона, Чанты-Аргуна и др. Въ верховьяхъ Аргуна и въ Болкарскихъ горахъ имѣются залежи **киновари** и даже, говорятъ, самородной **ртути**. **Сѣра** найдена въ неособенно значительныхъ залежахъ въ горахъ Чечни, по Шаро-Аргуну и Чанты-Аргуну. Гораздо значительнѣе въ тѣхъ же горахъ мѣсторожденія **желѣзной руды**, разработка которой было довольно широко организована имамомъ Шамилемъ въ 1840—1850 годахъ. Въ горной Осетіи обнаружены также руды **марганцевыя**, **мышьяковыя и молибденовыя**, а въ Чечнѣ, по Шаро-Аргуну, и **сурмяныя.**

Изъ прочихъ полезныхъ ископаемыхъ разрабатываемыхъ въ Терской области, на первомъ мѣстѣ надо поставить **нефть** и ея продукты, которыхъ было въ 1910 г. добыто болѣе 74000000 пудовъ. Главныя мѣсторожденія нефти находятся въ Грозненскомъ промысловомъ раіонѣ,

хотя обнаружена нефть и въ другихъ мѣстахъ области: близъ Ессентуковъ, Владикавказа, Карабулакской, Михайловской, Вознесенской, Базоркина, Ачалуковъ, Брагуновъ, слободы Воздвиженской, Истису и во многихъ мѣстахъ въ Чеченскихъ Черныхъ горахъ. Въ Чеченскихъ же горахъ найденъ **озокиритъ** (горный воскъ), а близъ станицы Михайловской находятся значительныя залежи горной смолы **(асфальта)**. Каменный уголь, горючій сланецъ, гагатъ, графитъ, аспидъ, купоросъ, квасцы, асбестъ, хотя и найдены въ горахъ, но не въ такихъ еще значительныхъ количествахъ, чтобы подвергаться правильной разработкѣ. Залежи **каменной соли** извѣстны въ Соляной балкѣ, въ Ассинскомъ ущельѣ, по Уруху и въ Салатавскихъ горахъ. **Гипсъ** въ болѣе значительныхъ залежахъ находится у горы Бермамытъ (въ верховьяхъ Малки), по Ардону, Уруху, Фіагъ-дону, Ассѣ и Аргуну (огромная Ченохайская гипсовая скала), близъ Даргъ-Коха (на горѣ Заманкулъ), Брагуновъ, Датыха и Беноя. Тарская станица славится своей **известью**, рѣдкихъ достоинствъ (чистота, крѣпость и прочность), нѣсколько уступаетъ Тарской извести Балтинская. Наконецъ во многихъ мѣстахъ Терской области находятся неисчерпаемыя залежи превосходнаго **строительнаго камня** разныхъ породъ: песчаника, мелкозернистыхъ и крупнозернистыхъ известняковъ, мрамора, доломита, туфа, кварцеваго порфира, гранита, гнейса и т. п.

Уже изъ этого краткаго перечня минеральныхъ богатствъ Терской области легко видѣть, что она находится въ чрезвычайно благопріятныхъ природныхъ условіяхъ, наличность которыхъ даетъ полное основаніе расчитывать на широкое развитіе края при соотвѣтствующемъ направленіи производительныхъ силъ мѣстнаго населенія.

ДАРЫ ТЕРЕКА.

Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ, межъ утесистыхъ громадъ,—
Бурѣ плачъ его подобенъ, слезы брызгами летятъ...

Но по степи разбѣгаясь, онъ лукавый принялъ видъ
И, привѣтливо ласкаясь, морю Каспію журчитъ:

«Разступись, о старецъ море! дай пріютъ моей волнѣ!
Погулялъ я на просторѣ, отдохнуть пора бы мнѣ...

Я родился у Казбека, вскормленъ грудью облаковъ,
Съ чуждой властью человѣка вѣчно спорить былъ готовъ,

Я сынамъ твоимъ въ забаву разорилъ родной Дарьялъ
И валуновъ имъ, на славу, стадо цѣлое пригналъ.»

Но, склонясь на мягкій берегъ, Каспій стихнулъ, будто спитъ,
И опять, ласкаясь, Терекъ старцу на ухо журчитъ:

«Я принесъ тебѣ гостинецъ... То гостинецъ не простой,—
Съ поля битвы кабардинецъ, кабардинецъ удалой!

Онъ въ кольчугѣ драгоцѣнной, въ налокотникахъ стальныхъ,—
Изъ корана стихъ священный писанъ золотомъ на нихъ!

Онъ угрюмо сдвинулъ брови, и усовъ его края
Обагрила знойной крови благородная струя...

Взоръ открытый, безотвѣтный, полонъ старою враждой;
По затылку чубъ завѣтный вьется черною космой!...»

Но, склонясь на мягкій берегъ, Каспій дремлетъ и молчитъ,
И, волнуясь, буйный Терекъ старцу снова говоритъ:

«Слушай, дядя! даръ безцѣнный! Что другіе всѣ дары!
Но его отъ всей вселенной я таилъ до сей поры...

Я примчу къ тебѣ съ волнами трупъ казачки молодой,
Съ темноблѣдными плечами, съ свѣтлорусою косой...

Грустенъ ликъ ея туманный, взоръ такъ тихо, сладко спитъ,
А на грудь изъ малой раны струйка алая бѣжитъ.

По красоткѣ молодицѣ не тоскуетъ надъ рѣкой
Лишь одинъ во всей станицѣ казачина Гребенской,

Осѣдлалъ онъ вороного, и въ горахъ, въ ночномъ бою,
На кинжалъ чеченца злого сложитъ голову свою.»

Замолчалъ потокъ сердитый, и надъ нимъ, какъ снѣгъ бѣла,
Голова съ косой размытой колыхаяся всплыла.

И старикъ во блескѣ власти всталъ, могучій какъ гроза,
И оделись влагой страсти темносиніе глаза.

Онъ взыгралъ веселья полный и въ объятія свои
Набѣгающія волны принялъ съ ропотомъ любви...

М. Ю. Лермонтовъ

V. НАСЕЛЕНІЕ.

Племенной составъ населенія Терской области. Плотность его. Историческое прошлое области и связь его съ ея этнографіей. Осетины. Татарское владычество. Болкары. Кабардинцы. Чеченцы и ингуши. Кумыки. Горскіе евреи. Караногайцы. Распредѣленіе по вѣроисповѣданіямъ.

Разнообразію природныхъ богатствъ области, ея растительнаго и животнаго міра вполнѣ соотвѣтствуетъ и чрезвычайная пестрота и разноплеменность ея населенія. На, относительно говоря, небольшой площади, на какой, напримѣръ, въ Баваріи, населенной въ $6^1/_2$ разъ гуще, живетъ совершенно однородное по своему происхожденію, нравамъ и обычаямъ населеніе, вся масса котораго составляетъ лишь одну вѣтвь германской народности, мы находимъ въ Терской области длинную вереницу разноплеменныхъ народностей, общее число которыхъ доходитъ до двухъ десятковъ: русскіе (248 тысячи человѣкъ при общемъ числѣ населенія области 1146000 душъ обоего пола), казаки ($229^1/_2$ тысячъ), чеченцы (234 тысячи), осетины ($131^1/_2$ тысяча), кабардинцы ($100^1/_2$ тысячъ), ингуши (55 тысячъ), караногайцы (36 тысячъ), болкары ($34^1/_2$ тысячи), кумыки ($33^1/_4$ тысячи), армяне ($22^1/_4$ тысячи), нѣмцы ($15^1/_4$ тысячъ), евреи горскіе и европейскіе ($8^1/_4$ тысячъ), грузины ($7^1/_2$ тысячъ), поляки ($4^1/_2$ тысячи), персы ($4^1/_2$ тысячи), калмыки ($1^3/_4$ тысячи), дагестанцы, греки, французы, италіанцы и т. д.

Несмотря на такую пестроту населенія, все-же Терскую область въ общемъ далеко нельзя признать густо населенной. Сравнивая ее въ этомъ отношеніи съ нѣко-

торыми государствами Западной Европы приходится прійти къ тому выводу, что всѣ они населены гораздо гуще: Болгарія и Греція въ 3 раза, Сербія въ 4, Данія въ 5, Франція въ $5^{1}/_{2}$, Баварія въ $6^{1}/_{2}$, Швейцарія и Пруссія въ 7, Англія въ 10, Голландія въ 12, а Бельгія даже въ 20 разъ.

Причиной такой пестроты, съ одной стороны, и малой плотности населенія, съ другой, является прежде всего то обстоятельство, что Терской области пришлось раздѣлить въ прошлое время, вмѣстѣ со всѣмъ юговостокомъ Россіи, печальную судьбу придорожной страны, чрезъ которую то и дѣло проносились безпощадные ураганы дикихъ нашествій. Смѣнялись одинъ за другимъ народы, и гибли безъ слѣда плоды работы цѣлыхъ поколѣній. Зато мало гдѣ можно встрѣтить страну, представляющую столько интереснаго въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, какъ Терская область.

По свѣдѣніямъ арабскихъ географовъ IX и X вѣковъ и по первымъ извѣстіямъ рускихъ лѣтописей, древнѣйшими обитателями Сѣвернаго Кавказа нужно считать осетинъ, которые по происхожденію своему и по языку являются народомъ, составляющимъ промежуточное звено между древними персами и германцами. Они занимали, подъ именемъ алланъ, яссовъ или оссовъ, какъ равнины предгорья, такъ и центральную часть Кавказскаго хребта, переливаясь и за него въ Грузію, въ долины Ліахвы и Куры. Въ болѣе древнія времена предѣлы разселенія осетинъ, или племенъ имъ родственныхъ, были, очевидно, значительно шире и захватывали весь югъ нынѣшней Россіи, доказательствомъ чему служатъ сохранившіяся донынѣ названія главныхъ южнорусскихъ рѣкъ—Дона, Днѣпра и Днѣстра, имена которыхъ находятъ себѣ прекрасное объясненіе въ осетинскомъ языкѣ. «Донъ» по-осетински просто значитъ «вода, рѣка», и слышится въ этомъ значеніи въ названіяхъ большинства рѣкъ Осетіи: Аръ-донъ, Фіагъ-донъ, Гизель-донъ, Саудонъ, Наръ-донъ, Урсъ-донъ и т. д. «Днѣпръ» представляетъ изъ себя нѣсколько видоизмѣненное выраженіе «донъ абршта», что значитъ «рѣка поборола», одолѣла стѣснявшіе ее пороги и спокойно пошла дальше своей

дорогой. «Днѣстръ» легко сопоставляется съ выраженіемъ «донъ стръ», что означаетъ «рѣка большая».

Волна монгольскаго нашествія въ началѣ XIII вѣка снесла и поглотила остатки кочевыхъ племенъ, бродившихъ въ степяхъ Сѣвернаго Кавказа, а осетинъ загнала въ глубину горныхъ тѣснинъ. Ханы могущественной Золотой Орды часто заходили со своими кочевьями въ предѣлы Терскаго края, гдѣ въ лѣсахъ и болотахъ Терско-Дагестанской равнины страстные охотники монголы могли всегда найти себѣ богатую добычу. Съ другой стороны равнины Предгорья, закрытыя Терскимъ, Сунженскимъ и Качкалыковскимъ хребтами отъ суровыхъ степныхъ бурановъ, представляли великолѣпныя мѣста для зимнихъ стоянокъ безчисленныхъ ханскихъ стадъ и табуновъ. Этимъ-то и объясняется появленіе въ Эльхотовскомъ ущельѣ на Терекѣ ханской ставки въ Татартупѣ («Татарскій станъ»), называемомъ иначе Верхнимъ Джулатомъ, въ отличіе отъ Нижняго Джулата, находящагося на правомъ берегу Терека противъ станціи Котляревской. Принимая во вниманіе, что еще до самыхъ послѣднихъ временъ у мѣстнаго населенія держался обычай ежегодно справлять большой праздникъ въ Татартупѣ, сопровождавшійся конскими состязаніями, можно слово Джулатъ сопоставить съ татарскими словами Джулъ—«годъ» и атъ—«лошадь», т. е. объяснять его какъ «мѣсто годичныхъ конскихъ состязаній».

Древній минаретъ, одиноко возвышающійся въ ущельѣ, и донынѣ отчетливо указываетъ священное мѣсто Татартупа. И теперь еще у окрестныхъ жителей (кабардинцевъ и, особенно, осетинъ) считается самой страшной и нерушимой клятва, данная въ Татартупѣ, гдѣ нѣсколько вѣковъ тому назадъ присяга приносилась предъ грозными очами всемогущаго ордынскаго хана. Здѣсь же, какъ говоритъ исторія, знаменитый Тамерланъ на голову разгромилъ въ 1395 г. хана Золотой Орды Тохтамыша, бѣжавшаго послѣ боя, «въ болгарскіе (болкарскіе) лѣса». Вѣроятно, въ предѣлахъ Терской же области былъ 22-го ноября 1319 года замученъ въ Ордѣ святой князь Михаилъ Тверской. Какъ извѣстно, ханъ въ то время охотился за Терекомъ, въ горахъ подъ горо-

домъ Дедяковымъ, находившимся въ трехъ дняхъ пути отъ города Мажаръ (на Кумѣ, близъ нынѣшней Прасковеи). Этимъ городомъ могло быть только осетинское селеніе Тетти-кау, стоявшее по словамъ народнаго преданія, на р. Фіагъ-донѣ, въ нынѣшнемъ Куртатинскомъ ущельѣ.

Ближайшими сосѣдями осетинъ являются болкары, занимающіе горныя ущелья къ западу отъ осетинъ, по бассейнамъ рѣкъ Черека, Чегема и Баксана, и составляющія пять горскихъ обществъ: Болкарію, Безенги, Хуламъ, Чегемъ и Баксанъ. Въ сосѣдней Кубанской области, подъ западными отрогами Эльбруса, живутъ соплеменники болкаръ—карачаевцы. Языкъ болкаръ тожественъ съ языкомъ ногайцевъ. Вѣроятно, они представляютъ изъ себя остатки древняго сильнаго племени Камскихъ болгаръ, которые сдвинулись съ Камы въ южнорусскія степи, откуда большая часть ихъ хлынула на Балканы, гдѣ положила основаніе Болгарскому царству, а часть еще въ XIV вѣкѣ кочевала между Кубанью и Азовскимъ моремъ въ странѣ, извѣстной тогда подъ именемъ Черной Болгаріи. Кабардинцы, появившіеся въ Предкавказьѣ въ XIV- XV вѣкахъ, оттѣснили болкаръ въ горы и впослѣдствіи сдѣлали ихъ своими полуподвластными-полусоюзниками.

Кабардинцы принадлежатъ къ многочисленной группѣ родственныхъ между собою племенъ «адыге», извѣстныхъ нынѣ подъ именемъ черкесъ, а тысячу лѣтъ тому назадъ называвшихся «косогами» (у арабскихъ географовъ—«кешакъ»). Главная масса черкесскихъ племенъ населяла Западный Кавказъ, между Чернымъ моремъ и Кубанью, а Кабардинцы составляли восточную группу адыгскаго народа. Появившись въ раіонѣ Пятигорья, кабардинцы оттѣснили населявшія эти мѣста татарскія орды къ сѣверу, а болкаръ заперли въ горныхъ ущельяхъ подъ Эльбрусомъ, и вскорѣ вся западная половина Терскаго края признала надъ собой ихъ владычество. Осетины и ингуши раздѣлили участь болкаръ, и не рисковали показываться на равнинѣ. Часть чеченцевъ также подчинилась кабардинцамъ, въ то время какъ другая часть признала надъ собою власть кумыкъ.

Въ настоящее время Кабарда дѣлится на Большую

и Малую. Первая занимаетъ всю предгорную равнину къ югу отъ теченія рѣки Малки, а вторая—западную часть Терскаго хребта, имѣя восточной границей рѣку Курпъ, правый притокъ Терека. Это дѣленіе установилось еще въ незапамятныя времена, и русское владычество застало Кабарду уже раздѣленной между кабардинскими княжескими родами: въ Большой господствовали Кайтукины, Бекъ-Мурзины, Мисостовы и Атажукины, а въ Малой Бековичи, Ахловы и Тау-Султановы. Сословность искони составляла отличительную черту кабардинцевъ, среди которыхъ насчитывалось одиннадцать отдѣльныхъ сословій. Во главѣ народа стояли князья—«пши», за ними слѣдовали три дворянскихъ сословія—«уорковъ», или «узденей». Уорки первой степени были почти независимы отъ князей и имѣли своихъ подданныхъ узденей 2-ой и 3-й степени. Холопскихъ сословій въ Кабардѣ было четыре: «азатами»—оброчные крестьяне, «оги»—барщинные крестьяне, «логунапыты»—дворовые и «унауты»—полные, безправные рабы.

До самаго послѣдняго времени кабардинцы во всѣхъ отношеніяхъ стояли впереди прочихъ народностей Терской области, среди которыхъ они имѣли то же значеніе, что и французы въ Западной Европѣ, являясь законодателями моды. Все кабардинское признавалось совершенствомъ: кабардинскій конь, сѣдло, бурка—лучше всѣхъ прочихъ; манера одѣваться, ѣздить верхомъ, дѣйствовать оружіемъ, кабардинскіе нравы и обычаи—все это служило образцомъ долгое время не только для прочихъ туземныхъ народцевъ, но даже и для линейскаго казака, а за нимъ и вообще для кавказской арміи. И донынѣ кабардинцы сохранили свое первое мѣсто среди другихъ народностей края, обнаруживая склонность и способность къ быстрому усваиванію культуры, цивилизаціи и просвѣщенія, дѣлающихъ замѣтные успѣхи въ Большой и Малой Кабардѣ.

Центральная часть Терской области занята многочисленной ингушеско-чеченской народностью. Откуда и какимъ путемъ попала въ Терскій край эта народность, никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній не имѣется. Извѣстно только лишь то, что мѣстомъ ихъ первоначальнаго по-

селенія являются горныя тѣснины въ верховьяхъ Ассы и Аргуна. Только къ концу XVII вѣка появляются первыя чеченскія поселенія на плоскости, ингуши же выдвигаются на равнину еще позднѣе, – къ концу XVIII вѣка. Къ этому же времени относится и появленіе чеченскихъ ауловъ на правомъ берегу Терека противъ станицъ Моздокскаго полка и по Сунжѣ, когда на мѣста эти были вызываемы изъ горныхъ трущобъ чеченцы, соглашавшіеся «подчиниться Россіи». Подъ именемъ «мирныхъ» они заняли своими поселеніями лучшія земли на правомъ берегу Терека, прежде принадлежавшія гребенскимъ казакамъ. Начало поселеніямъ «мирныхъ» чеченцевъ было положено въ 1770 году генераломъ Медемомъ, командовавшимъ въ ту пору войсками на Линіи. Съ теченіемъ времени поселенія эти размножились настолько, что генералу Ермолову пришлось уже употреблять самыя рѣшительныя и даже жестокія (до уничтоженія селеній включительно) мѣры противъ этихъ «мирныхъ» чеченцевъ, являвшихся лучшими пособниками для «немирныхъ» и участниками во всѣхъ ихъ грабежахъ и разбояхъ на Линіи.

Названіе чеченцевъ и ингушей дали этой народности уже русскіе. Сами себя ингуши называютъ «галгай», или «ламуро» (т. е. «горецъ», отъ чеченско-ингушескаго слова «ламъ» — гора), а чеченцы—«нахчуо», что значитъ просто «народъ, люди»*). Названія же они получили по именамъ главныхъ своихъ селеній: первые по имени города Ангуштъ, лежавшаго на р. Камбилеевкѣ, на мѣстѣ нынѣшней Тарской станицы, а послѣдніе по имени селенія Чеченъ. Сосѣди чеченцевъ—кумыки знаютъ ихъ подъ именемъ «мичиканъ», такъ какъ впервые столкнулись кумыки съ чеченцами на рѣчкѣ Мичикъ. Въ то время чеченцы жили еще совершенно разрозненными родами, имѣвшими между собой мало общаго, и представляли изъ себя мирно настроенный, пастушескій на-

---

*) Интересно, между прочимъ, что названіе древнихъ печенеговъ (или баджинаковъ) находитъ себѣ объясненіе въ ингушскомъ языкѣ: «баджы»—трава, лугъ, а «нахъ»—народъ, и такимъ образомъ «баджинахъ» значитъ «луговой (степной) народъ».

родецъ, легко признавшій надъ собой власть кумыкъ. Однако съ теченіемъ времени нравъ чеченцевъ круто измѣнился. Постоянныя обиды, причиняемыя имъ хищными въ то время кумыками, и особенно появленіе въ Чечнѣ еще болѣе хищныхъ калмыкъ, принудили чеченцевъ дать отпоръ непрошеннымъ гостямъ. Постоянныя междоусобія, препятствовавшія объединенію народа и крѣпость родовыхъ узъ, и по сію пору сохранившаяся среди ингушей и чеченцевъ, не вышедшихъ еще и донынѣ изъ поры родоваго быта, заставили чеченцевъ поручить иноплеменникамъ дѣло государственнаго строительства. Поэтому они пригласили къ себѣ князей Турловыхъ изъ Дагестана, изъ селенія Гумбетъ, причемъ дали имъ обѣщаніе, что всѣ велѣнія Турловыхъ будутъ свято исполняться, если только они сумѣютъ защитить Чечню отъ кумыкъ и калмыкъ. Явившись въ Чечню съ сильной дружиной, Турловы живо навели порядокъ: установили правильное собираніе податей на общенародныя нужды, ввели воинскую повинность для всего населенія, способнаго носить оружіе, причемъ обязали чеченцевъ не только свое селеніе защищать, но и спѣшить на помощь, въ случаѣ опасности, къ жителямъ другихъ, даже и самыхъ отдаленныхъ чеченскихъ селеній. Всѣ эти мѣры дали возможность Турловымъ не только отражать нападенія мелкихъ хищническихъ кумыкскихъ шаекъ, но даже и калмыкъ совершенно изгнать изъ Чечни. Это событіе произошло въ началѣ XVIII вѣка. Хотя Турловы не долго продержались въ роли владыкъ свободолюбивой Чечни, такъ какъ къ концу того же вѣка чеченцы ихъ изгнали и принудили выселиться въ «мирные» аулы, къ Тереку, однако начатое дѣло объединенія народа не заглохло: чеченцы уже считали себя однимъ народомъ и привыкли вмѣстѣ давать отпоръ своимъ врагамъ. Этими врагами въ ту пору являлись уже только русскіе, такъ какъ кумыки и кабардинцы давно уже подчинились Россіи. Привыкшіе къ войнѣ чеченцы долго и упорно сопротивлялись могущественной Россіи, и понадобились многія десятилѣтія для окончательнаго приведенія ихъ къ покорности.

Кумыки, населяющіе въ настоящее время плоскост-

ную часть Хасавъ-Юртовскаго округа, представляютъ изъ себя народность тюркскаго происхожденія, съ давнихъ поръ населяющую Предгорье по объ стороны рѣки Сулакъ. Самое названіе свое они получили отъ степей, обитателями которыхъ были долгое время: «кумъ» по-татарски значитъ «песокъ», т. е. степь, почему «кумыкомъ» называется «степнякъ», въ отличіе отъ жителя горъ—«тавлинца» (отъ слова «тау»—гора), какъ называются вообще всѣ жители гористой Дагестанской области. Когда-то кумыки составляли довольно сильное государство—шамхальство Тарковское, основаніе которому было положено еще арабами, завоевавшими Каспійское побережье въ VII вѣкѣ и поставившими въ пограничной области своего «шамхала»—намѣстника.

Горскіе евреи, по языку и обычаямъ сильно отличающіеся отъ евреевъ европейскихъ, принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ обитателей Терскаго края. Если вѣрить ихъ собственнымъ преданіямъ, то они являются остатками израилитянъ, разселенныхъ Навуходоносоромъ по окраинамъ Вавилонскаго государства послѣ разрушенія имъ царства Израильскаго. Нѣкоторые, впрочемъ, считаютъ горскихъ евреевъ потомками великаго когда-то хозарскаго народа, исповѣдывавшаго, какъ извѣстно, іудейскую религію и составлявшаго могущественное государство на юговостокѣ Россіи въ VIII--IX вѣкахъ.

Караногайцы, кочующіе нынѣ въ прикаспійскихъ степяхъ, только со времени постройки Кизлярской крѣпости (въ 1736 году) заняли степи между Терекомъ и Кумой, а отводъ имъ земель произведенъ Высочайшимъ указомъ въ 1799 году. Караногайцы оказываются несомнѣнными потомками Великой Золотой Орды, къ числу владѣній которой принадлежала въ XIII—XIV вѣкахъ вся Русская Земля. Въ XVI вѣкѣ ногайцы были еще сильнымъ народомъ, дружбой съ которымъ дорожили Московскіе цари, но уже къ концу этого вѣка могущество ихъ погибло со времени раздѣленія орды на три части: Большой Ногай, Малый Ногай (или Казыевы улусы) и Джетысанъ, т. е. семидесятитысячный. Затѣмъ отъ Большаго Ногая отдѣлилось нѣсколько сотъ кибитокъ и откочевало за Яикъ (Уралъ) къ рѣкѣ Эмбѣ, по имени ко-

торой приняли эти кибитки названіе «джембойлуковъ». Большой Ногай расположился между Волгой и Ураломъ, а Малый занялъ степи между Волгой, Дономъ и Кубанью. Потерявъ свое могущество, ногайцы скоро лишились и самостоятельности, подчиняясь то Крымскимъ, то Калмыкскимъ ханамъ.

Въ настоящее время ногайцы, занимая степи Терской области и губерній Астраханской и Ставропольской, раздѣляются на восемь народностей: калаусо-джембойлуковцы, калаусо-саблинцы, бештау-кумцы, ачикулакцы, эдишкульцы, эдиссанцы (джетысанцы), эдиссано-джембойлуковцы, закубанцы и караногайцы. Изо всѣхъ этихъ племенъ въ предѣлахъ Терской области кочуютъ только караногайцы, раздѣляющіеся въ свою очередь на четыре «куба» (рода): Кипчакъ, Минъ, Найманъ и Теркъ. Кубы дѣлятся на «аулы» (фамиліи), а эти на кибитки (семьи).

За исключеніемъ осетинъ, большею частью исповѣдующихъ христіанство, и калмыкъ-язычниковъ, всѣ инородцы Терской области исповѣдуютъ магометанскую религію. Большинство народностей приняло магометанство лишь въ XVIII—XIX вѣкахъ, древнѣйшей же религіей ихъ является христіанство, занесенное еще въ VII—XI вѣкахъ изъ Грузіи. Въ настоящее время, несмотря на численное преобладаніе въ области инородцевъ, все-же христіанство занимаетъ среди вѣроисповѣданій первое мѣсто: на тысячу населенія приходится христіанъ 548 человѣкъ. Перевѣсъ христіанству даютъ осетины, большинство которыхъ (пять шестыхъ) христіане. Впрочемъ православные осетины сплошь и рядомъ даютъ своимъ дѣтямъ языческія и магометанскія имена, исполняютъ языческіе обряды, всѣмъ христіанскимъ святымъ приписываютъ свойства языческихъ боговъ приносятъ имъ жертвы и вообще обнаруживаютъ полную религіозную неустойчивость. Въ частности, изъ населенія области православныхъ 46,9%, старообрядцевъ (большинство ихъ—казаки) и сектантовъ 4,2%, другихъ христіанскихъ исповѣданій (армянъ, католиковъ и другихъ)—3,7%, магометанъ—44,2% (въ томъ числѣ есть и казаки), іудеевъ—0,7%, прочихъ нехристіанскихъ исповѣданій—0,3%.

Отрывки изъ поэмы „Кавказскій плѣнникъ“.

Въ аулѣ на своихъ порогахъ
Черкесы праздные сидятъ...
Сыны Кавказа говорятъ
О бранныхъ гибельныхъ тревогахъ,
О красотѣ своихъ коней,
О наслажденьяхъ дикой нѣги;
Воспоминаютъ прежнихъ дней
Неотразимые набѣги,
Обманы хитрыхъ узденей,
Удары шашекъ ихъ жестокихъ
И мѣткость неизбѣжныхъ стрѣлъ,
И пепелъ разоренныхъ селъ,
И ласки плѣнницъ черноокихъ.

. . . .

Но европейца все вниманье
Народъ сей чудный привлекалъ.
Межъ горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
Ихъ вѣру, нравы, воспитанье,
Любилъ ихъ жизни простоту,
Гостепріимство, жажду брани,
Движеній вольныхъ быстроту,
И легкость ногъ, и силу длани.
Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,

Какъ иногда черкесъ проворный
Широкой степью, по горамъ,
Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ черной,
Къ лукѣ склонясь, на стремена
Ногою стройной опираясь,
Леталъ по волѣ скакуна,
Къ войнѣ заранѣ прiучаясь.
Онъ любовался красотой
Одежды бранной и простой...
Черкесъ оружiемъ обвѣшанъ,
Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ:
На немъ броня, пищаль, колчанъ,
Кубанскiй лукъ, кинжалъ, арканъ
И шашка, вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга...
Ничто его не тяготитъ,
Ничто не брякнетъ: пѣшiй, конный—
Все тотъ же онъ, все тотъ же видъ
Непобѣдимый, непреклонный,—
Гроза безпечныхъ казаковъ.
Его богатство—конь ретивый,
Питомецъ горскихъ табуновъ,
Товарищъ вѣрный, терпѣливый.
Въ пещерѣ иль въ травѣ глухой
Коварный хищникъ съ нимъ таится,
И вдругъ внезапною стрѣлой,
Завидя путника, стремится.
Въ одно мгновенье вѣрный бой
Рѣшитъ ударъ его могучiй,
И странника въ ущелья горъ
Уже влечетъ арканъ летучiй.
Стремится конь во весь опоръ,
Исполненъ огненной отваги:
Все путь ему—болото, боръ,

Кусты, утесы и овраги...

. . . .

Когда же съ мирною семьей
Черкесъ въ отеческомъ жилищѣ
Сидитъ ненастною порой,
И тлѣютъ угли въ пепелищѣ;
И, спрянувъ съ вѣрнаго коня,
Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
Къ нему войдетъ пришлецъ усталый
И робко сядетъ у огня, —
Тогда хозяинъ благосклонный
Съ привѣтомъ ласковымъ встаетъ
И гостю въ чашѣ благовонной
Чихирь отрадный подаетъ...
Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной,
Вкушаетъ путникъ мирный сонъ,
А утромъ оставляетъ онъ
Ночлега кровъ гостепріимный...

А. С. Пушкинъ.

VI. Административное дѣленіе области.

Округа и отдѣлы. Порядокъ управленія. Областная администрація. Войсковое управленіе.

Административное раздѣленіе Терской области вполнѣ соотвѣтствуетъ распредѣленію на ея пространствѣ главнѣйшихъ національностей. Терская область состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ, шести округовъ и одного областного города—Владикавказа, не входящаго въ округа и отдѣлы, которые вполнѣ соотвѣтствуютъ уѣздамъ прочихъ губерній Россіи. Казаки занимаютъ своими поселеніями всѣ четыре отдѣла, соотвѣтствующіе полковымъ округамъ: въ Пятигорскомъ отдѣлѣ расположены станицы Волгскаго полка, въ Моздокскомъ—Горско-Моздокскаго полка, въ Кизлярскомъ—Кизляро-Гребенского, а въ Сунженскомъ—Сунженско-Владикавказскаго полка. Осетины живутъ во Владикавказскомъ округѣ, ингуши—въ Назрановскомъ, чеченцы—въ Грозненскомъ и Веденскомъ, кумыки и салатавцы—въ Хасавъ-Юртовскомъ, кабардинцы и болкары—въ Нальчикскомъ, кочевья же караногайцевъ образуютъ особою Караногайское приставство, составляющее 2-ой участокъ Кизлярскаго отдѣла. Большинство торговаго населенія городовъ Моздока и Кизляра—армяне.

Управленіе отдѣлами ввѣряется Атаманамъ отдѣловъ (генераламъ или полковникамъ), а округами—Начальникамъ округовъ. И тѣмъ и другимъ присваиваются всѣ права и обязанности уѣздныхъ исправниковъ, но, кромѣ

того, на нихъ возлагается надзоръ за дѣятельностью общественныхъ управленій въ поселеніяхъ отдѣловъ (округовъ). Управленія отдѣловъ и округовъ находятся въ слѣдующихъ пунктахъ: Пятигорскаго отдѣла — въ Пятигорскѣ, Моздокскаго отдѣла — въ Моздокѣ, Кизлярскаго отдѣла — въ станицѣ Грозненской, Сунженскаго — въ городѣ Владикавказѣ, гдѣ находятся также и управленія Владикавказскаго и Назрановскаго округовъ; управленія остальныхъ округовъ находятся въ соименныхъ имъ населенныхъ пунктахъ: въ городѣ Грозномъ и въ слободахъ Ведено, Хасавъ-Юртъ и Нальчикъ. Для несенія въ предѣлахъ округовъ охранно-полицейской службы, при управленіяхъ округовъ существуютъ команды особой Терской охранной стражи преобразованной въ 1910—1911 году изъ бывшей Терской постоянной милиціи.

Округа и отдѣлы дѣлятся на соотвѣтствующіе россійскимъ станамъ административно-полицейскіе участки, ввѣряемые особымъ начальникамъ участковъ (преимущественно офицерамъ), соединяющимъ въ себѣ права и обязанности станового пристава и, отчасти, земскаго начальника (кромѣ судебной части).

Общественное управленіе въ казачьихъ станицахъ, соотвѣтствующихъ россійскимъ селамъ, дѣйствуетъ на основаніи особаго Положенія о такомъ управленіи 3-го іюня 1891 года. Общественное же управленіе въ инородческихъ селеніяхъ области (въ аулахъ), а равно и въ слободахъ, образованныхъ при бывшихъ военныхъ штабъ-квартирахъ, крѣпостяхъ и укрѣпленіяхъ, опредѣляется временными правилами, утвержденными бывшимъ Намѣстникомъ Кавказскимъ 30-го декабря 1870 года (для аульныхъ обществъ) и 1-го іюня 1879 года (для слободъ). Управленіе въ городахъ области образуется на общихъ основаніяхъ, съ тою лишь разницею, что по отношенію къ городамъ Терской и Кубанской областей права министра внутреннихъ дѣлъ предоставляются Намѣстнику Кавказскому и Военному министру.

Намѣстнику же принадлежитъ и главное мѣстное управленіе обѣими областями (Терской и Кубанской), вмѣстѣ со входящими въ ихъ составъ городами, гражданскимъ русскимъ и инородческимъ населеніемъ и обо-

ими казачьими войсками, по отношенію къ которымъ Намѣстнику присвоено званіе Войскового Наказнаго Атамана Кавказскихъ казачьихъ войскъ. Ближайшее управленіе областью составляютъ Начальникъ области (онъ же Наказный Атаманъ Терскаго казачьяго войска) и Областное Правленіе. Кромѣ общихъ правъ губернатора, Начальнику области присваиваются особыя права по отношенію къ мѣстной охранной стражѣ, городскому населенію и лицамъ, принадлежащимъ къ составу Терскаго казачьяго войска. При Начальникѣ области состоитъ его Канцелярія и два Помощника, изъ которыхъ Старшій имѣетъ ближайшее наблюденіе за военнымъ образованіемъ казаковъ служилаго состава, помогаетъ Начальнику Области въ управленіи и замѣняетъ его въ случахъ отсутствія, а Младшему присваиваются остальныя права и обязанности Вице-Губернатора.

Областное Правленіе вѣдаетъ всѣ дѣла по управленію областью, причемъ, кромѣ дѣлъ, относящихся обычно къ вѣдѣнію губернскихъ правленій (по общему управленію, по охраненію безопасности и общаго спокойствія, по охраненію народнаго здравія, по хозяйственной жизни области, по дѣламъ строительнымъ и дорожнымъ, по казенному управленію, по межевой части и по судебному управленію), въ Областномъ Правленіи сосредоточены также и дѣла: по народному продовольствію, земскимъ повинностямъ и дорожной части, по завѣдыванію землями и всякаго рода угодьями, капиталами и иными имуществами, принадлежащими Терскому казачьему войску, на основаніи дѣйствующихъ о такихъ земляхъ угодьяхъ, капиталахъ и имуществахъ положеній, по распредѣленію казачьихъ земель на основаніи положеній о поземельномъ устройствѣ въ казачьихъ войскахъ и по общественному управленію въ казачьихъ станицахъ, въ слободахъ и въ аульныхъ обществахъ горскаго населенія.

При Терскомъ Областномъ Правленіи состоятъ: Межевая Чертежная, Кизлярскій Береговой Комитетъ, вѣдающій исправнымъ состояніемъ береговыхъ плотинъ на нижнемъ Терекѣ, Войсковые Агрономы, Областная Типографія и Редакція Терскихъ Областныхъ Вѣдомостей.

Центральное управленіе всѣми казачьими войсками со-

средоточено въ Военномъ Министерствѣ, по Казачьему Отдѣлу Главнаго Штаба (бывшее Главное Управленіе Казачьихъ Войскъ), а **верховнымъ главою казаковъ является Августѣйшій Атаманъ Всѣхъ Казачьихъ Войскъ, Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ Великій Князь Алексѣй Николаевичъ.** Для мѣстнаго же военнаго управленія казачьими дѣлами при Наказномъ Атаманѣ существуетъ Войсковой Штабъ, во главѣ котораго стоитъ Начальникъ Войскового Штаба, назначаемый по представленію Наказнаго Атамана Высочайшимъ Приказомъ. Войсковой Штабъ наблюдаетъ за исправностью нижнихъ чиновъ, выходящихъ на службу, за своевременнымъ полученіемъ отъ казны опредѣленныхъ войску довольствій, за исправнымъ содержаніемъ военныхъ войсковыхъ зданій и за развитіемъ станичнаго коневодства. Кромѣ того, Войсковой же Штабъ руководитъ дѣятельностью Атамановъ отдѣловъ по вопросамъ военнаго характера.

Ближайшее наблюденіе за исправнымъ несеніемъ казаками всѣхъ обязанностей, связанныхъ съ исполненіемъ воинской повинности возлагается на Атамана Отдѣла, который надзираетъ также за соблюденіемъ казаками правилъ чинопочитанія и за правильнымъ обученіемъ казаковъ приготовительнаго разряда строевой службѣ. На Атамана отдѣла возлагаются и заботы по формированію и комплектованію смѣнныхъ командъ и строевыхъ частей; имъ же лично производятся инспекторскіе опросы и смотры возвращающимся съ дѣйствительной службы строевымъ частямъ, командамъ и одиночнымъ казакамъ. Въ отношеніи наложенія взысканій на подчиненныхъ чиновъ Атаманъ отдѣла пользуется правами командира бригады.

Прощаніе казака съ родиной.

Послѣдній денекъ миновался,—
Мнѣ не быть съ вами, друзья!
Лишь одинъ вечеръ остался,—
Завтра васъ оставлю я...

Ѣду, ѣду, это вѣрно,
Оставляю край родной,
Завтра къ свѣту, непремѣнно,
Прощусь, ангелъ мой, съ тобой!

Прощусь съ чистыми полями,
Со станицею родной,
Съ развеселыми друзьями и,
Кавказъ, прощусь съ тобой.

Тамъ далече за горами,
Гдѣ лежалъ я на скалѣ,
Всѣ могилы травой заростали,
Надъ моей поставленъ крестъ.

Вы придите, потужите,
Что товарищъ я вашъ былъ,
И на память положите
Три поклона земляныхъ!...

Казачья пѣсня.

VII. Пути и средства сообщенія.

Водные пути сообщенія. Характеръ рѣкъ Терской области. Желѣзныя, шоссейныя и грунтовыя дороги области. Особенное значеніе для края дорожнаго вопроса и современное его положеніе.

Моря, озера и рѣки издавна повсюду признаются самыми лучшими путями сообщенія. Большая грузоподъемность, удобство, скорость и легкость передвиженія, отсутствіе затратъ на ремонтъ пути—все это даетъ огромныя преимущества воднымъ путямъ сравнительно съ сухими.

Къ сожалѣнію, Терская область, можно сказать, совершенно лишена водныхъ путей: море омываетъ нездоровую, малонаселенную, непроходимо заболоченную ея окраину, а рѣки не только не служатъ къ облегченію сношеній между отдѣльными частями области, но до крайности затрудняютъ движеніе по грунтовымъ дорогамъ, сплошь и рядомъ размывая путь на значительномъ протяженіи, срывая мосты, обрушивая берега, загромождая дорогу каменными выносами и т. д.

Такимъ образомъ населенію области приходится пока довольствоваться по-преимуществу грунтовыми дорогами, общее протяженіе которыхъ въ предѣлахъ области достигаетъ 10000 верстъ, и желѣзнодорожной линіей съ общимъ протяженіемъ въ 453,9 версты, изъ которыхъ 194,8 версты находится подъ главной линіей Ростовъ-Владикавказъ, 193,6 подъ Петровской вѣтвью и 65,5 версты подъ Минераловодской вѣтвью. Изъ грунто-

выхъ дорогъ три болѣе извѣстныя: Военно-Грузинская, по долинѣ Терека, Военно-Осетинская, по долинѣ Ардона, и Царская отъ Ведено черезъ Андійскій хребетъ на Ботлихъ, находятся въ вѣдѣніи Кавказскаго округа путей сообщенія и частью шоссированы. Въ предѣлахъ области онѣ занимаютъ протяженіе: Военно-Грузинская— 35 верстъ (отъ Владикавказа до Дарьяла, а дальше на протяженіи 165½ верстъ она находится въ предѣлахъ Тифлисской губерніи), Военно Осетинская—107 верстъ (дальше по Кутаисской губерніи) и Царская—65 верстъ, а всего 207 верстъ. Остальныя дороги состоятъ въ вѣдѣніи областной администраціи, причемъ шоссировано изъ нихъ до 350 верстъ.

На содержаніе въ исправности дорогъ, находящихся въ вѣдѣніи администраціи, разрѣшено расходовать дополнительные земскіе сборы съ торговыхъ документовъ и питейныхъ патентовъ, но за недостаточностью этихъ средствъ, въ виду расходованія ихъ и на другія земскія нужды, многія существующія въ области дорожныя сооруженія остаются безъ надлежащаго ремонта и приходятъ въ совершенную негодность, постройка же новыхъ откладывается годъ за годъ въ ожиданіи стоящаго на очереди введенія въ области земскихъ учрежденій.

За три послѣдніе года изъ дополнительныхъ земскихъ сборовъ истрачено на ремонтъ и содержаніе дорожныхъ сооруженій въ исправности 54064 рубля 83 копейки и за счетъ общаго войскового капитала Терскаго казачьяго войска израсходовано на ту же надобность 66633 руб. 25 коп., а всего 110693 рубля 8 коп., т. е. около 37000 руб. ежегодно.

Въ отношеніи путей сообщенія въ особенно тяжелыхъ условіяхъ находится Нагорная полоса области, гдѣ проведеніе и содержаніе въ исправности дорогъ представляетъ значительныя трудности и требуетъ большихъ денежныхъ затратъ. А между тѣмъ помимо общаго культурно-экономическаго значенія путей и средствъ сообщенія, отсутствіе которыхъ является самымъ серіознымъ препятствіемъ къ насажденію въ области гражданственности и къ поднятію на должную и соотвѣтствующую богатымъ природнымъ условіямъ степень развитія

обрабатывающей и добывающей промышленности, дорожный вопросъ въ Терской области имѣетъ другую еще, такъ сказать, чисто административно-полицейскую сторону. Дѣло въ томъ, что отсутствіе дорогъ и причиняемые разливами рѣкъ, снѣжными заносами, каменными обвалами и т. п., частые перерывы сообщеній между отдѣльными частями области, лишая мѣстную администрацію всякой возможности держать населеніе вполнѣ въ своихъ рукахъ, въ то же время способствуютъ различнымъ злонамѣреннымъ лицамъ изъ среды туземнаго инородческаго населенія укрываться отъ судебнаго преслѣдованія и ускользать отъ всякаго наказанія за совершаемыя злодѣнія. Военныя дороги, проведенныя вдоль и поперекъ горныхъ ущелій въ разное время при покореніи Кавказа усиліями и средствами самихъ войскъ, теперь сдѣлались совершенно непроходимыми не только для болѣе или менѣе значительныхъ военныхъ силъ, но даже и для одиночныхъ лицъ. Все это вызываетъ усиленіе въ области грабежей и разбоевъ, при которыхъ мирное процвѣтаніе ея совершенно невозможно.

Поэтому развитіе дорожнаго дѣла и расширеніе сѣти телефонныхъ и телеграфныхъ сообщеній необходимо признать одной изъ важнѣйшихъ мѣръ для укрѣпленія законности и порядка среди инородческаго населенія области. Впрочемъ въ послѣднее время со стороны самого населенія замѣчается стремленіе къ улучшенію своихъ путей и средствъ сообщенія собственными силами: строятся мосты, раздѣлываются и шоссируютса дороги, гатятся топкія мѣста, проводятся телефонныя линіи и даже цѣлыя сѣти такихъ линій, и т. д. Однако пока дѣло идетъ, къ сожалѣнію, слишкомъ медленными шагами, за отсутствіемъ у населенія Терской области общихъ исполнительныхъ и распорядительныхъ органовъ, т. е. земскихъ учрежденій, введеніе которыхъ въ законодательномъ порядкѣ является вопросомъ ближайшаго будущаго.

ДАРГИНСКІЙ МАРШЪ.

(Воспоминаніе о походѣ въ Дарго въ 1845 году).

Указалъ Царь Православный
Цѣль похода намъ въ Дарго:
Тамъ пріютъ Шамиля давный,
Логовище тамъ его...
    Предстоитъ еще бой главный,
    Но кавказцамъ—ничего!

Царь—Отецъ нашъ, вѣрно, скажетъ
Намъ «спасибо» за труды:
Всякъ изъ насъ ему докажетъ,
Что его достойны мы
    Ура! графъ Воронцовъ!
    Ура! Ура! Ура!

Мы шагнули молодцами
Чрезъ Андійскія врата.
Царскія знамена съ нами
Возлѣ снѣжнаго хребта...
    Противъ шашекъ, пуль, штыками
    Дружно грянемъ мы «ура!»...

Отъ маршей мы отдохнули:
Братцы, намъ въ Дарго пора!

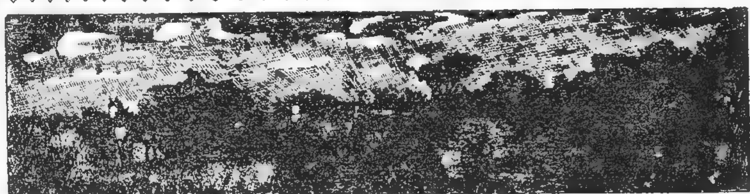
Горцы и Шамиль трухнули...
Русскій Богъ великъ! Ура!
    Ура! Графъ Воронцовъ!
    Ура! Ура! Ура!

Воронцовъ ведетъ насъ къ бою
И лелѣетъ какъ дѣтей,
Самъ отъ холода и зною
Терпитъ больше всѣхъ людей.
    Барабанъ зоветъ къ покою,—
    Онъ не спитъ среди ночей.

Вотъ пришли,—теперь, штыкъ славный,
Встрепенись,—тебѣ пора!
Врагъ бѣжитъ: на всѣхъ страхъ равный
Ты нагналъ, нашъ графъ! Ура!
    Ура! Графъ Воронцовъ.
    Ура! Ура! Ура!

Кавказская военная пѣсня.

Часть V.

ТЕРЦЫ ДОМА.

(Домашній и общественный бытъ казака).

„Я сѣдельце боевое
„Шелкомъ разошью“...

Казачья колыбельная пѣсня.

Спи младенецъ мой прекрасный, баюшки-баю!
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный въ колыбель твою...
Стану сказывать я сказки, пѣсенку спою;
Ты-жь дремли, закрывши глазки, баюшки-баю!
По камнямъ струится Терекъ, плещетъ мутный валъ;
Злой чеченъ ползетъ на берегъ, точитъ свой кинжалъ...

Но отецъ твой — старый воинъ, закаленъ въ бою;
Спи, малютка, будь покоенъ, баюшки-баю!

Самъ узнаешь — будетъ время, бранное житье,
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя и возьмешь ружье.

Я сѣдельце боевое шелкомъ разошью...
Спи, дитя мое родное, баюшки-баю!

Богатырь ты будешь съ виду и казакъ душой!
Провожать тебя я выйду — ты махнешь рукой...

Сколько горькихъ слезъ украдкой я въ ту ночь пролью...
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко, баюшки-баю!

Стану я тоской томиться, безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться, по ночамъ гадать;

Стану думать, что скучаешь ты въ чужомъ краю...
Спи жъ, пока заботъ не знаешь, баюшки-баю!

Дамъ тебѣ я на дорогу образокъ святой, —
Ты его, моляся Богу, ставь передъ собой;

Да, готовясь въ бой опасный, помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный, баюшки-баю!...

М. Ю. Лермонтовъ.

I. Землепользованіе Терскихъ казаковъ.

Земельныя владѣнія Терскаго Войска. Офицерскіе участки и земли войскового запаса. Станичные надѣлы. Распредѣленіе надѣльной земли по паямъ. Система хозяйства и землепользованія.

Терскому Казачьему Войску принадлежитъ около одной четвертой части (0,28) всей территоріи Терской области (1851023 десятины изъ 6630805 десятинъ), причемъ около одной шестой части этой площади вошло въ составъ войсковыхъ земель въ XIX вѣкѣ, а остальныя пять шестыхъ еще въ XVI—XVIII вѣкахъ были собственностью войскъ и полковъ, образовавшихъ впослѣдствіи (въ 1861 году) одно Войско Терское. При завершеніи казачьяго землеустройства въ половинѣ прошлаго столѣтія, согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта 21 апрѣля 1869 года, вся войсковая земельная наличность была раздѣлена на три части: надѣлъ станичныхъ обществъ, участки войсковыхъ офицеровъ и чиновниковъ и земли войскового запаса. Мѣра эта имѣла значеніе внутренняго землеустройства въ Войскахъ, такъ какъ при этомъ не только отвода новыхъ земельныхъ пространствъ въ пользованіе казаковъ не производилось, но даже были изъяты изъ казачьяго пользованія значительныя пространства земли, съ одной стороны, въ войсковой запасъ, а съ другой, въ частную собственность казачьимъ офицерамъ и чиновникамъ взамѣнъ ими выслуженной пенсіи, которую надлежало выдавать имъ изъ незначительныхъ въ то время войсковыхъ доходовъ, почему эти пенсіи были возмѣщены имъ единовременно въ формѣ

пожалованія въ полную собственность соотвѣтствующихъ участковъ войсковой земли, по расчету генераламъ по 1500 десятинъ, штабъ-офицерамъ по 400 дес. и оберъ-офицерамъ по 200 дес.; произведеннымъ въ первый чинъ при отставкѣ причиталось меньше: генераламъ по 800 дес., войсковымъ старшинамъ по 300 дес. и хорунжимъ по 100 дес. Вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалось изъ той-же общевойсковой собственности вырѣзать опредѣленные надѣлы станицамъ изъ расчета по 30 дес. удобной земли на мужскую душу. Могущій за тѣмъ образоваться остатокъ надлежало обратить въ войсковой запасъ, предназначавшійся, во-первыхъ, на дополненіе станичныхъ надѣловъ до узаконеннаго количества, а во вторыхъ, на разныя общественныя надобности (подъ дороги, подъ войсковые лѣса, для лагерей, для образованія оброчныхъ статей, и т. п.). Между тѣмъ, по приведеніи въ извѣстность наличности войсковыхъ земель и войскового населенія, опредѣлилось, что въ Терскомъ войскѣ не только нѣтъ свободнаго остатка для образованія войскового запаса, но даже не хватаетъ до нормальнаго надѣленія станицъ, а потому была предпринята таксація (расцѣнка) войсковыхъ земель по степени ихъ удобности для сельскаго хозяйства, причемъ вся земля раздѣлена была на пять категорій, изъ которыхъ каждая дѣлилась на три разряда. За норму былъ взятъ низшій разрядъ 4-ой категоріи, въ которомъ и опредѣлено было вырѣзать душевой надѣлъ въ 30 д., а оберъ-офицерскій въ 200 дес., въ остальныхъ же разрядахъ отводъ производился въ соотвѣтственно большемъ или меньшемъ размѣрѣ, что видно изъ нижеслѣдующей таблицы:

Категорія.	Разрядъ.	Надѣлъ душевой.	Оберъ-офицерскій.
I	1	15 дес.	100 дес.
	2	16 »	$113^1/_3$ »
	3	17 »	$113^1/_3$ »
II	1	18 »	120 »
	2	19 »	$126^2/_3$ »
	3	20 »	$133^1/_3$ »

III	1	21 дес.	140 дес.
	2	23 »	153 1/3 »
	3	25 »	166 2/3 »
IV	1	26 »	173 1/3 »
	2	28 »	186 2/3 »
	3	30 »	200 »
V	1	31 »	206 2/3 »
	2	36 »	240 »
	3	40 »	266 2/3 »

Примѣчаніе. Болота расчитывались по 3 дес. за одну.

Такимъ образомъ въ концѣ концовъ, изъ общей площади въ 1846513 дес. войсковой территоріи, было выдѣлено подъ офицерскіе участки 117896 дес., въ пользованіи станицъ нынѣ состоитъ 1738310 дес. (удобной земли 1414711 дес. лѣсу и кустарника 100456 дес., неудобной 223143 дес.) и въ войсковомъ запасѣ 108203 д., изъ которыхъ около 10000 дес. было прикуплено въ недавнее время (послѣ 1902 года) за счетъ войскового капитала. Такъ какъ худшія по качеству земли въ предѣлахъ войсковой территоріи находятся въ Моздоко-Кизлярскихъ степяхъ и въ прикаспійской болотистой дельтѣ Терека, то наибольшая доля станичной войсковой земли находится въ Кизлярскомъ отдѣлѣ—640143 дес. (въ томъ числѣ неудобной 179751 дес., т. е. двѣ седьмыхъ части); въ Моздокскомъ отдѣлѣ—449640 дес., въ Пятигорскомъ—377861 дес. и въ Сунженскомъ—270666 дес. Въ настоящее время удобной земли Терскій казакъ въ среднемъ имѣетъ вмѣсто 30 дес., причитавшихся ему по положенію 1869 года, всего лишь 12,3 дес. (Пятигорцы—11,4 д., Моздокцы—14 дес., Кизлярцы—16,6 дес., Сунженцы—7,6 дес.), а вмѣстѣ съ неудобной 15,1 на мужскую душу.

Сравнивая существующія земельные надѣлы станицъ съ тѣми, которые были отведены станицамъ уже принимая во вниманіе раздѣленіе земель по разрядамъ, нужно замѣтить, что надѣлы эти опустились далеко ниже нормы: изъ числа 70-ти станицъ Терскаго Войска къ 1-му января 1911 года только въ 7-ми величина надѣла не опустилась ниже 2/3 первоначальнаго, въ 3-хъ она равна 2/3, въ 20-ти менѣе 2/3, въ 15-ти равна половинѣ, а въ

25-ти даже менѣе половины первоначальнаго надѣла. Въ отдѣльныхъ частяхъ области среднiй душевой надѣлъ казаковъ представляетъ довольно значительныя колебанiя: наименьшiй среднiй надѣлъ—9,5 дес. приходится на Сунженскiй отдѣлъ (по отдѣльнымъ станицамъ—7,3 дес. въ ст. Архонской до 13,8 въ ст. Ассинской), наибольшiй —24,7 дес. на Кизлярскiй отдѣлъ (по отдѣльнымъ станицамъ отъ 10,9 дес. въ ст. Грозненской до 44,0 въ ст. Щедринской). Впрочемъ, дѣйствительное пользованiе станицъ своими надѣлами для пахоты значительно меньше указаннаго благодаря тому, что дополнительные ихъ участки, составляющiе во многихъ станицахъ половину (а въ ст. Сунженской даже ²/₃) всего земельнаго надѣла сдаются въ аренду. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ ст. Тарской, въ которой числится на мужскую душу 11.6 дес., подъ распашку ежегодно поступаетъ на пай въ общемъ менѣе 2-хъ десятинъ, остальная же часть или въ арендѣ (дополнительный участокъ), или подъ толокой и покосомъ, или же по почвеннымъ и климатическимъ условiямъ негодна для хлѣбопашества (болота, скалы, кустарникъ и т. п.).

Такъ какъ земельные надѣлы являются для большинства станицъ единственнымъ (за отсутствiемъ другихъ оброчныхъ статей: озеръ, копей и т. п.) источникомъ общественныхъ доходовъ, то многiя станицы вынуждены сдавать болѣе или менѣе значительные участки изъ своихъ юртовыхъ надѣловъ въ арендное содержанiе и на выручаемыя отъ этой аренды суммы содержать станичныя правленiя, училища, церкви и церковные причты, снаряжать неимущихъ казаковъ на службу и удовлетворять прочiя общественныя потребности. Съ другой стороны, многимъ станицамъ приходится сдавать въ аренду свои дополнительные надѣлы почти за безцѣнокъ только лишь благодаря значительной удаленности этихъ надѣловъ отъ станицъ: верстъ 150 (Сунженская, Тарская, Воронцово-Дашковская) и даже болѣе 250 (Петропавловская и Кахановская).

Общественная отдача въ аренду станичной надѣльной земли не приноситъ казакамъ особенныхъ выгодъ; арендная плата не превышаетъ въ среднемъ 1 р. 66 к.

на десятину, а весь годовой доходъ войскового населенія по этой статьѣ выражается цифрой 6 р. 6 к. на мужскую душу, и далеко не покрываетъ собой станичныхъ и мірскихъ расходовъ, доходящихъ до 9 р. 48 к. въ годъ на мужскую душу.

Въ зависимости отъ принадлежности къ тому или другому виду сельско-хозяйственныхъ угодій, станичныя земли частью распредѣляются на паи въ пользованіе между всѣми одностаничниками, а частью остаются въ станичномъ пользованіи для удовлетворенія общественныхъ нуждъ. Хотя по закону 1869 года право на пай пріобрѣталось казакомъ по достиженіи семнадцати лѣтняго возраста (бездѣтная вдова казака имѣетъ право на полъ пая, сирота на полъ пая, а вдова съ сиротами или сироты, если ихъ больше одного, на цѣлый пай), однако и до изданія этого закона и долгое время послѣ него значительная часть сельскохозяйственныхъ угодій не подвергалась правильному дѣлежу, и въ пользованіи покосами, лѣсами и даже пахотными землями до 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія во многихъ еще станицахъ существовало право захвата—«вольница», отошедшая въ наше время въ область преданій.

Въ способахъ раздѣла по паямъ, предоставленнаго усмотрѣнію самихъ обществъ, на пространствѣ Терскаго Войска встрѣчается черезвычайное разнообразіе, зависящее какъ отъ почвенныхъ и климатическихъ условій, такъ и отъ системы полевого хозяйства, установившихся обычаевъ и другихъ болѣе или менѣе случайныхъ обстоятельствъ. Дѣлятъ на одинъ годъ и на сроки болѣе продолжительные (5—6 лѣтъ), дѣлятъ на души отбывныя (мужскія взрослыя) и на ѣдоковъ (не исключая и дѣвочекъ), дѣлятъ по паямъ, по дворамъ, по десяткамъ, по улицамъ, по краямъ, по плугамъ и т. д. Общій порядокъ раздѣла все еще не установился, и въ настоящее время на Терекѣ происходитъ постепенный переходъ къ новымъ способамъ землепользованія въ зависимости отъ все большаго и большаго распространенія въ области усовершенствованныхъ орудій и новыхъ способовъ обработки почвы и уборки урожая.

Я во садикъ собиралась.

Я во садикъ собиралась,—головку чесала,
Въ косу длинную свою ленту заплетала.

Я холодною водою личико смывала,
Спускомъ матушки свои щечки притирала.

Я шириночку свою въ згибѣ расправляла,
И атласный мой кафтанъ млада надѣвала.

Я съ подчерныо петли цѣпью застегала,
Широкіе рукава длиннѣй выпускала,

Я кораллы съ жемчугомъ на шею вздѣвала,
И припоички на нихъ ручкой расправляла.

Чулки стрѣльчаты свои да я надѣвала,
И въ чевяки дороги ножки обувала.

Я рабочее бѣлье сама собирала,
Старо платьеце свое въ узелокъ вязала.

Я мотыженьку свою сама наточила,
Никого-то я о томъ млада не просила.

Во садочекъ я ишла скорою ходою,
Я не чуяла млада земли подъ собою.

Я рабочій узелокъ въ подмышкѣ держала,
Отъ мотыженьки моей устали не знала.

Во садочекъ я пришла, платьеце снимала
И рабочій свой нарядъ млада надѣвала.

Я мотыженьку брала травушку полола,—
Все сударушка ждала, дружочка милого.

Сердце чуяло мое, вѣщунья злодѣйка,
Не увидитъ онъ меня, мое соловейко.

Слышу выстрѣлы вдали, сердце такъ заныло,—
Боже! живъ ли дорогой? въ глазахъ зарябило.

Я вернулася домой позднею порою...
Поплатился дорогой своей головою.

П. Т. Кулебякинъ.

II. Сельское хозяйство.

Хлѣбопашество. Огородничество. Садоводство. Виноградарство и винодѣліе. Сѣнокошеніе. Пчеловодство.

Хлѣбопашество составляетъ главный предметъ занятія и источникъ благосостоянія Терскихъ казаковъ. Къ сожалѣнію неустойчивость климата, сопровождающаяся мѣстами сыростью, мѣстами засухой и градобитіемъ, и разнообразные вредители, губящіе посѣвы казаковъ ежегодно на сотни тысячъ рублей (саранча, кузька, головня, ржавчина, извѣстная въ области подъ именемъ «захвата», просяная огневка, льняная бабочка и др.), въ значительной мѣрѣ препятствуютъ болѣе успѣшному развитію хлѣбопашества и задерживаютъ начавшійся уже въ станицахъ переходъ отъ «экстенсивнаго» (т. е. основаннаго на запашкѣ большихъ площадей полей) къ «интенсивному» (т. е. основанному на болѣе тщательной обработкѣ поля) хозяйству, отъ залежно-переложной системы съ «вольницей» къ правильному плодосмѣну съ долгосрочными передѣлами.

Требованія и условія времени, съ одной стороны, а съ другой, наличность въ Войскѣ агрономической организаціи, учрежденной съ 1906 года, приводятъ въ общемъ къ тому, что среди станичныхъ сельскихъ хозяевъ, замѣчается усиленное расширеніе запашекъ, улучшеніе способовъ и орудій обработки, введеніе новыхъ культуръ (травосѣянія, улучшенныхъ сѣмянъ). Площадь запашекъ подъ хлѣбные злаки, десять лѣтъ тому назадъ не превышавшая 200000 десят., дошла въ 1910 году до 378919 десятинъ; особенное усиленіе замѣтно въ отдѣлахъ Сунженскомъ и Пятигорскомъ, гдѣ площадь эта увеличилась вдвое и втрое (съ 34075 дес. до 69412 дес. въ Сунженскомъ и съ 48609 до 136912 дес. въ Пятигорскомъ отдѣлѣ). Сѣется, по преимуществу, озимая пше-

ница—98937 дес., подъ просомъ—95522 дес., подъ овсомъ—50310 дес. За ними слѣдуетъ рожь—39093 дес., озимый ячмень—35452 дес., кукуруза—20841 дес., яровой ячмень—18542 дес., подсолнечникъ—6931 дес., ленъ—5738 дес., яровая пшеница—1496 дес. и прочія яровыя растенія—4922 дес. Урожай хлѣбныхъ злаковъ неравномѣренъ по отдѣльнымъ раіонамъ области, но въ общемъ на войсковой территоріи составляетъ почти самъ—7, колеблясь въ среднемъ отъ самъ—5—6 въ Кизлярскомъ отдѣлѣ до самъ—8—9 въ Пятигорскомъ, гдѣ злаки значительно лучше и по качеству. Какъ бы то ни было, за исключеніемъ Кизлярскаго отдѣла, не всегда обезпеченнаго собственнымъ хлѣбомъ для продовольствія и обсѣмененія полей, все-же станицы въ общемъ производятъ хлѣба въ избыткѣ, сбывая его и на сторону. Избытокъ этотъ въ теченіе послѣдняго пятилѣтія колеблется въ Пятигорскомъ отдѣлѣ отъ 1,6 четв. на душу населенія до 7,1 четв., въ Моздокскомъ отъ 3,0 четв. до 6,4 четв. и въ Сунженскомъ отъ 1,9 четв. до 3,8 четв.

Послѣ хлѣбопашества одну изъ важнѣйшихъ отраслей сельскаго хозяйства въ войскѣ составляетъ огородничество и бахчеводство. Ни то ни другое, впрочемъ, за послѣднее десятилѣтіе не сдѣлало сколько-нибудь замѣтнаго шага впередъ, причемъ площадь подъ огородными овощами, томатами, картофелемъ и бобовыми растеніями съ 9253 дес. (въ 1901 г.) увеличилась до 11596 дес. (въ 1910 г.), а площадь подъ арбузными и дынными бахчами въ общемъ даже сократилась съ 26211 дес. до 17794 дес. Въ частности въ Пятигорскомъ и Сунженскомъ отдѣлахъ огородничество и бахчеводство видимо развивается, въ Моздокскомъ и Кизлярскомъ отдѣлахъ они замѣтно падаютъ, причемъ бахчеводство въ Кизлярскомъ отдѣлѣ опустилось за 10 лѣтъ съ 14116 дес. до 6463 д. А между тѣмъ почвенныя и климатическія условія вполнѣ благопріятствуютъ обоимъ этимъ видамъ сельскаго хозяйства, давно уже упрочившимся среди Терскаго казачества и, особенно, въ Сунженскомъ отдѣлѣ, гдѣ Самашкинскія дыни, Ассинскіе, Змѣйскіе, Троицкіе арбузы, Змѣйскіе огурцы давно уже пріобрѣли заслуженную извѣстность. Прекрасныя качества Змѣйскихъ огурцовъ

создали такія условія ихъ производства, что десятина земли, удобной для огурцовъ, идетъ тамъ въ аренду на годъ за сто и больше рублей.

Гораздо въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ находится садоводство, болѣе распространенное въ Сунженскомъ и Пятигорскомъ отдѣлахъ, и виноградарство, искони составлявшее одну изъ важнѣйшихъ отраслей въ хозяйствѣ Гребенскихъ, Кизлярскихъ и Моздокскихъ казаковъ. Хотя въ общемъ число фруктовыхъ садовъ и площадь, ими занятая, и увеличиваются (за 10 лѣтъ съ 3759 садовъ на 1952 дес. до 4954 садовъ на 2634 дес.), однако садоводство является малодоходной статьей въ казачьемъ обиходѣ, принося въ общемъ доходу на всѣ станицы всего лишь около 26000 руб., т. е. менѣе 10 руб. съ десятины сада. Несмотря на возвысившуюся рыночную цѣну и болѣе удобныя условія сбыта фруктъ и ягодъ все-же доходность казачьихъ фруктовыхъ садовъ за 10 лѣтъ осталась безъ перемѣны (въ 1901 году она составляла также 10 руб. на десятину), тогда какъ за то же время находящееся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ развитія частное садоводство въ городахъ области не только расширилось количественно (623 дес. вмѣсто 452), но и улучшилось качественно: доходъ съ 30 руб. на десятину поднялся до 86 р. въ годъ. Развитію виноградарства много повредили распространившіяся въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія виноградныя болѣзни— филоксера и мильдіу, почти совершенно уничтожившія виноградные сады по Тереку. Въ настоящее время посадкой устойчивыхъ противъ болѣзней сортовъ винограда и занятіемъ новыхъ садовъ на пескахъ казаки достигли того, что упавшее виноградарство вновь значительно развилось, давая войсковому населенію ежегоднаго дохода до 100000 руб. Площадь виноградныхъ садовъ возросла особенно въ Пятигорскомъ отдѣлѣ, гдѣ за 10 лѣтъ оказалось до 1600 дес. виноградниковъ вмѣсто 41 дес. (въ 40 разъ больше); въ Моздокскомъ и Кизлярскомъ отдѣлахъ эта площадь болѣе чѣмъ удвоилась (съ 1021 дес. и 2870 дес. поднялась до 2735 дес. и 5912 дес.). Что же касается до Сунженскаго отдѣла, то хотя почвенныя и климатическія условія его и не столь бла-

гопріятны для развитія виноградарства, но и по Сунжѣ въ послѣдніе годы начинаютъ казаки съ успѣхомъ воздѣлывать виноградъ, особенно въ станицѣ Слѣпцовской.

Обиліе дикорастущихъ медоносныхъ травъ въ Терской области, особенно въ предгорной ея полосѣ, издавна дѣлало пчеловодство удобнымъ и выгоднымъ подсобнымъ промысломъ для Терскаго казака. Усиленная распашка казачьихъ земель, начавшаяся въ послѣдніе годы, повела къ значительному количественному сокращенію пчеловодства какъ въ Войскѣ вообще (за 10 лѣтъ съ 737 пасѣкъ при 60878 ульяхъ до 561 пасѣки при 43325 ульяхъ), такъ и, въ особенности, въ Сунженскомъ отдѣлѣ, гдѣ вмѣсто 297 пасѣкъ съ 26400 ульями въ 1901 году мы имѣемъ теперь всего 163 пасѣки съ 12000 ульевъ. Однако сократившееся количественно пчеловодство значительно улучшилось качественно: вмѣсто старинныхъ плетеныхъ изъ прутьевъ «сапетокъ» теперь пошли въ ходъ рамочные ульи (хотя около 50% остается и «сапетокъ»), и доходность пчельниковъ значительно повысилась, особенно въ Пятигорскомъ отдѣлѣ, гдѣ 374 пасѣки при 29057 ульяхъ даютъ болѣе 56000 руб. дохода (12839 пуд. меду и 481 пудъ воску) вмѣсто 28000 р. (3394 пуд. меду и 301 пудъ воску) въ 1901 году отъ 31109 ульевъ на 375 пасѣкахъ.

Въ связи съ указанной выше усиленной распашкой станичныхъ земель приходится указать и на довольно значительный недоборъ сѣна, достигающій въ 1909 году болѣе 900000 пудовъ сравнительно съ 1905 годомъ: 906000 пудовъ вмѣсто 1891000 пуд. Такой недоборъ сѣна представляетъ настолько угрожающее явленіе, что во многихъ станицахъ стали уже производиться опыты искусственнаго посѣва кормовыхъ травъ и расчистки кустарниковыхъ зарослей, что несомѣнно, въ концѣ концовъ, ускоритъ введеніе въ казачій сельскохозяйственный обиходъ болѣе усовершенствованныхъ порядковъ въ хозяйствѣ,—тѣхъ порядковъ, которые даютъ возможность нѣмцамъ, французамъ и другимъ народамъ Западной Европы благоденствовать и богатѣтъ въ своихъ болѣе густо населенныхъ странахъ.

Багренье на Уралѣ.

Сыны Урала дождалися своей работы годовой:
Корою зимнею покрылся Якъ-Горынычъ ихъ родной.

Настало время суетиться и оживить казачью грудь...
Зима холодная стремится,—готовитъ легкій снѣжный путь.

Приходитъ Войско къ заключенью, и порѣшаютъ рыбаки:
Ятови бить по назначенью, внизъ по теченію рѣки.

Сформировались баграчеи; съ зарей по утру поднялись;
Коней ретивыхъ накормили, къ ятови быстро понеслись...

Уралъ подъ ледянымъ покровомъ, храня дары своимъ сынамъ,
Бѣжитъ, струится передъ ловомъ, и тянетъ паръ по полыньямъ.

Для глазъ въ пріятномъ безпорядкѣ сошли на берегъ рыбаки.
На ледъ спускали тутъ лопатки, багры, и пѣшни, и саки,—

Порядокъ войскомъ заведенный (туда назначенъ атаманъ),
А тамъ, гдѣ рубежъ отведенный, предѣломъ служитъ казакамъ,

(Давнымъ давно у нихъ ведется) подать сигналы рыбакамъ
Туда пищаль, снарядъ везется,—извѣстно это казакамъ.

И вотъ, орудіе поддѣто, спустился съ яру командиръ,
А дальше видно: у лафета при ней назначенъ канониръ.

Замолкло... Тихо надъ рѣкою. Рядами стали рыбаки.
Необозримой полосою ряды пестрѣютъ вдоль рѣки...

Раздался выстрѣлъ, побѣжали, стремнину заняли рѣки,
Разбили проруби въ Уралѣ, засуетились казаки.

Шумятъ, гудятъ, азартъ и ломка. Вотъ зыбнулъ ледъ, пошла вода.
И раздается звонко, громко:—«Скорѣй! скорѣй! сюда! сюда!»

Въ пылу неистоваго крика лихой добычи казаковъ,
Со дна самой рѣки Яика влачать икряныхъ осетровъ.

И онъ, кормилецъ, алой кровью покроетъ свой разбитый ледъ.
Казакъ, усталый послѣ ловли, свою добычу продаетъ.

А тутъ и знямки появились: сыны Урала водку пьютъ;
Долины пѣснью огласились... Они «Яикушку» поютъ.

Яикъ свой въ пѣсняхъ прославляютъ его владѣльцы казаки.
Съ любовью мирной продолжаютъ рыбачить у своей рѣки.

За трудолюбіе лихое такъ награждаетъ казака,—
Цѣня стремленье вѣковое,—его любимая рѣка.

В. А. Чалусовъ.

III. Рыболовство и скотоводство.

Рѣчное рыболовство. Морскія воды. Рыболовство въ морѣ. Скотоводство. Коневодство.

Скотоводство и рыболовство исконные казачьи промыслы. Оба эти промысла близки полуосѣдлому-полукочевому образу жизни казака-охотника первыхъ временъ казачества. Еще и донынѣ рыболовство составляетъ основу не только экономическаго благосостоянія, но даже и общественнаго уклада Уральскаго казачества, играетъ огромную роль въ обиходѣ Астраханцевъ, Кубанцевъ, низовыхъ Донцовъ, а когда-то въ немъ находило существенное подспорье своему хозяйству и Терское казачество, по крайней мѣрѣ: станицы средняго и нижняго Терека. Въ настоящее время только лишь въ жизни станицы Александрійской («Копайской»), лежащей въ самомъ низовьи Терека, въ 25-ти верстахъ отъ Каспійскаго моря, рыболовство сохранило первенствующее значеніе, и картина зимней «громки сома» у копайцевъ очень напоминаетъ «багренье» на Уралѣ. Въ прочихъ станицахъ рыболовы почти перевелись, потому что богатый когда-то рыбой Терекъ совершенно обезрыбѣлъ. «**Прежде**», говорятъ казаки въ Гребенскихъ станицахъ, «севрюжью **икру ѣли ложками, а теперь и на кусокъ нѣту**».

Несмотря на чрезвычайно благопріятныя условія для развитія рыбопромышленности въ области, она замѣтно годъ отъ году падаетъ. Причиной этому служитъ, съ одной стороны, обмелѣніе устьевъ рѣки Терека и его протоковъ, а съ другой, хищническіе способы лова рыбы,

практикующіеся въ области вслѣдствіе отсутствія охранительныхъ по рыболовству законоположеній, касающихся Терской области, и вызывавшіе на себя нареканія мѣстнаго населенія еще болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Въ «Описаніи городовъ, крѣпостей и всѣхъ селеній, заведенныхъ на Кавказской линіи», составленномъ въ 1792 году по приказанію графа Гудовича, писалось, что въ станицахъ Моздокскаго полка «рыбная ловля хотя бы и могла быть для жителей изобильная, но **за отдачей отъ земскаго правительства рыболовныхъ мѣстъ ниже города Кизляра въ содержаніе людямъ разнаго званія, отъ дѣлаемыхъ ими какъ по рѣкѣ Тереку, такъ и въ его протокахъ**, впадающихъ въ Каспійское море, **загородовъ. всѣ жители по Тереку нынѣ оныхъ лишаются**».

Въ прежнее время въ рѣку Терекъ шла рыба, съ одной стороны, сѣверными рукавами рѣки (Прорвой, Средней и Таловкой), впадавшими въ Брянскій заливъ, а съ другой, восточными (Копайкой и Кордонкой), причемъ рѣка Кордонка при впаденіи своемъ въ Аграханскій заливъ раздѣлялась на три рукава—Анашкину, Расламбечиху и Бирючекъ; Анашкина и Расламбечиха впадали въ предѣлахъ войсковыхъ водъ, а Бирючекъ служилъ границей казенныхъ и войсковыхъ водъ въ Аграханскомъ заливѣ. Какъ Брянскій, такъ и Аграханскій заливы прѣсноводны и защищены отъ весеннихъ восточныхъ вѣтровъ Брянской косой и полуостровомъ Учъ, что и способствовало всегда изобильному и свободному заходу рыбы въ рукава Терека и дальнѣйшему движенію ея вверхъ по рѣкѣ. Теперь же эти пути, питавшіе Терекъ рыбой, почти не существуютъ: рѣка Прорва настолько обмелѣла, что послѣ лѣтняго половодья рѣдко когда доходитъ до моря, и живущіе по этой рѣкѣ крестьяне вынуждены бываютъ рыть по руслу колодцы, чтобы имѣть питьевую воду; рѣка Средняя, по которой еще лѣтъ восемь тому назадъ процвѣтало рыболовство, уже болѣе не существуетъ, а головная часть ея, у рѣки Таловки, совершенно занесена иломъ; рѣка Таловка въ разстояніи 10—15 верстъ отъ города Кизляра двумя «прорвами» (Александровской и Саломатинской) ушла въ правую сторону, оставивъ свое прежнее русло сухимъ,

и вливается въ тотъ-же Брянскій заливъ безчисленными мелководными заросшими камышемъ «ериками», выходящими къ морю на всемъ протяженіи между прежнимъ русломъ и селеніемъ Брянскимъ; рѣки Анашкина и Расламбечиха представляютъ совершенно сухія русла, покрытыя мѣстами камышемъ, а мѣстами даже уже степной травой. Такимъ образомъ для прохода рыбы остаются болѣе или менѣе свободными только Копайка и Бирючекъ, но и ихъ устья совершенно обмелѣли и закрылись косами, запирающими свободный доступъ въ рѣку крупной рыбѣ, да и болѣе мелкая, проскочивъ въ рѣку, все-же рѣдко проходитъ выше Кизляра, попадая въ руки хищниковъ--арендаторовъ казенныхъ, городскихъ, станичныхъ и частновладѣльческихъ водъ на пространствѣ отъ моря до города Кизляра, до котораго Терекъ доходитъ однимъ общимъ многоводнымъ русломъ.

Такимъ образомъ рыболовство даетъ ежегодный доходъ станицамъ войска, не превышающій въ общей сложности 100000 рублей: въ 1909 году 83374 руб. изъ которыхъ 80749 руб. приходится на долю Кизлярскаго отдѣла.

Помимо рѣчныхъ водъ по общимъ законамъ принадлежащимъ станицамъ, какъ владѣльцамъ береговъ, Терскому Войску въ его цѣломъ принадлежатъ, въ силу ст. 950-953 т. XII, ч. 2 отд. 6, III, Свода Законовъ, обширное пространство морскихъ водъ на Каспіи противъ устьевъ восточныхъ протоковъ Терека. Общая площадь войсковыхъ морскихъ водъ составляетъ около 1625 кв. верстъ и можетъ быть подраздѣлена на **три участка**: **южный**,—захватывающій всю принадлежащую войску сѣверо-западную часть Аграханскаго залива, отъ устья Бирючка до «воротъ», **западный**,—лежащій между берегомъ материка и островомъ Чечень, и **восточный**, простирающійся отъ острова Чечень до восточной границы съ водами, открытыми для вольнаго промысла, въ 76 верстахъ отъ берега. Хотя казакамъ Терскаго Войска и предоставляется право свободнаго лова рыбы на всемъ пространствѣ войсковыхъ водъ, однако не много казаковъ рыбалитъ на морѣ. Практиковавшаяся до осени 1908 года отдача войсковыхъ морскихъ водъ въ аренд-

ное содержаніе откупщикамъ—промышленникамъ ставила казаковъ въ чрезвычайно трудныя условія при осуществленіи своего законнаго права лова рыбы, почему казаки не привыкли къ морю. Въ устьѣ Росламбечихи основался небольшой рыбацкій поселокъ, дворовъ 30—40, Калиновскихъ казаковъ, да по берегу кое-гдѣ встрѣчаются болѣе или менѣе прочныя ватаги Калиновцевъ, «Копайцевъ», Слѣпцовцевъ и другихъ. Теперь казаки постепенно привыкаютъ къ морю, и число казаковъ—рыболововъ на морѣ годъ отъ году растетъ.

Ловъ рыбы въ морскихъ водахъ производится неводами (въ Аграханскомъ заливѣ), крючковой снастью (въ восточномъ участкѣ), или ставными сѣтями, употребляющимися на всемъ пространствѣ водъ. Ставныя сѣти раздѣляются, по назначенію своему, на бѣлужьи «оханы», сѣти севрюжьи и лососевыя и «частиковыя сѣтки» (иначе «воблиныя»). Различіе это прежде всего сводится къ неодинаковой толщинѣ пряжи и большему или меньшему размѣру ячеи: въ то время какъ въ «оханахъ» ячея доходитъ до 6-ти вершковъ, отъ узла до узла, лососевыя имѣютъ ее до 2-хъ вершковъ, а воблиныя и того меньше. Разница есть и въ способѣ постановки сѣтей: воблиныя ставятся вблизи берега и причаливаются прямо къ высокимъ кольямъ, вбиваемымъ въ дно. Красноловныя же сѣти располагаются длинными линіями отъ берега въ море «порядками» (200—300 концовъ сѣтей), удерживаясь на мѣстѣ постановки мочальными канатами—«сторожами» съ «чипчиками» (приколышами). Крючковая снасть по мѣсту своего расположенія бываетъ «донная» или «поплавная»: первая располагается такимъ образомъ, что весь «ярусъ» лежитъ у самаго дна, на которое ниспадаютъ крючки, зацѣпляющіе рыскающихъ въ глубинѣ моря бѣлугъ и другихъ осетровыхъ, ищущихъ въ илистомъ днѣ себѣ пищу. Что касается до «плавныхъ» сѣтей (неводовъ, «волокушъ» и т. п.), то онѣ употребляются, по преимуществу, для ловли «черной» рыбы. Ловъ сельди производится весною неводами съ особо устраиваемыхъ «тоней» (береговыхъ плотовъ), тогда какъ обычно въ ходу «распорные» невода, освобождаемые отъ пойманой рыбы прямо на водѣ въ имѣющуюся при

неводѣ рыболовную лодку—«неводникъ». Самый успѣшный ловъ распорными неводами—ранней весною и поздней осенью, когда черная рыба ложится на зимнюю спячку.

Подобно рыболовству и былое казачье степное табунное коневодство и скотоводство пришло къ совершенному концу. Скотъ держится въ станицахъ, по преимуществу, рабочій. Съ появленіемъ конныхъ желѣзныхъ плуговъ, сѣялокъ, косилокъ, жатокъ, молотилокъ и т. п. главной рабочей силой является лошадь, почему замѣтно растетъ число лошадей въ станицахъ, поднявшееся съ 64096 въ 1901 году до 74214 головъ въ 1910 году. Въ тоже самое время число рогатаго скота уменьшилось съ 275157 головъ до 243849 головъ. Еще болѣе понизилась численность мелкаго рогатаго скота (овецъ и козъ), котораго вмѣсто 568206 теперь насчитывается лишь 452990 головъ. Число свиней почти не увеличилось: въ 1901 году 61674 штуки, а въ 1910 году 63303. Въ общемъ, хотя скотоводство и занимаетъ послѣ земледѣлія второе мѣсто въ казачьемъ хозяйствѣ, все-же численность скота какъ абсолютная (общее число головъ), такъ и относительная (число головъ приходящееся на 100 душъ населенія) очевидно падаетъ: въ 1901 году общее число скота въ станицахъ было 969286 головъ, а на 100 душъ населенія приходилось 452 головы, къ 1910 же году общее число понизилось до 846327 головъ при 304 на 100 душъ. Паденіе относительнаго числа скота въ станицахъ явленіе не исключительное, но правильно идетъ годъ отъ году: въ 1901 году на 100 душъ приходилось 452 головы, въ 1905 г.—392 гол., въ 1906 г.—352 гол., въ 1907 г.—340 гол., въ 1908 г.—337 гол., въ 1909 г.—310 гол., въ 1910 г.—304 головы. Особенно упало оно въ Пятигорскомъ отдѣлѣ (съ 386 до 192, т. е. вдвое) и въ Кизлярскомъ (съ 604 до 439); въ Моздокскомъ относительное число опустилось съ 585 до 434, а въ Сунженскомъ всего лишь съ 218 до 177.

Для развитія среди войскового населенія улучшеннаго коневодства въ послѣдніе годы войсковой администраціей принимался цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ мѣръ, направленныхъ, съ одной стороны, къ укрѣпленію подворнаго коневодства, а съ другой, къ поддержанію

табуннаго коневодства, которое явно погибаетъ отъ недостатка свободныхъ пастбищныхъ мѣстъ. Въ Сунженскомъ и Моздокскомъ отдѣлахъ конноплодовыхъ табуновъ нѣтъ ни одного (въ Моздокскомъ вмѣсто 18 бывшихъ въ 1902 году), въ Кизлярскомъ ихъ - 24 (вмѣсто 35); въ Пятигорскомъ отдѣлѣ, наоборотъ, число табуновъ увеличилось въ 1909—10 г.г. съ 7 до 20. Общее число частныхъ казачьихъ табуновъ и косяковъ къ 1911 году было 44 при 163 производителяхъ, 1823 маткахъ и 1541 головѣ приплода. Такимъ образомъ въ табунахъ и косякахъ оказывается всего лишь 3527 головъ, т. е. 1/20 общаго числа находящихся у войскового населенія лошадей, остальныя же 19/20 конскаго состава принадлежатъ подворному коневодству, такъ какъ ни общественныхъ конноплодовыхъ табуновъ, ни частныхъ или войсковыхъ конскихъ заводовъ въ предѣлахъ войсковой территоріи пока еще не имѣется.

Въ числѣ мѣръ, принимавшихся до настоящаго времени войсковымъ начальствомъ, на первомъ мѣстѣ ставилось снабженіе станицъ жеребцами-производителями улучшенныхъ породъ. Жеребцы эти содержатся въ станицахъ въ особыхъ конюшняхъ за счетъ общественныхъ станичныхъ суммъ и предоставляются станичникамъ для покрытія принадлежащихъ имъ матокъ безвоздмездно.

Кромѣ того, за счетъ войскового капитала выдаются ежегодныя преміи за лучшіе экземпляры и лучшее содержаніе приплода, и устраиваются скачки въ цѣляхъ развитія станичнаго коневодства. Преміи эти установлены: А) за годовиковъ, рожденныхъ только отъ общественныхъ или собственныхъ жеребцовъ улучшенныхъ кровей, въ каждомъ отдѣлѣ четыре преміи: I—60 руб. и большая серебряная медаль, II—40 руб. и малая серебряная медаль, III — 30 руб. и IV—20 руб.

Б) за трехлѣтокъ — въ томъ же числѣ и размѣрѣ, но безъ медалей.

В) за строевыхъ коней (4-хъ и болѣе лѣтъ), рожденныхъ отъ собственныхъ казачьихъ матокъ и общественныхъ жеребцовъ, выроценныхъ дома и сдающихся въ строй.

Въ настоящее время Войсковымъ Начальствомъ раз-

работанъ и представленъ на соотвѣтствующее разрѣшеніе обширный проектъ переустройства коневодства въ Войскѣ: предположено въ каждомъ отдѣлѣ имѣть центральныя войсковыя конюшни, гдѣ содержать по 60-ти жеребцовъ англійской крови или донской, улучшенной скрещиваніемъ съ англійской породой, съ нѣкоторымъ количествомъ матокъ и приплода; на случной періодъ жеребцы будутъ разводиться по станицамъ по мѣрѣ дѣйствительной надобности.

Всѣми этими мѣрами войсковое начальство имѣетъ въ виду обезпечить выходящихъ въ строй казаковъ лучшимъ конскимъ составомъ и поднять казачье коневодство до степени, соотвѣтствующей достоинству славнаго Терскаго Войска, сыны котораго, какъ поется въ казачьей пѣснѣ,

«Триста лѣтъ царямъ служили
«На своихъ лихихъ коняхъ»...

Поѣхалъ далече казакъ.

Поѣхалъ далече казакъ на чужбину
На добромъ конѣ вороном̃ъ,
Свою Украину на вѣки покинулъ,—
Ему не вернуться въ отеческій домъ.
Напрасно казачка его молодая
И утро и вечеръ на сѣверъ глядитъ,—
Все ждетъ—поджидаетъ, съ далекаго края
Когда же къ ней милый казакъ прилетитъ?
Далеко отсюда, гдѣ вьются мятели,
Гдѣ люты морозы трещатъ,
Гдѣ сдвинулись дружно и сосны, и ели,
Казачія кости подъ снѣгомъ лежатъ.
Казакъ и просилъ, и молилъ, умирая,
Курганъ чтобъ насыпать ему въ головахъ,—
Пускай на курганѣ калина родная
Красуется въ яркихъ цвѣтахъ!
Пусть вольная пташка сидитъ на калинѣ!
Порой прощебечетъ она обо мнѣ,
Какъ нѣкогда жилъ здѣсь казакъ на чужбинѣ,
Но помнилъ о милой родной сторонѣ...

Казачья пѣсня.

IV. Промышленность и торговля.

Винодѣліе. Горный промыселъ. Лѣсной промыселъ. Ремесла. Фабрики и заводы. Отхожіе промыслы. Торговля.

Несмотря на чрезвычайно благопріятныя условія для развитія самыхъ разнообразныхъ видовъ добывающей и обрабатывающей промышленнности, все-же въ Терской области промышленность развита до крайности слабо. Кромѣ добычи сырыхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ и нѣкоторой ихъ предварительной обработки, почти никакой промышленности не замѣтно.

Въ связи съ указаннымъ выше исконнымъ въ казачьей средѣ на Терекѣ (см. стр. 110) воздѣлываніемъ «винограднаго кустья» стоитъ и выдѣлка разносортнаго казачьяго вина—«чихиря», которое еще старинные Гребенцы «и въ городъ Терки возили продавать и **про себя держали**». Трудно сказать теперь, больше ли продавали свое родимое «питье» Гребенцы въ XVII вѣка или старались оставить про себя, но что касается до современныхъ ихъ потомковъ, то они волей-неволей больше «про себя держатъ». Ежегодно въ продажу поступаетъ не болѣе половины всего добываемаго казаками сусла и вина: въ 1910 году изъ 667895 ведеръ добытыхъ въ станицахъ вина и сусла продано лишь 329956 вед., а остальные 337939 (т. е. больше половины) осталось «про себя». Не говоря ужъ о томъ, что обильное употребленіе спиртныхъ напитковъ въ концѣ концовъ губительно отражается на тѣлесныхъ и духовныхъ силахъ подростающихъ поколѣній, въ корнѣ ихъ подрывая, и самая про-

дажа добытаго чихиря, происходя въ невыгодныхъ хозяйственныхъ условіяхъ мало приноситъ пользы скудному хозяйству Терскаго казака. Полное бездорожье въ раіонахъ производства казачьяго вина, съ одной стороны, поднимающее стоимость доставки его на мѣста потребленія, а съ другой стороны, низкое качество его въ массѣ (у отдѣльныхъ станичниковъ, впрочемъ, встрѣчаются высокіе сорта вина прекрасныхъ качествъ) понижающее его и безъ того незначительный сбытъ, приводятъ къ тому, что невзирая на вполнѣ благопріятныя почвенныя и климатическія условія виноделіе на Терекѣ переживаетъ въ послѣднее время затяжной кризисъ, вызванный, не столько опустошительными болѣзнями (филоксера и, особенно, мильдіу), сколько введеніемъ акциза на виноградный спиртъ мѣстной выкурки, раньше свободный отъ налоговъ. Прежде весь избытокъ вина и сусла и виноградные отбросы (чапра) шли на спиртокуреніе, что вызвало въ терскомъ виноградарствѣ чисто винокуренное направленіе, т. е. казаки стали разводить исключительно сорта винограда, дающія массу сока, годнаго на выкурку, не заботясь о качествѣ вина. Теперь же, со введеніемъ акциза на винный спиртъ, винокуреніе даже изъ дешевыхъ сортовъ стало невыгоднымъ, и вино потеряло свой сбытъ. Потребовались сорта чисто винные, а между тѣмъ переходъ отъ количественнаго винодѣлія къ качественному все-таки слишкомъ рѣзокъ и требуетъ свободныхъ капиталовъ, которыхъ въ распоряженіи бѣднаго казачьяго населенія низовыхъ притеречныхъ станицъ нѣтъ.

Хотя на воспособленіе винодѣламъ 11-ти низовыхъ станицъ и былъ отпущенъ особый капиталъ въ 170000 р., но и онъ мало дѣлу помогъ, такъ какъ казаку-винодѣлу представилась необходимость въ корнѣ измѣнить весь свой хозяйственный укладъ, что до крайности затрудняется такими низкими рыночными цѣнами на чихирь, при которыхъ разведеніе малоурожайныхъ высокихъ сортовъ винограда становится бездоходнымъ. Въ послѣдніе годы цѣны на чихирь на мѣстѣ стоятъ въ среднемъ не выше 80 к. за ведро (въ Пятигорскомъ отдѣлѣ 50 к., въ Кизлярскомъ 60 коп., въ Моздокскомъ 90 коп. и въ

Сунженскомъ 1 р. 20 к.), и такимъ образомъ десятина винограднаго сада даетъ въ среднемъ валового дохода всего 15—30 р.,—доходъ, при которомъ о дальнѣйшемъ развитіи и улучшеніи дѣла говорить трудно. Единственная надежда остается на возможность увеличенія сбыта и низкопробныхъ сортовъ мѣстнаго чихиря въ будущемъ, при улучшеніи путей сообщенія въ краѣ, т. е. съ проведеніемъ желѣзнодорожной линіи Прохладная-Моздокъ-Кизляръ, которая только одна можетъ спасти притеречныя станицы отъ конечной нищеты и разоренія, на порогѣ котораго стоятъ Гребенцы и Моздокцы.

Гораздо больше значенія для благосостоянія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ станицъ и, въ особенности, всего Терскаго Войска имѣетъ горный промыселъ, такъ какъ главнѣйшее въ области мѣсторожденіе нефти,—Грозненскій промысловый раіонъ, —находится на войсковой территоріи и является важнѣйшимъ источникомъ доходовъ Терскаго Войска составляя почти 2000000 руб. въ годъ. Впрочемъ характеръ, который носитъ нефтяная промышленность, таковъ, что непосредственнаго заработка мѣстному населенію онъ почти не приноситъ. Нѣсколько лучшія условія для станичныхъ жителей создаетъ добыча строительнаго камня и извести (ею особенно славится станица Тарская) при добычѣ которыхъ и доставкѣ на рынокъ казаки имѣютъ заработокъ отъ извознаго промысла.

Станицы такъ-называемаго лѣсогорнаго раіона, расположенныя по сосѣдству съ покрытыми лѣсомъ «Черными» горами, имѣютъ довольно серіозное подспорье для хозяйства въ лѣсномъ промыслѣ. Казаки рубятъ и продаютъ дрова, строевой лѣсъ, доски, рейки и т. п., выжигаютъ угли, изготовляютъ колеса, ободья, корыта, лопаты, деревянную посуду, бондарныя клепки и т. п. Однако надо замѣтить, что съ теченіемъ времени лѣсной промыселъ становится маловыгоднымъ, по мѣрѣ уничтоженія болѣе цѣнныхъ породъ лѣса.

Что касается до издѣлій жестяныхъ, телѣжнаго промысла, обработки растительныхъ волоконъ и шерсти, изготовленія пряжи, холста, суконъ, войлока, выдѣлки кожъ, гончарныхъ издѣлій, выдѣлки кирпича, черепицы

и т. п., то всѣ они носятъ характеръ мелкаго кустарнаго производства, имѣютъ весьма ограниченный сбытъ и чаще всего даютъ заработокъ не мѣстнымъ жителямъ, а пришлымъ мастерамъ, и потому имѣютъ ничтожное значеніе въ хозяйственномъ быту казачьяго населенія, благосостояніе котораго все-же главнымъ образомъ зиждится на хлѣбопашествѣ и другихъ видахъ сельскаго хозяйства.

Изъ числа 559 фабрикъ и заводовъ и другихъ промышленныхъ предпріятій, находящихся въ станицахъ Терскаго Войска и имѣющихъ общій оборотъ свыше $2^1/_2$ милліоновъ рублей въ годъ при 3107 рабочихъ, большинство, какъ и слѣдовало ожидать, приходится на водяныя мельницы (283); далѣе слѣдуютъ кирпичные, черепичные и гончарные заводы (152), маслобойные (47), лѣсопильные (12), нефтяные (11), известковые (9), веревочные (9), винокуренные (8), кожевенные (7), мыловаренные (7) и прочихъ 14. Большинство изъ нихъ принадлежитъ лицамъ невойскового сословія, а потому они не могутъ служить мѣриломъ казачьяго благосостоянія, тѣмъ болѣе, что казаки рѣдко оказываются и въ числѣ фабричныхъ рабочихъ.

Пользуясь у себя дома, по-преимуществу, трудами заѣзжихъ ремесленниковъ—иногороднихъ, казаки почти совершенно не имѣютъ заработковъ отъ отхожихъ промысловъ, и если все-таки среди казаковъ есть лица ищущія заработка на сторонѣ, то заработокъ этотъ даетъ имъ, главнымъ образомъ, служба общественная, частная или государственная. Не много зарабатываютъ казаки и отъ занятія торговлей. Изъ числа 10764 человѣкъ, занятыхъ торговымъ промысломъ въ области, войскового сословія оказывается только лишь 356 человѣкъ, т. е. 3%, съ общимъ оборотомъ не болѣе 800000 руб., составляющимъ всего $2^1/_2$% оборота всѣхъ торговыхъ заведеній области. А между тѣмъ войсковое сословіе составляетъ не $2^1/_2$%, а 20% всего населенія области.

ЧУЖАЯ СТОРОНА.

Какъ на горкѣ-горочкѣ, на крутой горѣ,
Стояло древице тонко—высоко,
Тонко—высоко—листомъ широко,
Листомъ широко—корнемъ глубоко.
Подъ этимъ подъ древицемъ выросла трава,
Выросла трава, трава шелкова.
На этой на травушкѣ разостланъ коверъ,
Разостланъ коверъ, братцы, коверъ бархатный.
Какъ на этомъ коврикѣ два стула стоятъ,
Два стула стоятъ, два точеные,
Два точеные, позолоченые.
Какъ на этихъ стульяхъ два братца сидятъ,
Два братца сидятъ, два родимые.
Какъ меньшой братъ старшому говоритъ:
«Ты, братецъ мой, братецъ родимый!
Да что же ты, мой братецъ, невеселъ сидишь?
Невеселъ сидишь, не пьешь и не ѣшь?
Или тебѣ, братецъ мой, гульба не мила?
Гульба не мила, ѣда не сладка?
Или надоѣла чужая сторона?»—
—«Ты, братецъ мой, братецъ, братецъ родимый!
На чужой сторонѣ жить умѣючи,
Жить умѣючи и разумѣючи:
Покорливому быть, поклончивому,
А моя головушка—непокорливая!...
Непокорливая, непоклончивая!» -

Казачья пѣсня.

V. Общественныя дѣла, капиталы и повинности.

Управленіе станичными дѣлами. Станичный атаманъ. Станичный сходъ. Станичное правленіе. Станичное судопроизводство. Станичные доходы и расходы. Спеціальные капиталы. Денежныя повинности (земскія и мірскія). Натуральныя повинности.

Всѣ лица войскового сословія, числящіяся въ станицѣ или принадлежащихъ къ ней хуторахъ, составляютъ станичное общество. Для управленія общественными станичными дѣлами состоятъ: станичный сборъ, станичный атаманъ, правленіе и судъ. Станичному сбору принадлежитъ власть распорядительная, станичному правленію и атаману—исполнительная и суду—судебная.

Станичный атаманъ, кромѣ того, является административно-полицейскимъ лицомъ, которому подвѣдомственны всѣ проживающіе въ предѣлахъ станичнаго юрта обыватели какъ войскового, такъ и не войскового сословія. Лицъ, не пользующихся особыми правами состоянія, станичный атаманъ имѣетъ право за маловажные проступки подвергать своей властью денежному штрафу въ пользу общественныхъ суммъ не свыше 3 руб., или аресту до трехъ сутокъ, или назначенію на общественныя работы до 3-хъ дней; для лицъ же неоднократно подвергавшихся такимъ наказаніямъ штрафъ можетъ быть увеличенъ до 5-ти руб., арестъ и общественныя работы до 5-ти дней. На станичнаго атамана возлагается обязанность вести неослабное наблюденіе за порядкомъ, спокойствіемъ и благочиніемъ въ предѣлахъ

станичнаго юрта, за соблюденіемъ частными и станичными должностными лицами общественнаго интереса, за исполненіемъ законовъ, судебныхъ рѣшеній, общественныхъ приговоровъ и частныхъ договоровъ, за дорогами, мостами и т. д., за исправностью воинскаго снаряженія служилаго состава, несеніемъ имъ служебныхъ обязанностей и иныхъ повинностей, и тому подобное. Станичному атаману предоставляется право разрѣшать отлучки изъ станицы казакамъ служилаго состава до одного мѣсяца, а остальнымъ станичникамъ до одного года. Какъ отличіе званія станичному атаману присваивается «насѣка» и особая форма одежды. Не имѣющіе офицерскаго званія станичные атаманы, пока состоятъ въ должности, пользуются лично правами хорунжаго.

Главнымъ распорядителемъ всего станичнаго обихода и хозяиномъ станичныхъ земельныхъ угодій, капиталовъ, доходовъ и т. п., является станичный сборъ, который составляютъ: станичный атаманъ, его помощники (или кандидаты), судьи, казначей, довѣренные станичнаго правленія и отъ 30 до 100 человѣкъ выборныхъ казаковъ—домохозяевъ, по расчету приблизительно отъ 10 дворовъ по одному. Право участвовать въ выборахъ и быть избранными имѣютъ всѣ казаки, достигшіе 25-ти лѣтъ отъ роду, за исключеніемъ: 1) состоящихъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, 2) находящихся подъ общественнымъ надзоромъ по судебнымъ рѣшеніямъ, 3) судившихся за кражу, мошенничество и т. п. и по суду не оправданныхъ, 4) подвергшихся по суду тюремному заключенію или еще болѣе строгому наказанію и 5) лишенныхъ права участія въ сборахъ. **Вѣдѣнію станичнаго сбора подлежатъ** дѣла, касающіяся избранія на станичныя должности, распредѣленія земельнаго довольствія, распоряженія станичными суммами, оброчными статьями, разверстки земскихъ и станичныхъ (мірскихъ) повинностей, опекунскія, наслѣдственныя и другія общественныя и хозяйственныя дѣла станичнаго общества или отдѣльныхъ его членовъ. Жалобы на рѣшенія станичнаго сбора подаются атаману отдѣла.

Ближайшее завѣдываніе станичными дѣлами и исполненіе порученій общественнаго сбора въ каждой ста-

ницѣ ввѣряется станичному правленію, состоящему изъ атамана, его помощниковъ (или кандидатовъ), станичнаго казначея и довѣренныхъ, избираемыхъ сходомъ въ числѣ 2—4 человѣкъ. Жалобы на постановленія станичнаго правленія приносятся станичному сбору. Для веденія письмоводства при станичномъ правленіи имѣются станичвые писаря по строевой и по хозяйственной частямъ, находящіеся подъ ближайшимъ надзоромъ станичнаго атамана.

Станичные суды, состоящіе изъ двухъ инстанцій: первой судъ станичныхъ судей и второй (апелляціонной)—судъ почетныхъ судей, дѣйствуютъ на основаніи ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго Положенія 3-го іюня 1891 года объ общественномъ управленіи станицъ казачьихъ Войскъ, причемъ вѣдомству ихъ подлежатъ споры и тяжбы, а также маловажные проступки проживающихъ временно или постоянно на земляхъ станичнаго юрта (и причисленныхъ къ станицѣ земляхъ) лицъ войскового и невойскового сословія, непользующихся особыми правами состоянія, если цѣна иска не превышаетъ 100 р. Къ маловажнымъ проступкамъ подвѣдомственнымъ станичнымъ судамъ относятся: не сопровождавшіяся увеличивающими вину обстоятельствами кража, мошенничество, покупка завѣдомо краденнаго на сумму не свыше 30-ти руб., обиды словами и дѣйствіемъ, побои, неимѣвшіе вредныхъ для здоровія обиженнаго послѣдствій, пьянство и нарушеніе общественной тишины и спокойствія. Станичный судъ властенъ приговаривать за маловажные проступки къ одному изъ слѣдующихъ наказаній: къ денежному взысканію не свыше 6-ти руб., къ аресту не свыше 8-ми дней, или же къ общественнымъ работамъ не свыше 8-ми дней; лицъ неоднократно подвергавшихся этимъ наказаніямъ станичный судъ можетъ приговаривать къ денежному взысканію не свыше 10-ти руб., или же къ аресту (или къ общественнымъ работамъ) не свыше 12-ти дней. Рѣшенія станичнаго суда по искамъ на сумму до 30-ти руб. и приговоры съ присужденіемъ къ аресту (работамъ) не свыше 4 (6) дней или штрафу не свыше 3 (5) руб. считаются окончательными, а прочія могутъ быть обжалованы въ двухнедѣль-

ный срокъ въ судъ почетныхъ судей. Кассаціонной инстанціей для всѣхъ рѣшеній и приговоровъ станичныхъ судовъ является областное правленіе. Судьямъ присваивается особый нагрудный знакъ, надѣваемый ими во время засѣданій и въ другихъ офиціальныхъ и торжественныхъ случаяхъ. Почетные судьи, не имѣющіе офицерскихъ чиновъ, и избранные на второй годъ станичные судьи пользуются, за время состоянія въ должности, лично правами хорунжаго.

Доходы, получаемые станичными обществами изъ разнаго рода источниковъ, идутъ на удовлетвореніе нуждъ подлежащихъ общественныхъ учрежденій и на различныя земскія и мірскія надобности. Суммы, образуемыя отъ превышенія доходовъ надъ расходами, накопляясь, составляютъ станичные общественные капиталы. Распредѣленіе станичныхъ доходовъ и расходовъ по статьямъ и состояніе станичныхъ капиталовъ показаны въ особой таблицѣ въ приложеніи. Здѣсь же необходимо замѣтить, что нужды станичныхъ обществъ въ настоящее время возросли настолько, что даже при существованіи питейнаго дохода на удовлетвореніе ихъ въ послѣдніе годы не хватало поступленій отъ общественныхъ оброчныхъ статей, и потому въ нѣкоторыхъ станицахъ практикуются дополнительные сборы съ жителей по особой раскладкѣ, каковая чаще всего производится или по количеству скота, выпасываемаго на общественныхъ выгонахъ, или по числу распахиваемыхъ десятинъ общественной земли. Въ 1910 году въ станицахъ Терскаго Войска по означенной раскладкѣ собрано: въ Пятигорскомъ отдѣлѣ 2233 руб., въ Моздокскомъ 17815 руб, въ Сунженскомъ -10273 руб. и въ Кизлярскомъ -1454 руб., а всего 31775 руб. Сборы по раскладкѣ годъ отъ году увеличиваются, несмотря на возрастаніе арендныхъ цѣнъ на общественныя земли: такъ, въ 1905 году въ станицахъ Войска этихъ сборовъ было 7889 руб., въ 1906 г. —8147 руб., въ 1907 г.– уже 31774 руб., въ 1908 г.—36813 руб., въ 1909 г. -40260 руб. и въ 1910 г.—31775 руб. Въ Пятигорскомъ отдѣлѣ сборы по раскладкѣ за предпослѣдніе четыре года увеличились болѣе чѣмъ въ 20-ть разъ (съ 858 руб. до 17790 руб.), хотя въ 1910 г.

вновь упали съ 15080 руб. до 2233 руб.; въ Сунженскомъ отдѣлѣ за два послѣдніе года сумма этихъ сборовъ учетверилась.

Кромѣ общественныхъ станичныхъ капиталовъ, въ станицахъ Терскаго Войска имѣются еще суммы спеціальнаго назначенія: мобилизаціонный капиталъ, продовольственный капиталъ и сиротскіе капиталы, состояніе которыхъ показано также въ особыхъ таблицахъ. Мобилизаціонные капиталы, предназначенные для снаряженія на службу бѣднѣйшихъ казаковъ и на расходы при мобилизаціи, составились изъ денежнаго сбора съ неспособныхъ къ службѣ, но способныхъ къ труду казаковъ, а также изъ производившихся раньше отчисленій 10% станичныхъ доходовъ. Эти отчисленія прекращены въ 1900 году, такъ какъ мобилизаціонный капиталъ достигъ уже такихъ размѣровъ, что можетъ обезпечить всѣ строевыя и льготныя части Войска на случай ихъ мобилизаціи. Продовольственные капиталы имѣющіе своимъ назначеніемъ обезпеченіе мѣстныхъ жителей на случай неурожая, существуютъ только въ станицахъ, а также въ нѣсколькихъ русскихъ и нѣмецкихъ поселеніяхъ Терской области. Помимо капиталовъ, въ большинствѣ тѣхъ же поселеній имѣются и натуральные хлѣбные запасы, хранящіеся въ общественныхъ хлѣбныхъ магазинахъ. Какъ изъ капиталовъ, такъ и изъ натуральныхъ хлѣбныхъ запасовъ выдаются ссуды и пособія деньгами и зерномъ на продовольствіе и обсѣмененіе полей. Сиротскіе капиталы, принадлежащіе малолѣтнимъ сиротамъ, состоящимъ въ опекѣ, существуютъ въ станицахъ всѣхъ четырехъ отдѣловъ Терской области, а также въ нѣкоторыхъ селеніяхъ. До совершеннолѣтія сиротъ они частью хранятся въ кредитныхъ учрежденіяхъ, частью же обращаютея въ ссудѣ у мѣстныхъ жителей для приращенія процентовъ.

Всѣ государственные прямые и косвенные налоги казаки Терскаго Войска уплачиваютъ на равнѣ съ прочимъ населеніемъ Имперіи. Въ виду того, что земскія учрежденія въ Терской области еще не введены, всѣ расходы земскаго характера производятся изъ станичныхъ или войсковыхъ суммъ, за счетъ которыхъ относятся

также расходы мірскіе и на военныя надобности. Отдѣлить въ расчетахъ эти три разряда расходовъ (земскихъ, мірскихъ и военныхъ) другъ отъ друга не представляется возможнымъ. Расчитывая же общую сумму денежныхъ повинностей, лежащихъ на всемъ войсковомъ населеніи, соотвѣтствующую общей суммѣ станичныхъ и войсковыхъ расходовъ, мы находимъ, что станицами этихъ повинностей несется на 1090363 руб., а Войскомъ на 1837408 руб., т. е. всего на 2927771 руб. Такимъ образомъ на мужскую душу войскового сословія приходится денежныхъ повинностей, не считая натуральныхъ, приблизительно 25 руб. 50 коп., а на десятину казачьей земли выходитъ въ годъ денежнаго налога 1 р. 49 к., т. е. на 82 к. больше средней арендной выручки (67 к.) съ земель войскового запаса.

Что касается до натуральныхъ повинностей Терскаго казака, то на первомъ мѣстѣ надо поставить, конечно, несеніе военной службы, сравнительно съ которой теряютъ свое значеніе всѣ остальныя натуральныя повинности: исполненіе различныхъ общественныхъ работъ по наряду, нарядъ на внутреннюю станичную службу при правленіи и по охранѣ населенныхъ пунктовъ, отводъ квартиръ, поставка подводъ и такъ далѣе.

Изъ прочихъ натуральныхъ повинностей самой тяжелой является береговая— по укрѣпленію береговъ рѣки Терека, лежащая съ половины XVIII вѣка на понизовыхъ станицахъ непосильнымъ бременемъ. Тяжесть этой повинности еще болѣе усубуляется тѣмъ, что исполнять ее приходится въ самую горячую рабочую пору, во время лѣтняго водоподъема, вызываемаго таяніемъ ледниковъ въ горахъ, и тѣмъ, что малѣйшее упущеніе въ исполненіи ея грозитъ уничтоженіемъ посѣвовъ, садовъ и даже усадебъ и безъ того обездоленнаго низоваго Терскаго казачества.

Конь и соколъ.

(Старинная иносказательная пѣсня).

Какъ во далече-далече, во чистомъ полѣ,
Выросталъ коряковистъ сыръ-матерой дубъ:
У сыра-дуба кореньице булатное,
У сыра-дуба коринушка жемчужная,
На сыромъ—дубу сучья-вѣточки хрустальные,
На сыромъ—дубу листоченьки бумажные.
Подъ сырымъ—дубомъ было стойлице кониное,
На сыромъ—дубу присядище соколиное.
Сталъ ясенъ-соколъ на сыромъ—дубу
Надъ добрымъ конемъ насмѣхатися:
«Стара кляча ты моя, а не рѣзвый конь!
«На тебѣ ли сивый конь шерсть мышиная,
«Рѣзвы ноженьки у коня, что ослиныя,
«А черно мясо въ конѣ, что воронее!»...
За обидушку добру коню то показалося,
Что ясенъ-соколъ съ нимъ позаспорился.
Заложились они не на сто рублевъ, не на тысячу
Заложились о своихъ буйныхъ о головушкахъ:
Чтобъ коню бѣжать по чисту полю до колодезя,
А соколику летѣть по поднебесью до студенаго.
Добрый конь бѣжитъ—ровно громъ гремитъ,
А соколъ летитъ—что стрѣла звенитъ...
Конь ужъ часъ стоитъ у колодезя,
А соколика еще и въ поминѣ нѣтъ...

Другой часъ пошелъ,—и соколъ летитъ...
Онъ коню упалъ во рѣзвы ноги извинятися:
«Не убей меня, душа добрый конь,
«Что проспорилъ я буйну голову!
«Какъ летѣлъ я, соколъ, по поднебесью,
«Увидалъ въ сторонѣ въ далекѣ я сине-море,
«А на синемъ морѣ увидалъ я гусей-лебедей,
«Да съ лебедушкой запримѣтилъ я и гогольчика...
«У меня, сокола, когти загребущіе...
«Погнался я, соколъ, за лебедушкой,—
«И затѣмъ я, соколъ, призамѣшкался!»...
Говоритъ ему тогда душа добрый конь:
«Головы твоей мнѣ не надобно,—
«Оставляю я тебя, соколъ, живымъ-молодымъ,
«Да не спорь ты больше ни съ кѣмъ о головушкѣ!»...

VI. Войсковое хозяйство.

Постепенное измѣненіе устройства войскового управленія. Современное управленіе войсковымъ хозяйствомъ. Войсковыя запасныя земли. Войсковые лѣса. Войсковые доходы, расходы и капиталы.

Мы выше видѣли, что до начала прошлаго столѣтія составлявшія Терское казачество отдѣльныя Войска пользовались самымъ широкимъ самоуправленіемъ. Всѣми войсковыми дѣлами, не только хозяйственными, но и прочими, вѣдалъ старинный Войсковой Кругъ, ввѣрявшій управленіе Войскомъ Войсковому Атаману и прочей «старшинѣ», избираемой сначала ежегодно, а затѣмъ на болѣе продолжительные сроки. Порядку этому былъ положенъ конецъ въ 1819 году, когда Начальникъ Края генералъ А. П. Ермоловъ своей властью смѣнилъ Гребенского атамана Зачетова и на его мѣсто поставилъ сначала бывшаго войскового знаменщика Фролова, а потомъ и посторонняго Войску человѣка полковника Ефимовича. При объединеніи всѣхъ поселенныхъ на Линіи казачьихъ Войскъ и полковъ въ Кавказское Линейное Войско въ 1832 году всѣ войсковыя дѣла были ввѣрены Войсковому Наказному Атаману изъ регулярныхъ офицеровъ. Самое же войсковое управленіе было организовано значительно позже, по положенію 1845 года, причемъ это управленіе составили: Войсковой Наказный Атаманъ, войсковое дежурство, войсковое правленіе, бригадныя управленія, военно-судныя комиссіи, полковыя и станичныя правленія и торговый словесный судъ.

Въ 1860 году Кавказская линія была раздѣлена на двѣ части правую и лѣвую, изъ которыхъ первая составила затѣмъ Кубанскую, а вторая Терскую область. Вошедшія въ предѣлы Терской области бригады Кавказскаго Линейнаго Войска образовали Терское Казачье Войско, руководившееся въ порядкѣ управленія положеніемъ 1845 года о Кавказскомъ Линейномъ Войскѣ. Начальникъ Терской области являлся и Наказнымъ Атаманомъ Терскаго казачьяго Войска, для управленія которымъ въ 1865 году была учреждена должность Помощника Наказнаго Атамана.

Вскорѣ, въ 1869 году, вновь послѣдовало преобразованіе областного и войскового управленія. Должность Помощника Наказнаго Атамана была упразднена, а управленіе областью было образовано на основаніи общаго учрежденія губернскаго. Въ гражданскомъ отношеніи область, не исключая и войсковой территоріи, была раздѣлена на семь округовъ. Для военнаго же управленія Войскомъ въ слѣдующемъ (1870) году были учреждены должности атамановъ отдѣловъ, причемъ измѣненъ былъ и штатъ войсковыхъ хозяйственныхъ управленій.

Такимъ образомъ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія войсковое управленіе Терскаго Войска сосредоточивалось подъ общимъ начальствомъ Наказнаго Атамана (Начальника области) въ войсковомъ штабѣ, войсковомъ хозяйственномъ правленіи и двухъ управленіяхъ отдѣловъ. Въ составъ войскового хозяйственнаго правленія, дѣйствовавшаго подъ предсѣдательствомъ Наказнаго Атамана, входили: старшій членъ, два совѣтника, ассесоръ, дѣлопроизводители, бухгалтеръ съ помощникомъ, экзекуторъ, журналистъ и лѣсной ревизоръ. Казачье населеніе Терской области подчинялось одновременно двумъ властямъ: гражданской — въ лицѣ состоящихъ въ вѣдѣніи Министра Внутреннихъ Дѣлъ областныхъ и окружныхъ учрежденій и военной — въ лицѣ Атамановъ отдѣловъ и войскового хозяйственнаго правленія. Эта двойственность управленія была уничтожена введеніемъ въ 1888 году новаго «Учрежденія управленія Кубанской и Терской областей», причемъ званіе Войскового Наказнаго Атамана обоихъ Кавказскихъ Войскъ было присвоено

Начальнику Кавказскаго Края, высшее же управленіе областью и Войскомъ было ввѣрено Военному Министру, на правахъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, по Главному Управленію Казачьихъ Войскъ. Мѣстное управленіе областью, соединенное съ административнымъ завѣдываніемъ Войскомъ, образовали Начальникъ области (онъ же Наказный Атаманъ) и областное правленіе. Войсковое хозяйственное правленіе было упразднено, и всѣ дѣла по управленію войсковымъ хозяйствомъ и благоустройствомъ перешли въ вѣдѣніе областного правленія.

Въ настоящее время въ вѣдѣніи областного правленія состоятъ: войсковыя запасныя земли, лѣса, капиталы, доходы, расходы и разныя войсковыя имущества (зданія, больницы, древесные питомники и т. д.). Областное правленіе стоитъ подъ надзоромъ и высшимъ управленіемъ Военнаго Министерства, которое разсматриваетъ и утверждаетъ смѣты доходовъ и расходовъ, различныя положенія и правила, опредѣляющія войсковой обиходъ и устройство. Безъ разрѣшенія Военнаго Министерства областное правленіе не имѣетъ права дѣлать никакихъ, даже самыхъ ничтожныхъ, расходовъ.

Земли войскового запаса расположены главнымъ образомъ въ Кизлярскомъ (48012 дес.) и Сунженскомъ (44421 дес.) отдѣлахъ; въ Моздокскомъ такихъ земель 13788 дес., а въ Пятигорскомъ всего 1982 дес. Большая часть ихъ сдается въ аренду по контрактамъ и составляетъ оброчныя статьи, а не сданныя въ аренду земли и войсковые лѣса эксплоатируются хозяйственнымъ способомъ. Въ арендномъ содержаніи находится 55005 дес., приносящихъ всего 36803 руб. (т. е. въ среднемъ по 67 коп. десятина); въ хозяйственномъ завѣдываніи 2282 дес. (28 коп.), подъ войсковыми лѣсами 33536 дес. (72 коп.). подъ побережьями рыболовныхъ водъ въ Кумскомъ Култукѣ 2480 дес. и на островѣ Чечень 1700 дес., подъ Михайловскими минеральными водами состоитъ 179 дес. (8 руб. 25 коп.), подъ лѣсными полянами 250 дес. (2 р. 22 к.), подъ соляными источниками 2 дес. (26 коп.), подъ каменоломнями 150 дес., подъ нефтяными промыслами 75 дес. (3633 р. 52 к. десятина). По своей пригодности къ сельскохозяйственной обработкѣ земли вой-

скового запаса стоятъ ниже средняго: большинство участковъ Кизлярскаго отдѣла изобилуютъ безплодными солонцами, болотами, безводными сыпучими песками и т. п.

Произростающіе на территоріи Терскаго Казачьяго Войска лѣса, оставшіеся за надѣломъ станицъ юртовымъ лѣсомъ и отводомъ нѣкоторыхъ участковъ офицерамъ Войска въ собственность, образуютъ особое Войсковое Предгорное лѣсничество, пространствомъ всего 33536 д. собственно лѣсной площади. Затѣмъ пріобрѣтенный Войскомъ въ Кизлярскомъ отдѣлѣ участокъ «Паробочъ», площадью въ 4100 дес. включаетъ въ себѣ особую лѣсную дачу въ 1614 дес. Независимо отъ этого на запасныхъ войсковыхъ участкахъ въ Кизлярскомъ и частью въ Сунженскомъ отдѣлахъ произростаетъ разбросанными клочками лѣсъ и кустарникъ, общею площадью около 600 десятинъ. Такимъ образомъ вся поверхность войсковыхъ лѣсовъ простирается почти до 35750 десятинъ чисто лѣсной площади.

Войсковое Предгорное лѣсничество расположено въ бассейнѣ рѣкъ Камбилеевки, Сунжи, Ассы и Фортанги. Отпускъ лѣса изъ дачъ войскового лѣсничества производится не съ торговъ дѣлянками, а согласно таксы, утвержденной Войсковымъ Наказнымъ Атаманомъ Кавказскихъ казачьихъ Войскъ. Порядокъ этотъ признанъ наиболѣе цѣлесообразнымъ, какъ въ финансовомъ отношеніи, такъ, особенно, въ виду того обстоятельства, что громадное большинство покупателей войскового лѣса составляютъ казаки ближайшихъ къ лѣсничеству станицъ. Казаки эти, располагая недостаточными земельными юртовыми надѣлами (имѣютъ дополнительные участки вдали отъ станицъ) и совершенно истощивши свои юртовые лѣса, занимаются въ усиленной степени лѣснымъ промысломъ въ сравнительно хорошо сохранившихся дачахъ войскового лѣсничества, изъ которыхъ каждый пріобрѣтаетъ по своимъ силамъ, имѣя такимъ образомъ постоянную возможность вблизи дома использовать свой досугъ и силы своего рабочаго скота. При продажѣ лѣса съ торговъ дѣлянками громадное большинство казаковъ было бы стѣснено въ дальнѣйшемъ занятіи лѣснымъ промысломъ. Единственный недоста-

токъ этого способа тотъ, что при немъ требуется большій штатъ стражи, чѣмъ при отпускѣ съ торговъ дѣлянками, такъ какъ каждая заготовка, каждый отпуски по отдѣльному билету (а таковыхъ ежегодно тысячъ должны быть провѣрены лѣсничимъ или, по его пору) ченію, чинами лѣсной стражи; но съ этимъ приходится мириться, какъ въ интересахъ большей доходности отъ дачъ лѣсничества, такъ, въ особенности, въ интересахъ поддержанія экономическаго благосостоянія населенія ближайшихъ къ дачамъ лѣсничества станицъ. Помимо отпусковъ за деньги, изъ войскового лѣсничества производятся безплатные отпуски лѣсныхъ матеріаловъ на нужды станичныхъ обществъ, бѣдныхъ лѣсомъ, какъ-то: на постройку хлѣбныхъ магазиновъ, школъ, мостовъ, станичныхъ правленій и тому подобное, а также отдѣльнымъ домохозяевамъ на обстройку послѣ пожаровъ и другихъ бѣдствій. Въ 1910 году такихъ безплатныхъ отпусковъ произведено на сумму 1216 р. 55 к.

Источниками доходовъ Терскаго Казачьяго Войска въ 1910 году, служили: денежное вознагражденіе изъ Государственнаго Казначейства за отошедшіе въ казну питейные и торговые сборы 334296 руб., аренда земель 43720 руб. 50 коп., эксплоатація лѣса 27628 руб. 52 к., пошлина за отдачу въ арендное содержаніе мѣсторожденій нефти 2069646 руб. 31 коп., %% на войсковые капиталы 573960 руб. 28 коп., денежные сборы съ неслужащихъ казаковъ 234 руб. 95 коп. и прочія поступленія 290133 руб. 5 коп., а всего поступило 3339619 р. 61 коп. тогда какъ по утвержденной Военнымъ Совѣтомъ смѣтѣ доходовъ въ 1910 году ожидалось 3158943 руб., причемъ на мужскую душу войскового населенія приходится всего войсковыхъ доходовъ 29 р. 6 к.

За счетъ поименованныхъ доходовъ въ 1910 же году произведено было расходовъ въ общемъ на 1837408 руб. 17 коп., въ томъ числѣ: на военную часть 312235 руб. 63 коп., на содержаніе областныхъ и войсковыхъ учрежденій 106398 руб. 99 коп., на содержаніе другихъ гражданскихъ учрежденій 205425 руб. 9 коп., на учебную часть 181864 руб. 11 коп., на медицинскую часть 125052 руб. 42 коп., на дороги, укрѣпленіе береговъ и

строительныя надобности 141386 руб. 63 коп., на ремонтъ и наемъ зданій 29610 руб. 80 коп., на хозяйственно-операціонные расходы 24108 руб. 22 коп., въ пособіе казнѣ 216255 руб. 20 коп., ссуды, пенсіи и пособія 466687 руб. 93 коп., прочихъ расходовъ 78533 р. 18 коп. На душу мужского пола войскового сословія приходится войсковыхъ расходовъ 15 руб. 98 коп.

Вслѣдствіе постояннаго превышенія войсковыхъ доходовъ надъ расходами войсковой капиталъ растетъ съ каждымъ годомъ: въ 1901 году онъ составлялъ 2761237 руб. 83 к., къ 1-му января 1905 года 4761983 р. 15 коп., къ 1906 году 5564092 руб. 17 коп., къ 1907 году 6799406 руб. 47 коп., къ 1908 г. 7096945 руб. 14 коп., къ 1909 году 8304163 руб. 46 коп., къ 1910 году 10915680 руб. 97 коп., къ 1-му января 1911 года 12555091 руб. 17 к., изъ которыхъ наличными деньгами 425889 руб. 21 коп., въ процентныхъ бумагахъ 10487686 руб. 37 коп. и въ долгахъ 1641515 руб. 59 коп. Токимъ образомъ на душу мужского пола войскового населенія приходится 110 р. 80 коп. общаго войскового капитала.

Кромѣ общаго войскового капитала, въ вѣдѣніи областного правленія состоитъ еще 14 капиталовъ спеціальнаго назначенія на общую сумму 64574 руб. 80 коп. Наибольшій изъ спеціальныхъ войсковыхъ капиталовъ— «Продовольственный» равенъ 12877 руб. 62 коп.

ШКОЛЬНИКЪ.

—Ну, пошелъ же, ради Бога!—
Небо, ельникъ и песокъ—
Невеселая дорога...
—Эй! садись ко мнѣ, дружокъ!
Ноги босы, грязно тѣло,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! что за дѣло!
Это многихъ славныхъ путь.
Вижу я въ котомкѣ книжку,—
Такъ учиться ты идешь?
Знаю, батька на сынишку
Издержалъ послѣднiй грошъ.
Знаю, старая дьячиха
Отдала четвертачекъ,
Что проѣзжая купчиха
Подарила на чаекъ.
Или, можетъ, ты дворовый?
Изъ отпущенныхъ?... Ну что жъ!
Случай тоже ужъ не новый—
Не робѣй, не пропадешь!
Скоро самъ узнаешь въ школѣ,
Какъ Архангельскiй мужикъ,

По своей и Божьей волѣ,
Сталъ разуменъ и великъ.
Не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ,—
Кто-нибудь свезетъ въ Москву,
Будешь въ университетѣ,—
Сонъ свершится на яву.
Тутъ ужъ поприще широко:
Знай работай, да не трусь!
Вотъ за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!
Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ, то-и-знай!
Столько добрыхъ, благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой,
Посреди пустыхъ, холодныхъ
И напыщенныхъ собой!...

Н. А. Некрасовъ.

VII. Грамотность и образованіе.

Грамотность. Число учащихся. Войсковыя учебныя заведенія и стипендіи. Расходъ войсковыхъ средствъ на образованіе.

Состояніе грамотности въ Терскомъ Войскѣ видно изъ находящейся въ приложеніи особой таблицы. Сравнивая данныя этой таблицы съ соотвѣтствующими свѣдѣніями о прочихъ частяхъ Россійской Имперіи, можно отмѣтить то обстоятельство, что процентъ грамотныхъ обоего пола (37,0) не только далеко выше средняго по Имперіи (21,1), но даже значительно превосходитъ и пораіонный высшій, равный 30,5% (въ Привисленскомъ краѣ). По сравненію же съ прочими казачьими Войсками Терское стоитъ все-таки четвертымъ отъ конца, уступая Войскамъ Оренбургскому (57%), Астраханскому (50%), Донскому (50%), Сибирскому (44%), Уральскому (41%) и Уссурійскому (37%).

Для развитія грамотности среди казаковъ въ каждой станицѣ существуютъ станичныя училища (одноклассныя, двуклассныя и «городскія»), подчиненныя мѣстной дирекціи народныхъ училищъ, и церковно-приходскія школы. Общее число дѣтей войскового сословія, обучающихся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, составляетъ 13671, въ томъ числѣ мальчиковъ 8987 и дѣвочекъ 4684. На 1000 душъ войскового населенія приходится учащихся обоего пола 60, мужского пола 78 и женскаго пола 41. Въ сравненіи съ прочимъ населеніемъ Терской области казаки стоятъ по образованію далеко выше, такъ какъ на 1000 душъ невойскового населенія

приходится учащихся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ около 28 обоего пола, около 34 мужского пола и 17,5 женскаго пола.

Что же касается до средняго образованія, то здѣсь отношеніе мѣняется: въ то время какъ на 1000 душъ казачьяго населенія приходится получающихъ среднее образованіе обоего пола около 4-хъ (въ томъ числѣ мужскаго 5,5 и 2,1 женскаго), на 1000 душъ невойскового сословія оказывается получающихъ среднее образованіе 6,4 (7,3 мужского и 5,4 женскаго), т. е. въ полтора раза больше.

Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ обучается лицъ войскового сословія 50 мужского пола и женскаго 8, а всего 58, т. е. 0,025% всего войскового населенія, тогда какъ невойскового 493 мужскаго пола и 258 женскаго, а всего 751 учащійся, т. е. 0,079% всего невойскового населенія.

Военное образованіе получало всего 106 казаковъ, изъ которыхъ было въ военныхъ академіяхъ 3, въ военныхъ училищахъ 18 и въ военно-ремесленныхъ школахъ 60.

За исключеніемъ войсковой учительской семинаріи, открытой въ 1910 году, сельскохозяйственной школы близъ станицы Прохладной и военно-ремесленной школы, Терское Казачье Войско своихъ учебныхъ заведеній не имѣетъ. Въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ открытіе винодѣльческой школы въ Паробочевскомъ войсковомъ имѣніи. Пока же Войско приходитъ на помощь молодымъ людямъ войскового сословія, облегчая имъ полученіе образованія путемъ выдачи единовременныхъ пособій и предоставленіемъ имъ войсковыхъ стипендій въ общемъ числѣ 426-ти: 19 въ высшихъ, 275 въ среднихъ и 132 въ профессіональныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Подробное распредѣленіе этихъ стипендій по отдѣльнымъ учебнымъ заведеніямъ показано въ находящейся въ приложеніи особой таблицѣ.

Для распредѣленія стипендій Терскаго Казачьяго Войска между кандидатами никакихъ спеціальныхъ правилъ пока не существуетъ, за исключеніемъ лишь того, что ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнымъ 16-го декабря 1909 г.,

положеніемъ Военнаго Совѣта предоставлено право областному правленію съ утвержденія Наказнаго Атамана, по своему усмотрѣнію, смотря по потребности, переводить войсковыя стипендіи, имѣющіяся для гражданскихъ учебныхъ зоведеній, изъ одного заведенія въ другое, безъ различія разрядовъ, но не выходя изъ суммы отпускаемаго для сей надобности въ каждомъ войскѣ кредита. На имѣющіяся въ кадетскихъ корпусахъ стипендіи казачьихъ войскъ, по журналу Военнаго Совѣта отъ 1-го іюля 1910 года, положено: допускать дѣтей казаковъ непривилегированнаго сословія, но только въ тѣ кадетскіе корпуса, въ которыхъ стипендіи эти имѣются не въ единственномъ числѣ. При этомъ распредѣленіе стипендій между дѣтьми казаковъ привилегированныхъ и непривилегированныхъ сословій, а также и избраніе малолѣтнихъ для опредѣленія на означенныя стипендіи предоставляется Наказному Атаману.

На расходы по народному образованію Терское Войско тратитъ 312909 руб., въ томъ числѣ изъ станичныхъ средствъ 131045 руб. и изъ общевойскового капитала 185864 руб. На выдачу стипендій и на пособія станичнымъ школамъ и другимъ учебнымъ заведеніямъ изъ обще-войскового капитала въ 1910—1911 учебномъ году было израсходовано 115636 руб., распредѣленіе которыхъ показано въ находящейся въ приложеніи особой таблицѣ. Такимъ образомъ въ конечномъ итогѣ на душу войскового населенія обоего пола приходится въ среднемъ 1 руб. 36 коп. расходовъ на народное образованіе, изъ числа которыхъ на долю войскового капитала падаетъ 79 коп., а 57 коп. на долю станичныхъ обществъ.

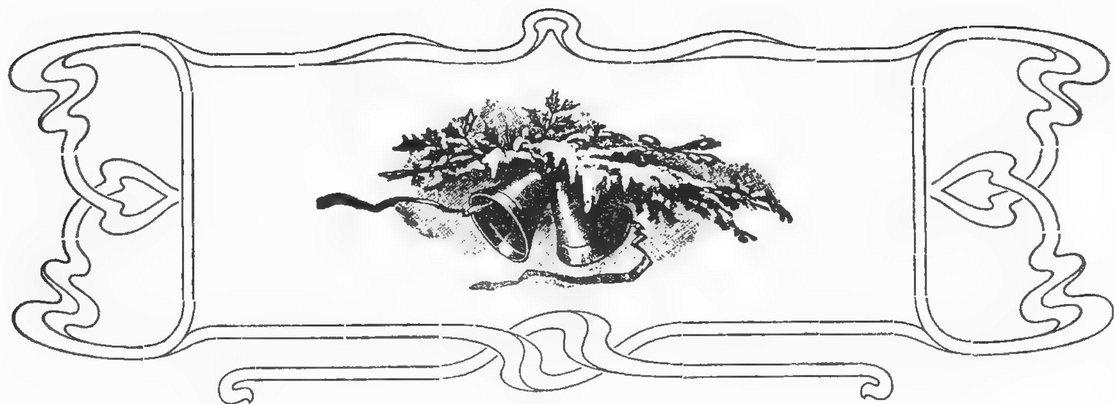

Ура! Царю, Владыкѣ трона.

Ура! Царю, Владыкѣ трона!
Ура! и Царственной Семьѣ!
Ура! Хранителямъ закона
И всей родимой сторонѣ!
Прими, Царь-Батюшка, отъ терца,
Въ избыткѣ вѣры и любви,
«Ура!» отъ искренняго сердца
И духъ нашъ лаской оживи.
Мы шлемъ Тебѣ привѣтъ глубокій,
Что удостоилъ посѣтить
Съ своей Семьей нашъ край далекій,—
И эти дни мы будемъ чтить!
Прими завѣтъ нашъ вѣковѣчный —
Наслѣдье доблестныхъ отцовъ:
Служить Царю и Руси вѣчно—
Удѣлъ счастливый казаковъ!
Мы вѣримъ, Царь, что Вседержитель
Одинъ есть Богъ на небеси,
И Всероссійскій Повелитель
Одинъ быть долженъ на Руси!
Скажи намъ, Царь, одно лишь слово,
И мы старъ-младъ изъ казаковъ,
Какъ въ дни былые, грудью снова
Пойдемъ повсюду на враговъ!...

Казачья пѣсня.

Часть VI.

ЦАРСКАЯ СЛУЖБА.

„Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
„И возьмешь ружье“...

КАЗАЧЬЕ ЗНАМЯ.

Не орелъ подъ облаками высоко летаетъ,—
То штандартъ надъ казаками гордо развѣваетъ.

Съ нимъ казакъ несокрушимый бури не боится:
Онъ привыкъ неутомимо по степямъ носиться.

Головы не преклоняетъ конь его ретивый,
Съ сѣдокомъ, какъ вихрь, летаетъ, развѣвая гривой.

Точно пулей роковою, давши свистъ протяжный,
Мчится въ бой съ степной ордою нашъ казакъ отважный.

Нашъ казакъ не вѣритъ въ горе.—удаль въ немъ сызмалу:
Что ему въ колѣно море, Русь давно узнала!

Нипочемъ морозъ трескучій, нипочемъ бураны!...
Что ему песокъ сыпучій или ураганы!

Все казакъ. Царемъ любимый. испыталъ съ терпѣньемъ.
Охраняя край родимый съ самоотверженьемъ.

И теперь коль кличъ военный чуть лишь разнесется,
Вмигъ казакъ нашъ неизмѣнный сердцемъ встрепенется!

Пѣснь услышавъ удалую, онъ взорвется къ бою,—
За Царя и Русь Святую ляжетъ головою!...

Казачья пѣсня.

I. Высокое назначеніе воина.

Казакъ—воинъ. Защита Царя и Отечества отъ враговъ. Знамя. Присяга. Качества необходимыя каждому воину.

Съ искони уже такъ повелось, что главнымъ промысломъ казака, его любимымъ и дорогимъ занятіемъ было дѣло ратное. «Какая кума, коль у кума не была,— какой казакъ, коль пороху не нюхалъ!», изстари ведется казачье присловье. Въ томъ и заключаются казачьи привилегіи, права и преимущества, сказалъ еще сорокъ лѣтъ тому назадъ бывшій тогда Военный Министръ графъ Д. А. Милютинъ, что казаки стоятъ въ первомъ ряду Государевыхъ слугъ, что на плечахъ ихъ лежитъ такое государственное тягло, которое можетъ нести только сильное духомъ и энергическое населеніе». А сила казачьяго духа давно извѣстна и блестяще выдержала самыя суровыя испытанія. Еще задолго до того, какъ въ Россіи была введена всеобщая воинская повинность, намъ говорили (см. стр. 114) матеря: «...**мы привыкли видѣть жертвы за любимаго Царя**», и мы уже «**Триста лѣтъ Царямъ служили на своихъ лихихъ коняхъ, много разъ враговъ разили, отличалися въ бояхъ**». Въ то время какъ на Руси и до сего времени боятся «красной шапки» - солдатскаго званія, казаки съ испоконъ вѣковъ считали **ратное дѣло самымъ честнымъ, святымъ и привлекательнымъ**, и первой заботой своей ставили, чтобы «**воинскимъ промысламъ помѣшки не было**».

Казакъ есть постоянный и вѣрный слуга Государя и Отечества, всегда готовый стать подъ полковыя знамена на службу для защиты родного края и для безпощадной борьбы съ врагами Русскаго Царя, внѣшними и внутренними. И эта

постоянная готовность жертвовать всѣмъ за благо Государское, за честь и корону Царскую стяжала казачеству неувядаемую славу и разнесла грозу казачьяго имени далеко за предѣлы нашего отечества.

Каждое казачье Войско, каждый полкъ имѣютъ свое знамя (штандартъ). **Знамя есть полковая (войсковая) святыня, защищать которую каждый казакъ долженъ до послѣдней капли крови.** На знамени изображается крестъ или икона —знакъ той Вѣры Православной, которой держится и крѣпнетъ Земля Русская, начальныя буквы имени Государя (вензель) и государственный гербъ (двуглавый орелъ),—показывающіе намъ, за кого и за что казаки обязаны сражаться: **за Вѣру, Царя и Отечество!**

Знамя для полка и Войска подобно «тѣльнику», кресту даваемому христіанину при крещеніи. Какъ тѣльникъ не можетъ быть оцѣненъ, проданъ, купленъ или замѣненъ другимъ, такъ и знамя не имѣетъ цѣны, и полкъ потерявшій знамя не только теряетъ свое честное имя, но и самъ перестаетъ существовать, а чины его распредѣляются по другимъ частямъ. Ближайшіе же защитники знамени разстрѣливаются.

Поступая на Царскую службу казакъ приноситъ присягу. **Присяга есть торжественная и священная клятва передъ Богомъ служить вѣрой и правдой Государю, Наслѣднику престола и Отечеству, хотябы пришлось умереть за нихъ.** А что казаки всегда умѣли умирать за Царя, за Отечество и за славу свою казачью тому примѣровъ не долго искать, долго ихъ только разсказывать. Мы уже выше видѣли такіе небывалые, сказочные примѣры казачьяго мужества, удали и отваги, какъ Азовское взятіе и сидѣніе, оборона Ачинскаго городка, Сунженскаго острога и т. д. А что и въ наши дни не умеръ еще былой казачій духъ и не гнутся казаки, тому примѣромъ можетъ служить хотябы подвигъ Уральской сотни есаула Сѣрова въ декабрѣ 1864 года подъ Иканомъ.

Сотня есаула Сѣрова была послана изъ Туркестана на усиленіе форта Перовскаго. Путь лежалъ по песчаной пустынѣ. Кругомъ бродили коканцы—лихіе наѣздники, съ которыми мы тогда воевали. Громадныя полчища ихъ хотѣли неожиданно напасть на Туркестанъ и отнять

его у русскихъ. Но 5-го декабря они, подъ Иканомъ, наткнулись на сотню Сѣрова, въ которой были 2 офицера, 5 урядниковъ и 98 казаковъ. На казаковъ выпала славная доля задержать коканцевъ до тѣхъ поръ, пока успѣютъ дать знать въ Туркестанъ. Казаки устроили изъ мѣшковъ круглый завалъ, внутри положили лошадей, а сами залегли за ними. Горсть казаковъ приготовилась встрѣтить нѣсколько тысячъ коканцевъ. Коканцы окружили со всѣхъ сторонъ Уральцевъ и стали наступать сначала тихо, а потомъ бросились вскачь. Казаки встрѣтили ихъ мѣткимъ ружейнымъ огнемъ и картечью изъ единственной пушки, бывшей съ ними. Непріятель отошелъ, но сейчасъ же снова бросился на Уральцевъ. Опять дружный огонь Уральцевъ и выстрѣлы изъ пушки заставили коканцевъ отступить. Тогда коканцы привезли пушки и выстрѣлами изъ нихъ перебили многихъ лошадей. Такъ въ неравномъ бою продержались казаки долгую тревожную ночь. Нечего и говорить,—никто не спалъ. На другой день вдали послышались выстрѣлы. Казаки надѣялись, что это идетъ къ нимъ помощь, но обманулись. Вечеромъ начальникъ коканцевъ Алимкулъ прислалъ казакамъ записку. «Куда теперь уйдешь отъ меня?» писалъ онъ: «отрядъ, высланный изъ Туркестана, разбитъ и прогнанъ назадъ; отъ твоего отряда не останется ни одного! Сдайся и прими нашу вѣру,—никого не обижу!»... Но Уральцы присягали умирать за Вѣру и Государя, и они рѣшили биться до конца. И Сѣровъ на записку Алимкула отвѣтилъ мѣткимъ огнемъ. Къ вечеру Уральцы замѣтили, что коканцы подвозятъ хворостъ и камышъ,—они рѣшили итти «подкатомъ», чтобы пули казачьи не могли ихъ бить. Ночью Сѣровъ послалъ двухъ казаковъ, Борисова и киргиза Ахмета, подать вѣсть о себѣ. На разсвѣтѣ кокандцы приблизились къ стану казаковъ и за арбами, которыя пуля пробить не могла, смѣло подступали къ сотнѣ Сѣрова. Подмоги все не было. Осталось одно или сдаться, или умереть,—и Сѣровъ рѣшилъ умереть за свою вѣру. Къ часу дня 37 Уральцевъ уже было убито. Четыре раза коканцы бросались въ рукопашную, но казаки четыре раза отбивали ихъ. Тогда Уральцы рѣшились на отчаянную попытку—

пробиться сквозь толпы коканцевъ къ городу. Заклепавъ пушку, поломавъ ружья убитыхъ товарищей, казаки съ крикомъ «ура!» выскочили изъ заваловъ и, отстрѣливаясь, бросились на оторопѣвшихъ коканцевъ. Коканцы посадили пѣшихъ стрѣлковъ на крупы лошадей и подскакивали съ ними къ храбрецамъ. И едва кто-либо изъ Уральцевъ падалъ, коканцы кидались на его тѣло и отрѣзали голову, чтобы представить ее своему хану, какъ знакъ храбрости. Но Уральцы дорого заставляли платить за эту дерзость и разстрѣливали коканскихъ смѣльчаковъ. Такъ три часа бились казаки и прошли за эти три часа лишь восемь верстъ. Наконецъ, уже къ вечеру, они услышали выстрѣлы: то бѣжала наша пѣхота на выручку казаковъ. Коканцы отступили. Стали считать живыхъ. Изъ двухъ офицеровъ одинъ, сотникъ Абрамовичевъ, оказался убитъ, другой—командиръ сотни—раненъ. Изъ пяти урядниковъ—четыре убито, а 1 раненъ; изъ 98 казаковъ 62 убито, 36 ранено. Нѣкоторые имѣли по шести ранъ, а всего осталось въ живыхъ: командиръ сотни, урядникъ и 36 казаковъ. Всѣ они получили знаки отличія Военнаго Ордена, а 4-я сотня Уральскаго казачьяго № 2-й полка знаки отличія на папахи съ надписью: «За дѣло подъ Иканомъ 4, 5 и 6 декабря 1864 года .

И чтобы не позорить славу свою казачью, добытую цѣлыми рѣками крови, пролитой нашими отцами, дѣдами и прадѣдами, казакъ долженъ съ честью носить свое казачье званіе, гордясь той тяжелой и трудной работой, которая выпала ему на долю въ дѣлѣ государственномъ. Каждый казакъ долженъ быть исполнительнымъ по отношенію къ начальнику, вѣжливымъ и предупредительнымъ ко всѣмъ окружающимъ, храбрымъ въ бою, лихимъ и расторопнымъ въ походѣ, смѣтливымъ, толковымъ и точнымъ при исполненіи возложенныхъ на него порученій, заботливымъ о своемъ конѣ, памятуя, что конь казаку и оружіе, и помощь, и другъ-товарищъ. А пуще всего долженъ казакъ беречь свою честь, не марая ее. Не долго замарать,—да не вычистишься. **Береги**, говоритъ пословица, **платье съ нову, а честь съ молоду!**

Въ тихи ночи, осенью.

Въ тихи ночи, осенью, Сунженцы гуляютъ
И про службу про свою пѣсни распѣваютъ.

Скоро, братцы, намъ въ походъ,—зима наступаетъ;
Злой Шамиль насъ въ бой зоветъ и не унываетъ,

Пусть сбираетъ свой отрядъ, что немъ торопиться?—
Изъ насъ каждый будетъ радъ съ ордою сразиться.

Въ полѣ лучше умирать,—дома не годится!
Если-жъ въ хатѣ умирать,—лучше-бъ не родиться!

Для насъ вызовъ не бѣда, былъбы Слѣпцовъ съ нами,—
Съ нимъ готовы хоть куда на коняхъ орлами!

Пусть объявитъ свой приказъ,—коней посѣдлаемъ,
Всѣ готовы въ добрый часъ, пѣсни заиграемъ...

Намъ не въ первый разъ рубить подлую ордюку,
Въ чистомъ полѣ ее бить,—разгонять лишь скуку!

И за дальнею горой эхо повторится,
Ни въ горахъ и ни въ лѣсахъ горцамъ не укрыться.

А Намѣстникъ Воронцовъ всѣмъ примѣръ покажетъ:
Намъ навѣшаетъ крестовъ и «спасибо» скажетъ!...

Казачья пѣсня.

II. СЛУЖБА КАЗАКА.

Порядокъ несенія военной службы. Служилый составъ. Приготовительный, строевой и запасный разряды. Сроки службы и порядокъ перечисленія. Казачьи чины. Выставляемыя Войскомъ части и порядокъ комплектованія. Льготные лагери.

Порядокъ несенія военной службы во всѣхъ казачьихъ Войскахъ, кромѣ Уральскаго, почти совершенно одинаковъ. Все мужское казачье населеніе считается подлежащимъ призыву на военную службу безъ различія состоянія, причемъ казаки отбываютъ эту службу на собственныхъ коняхъ и съ собственнымъ снаряженіемъ. Вооруженная сила каждаго Войска состоитъ изъ служилаго состава и ополченія. Служилый составъ Войска назначается для исполненія лежащихъ на Войскѣ военныхъ обязанностей какъ въ мирное, такъ и въ военное время; войсковое же ополченіе созывается лишь въ черезвычайныхъ обстоятельствахъ военнаго времени.

Служилый составъ раздѣляется на три разряда: приготовительный (отъ 20-ти до 21-го года), строевой (отъ 21-го до 33-хъ лѣтъ) и запасный (отъ 33-хъ до 38-ми лѣтъ). Находясь въ приготовительномъ разрядѣ, казаки обзаводятся всѣмъ необходимымъ на службѣ снаряженіемъ и обучаются началамъ военной службы; строевой разрядъ назначается для комплектованія выставляемыхъ Войсками строевыхъ частей и командъ; казаки запаснаго разряда назначаются для пополненія убыли въ строевыхъ частяхъ въ военное время и для формированія, въ военное же время, особыхъ частей и командъ.

Казаки служилаго состава неспособные къ службѣ, но способные къ труду со времени зачисленія ихъ въ эту категорію до увольненія сверстниковъ въ отставку уплачиваютъ особый сборъ (не болѣе 15-ти руб. въ годъ) въ доходъ станицъ для снаряженія бѣднѣйшихъ казаковъ на службу; уплата этого сбора можетъ быть замѣнена четырехлѣтней службой въ войсковыхъ учрежденіяхъ.

Сроки состоянія въ каждомъ разрядѣ считаются съ 1-го января. По достиженіи 21-го года казаки выходятъ на дѣйствительную службу въ первоочередныя части или въ соотвѣтствтющія имъ команды, причемъ расчетъ для наряда на службу дѣлается атаманами отдѣловъ на основаніи составляемыхъ Войсковымъ Штабомъ вѣдомостей, о потребномъ къ командированію въ службу числѣ казаковъ, и представляемыхъ станичными правленіями очередныхъ списковъ. Въ мирное время казаки строевого разряда должны пробыть на дѣйствительной службѣ 4-е года. Оставшіеся некомандированными (за излишкомъ, по болѣзни, слабости здоровья и т. п) въ первоочередныя части казаки, перечисленные въ строевой разрядъ, зачисляются въ списки льготныхъ (второочередныхъ) частей. Казаки пользующіеся правами по образованію могутъ быть зачислены въ строевой разрядъ и ранѣе 21-го года, причемъ срокъ дѣйствительной службы имъ сокращается.

Военные чины въ казачьихъ Войскахъ вполнѣ соотвѣтствуютъ общеармейскимъ чинамъ. Нижніе чины: казакъ—рядовой; урядникъ—унтеръ-офицеръ. Оберъ-офицерскіе чины: хорунжій - подпоручикъ, корнетъ; сотникъ -поручикъ; подъесаулъ—штабсъ-капитанъ, штабсъ-ротмистръ, и есаулъ—капитанъ, ротмистръ. Штабъ-офицерскіе: войсковой старшина—подполковникъ; полковникъ —полковникъ. Генеральскіе чины у казаковъ тѣ же, что и въ арміи.

Терское Войско выставляетъ на службу: въ мирное время—2 лейбъ-гвардіи Терскихъ сотни Собственнаго Его Величества Конвоя, 4-е конныхъ полка 6-ти сотеннаго состава первой очереди (1-й Кизляро-Гребенской генерала Ермолова полкъ, 1-й Горско-Моздокскій генерала Круковскаго полкъ, 1-й Волгскій полкъ и 1-й Сун-

женско-Владикавказскій генерала Слѣпцова полкъ), двѣ конныхъ батареи 4-хъ орудійнаго состава (1-я и 2-я Терскія казачьи батареи) и 4-е мѣстныхъ команды; въ военное время: 2 лейбъ-гвардіи Терскихъ сотни Собственнаго Его Величества Конвоя, 12 конныхъ казачьихъ полковъ, 2 конныхъ казачьихъ батареи, 4-е мѣстныхъ казачьихъ команды.

Полки и мѣстныя команды комплектуются изъ своихъ полковыхъ округовъ, границы которыхъ совпадаютъ съ предѣлами соотвѣтствующихъ отдѣловъ. Сотни Собственнаго Его Величества Конвоя и батареи комплектуются выборомъ людей со всего Войска. Смѣнныя команды (эшелоны) въ первоочередные полки формируются съ такимъ расчетомъ, чтобы со сборныхъ пунктовъ онѣ выступали ежегодно 10-го января. Изъ полковъ на льготу смѣнныя команды казаковъ отправляются на 4-мъ году ихъ службы: въ полкахъ Волгскомъ, Кизляро-Гребенскомъ и Сунженско-Владикавказскомъ не позже 10 августа, а въ Горско-Моздокскомъ полку 10-го декабря. Выступленіе командъ на укомплектованіе батарей и обратно увольняемыхъ на льготу производится ежегодно въ январѣ мѣсяцѣ, а казаки, поступающіе въ мѣстныя команды, отправляются къ мѣстамъ службы (или обратно) безъ опредѣленныхъ сроковъ немедленно по зачисленіи ихъ въ эти команды (или на льготу).

За время нахожденія въ служиломъ составѣ, но не на дѣйствительной службѣ, казаки приготовительнаго и строевого разрядовъ призываются на 4-е недѣли въ году, для строевыхъ и тактическихъ занятій въ учебные лагери, для которыхъ отводятся изъ войсковыхъ запасныхъ земель необходимые участки. Казаки, оставшіеся по разнымъ причинамъ не командированными въ первоочередныя части, собираются въ лагерь три раза (на второмъ, третьемъ и четвертомъ году), а казаки второй очереди 2 раза (на второмъ и четвертомъ году состоянія на льготѣ). Льготные артиллеристы собираются за все время нахожденія ихъ на льготѣ два раза, каждый разъ на 4-е недѣли. Казаки третьей очереди могутъ быть вызываемы въ учебный сборъ только съ особаго разрѣшенія Военнаго Министра, причемъ обязаны въ та-

комъ случаѣ являться на лошадяхъ годныхъ для строевыхъ занятій. Ближайшее опредѣленіе сроковъ вызова въ лагерь льготныхъ казаковъ предоставляется усмотрѣнію Наказнаго Атамана. Въ Терскомъ Войскѣ лагери эти происходятъ весною въ апрѣлѣ—маѣ и осенью въ августѣ—сентябрѣ: на рѣкѣ Камбилеевкѣ близъ Владикавказа—для Сунженскаго отдѣла, на рѣкѣ Нефтянкѣ близъ Грознаго—для Кизлярскаго отдѣла и близъ станицы Прохладной—для Моздокскаго и Пятигорскаго отдѣловъ. Артиллеристы собираются въ лагерь при 2-й батареѣ (въ Моздокѣ) въ октябрѣ.

Помимо того, на атамановъ отдѣловъ возлагается надзоръ за содержаніемъ льготными казаками въ исправности своего форменнаго оружія, а для установленія дѣйствительнаго наблюденія за вооруженіемъ, людскимъ и конскимъ снаряженіемъ и обмундированіемъ казаковъ, Наказнымъ Атаманамъ предоставляется собирать казаковъ приготовительнаго и строевого разрядовъ для повѣрки ихъ строевого имущества два раза въ годъ (обычно въ февралѣ и октябрѣ), каждый разъ не болѣе, какъ на однѣ сутки, причемъ расходы по производству этихъ осмотровъ относятся за счетъ войсковыхъ суммъ.

Полно вамъ, снѣжочки.

Полно вамъ, снѣжочки, на талой землѣ лежать,
Полно намъ, казаченьки, горе горевать!
Оставимъ тоску—печаль въ темныхъ во лѣсахъ,—
Будемъ привыкать къ чужой, дальней сторонѣ,
Будемъ уважать чужой молодой женѣ!
Съ дѣвками, съ молодками полно намъ гулять;
Чекменикъ, бешметикъ не надо намъ скидать;
Перины, подушечки пора намъ забывать...
Только-бъ не забыть намъ про коней вороныхъ!
Есть у насъ, ребятушки, крупа и мука:
Кашицы наваримъ, мягкихъ хлѣбовъ напечемъ,
Сложимся по денежкѣ,—пошлемъ за винцомъ:
Выпьемъ мы по чарочкѣ,—позавтракаемъ;
Выпьемъ по другой,—разговоры заведемъ;
Выпьемъ мы по третьей, съ горя пѣсни запоемъ.
Мы поемъ, поемъ, поемъ про свое житье-бытье:
Казачье житье, право, лучше всего:
У казака домъ—черна бурочка;
Жена молодая—винтовочка;
Ходя мы ѣдимъ, стоя выспимся;
По утру встаемъ—росой моемся;
Полою утремся, Богу молимся;
Богу помолившись, винтовки беремъ,—
Чтобъ были винтовки чисто смазанныя,
На случай тревоги позаряженныя.

Казачья пѣсня.

III. Денежное и натуральное довольствіе.

Источники положенныхъ видовъ довольствія. Что полагается строевому казаку отъ казны и Войска? Что казакъ долженъ имѣть за собственный счетъ? Отвѣтственность за порчу имущества. Пособія при поступленіи на службу.

Въ Терскомъ Войскѣ всѣ положенные виды довольствія производятся: строевымъ частямъ и командамъ, наряжаемымъ на полевую службу,—отъ казны; частямъ находящимся на льготѣ, а также мѣстнымъ командамъ —изъ войсковыхъ суммъ. Имущество первоочередныхъ и льготныхъ частей (полковъ, батарей и командъ), присвоенное каждой изъ нихъ особыми табелями или постановленіями, заводится, передѣлывается или ремонтируется частью полностью за счетъ казны (обозъ и обозныя лошади, мѣдные котелки, знаки отличія, подрывной и мастерской инструментъ, медикаменты и санитарно-ветеринарныя принадлежности и сигнальныя трубы), а частью съ возвратомъ казнѣ полной стоимости изъ войсковыхъ средствъ (огнестрѣльное оружіе съ принадлежностью и запасными частями, шанцевый инструментъ, обозные топоры, погонные ремни къ винтовкамъ, тулупы, и кеньги, сѣнокосныя косы и т. п.). Комплектные и учебные огнестрѣльные припасы отпускаются казачьимъ частямъ отъ казны, но постройка мишеней и щитовъ для стрѣльбы, а также выдача наградъ за стрѣльбу льготнымъ полкамъ и приготовительному разряду производится за счетъ войсковыхъ средствъ.

Каждый казакъ, состоя на дѣйствительной службѣ, получаетъ: жалованье (рядовой 6 руб., приказный 7 руб. 20 коп. въ годъ), ремонтныя деньги (конный 21 руб. 45 коп., пѣшій 11 руб. въ годъ), провіантъ натурою (въ день хлѣба 3 фун., или муки 2 ф. 25 1/2 зол.[39]), или сухарей 2 фун.; крупы 32 зол., чаю 1/2 зол., сахару 6 з.), мыло (1/2 ф. въ мѣсяцъ), фуражъ[40]) на одну строевую лошадь (овса или ячменя 10 ф. 30 з., сѣна 10 ф., соломы 4 ф. въ день). Одѣялами, постельнымъ и исподнимъ бѣльемъ, носовыми платками, утиральниками, мыломъ, портянками и деньгами на приклaдъ, шитье и смазку сапогъ нижніе чины всѣхъ строевыхъ частей Терскаго Войска довольствуются на общихъ съ нижними чинами регулярныхъ войскъ основаніяхъ, съ отнесеніемъ однако расходовъ, вызываемыхъ этою мѣрою, за счетъ Войска въ мѣстныхъ командахъ и войсковыхъ учрежденіяхъ. Такимъ образомъ каждый Терскій казакъ по приходѣ въ часть получаетъ: 1 одѣяло, 1 тюфячную наволоку, 1 подушечную нижнюю наволоку, 3 носовыхъ платка, 3 пары портянокъ, 2 полотенца. Затѣмъ ежегодно выдается: 1 верхняя подушечная наволочка, 1 простыня, 3 рубахи, 3 исподнихъ брюкъ, 3 носовыхъ платка, 3 пары портянокъ и 2 полотенца. Всѣ эти вещи обращаются въ собственность казака.

Кромѣ того, казакъ обязанъ пріобрѣсти за свой счетъ при поступленіи на службу: коня, шашку и кинжалъ съ поясомъ, сѣдло съ приборомъ и кожанными переметными сумами, уздечку съ чумбуромъ, недоуздокъ, торбу и холщевыя сумы для овса, вьючку, форменную черкеску и черкеску вседневную, форменный бешметъ и бешметъ вседневный, шаровары темнаго цвѣта и другіе произвольнаго цвѣта, бурку, башлыкъ, папаху парадную, папаху вседневную, 1 пару сапогъ (или чевякъ), пару теплыхъ портянокъ (или теплые носки), полушубокъ

---

39) Служащимъ урядникамъ и казакамъ 1-го Кизляро-Гребенскаго полка полагается еще добавочная дача муки, выдаваемая ихъ семействамъ за время состоянія казаковъ на службѣ внѣ домовъ.

40) Фуражъ полагается на 30 дней въ мѣсяцъ, причемъ часть года (1—2 мѣсяца) кони состоятъ на травяномъ довольствіи.

(или ватный бешметъ), 2 пары теплыхъ перчатокъ, 2 полотенца, 1 сумку съ мелочью (бухчу, капшукъ), нагайку, патронташъ, 2 пары подковъ, скребницу, щетку и треногу.

За порчу или промотаніе мундирныхъ или аммуничныхъ вещей, хотя бы и собственныхъ, казакъ во время нахожденія на службѣ подвергается наказанію по суду, какъ за порчу или промотаніе казенныхъ вещей.

Въ помощь на покупку коня, каждый конный казакъ получаетъ изъ войскового капитала сторублевое пособіе, выдаваемыя же казаку ремонтныя деньги предназначаются на исправленіе и возобновленіе предметовъ снаряженія.

Казаки, не бывшіе въ военныхъ или юнкерскихъ училищахъ, но сдавшіе установленный для полученія офицерскаго званія экзаменъ, при производствѣ въ первый чинъ съ назначеніемъ въ первоочередныя части получаютъ пособіе на обмундированіе, въ размѣрѣ трехсотъ рублей и на пріобрѣтеніе коня съ сѣдломъ 200 руб. То и другое пособіе выдается изъ войсковыхъ средствъ.

Пыль клубится.

Пыль клубится по дорогѣ, слышны выстрѣлы порой:
Изъ набѣга удалого ѣдутъ Сунженцы домой.

Много плѣну и добычи взято ими у враговъ,—
Ихъ вождемъ былъ воинъ смѣлый генералъ-маіоръ Слѣпцовъ!

Вотъ они ужъ близъ станицы, рѣзво скачутъ и поютъ.
Жены, старцы и дѣвицы всѣ навстрѣчу къ нимъ идутъ...

Градомъ сыплются вопросы изъ толпы со всѣхъ сторонъ:
«Живъ ли мужъ мой?»—Гдѣ сыночекъ?—«Живъ ли братецъ? Гдѣ же онъ?»...

Всѣ казаки веселятся и спѣшатъ подъ кровъ родной
Среди милаго семейства встрѣтить отдыхъ и покой.

Лишь одинъ казакъ не веселъ,—онъ здѣсь круглый сирота,
И чело его туманитъ грусть и горькая мечта.

Живъ ли онъ, никто не встрѣтитъ: милыхъ сердцу нѣтъ ему.
«Гдѣ же онъ?» никто не спроситъ: онъ не нуженъ никому.

Лучше-бъ легъ онъ въ бранномъ полѣ и не ѣхалъ бы домой:
Все равно его кончина не оплакана слезой!...

Слодкинъ.

IV. Собственный Его Величества Конвой.

Составъ и комплектованіе Конвоя. Учрежденіе Черноморской гвардейской сотни. Дѣло 4-го октября 1813 года. Пополненіе Конвоя Линейцами. Переформированіе 1861 года. Врученіе Терскому эскадрону штандарта 8-го октября 1868 г. Терцы въ Кишиневѣ и подъ Ловчей. Столѣтній юбилей Конвоя (19 $\frac{18}{V}$-11 г.).

Кавказскія казачьи Войска—Кубанское и Терское имѣютъ высокую честь въ числѣ строевыхъ частей своихъ, выставлять на службу Царскую четырехсотенный Собственный Его Императорскаго Величества Конвой, двѣ сотни котораго (1-я и 2-я) комплектуются Кубанцами, а двѣ сотни (3-я и 4-я)—Терцами, выборомъ людей изо всего Войска.

Конвой назначается для службы при Священной Особѣ Монарха, находится на постоянной дѣйствительной службѣ, принадлежитъ къ составу Императорской Главной Квартиры, состоитъ изъ штаба и 4-хъ сотенъ и пользуется правами Гвардіи. Командиръ Конвоя назначается по личному усмотрѣнію Государя Императора. Остальными офицерами Конвой комплектуется, по представленію командира Конвоя, посредствомъ перевода таковыхъ изъ строевыхъ частей Кавказскихъ казачьихъ Войскъ, въ видѣ особой высшей награды и притомъ изъ принадлежащихъ къ числу: а) природныхъ казаковъ, б) достойныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, в) окончившихъ курсъ въ военныхъ или юнкерскихъ училищахъ, г) прослужившихъ на дѣйствительной службѣ въ офицерскихъ

чинахъ не менѣе двухъ лѣтъ и д) пробывшихъ послѣ того прикомандированными (въ чинѣ не выше сотника) къ Конвою для испытанія не менѣе четырехъ мѣсяцевъ. Въ Кубанскія сотни могутъ быть переводимы только офицеры Кубанскаго Войска, а въ Терскія только Терскаго.

Мундиръ Собственнаго Его Величества Конвоя есть высокое и почетное отличіе для Кавказскаго казака, а потому выбору въ Конвой на службу могутъ удостаиваться только отличнѣйшіе во всѣхъ отношеніяхъ нижніе чины, по-преимуществу, оказавшіе боевыя отличія. Строевой составъ сотенъ Конвоя комплектуется выборомъ казаковъ Кубанскаго и Терскаго казачьихъ Войскъ, для чего командиръ Конвоя разъ въ годъ командируетъ въ каждое Войско по одному офицеру; эти офицеры отводятъ въ Войска эшелонъ отслужившихся казаковъ и затѣмъ остаются въ Войскахъ на годъ для производства выбора подходящихъ казаковъ путемъ объѣзда станицъ Войска. Нижніе чины, предназначенные въ Конвой, должны быть: вполнѣ возмужалые, физически окрѣпшіе, совершенно здоровые, видные, безъ физическихъ недостатковъ, ростомъ не ниже 2 арш. 7 вер., хорошей нравственности и отлично усвоившіе требованія службы. При зачисленіи въ Конвой казакъ долженъ имѣть въ полной исправности: 1) черкеску, бешметъ, шаровары произвольнаго цвѣта, башлыкъ коричневый, бурку и черную папаху конвойнаго образца, три пары бѣлья, сапоги, чевяки съ ноговицами и бурочные чулки; 2) вполнѣ годнаго къ строевой службѣ коня (допускаются всѣ масти, кромѣ сѣрыхъ и пѣгихъ), ростомъ 2 арш. 1 1/2 верш.—2 арш. 2 1/2 верш.; 3) сѣдло и весь конскій уборъ кавказскаго, существующаго въ Конвоѣ, образца и 4) исправную шашку съ портупеей и кинжалъ съ поясомъ. Къ 5-му мая всѣ выбранные нижніе чины собираются по распоряженію Наказныхъ Атамановъ на сборные пункты: Кубанскіе въ станицу Пашковскую, а Терскіе—въ стануцу Прохладную, откуда 20-го мая выступаютъ въ Петербургъ.

Всѣ нижніе чины, поступившіе въ Конвой на службу, обязаны прослужить въ немъ установленные сроки

и, во всякомъ случаѣ, не менѣе двухъ лѣтъ со дня прихода въ Конвой, послѣ чего, по собственному желанію и удостостоенію начальства, могутъ продолжать службу въ Конвоѣ или же увольняются въ Войска.

За безпорочную службу въ Собственномъ Его Величества Конвоѣ учрежденъ особый знакъ съ вензелевыми изображеніями именъ Императоровъ, при которыхъ получающіе этотъ знакъ имѣли счастье служить, со дня учрежденія его 4-го октября 1883 года. Знакъ (для офицеровъ—золотой, для нижнихъ чиновъ—штампованный изъ бѣлаго металла) носится на лѣвой сторонѣ груди при всѣхъ формахъ обмундированія, хотя бы и другихъ частей войскъ, а равно и въ отставкѣ. Право ношенія знака предоставляется: а) командующему Императорской Главной Квартирой при оставленіи имъ этой должности, б) штабъ и оберъ-офицерамъ, при выбытіи ихъ изъ Конвоя, и тѣмъ нижнимъ чинамъ, которые, при отчисленіи на льготу, въ запасный разрядъ и въ отставку, будутъ заслуживать этого отличія.

Начало Собственному Его Величества Конвою было положено равно сто лѣтъ тому назадъ, 18-го мая 1811 года, когда Императоръ Александръ I Благословенный пожелалъ имѣть при себѣ, въ числѣ гвардіи своей, конную сотню казаковъ отъ Войска Черноморскаго (вошедшаго потомъ въ составъ Кубанскаго) изъ «**лучшихъ людей, подъ командой изъ ихъ же Войска одного штабъ-офицера и потребнаго числа офицеровъ изъ отличнѣйшихъ людей**». Едва только сотня эта была сформирована и прибыла въ Петербургъ (12-го февраля 1812 года), какъ уже двинута была на Западную границу въ дѣйствующую армію—это былъ великій 1812 годъ, годъ «Отечественной Войны». Черноморцамъ, вошедшимъ въ составъ Лейбъ-Казачьяго полка, пришлось много поработать какъ при отсупленіи къ Москвѣ, такъ и при преслѣдованіи французовъ до Парижа. Особенно счастливый боевой подвигъ удалось имъ совершить 4-го октября 1813 года, въ битвѣ подъ Лейпцигомъ, когда, сопровождая и охраняя Священную Особу Императора, они были посланы самимъ Государемъ въ атаку во флангъ французской кавалеріи, сильно тѣснившей центръ нашихъ войскъ. Несмотря на

страшно неудобную мѣстность (путь пересѣкался топкимъ ручьемъ), Конвой Государя съ беззавѣтною удалью помчался вслѣдъ за лихимъ командиромъ — полковникомъ Ефремовымъ, перебрался черезъ ручей и во-время подоспѣлъ на помощь тѣснимой части нашего расположенія, нанеся внезапный и потому тѣмъ болѣе страшный ударъ непріятелю. Успѣшная атака французовъ была остановлена, и ихъ побѣда обратилась въ пораженіе. За геройскій подвигъ полковникъ Ефремовъ получилъ крестъ св. Георгія 3-ей степени, а командиръ Черноморскаго эскадрона полковникъ Бурсакъ—св. Георгія 4-й степени, Получили награжденія и прочіе чины эскадрона, которому за геройское дѣло были пожалованы Государемъ Георгіевскій штандартъ и серебрянныя трубы. Незабвенный съ того времени для Черноморцевъ день 4-го октября сталъ впослѣдствіи днемъ годового праздника Собственнаго Его Величества Конвоя, а св. Іерофей, память котораго въ этотъ день празднуется, сдѣлался его патрономъ и защитникомъ.

Въ 1832 году составъ Конвоя былъ пополненъ сборной полусотней Линейскихъ казаковъ, составленной изъ Сборнаго Линейнаго казачьяго дивизіона, бывшаго съ графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ въ Царствѣ Польскомъ. Еще нѣсколько ранѣе для конвойной службы при Государѣ былъ сформированъ лейбъ-гвардіи Кавказско-Горскій полуэскадронъ, комплектовавшійся изъ знатныхъ грузинъ и кавказскихъ горцевъ. Такимъ образомъ въ 1833 году Конвой состоялъ уже изъ двухъ эскадроновъ Черноморцевъ, Линейцевъ, грузинъ и горцевъ.

Когда въ 1861 году произошло раздѣленіе казачьихъ Войскъ Сѣвернаго Кавказа на два Войска: Терское и Кубанское, то въ Конвоѣ уже было три казачьихъ эскадрона, каждый изъ которыхъ комплектовался на 2/3 изъ Кубанцевъ и на 1/3 изъ Терцевъ. Такой порядокъ былъ скоро признанъ неудобнымъ и въ 1867 году 7-го октября послѣдовало Высочайшее повелѣніе о комплектованіи впредь отдѣльно двухъ эскадроновъ отъ Кубанскаго и одного отъ Терскаго Войска. Въ томъ же году, 12-го декабря, Терскому эскадрону былъ Всемилостивѣйше пожалованъ особый **Георгіевскій штандартъ «за от-**

личную боевую службу Терскаго казачьяго Войска». Сформированный на новыхъ началахъ лейбъ-гвардіи Терскій казачій эскадронъ Собственнаго Его Величества Конвоя, подъ командой ротмистра И. Ив. Сафонова выступилъ въ половинѣ мая изъ сборнаго лагеря подъ станицей Прохладной, а 15-го августа благополучно прибылъ въ Петербургъ.

8-го октября въ 11 часовъ утра въ Золотой залѣ Зимняго Дворца произошло торжество прибивки штандарта, а въ Михайловскомъ манежѣ состоялось освященіе его и врученіе эскадрону, причемъ эскадронъ былъ осчастливленъ слѣдующими словами Императора: «**Поздравляю васъ съ новымъ штандартомъ! Я лично имѣлъ случай убѣдиться въ славной боевой службѣ Терскаго Войска на Кавказѣ, и, жалуя вамъ штандартъ, я увѣренъ въ томъ, что вы будете служить всегда такъ же, какъ ваши Кавказскіе товарищи!**» Высокій подъемъ духа, проявленный при этомъ торжественномъ событіи Терцами, поэтически описанъ командиромъ эскадрона И. Ив. Сафоновымъ въ написанной имъ по этому случаю пѣснѣ «Полнымъ сердцемъ торжествуя, Терцы весело поютъ», сдѣлавшейся одной изъ любимѣйшихъ пѣсенъ Терскихъ казаковъ (у насъ напечатана на 1-й страницѣ).

Прошло нѣсколько лѣтъ и разразившаяся война съ Турціей 1877—1878 года дала Терскому эскадрону возможность и случай доказать на дѣлѣ, насколько оправдываютъ казаки высокое довѣріе Государя, оказанное эскадрону. 2-ой Кубанскій и Терскій эскадроны были двинуты противъ Турокъ въ составѣ Дунайской арміи. 12-го апрѣля 1877 года Государь произвелъ всѣмъ собраннымъ на границѣ, въ Кишиневѣ, войскамъ смотръ, во время котораго былъ объявленъ манифестъ о войнѣ. Государь поздравилъ войска съ походомъ, а Конвою при этомъ сказалъ: «**Благодарю васъ за молодецкую службу при Мнѣ! Поручаю вамъ Брата** (Великаго Князя Николая Николаевича)! **Берегите его, а когда онъ пуститъ васъ въ дѣло, то, надѣюсь, будете молодцами и не посрамите славу вашихъ отцовъ!**» Командовавшій тогда Терскимъ эскадрономъ ротмистръ П. Т. Кулебякинъ написалъ по этому случаю еще болѣе распространенную пѣсню «Съ Богомъ Терцы»,

пѣсню, сдѣлавшуюся какъ бы войсковымъ гимномъ. 22-го августа того же года Терскій эскадронъ заслужилъ свой Георгіевскій штандартъ и покрылъ себя безсмертной славой геройской своей атакой на турецкую пѣхоту въ бою подъ Ловчей (см. выше стр. 201—207).

19-го мая 1911 года Государевъ Конвой праздновалъ столѣтній юбилей своего существованія. Наканунѣ этого дня, 17-го мая, въ Полукругломъ залѣ Александровскаго дворца въ Царскомъ Селѣ совершена была въ Высочайшемъ присутствіи торжественная прибивка новаго штандарта, Всемилостивѣйше пожалованнаго Конвою по случаю столѣтія Царской его службы, послѣ чего **Наслѣднику Цесаревичу** какъ Августѣйшему Атаману всѣхъ казачьихъ Войскъ, **Терской Депутаціей были поднесены подарки отъ Терскаго Войска:** конь съ сѣдломъ и полнымъ снаряженіемъ и войсковой мундиръ. А въ самый день торжества на площадкѣ передъ Большимъ Церскосельскимъ дворцомъ состоялся Высочайшій смотръ Конвою и врученіе новаго штандарта и грамоты на него Командиру Конвоя свиты Его Величества генералъ-маіору князю Ю. И. Трубецкому. Чины Конвоя были приведены къ присягѣ и прошли предъ Его Величествомъ церемоніальнымъ маршемъ, причемъ за сотнями Конвоя слѣдовали красивыя линіи офицеровъ и казаковъ въ старинныхъ формахъ Конвоя.

На парадѣ присутствовалъ и Его Императорское Высочество **Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великій Князь Алексѣй Николаевичъ**, и Августѣйшія Дочери Государя Императора Великія Княжны **Ольга** Николаевна, **Татіяна** Николаевна, **Марія** Николаевна и **Анастасія** Николаевна, а также много приглашенныхъ гостей и посторонней публики.

Во главѣ приглашенныхъ явились старослуживые Конвойцы и депутаціи отъ Кавказскихъ казачьихъ войскъ во главѣ съ Наказными Атаманами. Депутація отъ Терскаго Войска состояла изъ четырехъ офицеровъ (Наказный Атаманъ Генералъ-Лейтенантъ **А. С. Михѣевъ**, Начальникъ Войскового Штаба Генералъ-Маіоръ **Ѳ. Г. Чернозубовъ**, Войсковой Старшина **Э. А. Мистуловъ**, Есаулъ **И. А. Борисовъ**) и шесть нижнихъ чиновъ (отставной вахмистръ ст. Георгіевской Бонифатій **Серебряковъ**, отстав-

ной урядникъ атаманъ ст. Галюгаевской Терентій **Ивановъ**, отставной урядникъ ст. Сунженской Хрисанфъ **Калашниковъ**, отставной вахмистръ атаманъ ст. Ардонской Левъ **Швыдковъ**, 1-го Сунженско-Владикавказскаго генерала Слѣпцова полка вахмистръ подхорунжій Сергѣй **Зимоглядовъ**, 2-й Терской батареи вахмистръ подхорунжій Андрей **Игольниковъ**, младшій урядникъ 1-го Кизляро-Гребенского полка Артемъ **Болдыревъ**, 1-го Кизляро-Гребенского полка приказный **Кузьминъ**).

Послѣ парада Государю Императору была поднесена пробная порція казачьяго обѣда, причемъ Его Величеству благоугодно было выпить за процвѣтаніе Конвоя чарку вина и произнести слѣдующія знаменательныя слова:

«**Сто лѣтъ Конвой честно и вѣрно служилъ своимъ Царямъ и Родинѣ какъ въ походахъ, такъ и въ мирное время. Предки Мои цѣнили, какъ и Я, беззавѣтную преданность Кубанскихъ и Терскихъ казаковъ Конвоя. Увѣренъ, что и грядущія его поколѣнія будутъ служить по примѣру своихъ славныхъ предковъ.**

«**Благодарю прежде служившихъ и нынѣ находящихся въ строю Конвоя за службу. За вѣрную вашу службу, казаки, Мое сердечное спасибо!...**

«**За дальнѣйшую славу Моего Конвоя, за здоровье прежде въ немъ служившихъ и за ваше здоровье, казаки!... Ура!...**».

Дружными кликами «ура» со стороны казаковъ были покрыты милостивыя слова Государя, который затѣмъ прослѣдовалъ во внутренніе покои дворца, гдѣ состоялся для офицеровъ Конвоя и особо приглашенныхъ гостей завтракъ въ Высочайшемъ присутствіи.

На другой день Конвой дѣлалъ обѣдъ своимъ гостямъ въ новомъ зданіи офицерскаго собранія Конвоя, пожалованномъ Конвою Государыней Императрицей Александрой Ѳеодоровной. Передъ обѣдомъ прибывшими депутаціями отъ Терскаго и Кубанскаго войскъ, а также отъ полковъ Гвардіи, были произнесены привѣтственные адресы и поднесены Конвою подарки. Отъ Терскаго войска поднесена была большая чаша, украшенная серебряными грифонами (гербъ дома Романовыхъ) и адресъ слѣдующаго содержанія: «**При Грозномъ Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ стали грудью на Терекѣ казаки Гребенскіе. Подхо-**

дили затѣмъ триста лѣтъ войска Терское, Кизлярское да Волгское; полки Моздокскій, Горскій, Сунженскій и Владикавказскій.

Лилась кровь русская, росла Слава Казачья.. Изъ Черноморіи потребовалъ себѣ БЛАГОСЛОВЕННЫЙ Царь-Батюшка охрану надежную, дружину вѣрную. Подкрѣпили ее казаки Кубанскіе и Терскіе.

Оправдала себя Дружина Царская.

На большой вѣковой казачій праздникъ долга, чести и вѣрности, какъ въ древности, прибыла съ Терека Зимовая Станица... За службу Царскую Конвою Государеву низко кланяется!»...

Привѣтствіе Войсковому Атаману.

Громче пойте и стройнѣе
Атаману маршъ скорѣй,
Смѣло, дружно и сильнѣе,
По-казацки—веселѣй!

Атаманъ нашъ новый знаетъ
Духъ казачій, и за то
Царь его къ намъ посылаетъ,
Что мы любимъ всѣ его.

Братцы! будемъ веселиться,
Будемъ весело служить,
Службой Царскою гордиться,
Царя-Батюшку любить!

Не забудемъ дѣдовъ славы,
Кавказскихъ старыхъ храбрецовъ,—
На военныя забавы
Казакъ—первый изъ удальцовъ...

«Ура!» Царю и Атаману
Отъ Кавказскихъ казаковъ!
Враговъ бить всѣхъ безъ обману
Нашъ казакъ всегда готовъ!...

Колотилинъ.

V. Конные полки и батареи Терскаго войска.

Общія правила. Порядокъ службы конныхъ полковъ. Управленіе полкомъ. Стоянки Терскихъ полковъ. Возникновеніе полевой Кавказской казачьей артиллеріи. Порядокъ службы въ батареяхъ. Стоянки Терскихъ батарей.

Строевыя части и команды находятся въ подчиненіи Наказному и Войсковому Наказному Атаманамъ, но во время нахожденія на службѣ внѣ предѣловъ водворенія своихъ Войскъ, строевыя казачьи части подчиняются строевому начальству военныхъ округовъ и командующимъ войсками областей въ установленномъ порядкѣ, съ тѣмъ однако, что Войсковой Наказный Атаманъ о всѣхъ распоряженіяхъ, имѣющихъ вліяніе на общій порядокъ службы строевыхъ казачьихъ частей, расположенныхъ внѣ округовъ водворенія, входитъ въ соглашеніе съ главными начальниками соотвѣтствующихъ военныхъ округовъ, которые въ свою очередь по важнѣйшимъ вопросамъ, касающимся расположенныхъ въ предѣлахъ подвѣдомственныхъ имъ округовъ строевыхъ казачьихъ частей, входятъ въ предварительное соглашеніе съ соотвѣтствующимъ Войсковымъ Наказнымъ Атаманомъ.

Выставляемые Терскимъ Войскомъ полки формируются въ четырехъ полковыхъ округахъ, соотвѣтствующихъ отдѣламъ области, и раздѣляются на три очереди изъ которыхъ первая состоитъ на дѣйствительной службѣ, а вторая и третья на льготѣ. Во второочередныхъ полкахъ содержится въ мирное время на службѣ только

лишь штабъ полка; излишніе офицеры находятся въ соотвѣтствующемъ 1-мъ полку, а нижніе чины проживаютъ въ станицахъ, имѣя въ постоянной боевой готовности коней, снаряженіе и обмундированіе. Въ третьихъ полкахъ и командный составъ и нижніе чины въ мирное время состоятъ только по спискамъ и проживаютъ дома, имѣя въ постоянной готовности обмундированіе и снаряженіе; отъ содержанія въ наличносли строевого коня казаки трерьей очереди освобождаются.

Управленіе и порядокъ несенія строевой службы въ конныхъ казачьихъ полкахъ тожественны съ порядками принятыми въ регулярной кавалеріи, съ той только разницей, что въ отношеніи внѣшняго вида казачьихъ частей, принимая во вниманіе заготовку предметовъ снаряженія и обмундированія казаковъ собственнымъ ихъ попеченіемъ, отъ казаковъ не требуется такого же однообразія, какое существуетъ въ регулярныхъ частяхъ, и что въ казачьихъ частяхъ ни въ какомъ случаѣ не должно разбивать людей по сотнямъ для подбора лошадей по мастямъ, для болѣе строгаго ранжира «или по какимъ бы то ни было другимъ причинамъ, обусловливающимъ внѣшній видъ казачьей части.»

Изъ первоочередныхъ полковъ Терскаго Войска въ настоящее время только лишь одинъ 1-й Кизляро-Гребенской генерала Ермолова полкъ расположенъ въ предѣлахъ области (штабъ полка въ городѣ Грозномъ), состоя въ 3-ей Кавказской казачьей дивизіи. 1-й Горско-Моздокскій генерала Круковского полкъ стоитъ на турецкой границѣ (мѣстечко Ольты, Карской области) и входитъ въ составъ 1-й Кавказской казачьей дивизіи. 1-й Сунженско-Владикавказскій генерала Слѣпцова полкъ состоитъ во 2-й Кавказской казачьей дивизіи и расположенъ на персидской границѣ (урочище Ханъ-Кенды, близъ города Шуши, Елисаветпольской губерніи). 1-й Волгскій полкъ находится на австрійской границѣ (городъ Каменецъ-Подольскъ), въ составѣ 2-й Сводной казачьей дивизіи.

Въ 1808 году, по мысли командующаго 19 и 20 артиллерійскими бригадами, генералъ-лейтенанта Капцевича, для всѣхъ поселенныхъ на Кавказской Линіи казачьихъ

частей были сформированы двѣ казачьи конно-артиллерійскія роты, въ двѣнадцатиорудійномъ составѣ каждая, съ присвоеніемъ имъ номеровъ 4-й и 5-й. Первыя три номера были Донскіе. При этомъ имѣлись въ виду двѣ выгоды: сбереженіе регулярной артиллеріи отъ трудныхъ и разъединенныхъ движеній по гористымъ мѣстамъ и значительная дешевизна для казны по содержанію такого рода оружія для передовой казачьей службы. Въ этихъ послѣднихъ видахъ казакамъ были выданы отъ казны одни только орудія съ принадлежностью и назначены къ отпуску огнестрѣльные припасы, съ нѣкоторымъ единовременнымъ пособіемъ на первоначальное обзаведеніе; затѣмъ пріобрѣтеніе и содержаніе лошадей съ упряжью, ремонтированіе орудій и ящиковъ и другія хозяйственныя потребности отнесены на собственный счетъ казаковъ. Комплектованіе ротъ офицерами и нижними чинами возложено также на казачьи части пропорціонально числу служащихъ людей въ каждой изъ нихъ. На продовольствіе артиллерійскихъ лошадей казна отпускала деньги, поставлять же фуражъ въ натурѣ должны были казачьи части, каждая свою долю.

Въ настоящее время въ Терскомъ войскѣ двѣ конныхъ казачьихъ батареи 1-я и 2-я. Обѣ онѣ находятся въ мирномъ составѣ постоянно на службѣ, и потребное для укомплектованія ихъ, въ случаѣ надобности, до штатовъ военнаго времени число людей находится на льготѣ. Командиры и офицеры батарей находятся на службѣ въ батареяхъ постоянно, а нижніе чины смѣняюеся, по мѣрѣ выслуги срока дѣйствительной службы, молодыми казаками. Льготные чины артиллеріи обязаны имѣть въ постоянной готовности обмундированіе, вооруженіе, снаряженіе и строевыхъ лошадей.

Первая Терская батарея стоитъ въ городѣ Ахалкалакахъ (уѣздномъ) Тифлисской губерніи, а вторая въ предѣлахъ области—въ городѣ Моздокѣ.

Сусловское дѣло.

(Дѣло Гребенцовъ 24-го мая 1846 года при Амиръ-Аджи-Юртѣ).

Темной ночью зазвонили сильно въ колоколъ большой.
Встрепенулася станица, нарушивъ ночной покой.

Жены бросились въ конюшни осѣдлать борзыхъ коней,
Чтобы дать мужьямъ возможность быть на мѣстѣ всѣхъ скорѣй.

И всѣ мчатся къ колокольнѣ,—молодые, старики...
А на Терекѣ далеко слышны отзвуки стрѣльбы.

Не успѣли всѣ собраться, уже Сусловъ прискакалъ,
И безъ строя понеслися, кто и какъ куда попалъ.

Двадцать верстъ ужъ проскакали длинной лентою живой,
Каждый хочетъ отличиться, чтобъ попасть въ передній строй.

Живо Терекъ переплыли за станицей Щедриномъ,
И совсѣмъ вѣдь позабыли, что тутъ близко есть паромъ.

Акъ-Булатъ-Юртъ миновали,—видимъ всадниковъ вдали.
Перестрѣлку завязали,—они были таковы...

Тутъ-то мы, кто удалѣе, бьемъ нагайкой лошадей.
Отставай, чья послабѣе! догоняй, чей конь сильнѣй!

И всѣ кучей налетѣли на засаду подлецовъ,
Пули вслѣдъ намъ засвистѣли, огорошивъ молодцовъ.

Дѣлать нечего ужъ было; стали строиться въ каре,
Все замолкло и застыло,—пришлось думать о себѣ.

Тутъ Камковъ лишь зычно крикнулъ: «Положите лошадей!»...
Точно всѣ отъ сна очнулись, сразу стало веселѣй.

Полегли между конями, ружья вынувъ наголо,
И удачно отражали мы злодѣя своего.

Такъ мы бились три часочка противъ тысячъ полторы,
Не отдавъ имъ ни кусочка нами занятой земли...

Камкевъ, стоя (и безъ шапки) по срединѣ молодцовъ,
Всѣмъ кричалъ: «Не бойтесь, братцы,—не сломить имъ Гребенцовъ!»

Хоть насъ было меньше сотни, но дрались мы точно львы...
Сталъ патроновъ недостатокъ,—шашки вынули тутъ мы.

Славный Сусловъ приказалъ намъ зарядить въ послѣдній разъ
И въ упоръ стрѣлять злодѣевъ, чтобы знали они насъ.

Притаивъ свое движенье, ждемъ отчаяный налетъ...
Что же видимъ? отступленье! Оттолкнулся вражій сбродъ.

Оказалося, что горцы услыхали дальній гулъ:
То спѣшили Кабардинцы,—на подмогу Майдель дулъ.

Онъ ракетой вѣстовою уже подалъ свой ясакъ,
И чеченцы всей толпою отхлынули назадъ.

И мы всѣ перекрестились, дружный сдѣлавъ залпъ по нихъ,—
Горцы въ бѣгство обратились, насъ оставили однихъ.

Много нашихъ тамъ побито... Раны-жъ нечего считать:
Слава древняя добыта,—будутъ горцы ее знать!

Вспомнимъ храбраго Камкова! Вспомнимъ Суслова—отца!
Мы у Гребня всѣ готовы служить правдой до конца!..

Гребенская казачья пѣсня.

VI. Мѣстныя команды, музыкантскій хоръ и военно-ремесленная школа.

Мѣстныя команды. Войсковой музыкантскій хоръ. Оружейныя мастерскія. Войсковая военно-ремесленная школа. Войсковая сѣдельно-шорно-обмундировальная мастерская.

Мѣстныя казачьи команды назначаются для службы при войсковыхъ учрежденіяхъ. Служба казаковъ въ мѣстныхъ командахъ считается на равнѣ со службой въ строевыхъ частяхъ, и смѣна казаковъ производится ежегодно по расчету четырехлѣтняго срока службы.

Завѣдываніе мѣстными командами Терскаго Войска возлагается на офицеровъ, состоящихъ въ распоряженіи войсковаго начальства, съ предоставленіемъ этимъ офицерамъ правъ сотеннаго командира. Переписка по дѣламъ мѣстныхъ командъ ведется при канцеляріяхъ соотвѣтствующихъ второочередныхъ полковъ, на командующихъ которыми возлагается и высшее начальствованіе надъ командами.

Войсковой музыкантскій хоръ Терскаго Казачьяго Войска состоитъ въ прикомандированіи къ Войсковому Штабу, начальникъ котораго пользуется по отношенію къ хору правами полкового командира. Непосредственное завѣдываніе хоромъ возлагается (съ правами командира сотни) на одного изъ офицеровъ, состоящихъ въ распоряженіи войскового начальства. Хоръ содержится по штату и комплектуется нижними чинами строевого разряда, съ допускомъ также казаковъ приготовительнаго разряда и малолѣтковъ. Отслужившіе свой обяза-

тельный срокъ музыканты могутъ оставаться на сверхсрочную службу на особыхъ основаніяхъ. Въ составъ хора допускаются и вольнонаемные музыканты. Всѣ чины хора служатъ пѣшими на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и вообще нестроевые въ казачьихъ частяхъ. Для обученія музыкантовъ и пѣвчихъ (могущаго быть образованнымъ хора) состоятъ вольнонаемные, по договорамъ, капельмейстеръ и регентъ, подчиненные завѣдывающему хоромъ. Внутренній порядокъ въ хорѣ, служба его, а также и обязанности чиновъ опредѣляются инструкціей, утверждаемой Наказнымъ Атаманомъ.

При складахъ имуществъ льготныхъ войсковыхъ частей состоятъ по одной штатной оружейной мастерской въ каждомъ изъ отдѣловъ. Эти мастерскія находятся въ вѣдѣніи завѣдывающихъ оружіемъ второочередныхъ полковъ, командующимъ которыми мастерскія подчиняются, подъ общимъ надзоромъ Атамановъ отдѣловъ.

Для распространенія въ войсковомъ населеніи ремесленныхъ знаній, необходимыхъ для изготовленія предметовъ обмундированія и снаряженія выходящимъ на службу казакамъ, а также для приготовленія строевымъ частямъ Войска знающихъ мастеровъ и подмастерьевъ, въ городѣ Владикавказѣ существуетъ Войсковая Военно-Ремесленная Школа на 60 учениковъ, составляющихъ въ строевомъ отношеніи полусотню. Состоя въ непосредственномъ завѣдываніи начальника школы, школа подчиняется Наказному Атаману чрезъ Начальника Войскового Штаба. Въ ученики школы принимаются одинъ разъ въ годъ, казаки Терскаго Войска въ возрастѣ отъ 16-ти до 19-ти лѣтъ (считая къ 1-му сентября), причемъ при опредѣленіи въ школу преимущество отдается менѣе состоятельнымъ. Принятые въ школу ученики содержатся въ ней и снабжаются необходимымъ обмундированіемъ, снаряженіемъ и вооруженіемъ за счетъ Войска и на все время нахожденія въ школѣ освобождаются отъ личныхъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей.

Курсъ обученія въ школѣ трехлѣтній (младшій, старшій и спеціальный классы) и раздѣляется на теоретическій и практическій. Теоретическій курсъ, проходимый только въ двухъ низшихъ классахъ, составляютъ

слѣдующіе предметы (въ объемѣ полковыхъ учебныхъ командъ): Законъ Божій, чтеніе и письмо, ариѳметика, геометрія и черченіе. Практическій курсъ заключается въ изученіи одного изъ положенныхъ въ школѣ ремеслъ. Кромѣ того, ученики всѣхъ трехъ классовъ занимаются фронтовыми ученіями, стрѣльбою въ цѣль, хоровымъ пѣніемъ, чтеніемъ (и разсказами) изъ казачьей исторіи и изученіемъ свѣдѣній, обязательныхъ для каждаго казака. На іюль и августъ ученики школы могутъ быть увольняемы, по желанію, въ отпускъ съ проѣздомъ за собственный счетъ, а не воспользовавшіеся этимъ правомъ остаются для практическихъ занятій въ школѣ.

Выпускные экзамены ученикамъ, кончившимъ курсъ спеціальнаго класса, производится изъ предметовъ, преподававшихся во всѣхъ классахъ школы, особыми комиссіями, назначаемыми Наказнымъ Атаманомъ, причемъ выпускаемые изъ школы ученики раздѣляются по своимъ успѣхамъ на три разряда. Первый разрядъ получаетъ аттестатъ на званіе мастера, второй на званіе подмастерья, а третьему разряду выдается, взамѣнъ аттестата, свидѣтельство о прохожденіи курса. Выпущенные изъ школы ученики состоятъ на особомъ учетѣ въ управленіяхъ Атамановъ Отдѣловъ и командируются, въ установленномъ порядкѣ, на службу какъ въ строевыя части, такъ и въ оружейныя мастерскія и въ военно-ремесленную школу.

При Владикавказской военно-ремесленной школѣ Терскаго Войска учреждена въ 1902 году мастерская съ сѣдельно-шорнымъ и обмундировальнымъ отдѣленіями, подчиняющаяся Наказному Атаману чрезъ Войсковой Штабъ. Мастерская эта имѣетъ цѣлью предоставить выходящимъ на службу молодымъ казакамъ возможность пріобрѣтать вполнѣ форменные предметы казачьяго и конскаго снаряженія по недорогой цѣнѣ и хорошаго качества; служить практическимъ цѣлямъ обученія учениковъ войсковой военно-ремесленной школы и подготовлять для строевыхъ частей Войска основательно обученныхъ своему дѣлу шорниковъ, сѣдельниковъ и портныхъ.

Работы въ мастерской производятся положенными

по штату мастеровыми и учениками военно-ремесленной школы, на начальника которой возлагается завѣдываніе мастерской. Сверхъ штатнаго числа учениковъ школы, къ занятію въ мастерской допускаются, въ качествѣ приходящихъ учениковъ, казаки изъ числа не состоящихъ на дѣйствительной службѣ. Число такихъ приходящихъ учениковъ опредѣляется Наказнымъ Атаманомъ, которому предоставляется утверждать инструкціи и табели, устанавливающія внутренній распорядокъ мастерской, расписаніе занятій и снабженіе ея инструментомъ. Въ случаѣ мобилизаціи Войска, мастерская продолжаетъ свою дѣятельность впредь до особаго распоряженія Войскового Наказнаго Атамана.

Экспедиція въ Чечню.

(Январь 1852 года).

Эй, Сунженцы—молодцы! вспомнимъ, какъ недавно
Разудалые бойцы мы дралися славно!

За Аргуномъ за рѣкой, въ сторонѣ чеченской,
Мирно двинулся нашъ строй въ свѣтлый день крещенскій.

То-то славный былъ денекъ! Но второй былъ краше:
Автуры и Гельдыгенъ взяты грудью нашей.

Бой былъ страшенъ, но для насъ то была потѣха,
Мы дралися цѣлый часъ скоро и съ успѣхомъ.

Скачетъ князь нашъ Воронцовъ на конѣ предъ строемъ,
Ободряетъ молодцовъ, дѣйствуетъ героемъ.

Князь Барятинскій насъ велъ, Круковской былъ съ нами,—
На чеченцевъ страхъ нашелъ, дрогнули сердцами.

Задрожалъ Шамиль, унылъ и рванулся къ бою.
Видитъ: плохо,—но палитъ съ буйной головою.

Всѣ бѣжатъ, Шамиль бѣжитъ отъ большого страху...
Говорятъ, плакалъ Шамиль, рвалъ свою папаху...

Вмигъ винтовку онъ схватилъ, князю въ грудь направилъ,
Пуль четыре отпустилъ... не попалъ,—оставилъ.

Казачья пѣсня.

VII. Выходъ изъ войскового сословія и зачисленіе въ него.

Служба внѣ Войска и увольненіе изъ войскового сословія. Зачисленіе въ войсковое сословіе.

Лицамъ казачьяго сословія предоставляется право поступленія на службу внѣ своего войска (за исключеніемъ лицъ, не отбывшихъ службы въ своемъ войскѣ), перечисленія въ другія казачьи войска и совершеннаго выхода изъ войскового сословія, если только выходъ этотъ не ставитъ Войско въ затрудненіе при исполненіи лежащихъ на Войскѣ военныхъ обязанностей въ мирное и военное время, и если выходящій удовлетворяетъ слѣдующимъ условіямъ: 1) имѣетъ не менѣе 17-ти лѣтъ отъ роду, 2) отказывается отъ участія въ пользованіи станичными землями, 3) уплатилъ всѣ недоимки и повинности, 4) не состоитъ подъ слѣдствіемъ и судомъ, 5) обезпечилъ исправное снаряженіе на службу нераздѣльно живущихъ съ нимъ достигшихъ 17-ти лѣтъ малолѣтнихъ родственниковъ, остающихся въ войсковомъ сословіи, 6) имѣетъ согласіе родителей, если живетъ съ ними нераздѣльно и не имѣетъ офицерскаго или классннаго чина, 7) указалъ избранный родъ жизни или представилъ пріемный приговоръ того общества, въ которое намѣренъ перейти.

Главы семействъ могутъ перечисляться и выходить изъ сословія какъ лично, такъ и съ нераздѣльно живущими съ ними членами семейства, не достигшими 17-ти лѣтняго возраста, причемъ казакамъ, уволеннымъ вмѣстѣ

съ главами семействъ предоставляется въ возрастѣ 17—25-ти лѣтъ, возвращаться въ войсковое сословіе въ тѣ же станичныя общества, къ которымъ они принадлежали ранѣе, не испрашивая на то согласія этихъ обществъ. Выходить изъ войскового сословія дозволяется также казачкамъ незамужнимъ и вдовамъ; жены лицъ невойскового сословія перестаютъ числиться въ сословіи.

Просьбы объ увольненіи изъ войскового сословія или о перечисленіи въ другія казачьи войска подаются: офицерами и чиновниками—Наказному Атаману лично или по командѣ, а прочими лицами подлежащему Атаману Отдѣла, который представляетъ просьбу по принадлежности. Окончательное удовлетвореніе такихъ просьбъ офицеровъ и чиновниковъ зависитъ отъ Военнаго Министра, а всѣхъ прочихъ лицъ—отъ Наказнаго Атамана, который и дѣлаетъ своей властью соотвѣтствующее распоряженіе, входя, если это понадобится, въ непосредственныя сношенія съ подлежащими войсковыми начальствами.

Разрѣшеніе на службу въ постороннихъ Войску вѣдомствахъ, безъ исключенія изъ сословія, зависитъ отъ Наказнаго Атамана, просьбы къ которому офицерами и чиновниками направляются непосредственно или по командѣ, а прочими лицами чрезъ Атамановъ Отдѣловъ.

Въ войсковое сословіе зачисляются только такія лица, которыя намѣрены водвориться въ станицахъ и могутъ приносить пользу станичнымъ обществамъ. Лица, желающія зачислиться въ войсковое сословіе, подаютъ о томъ Наказному Атаману прошеніе, къ которому прилагаютъ пріемный приговоръ станичнаго общества, куда намѣрены зачислиться, метрическія свидѣтельства свое и членовъ семьи, послужные списки, аттестаты, указы объ отставкѣ, а принадлежащіе къ сельскому или городскому состоянію—увольнительные отъ обществъ приговоры. Окончательное разрѣшеніе по просьбамъ офицеровъ и чиновниковъ дѣлается Военнымъ Министромъ, а по прочимъ ходатайствамъ этого рода Наказнымъ Атаманомъ.

Вѣнценосецъ нашъ Державный.

Вѣнценосецъ нашъ Державный!—мы спѣшимъ къ Тебѣ съ мольбой
И къ престолу предковъ славныхъ льнемъ покорной головой!

Молимъ,— въ трудную годину нашей Родины Святой
Да хранитъ Тебя Создатель подъ десницею Своей!

Да поможетъ со врагами разсчитаться, какъ и встарь,
Чтобъ не смѣли спорить съ нами, Православный Государь!

Повели,—мы всѣ готовы лечь за Родину костьми
И по-русски разсчитаться съ иностранными гостьми.

Смѣло, дружно, съ вѣрой въ Бога на враговъ своихъ пойдемъ!
Нашу жизнь и достоянье въ даръ Отчизнѣ принесемъ!

Ты же, Царь, намъ Богомъ данный, нашу Сунжу посѣти
И съ Собою Атамана молодого привези!

Пусть Онъ Терцевъ Самъ узнаетъ закаленныя сердца!
Видитъ пусть, что обожаютъ Сына такъ же, какъ Отца!

Казачья пѣсня.

Къ стр. 297. *Приложеніе 1.*

ВѢДОМОСТЬ ДОХОДАМЪ

станичныхъ обществъ Терскаго Войска за 1910 годъ.

ОТДѢЛЫ.	Отъ аренды общественныхъ земель.	Отъ найма общественныхъ зданій.	Отъ рыбнаго откупа.	Сборъ за пастьбу скота, за потравы и порубки.	За мельничные поставы, кирпичные и черепичные и др. заводы.	Съ базаровъ и ярмарокъ.	Посаженной платы и др. сборовъ съ иногородн.	Прочихъ доходовъ.	ИТОГО.
	Р	У	Б	Л	Е	Й.			
Пятигорскій . . .	177701	370	—	2484	5969	9189	22043	127931	345681
Моздокскій	107524	485	4400	2285	5444	12011	3186	60305	191685
Сунженскій	110434	1171	186	1014	14[illegible]0	3490	7632	61516	186933
Кизлярскій	300927	290	1722	3950	212	1459	1298	66865	376723
ИТОГО. .	696586	2316	2348	9733	13113	26149	34159	316618	1101022

Къ стр 297. *Приложеніе 2.*

ВѢДОМОСТЬ РАСХОДАМЪ

станичныхъ обществъ Терскаго Войска за 1910 годъ.

ОТДѢЛЫ.	На уплату казенныхъ сборовъ.	На содержаніе должностныхъ лицъ.	На канцелярію и библіотеку.	На постройку общественныхъ зданій.	На содержаніе духовенства и церквей.	На содержаніе школъ.	На земскія тройки.	Прочихъ расходовъ.	ИТОГО.
		Р	У	Б	Л	Е	Й		
Пятигорскій . . .	—	31406	5525	—	16279	85401	8114	203834	350559
Моздокскій . . .	6600	25639	4066	—	5841	39878	11073	116099	209196
Сунженскій . . .	—	31331	4679	—	3782	33190	8619	102998	184599
Кизлярскій . . .	118	41135	5980	—	23422	41427	11264	222663	316009
ИТОГО. .	6718	29511	20250	—	49324	199896	39070	645594	1090363

Къ стр. 297.

Приложеніе 3.

Вѣдомость общественнымъ капиталамъ
станичныхъ обществъ Терскаго Войска за 1910 г.

ОТДѢЛЫ.	Къ 1 января 1910 года состояло.	Къ 1-му января 1911 года.					
		На лицо.	Въ кредитныхъ учрежденіяхъ.	Въ оборотахъ и долгахъ.	ИТОГО.	На душу мужского пола приходится	
	Р	У	Б Л	Е	Й.	Р.	К.
Пятигорскій . . .	256301	16663	125950	108810	251423	8	14
Моздокскій . . .	246763	15396	99255	114601	229252	7	14
Сунженскій . . .	200533	11350	117887	73630	202867	7	10
Кизлярскій . . .	243334	24114	1002 6	149688	274048	10	59
ИТОГО. .	946931	67523	443338	446729	957590	8	33

Къ стр. 298.

Приложеніе 4.

Вѣдомость мобилизац., продовольств. и сиротскимъ капиталамъ
въ станицахъ Терскаго Войска за 1910 г.

Наименованіе капиталовъ и отдѣловъ.	Къ 1 января 1910 года состояло.	Къ 1-му января 1911 г. состояло.			
		На лицо.	Въ кредитныхъ учрежденіяхъ.	Въ оборотахъ и долгахъ	ИТОГО.
		Р У	Б Л	Е Й.	
А. Мобилизаціонный.					
Пятигорскій	166174	2003	118120	49990	170413
Моздокскій	90222	2453	64819	26960	94232
Сунженскій	89168	8195	61824	23634	93653
Кизлярскій	156459	17281	64275	97563	179119
ИТОГО . .	502023	29932	309338	198147	537417
Б. Продовольственный.					
Пятигорскій	41211	48	44992	11418	56458
Моздокскій	29203	—	30670	1468	32138
Кизлярскій	67088	—	68369		68369
Сунженскій	110011	--	86931	31839	118770
ИТОГО . .	247516	48	230962	44725	275735
В. Сиротскій.					
Пятигорскій	26110	41	76380	23982	100403
Моздокскій	80679	925	75196	10488	86609
Сунженскій	52288	—	49129	4700	53829
Кизлярскій	57057	450	35697	23979	60126
ИТОГО . .	216434	1416	236402	63 49	300967
А ВСЕГО . .	965973	31396	776702	306021	1114119

Къ стр. 310. *Приложеніе 5.*

Свѣдѣніе о состояніи грамотности въ Терскомъ Войскѣ въ 1910 году.

ОТДѢЛЫ.	ГРАМОТНЫХЪ. Всѣхъ.	Въ томъ числѣ: Мужескаго пола.	% къ общему числу грамотныхъ.	Женскаго пола.	% къ общему числу грамотныхъ.	% грамотн.: Муж. п. къ войсков. насел. того же пола.	Женск. п. къ войск. насел. того же пола.	Обоихъ п. къ общему колич. войск. населен.	Число лицъ обоихъ пол. войск. сост. могущ. быть грам. (старше семи лѣтъ.)	% грам. къ числу могущ. быть грамотными.
Пятигорскій	22787	15235	67,0	7552	33,0	49,3	24,2	36,7	48759	45,0
Моздокскій	25730	18823	73,2	6907	26,8	63,6	24,0	44,0	45131	56,0
Сунженскій	17507	12410	71,0	5097	29,0	43,4	17,6	30,7	45074	41,0
Кизлярскій	18939	13011	68,8	5928	31,2	50,2	22,6	36,3	41197	46,0
ИТОГО. .	84963	59479	70,0	25484	30,0	51,7	22,2	37,0	80081	47,3

Къ стр. 311. *Приложеніе 6.*

Свѣдѣніе о стипендіяхъ Терскаго войска и о пособіяхъ учебнымъ заведеніямъ изъ войскового капитала въ $19^{11}/_{12}$ году.*)

Наименованіе учебныхъ заведеній.	Число стипендій.	Размѣръ стипендій. Въ рубляхъ. На одну	На всѣ.	Пособіе казнѣ и въ спеціальныя средства учебныхъ заведеній.
I. Высшія учебныя заведенія.				
Мужскія.				
1. ИМПЕРАТОРСКІЙ Московскій университетъ	1	350	350	
	4	360	1440	
2. ИМПЕРАТОРСКОЕ Московское техническое училище	1	450	450	

*) Въ настоящую таблицу включены также и измѣненія, происшедшія во время печатанія книги.

3. Варшавскій политехническій институтъ	1	420	420	
4. Екатеринославское высшее горное училище	1	420	420	
5. Томскій технологическій институтъ .	1	420	420	
6. С.-Петербургскій политехническій институтъ	1	420	420	
7. Харьковскій технологическій институтъ	1	420	402	
8. Московскій сельско-хозяйственный институтъ	1	420	420	
9. Московскій Константиновскій межевой Институтъ	1	420	420	
Итого . .	13	—	5180	
Женскія.				
1. С.-Петербургскій женскій медицинскій институтъ	1	420	420	
2. Московскіе Старо-Екатерининскіе женскіе фельдшерскіе курсы . . .	1	420	420	
3. Училище лѣкарскихъ помощницъ и фельдшерицъ С.-Петербургскаго дамскаго лазаретнаго комитета Россійскаго Общества Краснаго Креста . . .	4	360	1440	
Итого . .	6	—	2280	

II. Среднія учебныя заведенія.

Мужскія.

1. Кадетскіе корпуса: а. Штатныхъ . .	13	250	—	3250
— — б. Штатныхъ же .	20	450	—	9000
— — в. Сверхкомплектныхъ	49	450	—	22050
2. Владикавказское реальное училище .	50 2	250 180	12500 360	14284
3. Грозненское реальное училище . .	1 15	150 250	150 3750	
4 Моздокское реальное училище . .	1 10	150 250	150 2500	
5. Ставропольская мужская гимназія .	28	—	—	6860
6. Тифлисскій Александровскій учительскій институтъ	18	180	3240	
7. Тифлисское землемѣрное училище .	1	300	300	
8. Донское среднее сельско-хозяйственное училище	12	150	1800	1200
Итого . .	220	—	24750	56644

Женскія.				
1. Ставропольская женская гимназія Св. Александры	30	3 0	—	9000
2. Владикавказская Ольгинская женская гимназія	10	240	2400	3000
3. Для дочерей офицеровъ первоочередныхъ полковъ	10	150	1500	
4. Владикавказская женская прогимназія .	10	150	1500	
5. Грозненская женская гимназія. . . .	15	250	3750	
Итого . .	75	—	9150	12000
III. Профессіональныя.				
1. Кубанская учительская семинарія .	2	180	360	
2. Терская учительская семинарія . .	80	225	18000	Съ пособіемъ.
3. Владикавказское графа Лорисъ-Меликова ремесленное училище	21 2	160 150	— —	4560 300
4. Батумское ремесленное училище . .	3	120	—	360
5. Екатеринодарская военно-фельдшерская школа	15	По дѣйствительно произведеннымъ расходамъ на содержаніе стипендіатовъ.		
6. Воздвиженская низшая лѣсная школа .	4	130	—	520
Итого . .	127	—	18360	5740
Кромѣ того, на содержаніе учителей станичныхъ училищъ	—	—	—	120000
А всего . .	441	—	59720	194384
				Болѣе 254104 руб.

Хронологія важнѣйшихъ событій, касающихся Терскаго казачьяго Войска.

Годы.

1380. Извѣстіе о казакахъ, привѣтствующихъ князя Димитрія Донского.

1444. Рязанскіе казаки помогаютъ рязанцамъ разбить татарскаго султана Мустафу, въ битвѣ на р. Листани.

1520. Паденіе Рязанскаго княжества Вѣроятный уходъ рязанскаго казачества на поиски новыхъ мѣстъ жительства (на Терекъ) и начало Гребенского войска.

1533 — 1584. Царь Иванъ Васильевичъ IV Грозный.

1552. Взятіе Казани. Первая просьба Пятигорскихъ Черкасъ о принятіи ихъ въ Московское подданство.

1556. Присоединеніе Астрахани.

1559. Первая посылка царскаго войска на Терекъ.

1560. Походъ воеводы Черемисинова на шамхала Тарковскаго.

1563. Постройка воеводой Плещеевымъ перваго русскаго города на Терекѣ, въ Кабардѣ (вѣроятно, въ Нижнемъ Джулатѣ, на правомъ берегу Терека).

1567. Воеводы Бабычевъ и Протасьевъ строютъ на Терекѣ, «у усть-Сунчи рѣки», первую Терку.

1571. Первая Терка оставлена царскими войсками и занимается вольнымъ казачествомъ, явившимся на Терекъ «съ Волги».

1577. Стольникъ Мурашкинъ громитъ волжское казачество, отдѣльныя части котораго разбѣгаются по «запольнымъ» рѣкамъ, въ томъ числѣ и на Терекъ.

1577. Воевода Новосильцевъ строитъ вторую Терку на мѣстѣ первой. Съ того-же года считается старшинство Терскаго войска.

1582. Покореніе Ермакомъ Сибирскаго царства.

1584 — 1598. Царь Θеодоръ Ивановичъ.

1584. Терка опять брошена. Въ ней поселяются снова вольные казаки. Вольные же казаки находятся на службѣ въ Грузіи у царя Симона

1588 Воевода Бурцевъ строитъ въ низовьяхъ Терека третью Терку. Учрежденіе постояннаго Терскаго воеводства

1589. Первое построеніе на Сунжѣ «острога».

1591. Походъ князя Засѣкина на шамхала Тарковскаго. Съ нимъ 1000 волгскихъ казаковъ.

1592. Постройка острога на Кой-су (Сулакъ).

1593. Первое столкновеніе Терцевъ съ Турками; походъ Терскихъ казаковъ подъ Темрюкъ вызываетъ жалобы Турецкаго Султана на чинимыя Терцами «обиды».

1594 Походъ воеводы князя Хворостинина на шамхала Тарковскаго.

1598—♔—1605. Царь Борисъ Годуновъ.

1604. Походъ воеводъ Бутурлина и Плещеева противъ шамхала Тарковкаго.

1605. Упраздненіе остроговъ на Кой-су, Акъ-ташѣ и Сунжѣ.

1605—♔—1606. Царь Димитрій Самозванецъ I.

1606 Бунтъ Терскихъ казаковъ. 4000 Терцевъ уходятъ съ Терека на Волгу ставить царемъ на Москвѣ своего самозванца Илейку Муромца (Коровина).

1606—♔—1610. Царь Василій Шуйскій.

1610—♔—1613. Междуцарствіе.

1613—♔—1645. Царь Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ.

1614. Терскіе казаки дѣйствуютъ подъ Астраханью противъ бунтовщика Заруцкаго.

1618. Гребенскіе казаки сопровождаютъ ученыхъ геологовъ Самуила Фрича и Іогана Геральда во время ихъ поѣздки въ горы.

1633. Гребенцы и Терцы съ царскими войсками громятъ «Казыевы улусы» (Малый Ногай).

1645—♔—1676. Царь Алексѣй Михайловичъ.

1646. Князь Муцалъ Сунчалеевичъ Черкасскій съ Кабардинцами и Терскими казаками на Дону, въ помощи Донцамъ противъ Азовцевъ и Крымцевъ.

1651. Вновь на Сунжѣ строится острогъ Его занимаютъ стрѣльцы и Гребенцы

1653 Сунженскій острогъ выдерживаетъ жестокое нападеніе и осаду со стороны кумыкъ и дагестанцевъ Казакамъ объявляется царская благодарность за мужество, но острогъ приказано вновь не строить.

1668—1670. Бунтъ Стеньки Разина и походы его въ Персію.

1671. Терскіе казаки съ княземъ Каспулатомъ Муцаловичемъ Черкасскимъ принимаютъ участіе въ усмиреніи разинцевъ, буйствующихъ въ Астрахани.

1676—♔—1682. Царь Θеодоръ Алексѣевичъ.

1677. Гребенцы и Терцы участвуютъ въ бояхъ подъ Чигиринымъ

1680. На Кумѣ образуются поселенія раскольниковъ съ Дона. Вскорѣ они переходятъ на Аграхань, во владѣнія шамхала Тарковскаго.

1682—♔—1689. Цари Иванъ и Петръ Алексѣевичи.

1688. Кубанскій сераскиръ Кази-Гирей громитъ Терскіе казачьи городки.

1689—♔—1725. Царь (а потомъ Императоръ) Петръ I Алексѣевичъ Великій.

1691. Аграханскіе казаки-раскольники уходятъ на Кубань.
1695 Гребенцы и Терцы участвуютъ въ Азовскомъ походѣ.
1707. Кубанскій сераскиръ Эштекъ-Каппъ-Султанъ громитъ Терскихъ казаковъ и сжигаетъ ихъ городъ (Гюйгенъ-Кала).
1711—1712. Графъ Апраксинъ переселяетъ Гребенцовъ на лѣвый берегъ Терека. Своими угодьями на правомъ берегу рѣки казаки все-таки пользуются до 1799 года
1717. 500 Гребенцовъ и нѣсколько Терцевъ участвуютъ въ несчастномъ походѣ князя Бековича Черкасскаго въ Хиву.
1720. Гребенскіе казаки поступаютъ въ вѣдѣніе военной коллегіи.
1722 Петръ Великій на Кавказѣ. Взятіе Дербента. Постройка крѣпости св. Креста, Аграханскаго ретраншемента и другихъ укрѣпленій на Сулакѣ.
1724. Устройство Сулакской линіи и Аграханскаго казачьяго войска, въ составъ котораго входятъ Терскіе казаки и 1000 семей Донцовъ.

1725—♔—1727. Императрица Екатерина Алексѣевна I.

1727—♔—1730. Императоръ Петръ II Алексѣевичъ.

1730—♔—1740. Императрица Анна Іоанновна.

1732 Учрежденіе новаго Волгскаго войска на Волгѣ между Царицинымъ и Камышинымъ, изъ Донскихъ и иныхъ доброхотныхъ выходцевъ.
1733. Усиленіе Волгскаго войска Донцами съ Царицинской линіи (1057 семей).
1733 Крымская двадцатитысячная армія, двинутая подъ начальствомъ Фети-Гирей-Султана чрезъ Сѣверный Кавказъ противъ Персіи, остановлена русскими войсками на выходѣ изъ горъ между рѣкой Бѣлой и деревней Горячей. 11 іюня принцъ Гессенъ-Гомбургскій разбилъ татаръ и отогналъ ихъ въ Чечню, откуда они черезъ горы перешли въ Закавказье.
1734. Волгское войско получаетъ уставную грамоту, по которой Волгцамъ даются обычныя казачьи привилегіи (самоуправленіе, самосудъ, выборная старшина)
1735—1736. По договору съ Персіей Сулакская линія уничтожается. Вмѣсто крѣпости св Креста возводится Кизлярская. Аграханскіе казаки переселяются на Терекъ, гдѣ получаютъ имя Терскаго Семейнаго, выше Кизляра, и Терскаго Кизлярскаго войскъ.
1736. Гребенцы съ атаманами Аукой и Петровымъ участвуютъ въ Кубанскомъ походѣ калмыкскаго хана Дондукъ-Омбо (взятъ городъ Темрюкъ).
1740. Изъ-за спора о двуперстномъ крестномъ сложеніи Гребенцы начинаютъ откалываться отъ православной церкви.

1741—♔—1761. Императрица Елисавета Петровна.

1745. Терско-Семейное войско присоединено къ Гребенскому.
1755. Терско-Семейное войско вновь получаетъ прежнюю самостоятельность.

1761—♔—1762. Императоръ Петръ III Өеодоровичъ.

1762—♔—1796. Императрица Екатерина II Алексѣевна Великая.

1763. Въ урочищѣ Ѵыздогу, на лѣвомъ берегу Терека, закладывается форпостъ.

1763 Чеченцы поселяются на Старомъ Гребенскомъ юртѣ, на правомъ берегу Терека, на арендномъ правѣ, по договору Довлетъ-Гирея Гребенчуковскаго съ Червленскими казаками.

1765. Обращеніе Моздокскаго форпоста въ сильную крѣпость Моздокъ. Раздраженные кабардинцы, соединившись съ черкесами нападаютъ на Терскую линію и Кизляръ.

1765 Главное теченіе Терека устремляется въ образовавшуюся между Кизляромъ и Бороздинскимъ городкомъ «прорву».

1767. Терское казачество посылаетъ въ Москву депутатовъ для участія въ работахъ по составленію новаго Уложенія. Отъ Гребенцовъ ѣдутъ Біянинъ и Андреевъ, отъ Терскаго Семейнаго войска—Татаринцевъ.

1769—1770. Переводъ половины Волгскаго войска на Терекъ для образованія Моздокскаго казачьяго поселеннаго полка.

1769. Терскіе казаки участвуютъ въ дѣйствіяхъ противъ Кабардинцевъ (бой у р. Эшкакона) и въ Закубанскомъ походѣ генерала Медема (Моздокцы, Гребенцы и Терцы).

1770 По требованію генерала Медема, «подчинившіеся» Россіи «мирные» чеченцы выселяются изъ горъ и начинаютъ занимать земли по Сунжѣ и на правомъ берегу Терека на бывшихъ казачьихъ земляхъ (нынѣшній Надтеречный участокъ).

1771. Главная масса калмыкъ (28000 кибитокъ) во главѣ съ ханомъ Убашей откочевываютъ отъ Маныча въ предѣлы Китая. Между Манычемъ и Волгой остается до 13000 кибитокъ, разсѣянныхъ по разнымъ концамъ степи.

1771 На освободившіяся по уходѣ калмыкъ степныя пространства русское правительство переселяетъ отложившихся отъ Турціи Буджакскихъ (Едисанскихъ) ногаевъ.

1771—1772. Емельянъ Пугачевъ на Терекѣ Онъ записывается сначала казакомъ въ Дубовской, а потомъ въ Каргалинскій городокъ Казаки «заручаются» избрать его Войсковымъ Атаманомъ, но не желавшій уступить своего мѣста атаманъ Татаринцевъ схватываетъ Пугачева, въ кандалахъ отправляетъ его въ Моздокскую тюрьму, откуда Пугачевъ бѣжитъ съ помощью казаковъ.

1773—1774. Пугачевскій бунтъ.

1774. Нашествіе Девлетъ-Гирея въ Кабарду, откуда онъ посылаетъ на Терскую линію калгу Шабазъ-Гирея съ девятитысячнымъ отрядомъ. Геройская оборона казаками и казачками Наура 10—11 іюня.

1776—1778. Образованіе Волгскаго казачьяго полка переселеніемъ на Линію остальной части Волгскаго войска.

1777. Основаніе Георгіевска и заложеніе Моздоко-Азовской линіи 200 кибитокъ крещенныхъ калмыкъ присоединяются къ Моздокскому полку

1784 Основаніе Владикавказской крѣпости

1785. Гребенцы съ атаманомъ Сехинымъ и Терцы съ Бековичемъ отражаютъ Шейхъ-Мансура отъ Кизляра.

1785. Учрежденіе Кавказскаго Намѣстничества изъ Астраханской и Кавказской губерніи Главный городъ Екатериноградъ (нынѣ станица) на Терекѣ

1788. Терцы (Гребенцы и др.) подъ Анапой съ Текелли.

1790. Терцы (Гребенцы и др.) подъ Анапой съ Бибиковымъ.

1791. Терцы подъ Анапой съ Гудовичемъ.

1792 Переселеніе Черноморскаго казачьяго войска на Кубань

1796. Участіе Терцевъ въ Персидскомъ походѣ графа Валеріана Зубова.

1796—1801. Императоръ Павелъ I.

1799. Указъ о сравненіи казачьихъ чиновъ съ армейскими.

1801—1825. Императоръ Александръ I Благословенный.

1802. Начало постоянной службы линейскихъ казаковъ въ Закавказьи.

1804. Линейцы съ есаулами Сурковымъ и Егоровымъ отличаются подъ Эриванью.

1806. Чума на Линіи

1809. Присоединеніе ингушей къ Россіи и начало выселенія ихъ изъ горъ на плоскость.

1810. Дѣло Червленскаго старшины Максима Фролова съ чеченцами, 2-го апрѣля

1811. Сформированіе гвардейской сотни изъ казаковъ Черноморскаго войска, послужившей ядромъ для образованія Собственнаго Его Величества Конвоя.

1812. Основаніе Пятигорска.

1814. Чума на Линіи.

1816—1827. Генералъ А. П. Ермоловъ на Кавказѣ

1817. Усиленіе Назрановскаго укрѣпленія и сооруженіе Преграднаго Стана.

1818. Постройка крѣпости Грозной.

1819. Постройка крѣпости Внезапной

18 9. Ермоловъ замѣняетъ у Гребенцовъ и Терцевъ выборныхъ Войсковыхъ Атамановъ «Командирами Войска» по назначенію

1819—1830. Первый Командиръ Гребенского войска полковникъ Е. П. Ефимовичъ.

1822. Кавказская губернія переименована въ область, управленіе которой ввѣрено Командующему войсками Линіи.

1824. Образованіе Горскаго казачьяго полка.

1825—1855. Императоръ Николай I.

1826—1829. Линейцы участвують въ войнѣ съ Персіей, а затѣмъ съ Турціей Подвиги ихъ 19 іюня (съ делибашами) 21 іюня подъ Карсомъ (есаулъ Зубковъ), 15 авг. 1828 г. подъ Ахалцихомъ (опять Зубковъ) и 20 іюня 1829 года въ бою у Милли-Дюза (Венеровскій и Атарщиковъ), 27 сентября подъ Бейбуртомъ (сотникъ Чукеѣевъ), и др.

1831. Образованіе Варшавскаго дивизіона. Сформированіе въ Малороссіи казачьихъ полковъ для борьбы съ Польскимъ возстаніемъ

1832. Дѣло Гребенцовъ со скопищемъ Кази-Муллы близъ Шавданъ-Юрта (Гибель полковника Волженскаго) 19 августа.

1832. Изъ войскъ, поселенныхъ по Линіи, образовано Кавказское Линейное казачье войско, причемъ войска Гребенское, Терское Семейное и Терское Кизлярское переименованы въ Гребенской, Терскій и Кизлярскій казачьи полки.

1832—1837 Первый Наказный Атаманъ Кавказскаго Линейнаго казачьяго войска—Генералъ-Лейтенантъ Петръ Семеновичъ **Верзилинъ**.

1832. Команда отборныхъ казаковъ Варшавскаго дивизіона причисляется къ Собственному Его Величества Конвою.

1836. Терскій и Кизлярскій полки соединены въ одинъ Семейный Кизлярскій полкъ.

1837—1849. Наказный Атаманъ Линейцевъ—генералъ-лейтенантъ Степанъ Степановичъ **Николаевъ**.

1837—1838. Образованіе на Верхне-Терской линіи Владикавказскаго казачьяго полка изъ двухъ Малороссійскихъ полковъ, сформированныхъ въ 1831 году.

1841. Дѣло командира Гребенского полка маіора Венеровскаго съ партіей чеченцевъ въ Щедринскомъ лѣсу, 9 января.

1842. Владикавказскій полкъ причисленъ къ Линейному Войску.

1845. Учрежденіе Сунженскаго казачьяго полка и начало дѣятельности генералъ-маіора Н. П. Слѣпцова, устроителя Сунженской линіи.

1845. Кавказскому Линейному Войску Высочайше даровано особое «Положеніе», по примѣру войскъ Донского и Черноморскаго (14 февраля).

1845. Даргинскій походъ графа М. Е. Воронцова («Сухарная экспедиція»).

1846. Геройское дѣло горсти Гребенцовъ съ подполковникомъ Сусловымъ и войсковымъ старшиною Камковымъ подъ Акъ-Булатъ-Юртомъ противъ скопища горцевъ, 24 мая («Сусловское дѣло»)

1847—1848. Появленіе среди Терскаго казачества такъ-называемыхъ «шаповаловъ», т. е. переселенныхъ на линію изъ малорусскихъ губерній казаковъ и крестьянъ, приписываемыхъ къ Терскому казачеству. Большинство ихъ обращено было на численное увеличеніе Гребенского полка, въ станицахъ котораго и поселено. Вслѣдствіе отказа Червленцевъ принять въ свою среду «шаповаловъ», изъ нихъ въ червленскомъ юртѣ было образовано совершенно отдѣльное поселеніе—станица Николаевская.

1849. Участіе Сводного Линейнаго казачьяго дивизіона съ кн. Паскевичемъ въ въ Венгерской кампаніи

1849—1852. Наказный Атаманъ Линейцевъ—генералъ-маіоръ Феликсъ Антоновичъ **Круковскій**.

1851. Смерть лихого генералъ-маіора Н. П. Слѣпцова въ бою подъ Гехами, 10 декабря.

1852—1854. Наказный Атаманъ Линейцевъ—генералъ-маіоръ князь Георгій Романовичъ **Эристовъ**.

1853—1856. Восточная Союзническая война («Севастопольская кампанія»). Башъ-Кадыкларское дѣло 19 ноября 1853 года (полковники Камковъ и Евсѣевъ съ линейцами). Бой у Кюрюкъ-Дора 24 іюля 1854 года (полковники Камковъ и Скобелевъ съ линейцами). Лихое дѣло Линейцевъ у Пеняка 30 августа 1855 года.

1855—1861. Наказный Атаманъ Линейцевъ—генералъ-лейтенантъ Николай Александровичъ **Рудзевичъ**.

1855 — ♔ 1881. **Императоръ Александръ II Освободитель.**

1856 Донцамъ, Черноморцамъ и Линейцамъ срокъ службы сокращенъ съ 30 до 25-ти лѣтъ, изъ которыхъ полевой службы 22 года и 3 года внутренней.

1859 Паденіе Гуниба и плѣненіе Шамиля Покореніе Восточнаго Кавказа.

1860. Кавказская Линія раздѣлена на Терскую и Кубанскую области и Ставропольскую губернію.

1861. Кавказское Линейное казачье войско раздѣлено на двѣ части: расположенная въ Терской области получаетъ имя Терскаго казачьяго Войска, а остальная соединяется съ Черноморскимъ въ одно Кубанское Войско

1861—1865. Первый Наказный Атаманъ Терскаго войска генералъ-маіоръ Христофоръ Егоровичъ Попандопулло.

1864. Окончательное покореніе Западнаго Кавказа.

1864. Сокращеніе для Кавказскихъ казаковъ срока службы до 22 лѣтъ (15 полевой и 7 лѣтъ внутренней службы).

1865. Образованіе Терской и Кубанской постоянной милиціи.

1865—1875. Наказный Атаманъ Терскаго войска—генералъ-адъютантъ генералъ-лейтенантъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ. Званіе Наказнаго Атамана соединено съ должностью Начальника Области

1869. Издано Положеніе о поземельномъ устройствѣ въ казачьихъ войскахъ (21-го апрѣля).

1869. Полное преобразованіе Кубанской и Терской областей (30 декабря). При этомъ 12 казачьихъ станицъ Кубанскаго войска и 1 Терскаго отходятъ къ Ставропольской губерніи и перечисляются въ гражданское состояніе.

1870. Издано Положеніе о преобразованіи (съ 1 января 1871 года) Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ: изъ полковъ Кизлярскаго и Гребенского образованъ полкъ Кизляро-Гребенской, а изъ Горскаго и Моздокскаго—Горско-Моздокскій. Фактически преобразована Терская область.

— Издано Положеніе объ общественномъ управленіи въ казачьихъ войскахъ.

— Изданы Правила о подсудности по преступленіямъ лицъ войскового сословія всѣхъ казачьихъ войскъ

— Издано Положеніе объ обезпеченіи генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и классныхъ чиновъ Донского, Кубанскаго и Терскаго войскъ.

1870. На казачьи войска распространено дѣйствіе дисциплинарнаго Устава.

1872. Распространеніе на всѣ казачьи войска, кромѣ Донского и Уральскаго, Положенія о пошлинахъ за право торговли и промысловъ (1 января).

1873 Участіе Терцевъ въ Хивинскомъ походѣ въ составѣ войскъ Мангышлакскаго отряда (по сотнѣ Кизляро-Гребенцовъ, Владикавказцевъ и Сунженцевъ).

1875 Изданіе Устава строевой казачьей службы.

1875—1883 Наказный Атаманъ Терскаго казачьяго войска—генералъ адъютантъ генералъ-лейтенантъ Александръ Павловичъ Свистуновъ.

1877—1878. Участіе 8 конныхъ полковъ, гвардейскаго эскадрона и конной батареи Терскаго казачьяго войска въ войнѣ съ Турціей «За освобожденіе Славянъ», а 7 полковъ и конной батареи противъ возставшихъ горцевъ Чечни и Дагестана. Славныя дѣла Терцевъ у Самовида 3—4

іюля, у Плевны 8 и 18 іюля и 30 августа, подъ Ловчей 22 августа, у Бегли Ахмета 17 мая, Аравартана 3 іюня, Даяра 9 іюня, Суботана 6 іюля, подъ Ягнами 20 сентября, у Хаджи-Халиля 2 октября у Базарджика 2 же октября, на Аладжинскихъ высотахъ 3 октября, у Деве-Бойну 23 октября, при взятіи Карса 6 ноября 1877 года.

1878. Въ Кавказской арміи упразднена должность Походнаго Атамана казачьихъ полковъ.

1879 Двѣ сотни (2 и 4) 1-го Волгскаго полка участвуютъ въ Ахалъ-Текинской экспедиціи и при штурмѣ Геокъ-Тепе.

1879 1-му Кизляро-Гребенскому полку данъ шефомъ Великій Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій

1881 — 1894. Императоръ Александръ III, Царь Миротворецъ.

1882 Распространеніе Устава о воинской повинности Донского войска на Кубанское и Терское войска и изданіе для нихъ Положенія о военной службѣ. Сунженскій и Владикавказскій полки сведены въ одинъ.

1883—1887. Наказный Атаманъ Терскаго казачьяго войска генералъ-маіоръ Евгеній Корнильевичъ **Юрковскій**.

1884. Введеніе въ казачьихъ войскахъ чина подъесаула и упраздненіе чина маіора.

1885. Присвоеніе Командующему войсками Кавказскаго военнаго округа и Главноначальствующему гражданскою частью на Кавказѣ правъ и званія Войскового Наказнаго Атамана Кавказскихъ казачьихъ Войскъ. Первый Войсковой Наказный Атаманъ генералъ-адъютантъ генералъ отъ-кавалеріи князь Александръ Михайловичъ **Дондуковъ-Корсаковъ**.

1885 Участіе 1-го Кизляро-Гребенского полка въ походѣ на Кушку, къ Афганской границѣ.

1887—1889. Наказный Атаманъ Терскаго войска генералъ-лейтенантъ Алексѣй Михайловичъ **Смѣкаловъ**.

1888. Преобразованіе управленія Терской и Кубанской областями съ упраздненіемъ Войскового Хозяйственнаго Правленія и съ передачей дѣлъ гражданскаго управленія изъ вѣдѣнія министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ вѣдѣніе Военнаго министерства

1889. Первоочередные полки Терскаго войска приводятся въ шестисотенный составъ.

1889 1900. Наказный Атаманъ Терскаго Войска генералъ-лейтенантъ Семенъ Васильевичъ **Кахановъ**.

1890. Приводятся въ шестисотенный составъ и второочередные Терскіе полки.

1890 Окончательно упразднена должность Походнаго Атамана казачьихъ полковъ.

1891. Издано новое Положеніе объ общественномъ управленіи станицъ казачьихъ войскъ (3 іюня).

1892. Введеніе новаго Положенія въ войскахъ Донскомъ, Астраханскомъ, Оренбургскомъ, Терскомъ, Кубанскомъ, Сибирскомъ и Семирѣченскомъ.

1894. ♔ **Вступленіе на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Императора Николая II-го.**

1898. Выдѣленіе Моздокскаго отдѣла изъ состава Пятигорскаго.

1900—1905. Наказный Атаманъ Терскаго Войска—генералъ-лейтенантъ Сергѣй Евлампіевичъ **Толстовъ.**

1901. Въ память пятидесятилѣтія со дня смерти славнаго устроителя Сунженской линіи генералъ-маіора Н. П Слѣпцова Высочайше повелѣно 1-му Сунженско-Владикавказскому полку именоваться впредь 1 мъ Сунженско-Владикавказскимъ генерала Слѣпцова полкомъ (10 декабря).

1902. Жалованіе офицерамъ первоочередныхъ частей Кубанскаго, Терскаго, Сибирскаго, Семирѣченскаго и Астраханскаго войскъ принято полностью за счетъ казны (относительно Донцовъ, Оренбургцевъ и Уральцевъ это произошло въ 1884 году).

1904. Полкамъ 1-му Кизляро-Гребенскому и 1-му Горско-Моздокскому Высочайше повелѣно именоваться полкомъ генерала Ермолова и полкомъ генерала Круковского (26 августа).

1904—1905. Русско-Японская война. Отъ Терскаго войска въ войнѣ участвують 1-й Кизляро-Гребенской генерала **Ермолова** и 1-й Сунженско-Владикавказскій генерала Слѣпцова полки и 2-я Терская казачья батарея.

1905—1908. Наказный Атаманъ Терскаго Войска генералъ-лейтенантъ Алексѣй Михайловичъ **Колюбакинъ.**

1908 Наказный Атаманъ Терскаго Войска генералъ-лейтенантъ Александръ Степановичъ **Михѣевъ.**

Къ стр. 99—102.

Сравнительная статистика Казачьихъ

№	НАИМЕНОВАНІЕ ВОЙСКЪ.	Время образованія (старшинство).	Число жителей войскового сословія.		% не войскового населенія.	Территорія	
			Мужск.	Женск.		Станичные надѣлы.	Офицерскіе участки.
1	Донское	XVI вѣкъ.	660 669	653.529	54,7	9.365.535	3.310.347
2	Уральское	XVI вѣкъ.	73.572	74.481	43,9	—	—
3	Терское	XVI вѣкъ.	1[illegible]1.332	110.848	80,2	1.738.310	1[illegible]3.386
4	Кубанское	1696 г.	556.780	569.620	55,5	5.317 361	501.985
5	Оренбургское	1744 г.	234.064	239.812	16,4	5.979.912	474.931
6	Астраханское	1750 г.	17.144	17.778	12,5	613.843	9[illegible].950
7	Сибирское	1760 г.	75.021	74 341	43,1	2.967.483	541.371
8	Забайкальское	1851 г.	116.981	114.717	4,0	6.133.848	—
9	Амурское	1858 г.	16.906	15.438	10,2	703.656	31.381
10	Семирѣченское	1867 г.	18.747	18.276	28,1	561.186	5.065
11	Уссурійское	1889 г.	13.666	12 194	11,2	550.821	6.239
			1.894.888	1.901.034	52,8	33.976.955	5.067.852

Войскъ (къ 1-му января 1909 года).

войска. Войсковой запасъ.	На душу мужского пола войск. сослов. (десятинъ).	Общій войсковой капиталъ.	Въ 1908 году (рублей). Дохода.	Въ 1908 году (рублей). Расхода.	Всѣхъ чиновъ. Служилаго состава.	Всѣхъ чиновъ. По штатамъ мирнаго времени.	Число частей, выставляемыхъ войскомъ въ мирное время. Орудій.	Сотенъ и командъ. Пѣшихъ.	Сотенъ и командъ. Конныхъ.	Въ томъ числѣ конныхъ полковъ.
2 193.886	14,2	6.078.525	6.515.852•	5 670.200	129.450	24.203	48	25	116	19
6.464.663	87,9	648.668	839.172	1.097 392	14 519	3.103	—	2	18	3
112.713	15,6	8.304.163	2 939.892•	1.056.386	22.225	4.851	8	4	26	4
965.798	9,7	9.867.805	3.563.836•	3.502.863	110.179	18.102	22	38	70	11
978.327	25,5	1.009.704	1.067.532•	1.039.096	45.523	6.979	18	7	33	6
87.792	36,1	790.326	267.410	270.658	3.278	735	—	—	4¼	1
1.422.203	39,5	605.312	500.380	448.099	14.716	3.209	—	—	18½	3
2.850.053	52,4	264.649	200.387	224.478	25.329	4 872	12	2	24½	4
4 991.578	40,3	203.297	44.180	65.812	3.523	413	—	—	3¼	1
6 255	30,5	105.277	58.579	85.962	3.678	746	—	—	4¼	1
6.760.529	40,3	873.400	385.466	295.222	3.299	399	—	—	2¼	⅓ (дивиз.)
26.397.600	31,9	28.751.127	16.382.686	13.756.168	375.719	67.612	108	79	320	57

Къ стр. 268—272.

Станичная статистика Терска

№	ОТДѢЛЫ И СТАНИЦЫ.	Время основанія.	НАСЕЛЕНІЕ. Число дворовъ. Казачьихъ.	Иногород.	Всѣхъ жителей обоего пола.	Въ томъ числѣ. Казаковъ. М.	Ж.	Иногороднихъ. Осѣдлыхъ. М.	Ж.	Временно прожив. М.	Ж
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	Кизлярскій отдѣлъ.										
1	Александрійск. (Копайск.)	1825 г.	362	21	2142	1013	1094	15	13	4	
2	Александ.-Нев. (Сасанлы)	1855 г.	132	8	874	362	388	20	18	43	4
3	Барятинская (Горячевод.)	1860 г.	74	18	454	181	210	17	16	15	1
4	Бороздинская . . .	1735 г	193	3	1039	417	468	16	15	49	4
5	Гребенская (Новогладк.)	XVI в.	435	4	2700	1312	1299	17	14	31	2
6	Грозненская	1859 г.	420	68	4[illegible]13	1234	1231	310	288	900	450
7	Дубовская	1735 г.	275	5	1328	630	680	4	10	2	[illegible]
8	Ермоловская (Алханъ-Юртовская) . . .	1851 г.	547	40	3773	1646	1724	178	168	3[illegible]	25
9	Заканъ-Юртовская . .	1853 г.	420	?	3447	1587	1619	39	57	66	79
10	Ильинская (Джалкинск.)	1860 г.	123	—	753	365	38	—	—	2	4
11	Калиновская . . .	1770 г.	1382	15	10759	5305	5212	61	52	62	61
12	Каргалинская . . .	1735 г.	394	10	2023	984	982	13	9	22	1
13	Кахановская (Умаханъ-Юртовская) . . .	1860 г.	394	8	1935	859	961	14	17	44	4
14	Курдюковская . . .	XVI в.	249	1	1354	633	688	2	2	18	11
15	Николаевская . . .	1848 г.	347	6	2762	1204	1175	39	38	197	10
16	Петропавловская . .	1857 г.	331	8	2141	975	1057	31	31	25	22
17	Савельевская . . .	1886 г.	200	—	1255	617	588	20	18	8	4
18	Старогладковская . .	XVI в.	36[illegible]	4	1858	884	887	33	2	15	13
19	Червленая (Уразъ-Кала)	XVI в.	1145	8	7134	3531	3489	24	22	45	23
20	Шелковская	1818 г.	150	18	961	378	383	44	47	63	46
21	Щедринская	XVI в.	620	14	3595	1715	1740	59	67	5	9
	По отдѣлу . .		8555	259	56697	25865	26[illegible]57	956	928	1651	1040

...го Войска. Къ 1 января 1911 г.

З Е М Л Е П О Л Ь З О В А Н І Е. (Въ десятинахъ).												Состоитъ при станицѣ хутор.			
Надѣлъ при станицѣ.	Всего (съ дополнительнымъ надѣломъ.)	Въ томъ числѣ.		Приходится въ среднемъ.				При нарѣзкѣ опредѣлено было, по таксаціи, на муж. душу.			Нынѣшн. душ. над. состав. % опред.	Обществен.		Частнов. и арenд.	
		Удобной.	Лѣсу.	На дворъ.		На душу муж. пол.									
				Всего.	Удоб.	Всего.	Удоб.	Удоб	Неуд.	Всего.		Хуторовъ.	Въ нихъ дворовъ.	Хуторовъ.	Въ нихъ дворовъ.
13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
42396 3/4	42396 3/4	12000	153	111,9	31,7	41,8	11,8	66,1	1,7	67,8	61,6	—	—	20	182
8211 1/2	9376 1/2	7192	805	64,7	49,6	25,9	19,8	36,4	0,7	37,1	69,7	—	—	3	3
2881	5529 1/2	2471	398	78,9	35,3	30,0	13,4	30,6	0,06	30,66	97,8	—	—	1	1
13714	13714	10138	480	69,9	51,7	30,7	22,7	30,3	1,3	31,6	97,1	1	3	8	23
24566	40512 3/4	13266	1330	93,1	30,5	30,8	10,1	32,2	15,8	48,0	64,3	1	49	2	16
13503 3/4	13503 3/4	13067	288	35,0	33,8	10,9	10,6	21,1	0,2	21,3	51,3	1	29	—	—
15594	15594	14091	813	55,1	49,8	24,7	22,3	26,8	1,1	27,9	88,7	—	—	4	?
24682 1/4	26386 1/2	24427	163	42,1	39,0	16,0	14,8	21,1	0,2	21,3	75,2	3	168	2	12
17447 1/2	17447 1/2	16640	620	41,5	39,6	11,0	10,5	20,6	0.2	20,8	52,8	1	24	—	—
2589 1/2	4886 1/2	1884	590	45,6	—	13,4	—	27.3	0,6	27,9	48,0	—	—	—	—
95201 1/4	95201 1/4	71157	536	79.8	59,6	17,9	13,4	32,9	11,1	44,0	40,7	27	315	2	4
29745 1/4	29745 1/4	17234	1084	77,2	44,8	30,2	17,5	37,6	2,5	40,1	75,3	1	5	2	16
14707 1/4	17269	8808	5583	46,4	23,67	20,1	10,2	21,8	0,4	22,2	90,5	—	—	3	7
17912 3/4	17912 3/4	10885	970	77,9	47,3	28,3	17,1	28,6	18,0	46,6	60,7	—	—	3	5
24483 3/4	27124 1/2	17959	—	87,2	57,7	22,5	14,9	32,0	10,9	42,9	52,4	2	18	4	9
9333 3/4	18761 1/4	7426	1723	56,6	22,4	19,2	7,6	28,4	0,3	28,7	67,0	—	—	—	—
9418 1/4	9418 1/4	8938	145	50,3	47,8	15,2	14,5	30,2	1,6	31,8	47,7	2	12	-	—
19358 1/4	31510 1/4	12462	932	96,6	37,7	35,6	14,0	37,2	10,6	47,8	64,5	2	4	1	4
121724 3/4	129566	56610	2392	116,3	50,8	36,7	16,0	32,2	33,3	65,5	56,0	5	46	3	12
12774 1/2	14528 1/2	12300	427	100,2	84,8	38,4	32,5	30,1	18,5	48,6	79,0	—	–	1	1
75505 1/2	75505 1/2	32349	3001	121,8	52,1	44,0	18,8	31,9	42,6	74,5	59,1	2	12	5	5
	640143	429552	30839	77,5	52,0	24,7	16,6	—	—	—	—	48	685	61	300

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	Моздокскій отдѣлъ.										
1	Галюгаевская . . .	1770 г.	691	7	4830	2391	2255	25	13	53	93
2	Государственная . .	1787 г.	770	44	5930	2345	2385	375	339	243	173
3	Екатериноградская . .	1777 г.	733	49	4458	1878	2047	236	201	52	44
4	Ищерская	1770 г.	1002	7	5706	2753	2817	40	51	15	30
5	Курская	1784 г.	330	—	1698	749	784	—	—	80	85
6	Луковская	1770 г.	763	6	5757	2397	2267	418	413	130	133
7	Мекенская	1770 г.	463	4	3361	1761	1562	15	11	4	6
8	Наурская	1770 г.	966	?	7960	3545	3521	226	246	185	237
9	Новоосетинская . .	1810 г.	280	5	2026	1009	960	5	6	32	14
10	Павлодольская . . .	1784 г.	890	67	6467	3051	2863	164	135	123	131
11	Прибляжная	1824 г.	254	14	1668	786	745	50	64	13	10
12	Прохладная	1784 г.	1057	107	15735	2882	2892	211	194	5637	3919
13	Солдатская	1786 г.	615	17	3397	1626	1483	87	90	52	59
14	Стодеревская . . .	1799 г.	436	5	2805	1366	1357	35	33	6	8
15	Черноярская . . .	1805 г.	298	1	2028	996	924	7	3	47	51
	По отдѣлу . .		9548	333	73825	29605	28862	1894	1799	6672	4993
	Пятигорскій отдѣлъ.										
1	Александрійская . .	1784 г.	1043	71	6825	2911	3102	346	237	118	111
2	Боргустанская . . .	1825 г.	1026	131	7162	2993	3029	354	384	205	197
3	Георгіевская . . .	1825 г.	447	59	2776	1138	1146	169	147	81	95
4	Горячеводская . . .	1857 г.	847	276	8268	2322	2287	1308	1277	630	444
5	Ессентукская . . .	1825 г.	2262	?	13775	4317	4312	987	954	1722	1483
6	Зольская	1849 г.	856	148	6211	2584	2706	389	387	72	73
7	Кисловодская . . .	1825 г.	600	102	4330	1583	1588	378	381	220	180
8	Лысогорская . . .	1861 г.	771	36	4936	2358	2341	105	98	16	18
9	Марьинская	1777 г.	845	35	5609	2649	2521	63	57	191	128
10	Незлобная	1786 г.	598	176	5412	1681	1671	637	642	554	407
11	Ново-Павловская . .	1848 г.	672	37	5101	1943	1957	521	470	136	74
12	Подгорная	1786 г.	698	18	4817	2086	2157	92	78	278	126
13	Старо-Павловская . .	1777 г.	502	14	3136	1469	1409	108	69	47	34
14	Урухская	1838 г.	293	37	2402	852	866	235	223	130	96
	По отдѣлу . .		11460	1142	81940	30886	31092	5692	6404	4400	3466

13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
33586 1/2	33586 1/2	30819	1112	52,2	47,9	14,0	12,9	31,6	1,6	33,2	42,2	12	122	1	21
27038 1/4	27038 1/4	26392	56	37,7	36,8	11,5	11,2	23,0	0,5	23,5	49,0	1	13	45	150
24126 1/4	24126 1/4	23021	881	32,1	30,7	12,8	12,2	20,9	0,4	21,3	60,0	—	—	—	—
45665	45665	41597	667	51,8	47,2	16,5	15,1	31,9	2,1	34,0	48,7	12	122	—	—
11441 3/4	14978 1/4	11265	154	49,2	37,0	20,0	15,0	30,8	0,4	31,2	64,1	—	—	1	50
29551 1/2	38133 1/4	28783	614	67,6	51,0	15,9	12,0	27,5	0,6	28,1	56,5	6	199	29	61
25603 3/4	25603 3/4	19331	298	58,1	42,9	14,5	11,0	30,2	2,3	32,5	44,7	7	110	1	7
66477 1/2	66477 1/2	61138	1283	68,8	63,2	18,7	17,2	31,7	2,7	34,4	54,5	3	215	3	29
13454 1/4	14850	13000	404	46,0	40,2	14,7	12,8	23,4	0,4	23,8	61,8	3	41	—	—
23335 1/4	33803	22872	500	43,3	29,3	11,1	7,5	23,4	0,4	23,8	46,5	4	91	—	—
8093 1/4	8093 1/4	7908	273	34,6	33,8	10,3	10,0	22,4	0,5	22,9	45,0	—	—	1	1
27048 1/2	27048 1/2	26565	529	22,5	22,1	9,4	9,2	23,2	0,4	23,6	40,0	4	49	—	—
18086 3/4	18086 3/4	17021	614	32,9	31,0	11,1	10,4	23,0	0,3	23,3	47,7	—	—	1	1
21452 3/4	21452 3/4	18585	135	46,7	40,5	15,7	13,6	29,4	1,3	30,7	51,1	3	43	1	1
12142 1/2	12142 1/2	11364	150	42,3	39,6	12,2	11,4	23,2	0,4	23,6	51,6	1	39	1	1
	449640	415670	10323	49,3	45,6	15,2	14,0	—	—	—	—	56	1044	87	322
38584 1/4	38584 1/4	34313	630	37,0	32,3	13,2	11,7	27,6	0,2	27,8	47,6	3	18	1	5
31841	31841	15933	3996	30,0	15,0	10,6	5,3	27,8	1,4	29,2	36,4	—	—	—	—
11222 1/2	11222 1/2	9990	1342	24,3	21,6	9,86	8,7	19,0	0,2	19,2	51,3	—	—	19	22
24616 3/4	25937 3/4	23820	777	24,9	22,9	11,2	10,2	21,2	0,7	21,9	51,0	1	1	19	165
56457 1/2	56457 1/2	52749	1754	24,7	23,3	13,0	12,2	26,1	0,5	26,6	49,1	1	5	—	—
19266 1/4	24090 1/2	19266	—	24,1	19,3	9,3	7,4	20,1	0,3	20,4	45,7	1	6	—	—
20440 1/4	20440 1/4	12703	3246	30,0	18,7	12,9	8,0	27,2	1,7	28,9	44,6	—	—	7	72
16957	30566 1/4	15865	1091	37,9	19,7	12,9	6,7	23,3	0,4	23,7	54,6	1	29	1	1
27250 1/4	27250 1/4	25138	623	31,8	29,3	10,3	9,5	20,2	0,04	20,24	50,7	1	40	—	—
14824	14824	14610	213	20,8	20,5	8,8	6,7	17,9	0,3	18,2	48,4	—	—	6	26
22757	22757	22629	127	34,3	34,1	11,7	11,6	21,2	0,3	21,5	44,4	1	9	11	110
30044	30044	16679	405	44,5	24,6	14,4	8,0	28,1	0,2	28,3	50,9	7	7	26	35
16298 1/4	16298 1/4	16013	285	35,8	35,2	11,1	10,9	23,7	0,4	24,1	46,0	—	—	4	21
8147 1/4	8938 1/2	7234	885	29,4	23,8	10,5	8,4	22,6	0,1	22,7	46,2	—	—	9	26
	377861	352717	14698	31,4	29,3	12,2	11,4	—	—	—	—	16	115	103	583

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	Сунженскій отдѣлъ.										
1	Александровская . .	1838 г.	294	35	1937	833	876	117	97	11	3
2	Ардонская	1837 г.	354	36	2974	1311	1340	101	95	69	58
3	Архонская	1838 г.	6.0	1	4347	2038	2124	13	3	101	68
4	Ассинская	1847 г.	545	52	3182	1486	1457	47	51	66	75
5	Вознесенская (Магометъ-Юртовская) . . .	1847 г.	436	31	3038	1336	1315	198	169	12	8
6	Воронцово-Дашковская (Аки-Юртовская) .	1861 г	170	—	1154	551	551	12	12	13	15
7	Змѣйская	1849 г.	522	78	3401	1354	1382	228	220	156	61
8	Карабулакская . . .	1859 г.	407	33	2852	1336	1240	95	85	62	34
9	Котляревская . . .	1836 г.	272	40	2102	801	819	120	126	124	112
10	Михайловская . . .	1846 г.	560	62	3751	1652	1624	138	132	104	101
11	Нестеровская . . .	1861 г.	387	44	2791	1252	1280	98	73	28	60
12	Николаевская . . .	1838 г.	284	15	2003	901	927	58	64	15	38
13	Пришибская	1829 г.	369	29	3113	1235	1270	201	178	114	115
14	Самашкинская . . .	1851 г.	507	54	3731	1560	1565	231	204	91	80
15	Слѣпцовская (Сунженск.)	1845 г.	868	121	6157	2507	2499	395	348	251	157
16	Сунженская (Ново-Сунженская)	1859 г.	742	15	5302	2419	2403	60	54	198	168
17	Тарская	1859 г.	388	11	2599	1284	1149	28	25	74	39
18	Терская	1853 г.	596	29	4417	1624	1637	473	436	120	127
19	Троицкая	1845 г	795	59	5129	2379	2302	253	155	22	18
20	Фельдмаршальская . .	1860 г.	215	4	1478	721	713	21	13	7	3
	По отдѣлу . .		9321	949	65458	28580	28473	2887	2540	1638	1340
70	Всего въ войскѣ .		38884	2683	277920	114936	114684	11429	11671	14361	10839
									48300		

Примѣчаніе. Въ число удобныхъ земель по отдѣламъ включены и дополнительные
слѣ земель и лѣсовъ по войску показаны также войсковые лѣса и

13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
8267 1/2	9044 1/4	7745	460	30,9	26,5	10,8	9,3	20,3	1,2	21,5	50,5	—	—	1	2
11822	15481 1/2	9549	1139	45,1	27,8	11,8	7,3	17,2	1,4	18,6	59,5	1	61	1	2
11493 1/4	16818 1/4	10971	—	26,8	18,2	8,2	5,3	16,7	0,6	17,3	47,7	—	—	—	—
20473 3/4	20473 3/4	14889	5114	36,5	26,5	13,8	10,0	20,9	0,5	21,4	64,3	—	—	4	94
12164 1/4	12164 1/4	11502	623	28,4	26,9	9,1	8,6	16,6	0,05	16,65	54,6	—	—	3	18
3946	5617 1/4	1183	2645	36,2	7,6	10,2	2,1	20,0	0,4	20,4	50,0	1	16	—	—
13591 3/4	13591 3/4	10233	3358	23,7	17,9	10,0	7,5	16,6	0,9	17,5	57,1	—	—	—	—
12123 1/4	12577 3/4	12047	474	30,9	29,6	9,4	9,0	16,2	0,6	16,8	56,0	1	38	—	—
6137	8179 1/4	5827	310	31,9	22,7	10,2	7,2	18,9	0,8	19,7	51,8	—	—	—	—
16526 1/4	16839 1/4	16161	368	30,5	29,3	10.2	9,8	15,9	0,03	15,93	64,0	—	—	1	24
9268	12348 1/2	6023	3244	30,0	14,6	9,8	4,8	21,6	0,4	22,0	44,8	—	—	8	162
7924	7924	3146	1938	28,1	11,1	8,8	3,5	16,8	1,1	17,9	49,1	—	—	1	3
11718 1/4	11718 1/4	10987	935	37,4	35,1	9 5	8,9	20,3	1,3	21,6	43,9	1	28	4	87
18079	18079	15766	1169	34,6	30,2	11,6	10,1	20,1	0,3	20,4	56,8	—	—	3	40
24274	25167 1/2	23996	767	24,6	23,4	10,0	9,5	17,1	0,1	17,2	58,1	2	29	—	—
12449	32180	9325	2779	50,0	14,5	13,3	3,8	24,4	1,6	26,0	51,1	—	—	1	12
9817 3/4	14753	5728	3811	35,0	13,6	11,6	4,4	23,2	0,5	23,7	48,9	1	84	3	3
16179	16179	13324	1353	31,7	26,1	10,3	8,2	18,4	0,8	19,2	53,8	2	76	1	165
20504 1/4	20504 1/4	19224	833	26,9	25,2	8,6	8,0	17,0	0,01	17,01	50,6	1	16	4	8
6792 3/4	8342	1497	4487	40,9	7,3	11,5	2,1	19,4	0,3	19,7	58,7	1	7	1	5
	270666	216771	44596	29,2	23,4	9,5	7,6	—	—	—	—	11	349	36	625
	1846513	1414710	133992	47,7	36,6	16,1	12,3	—	—	—	—	131	2193	287	1830

надѣлы станицъ, отнесенные по-станично къ неудобнымъ землямъ. Въ общемъ чи-
запасныя земли.

ВѢДОМОСТЬ

знаменамъ, штандартамъ и другимъ регаліямъ Терскаго казачьяго войска.

Наименованіе войсковыхъ частей. Описаніе знаменъ, штандартовъ и регалій. Время ихъ пожалованія.

I. Знамена и штандарты.

войсковыя.

№№

1. Георгіевское знамя, пожалованное Кавказскому Линейному Казачьему Войску, а за упраздненіемъ его перешедшее въ Терское Войско. Съ надписью: «За храбрость и примѣрную службу въ войну противъ Французовъ, Англичанъ и Турокъ въ 1853, 1854, 1855 и 1856 годахъ». 26-го августа 1856 года.

Пожалованныя Терскому Казачьему войску:

2. Георгіевское знамя съ Александровскою лентою и съ надписью: вокругъ знамени—«За отличіе въ Турецкую войну 1877—1878 годовъ» и подъ орломъ—«1577—1880 г.г. 30-го августа 1880 года.
3. Георгіевское знамя съ Александровскою лентою и съ надписью: вокругъ знамени—«Въ память трехсотлѣтняго существованія Терскаго казачьяго войска» и подъ орломъ—«1577—1877 г.г.». 30-го августа 1881 г.

Пожалованныя бывшимъ Гребенскому войску и Гребенскому полку:

4—106. Прежнихъ временъ 103 знамени и штандарта, которые пришли въ такую ветхость, что надписей и рисунковъ на нихъ разобрать невозможно.

107. и 108. Два знамени изъ шелковой розовой матеріи, съ изображеніемъ въ серединѣ герба Новгородской губерніи, представляющаго золотое кресло въ серебряномъ полѣ, съ красною подушкою, на которой поставлены крестообразно съ правой стороны скипетръ и съ лѣвой крестъ; на верху кресла подсвѣчникъ съ тремя горящими свѣчами и по сторонамъ два стоящіе медвѣдя. При знаменахъ древка съ мѣдными копьями.

109 Знамя розоваго цвѣта съ изображеніемъ въ срединѣ чернаго двуглаваго орла, увѣнчаннаго тремя коронами; на груди орла надпись «за вѣрность» и другія, которыхъ за ветхостью разобрать невозможно Древко съ мѣднымъ копьемъ.

110 Знамя изъ розовой шелковой матеріи; на четырехъ его наугольникахъ по пушечному ядру; въ серединѣ черный двуглавый орелъ съ однимъ поднятымъ и однимъ опущеннымъ крыломъ, увѣнчанный тремя коронами; на груди орла, на бѣломъ конѣ, Св. Георгій Побѣдоносецъ, поражающій копьемъ дракона, а подъ нимъ изображены пять знаменъ, двѣ горящія гранаты, киверъ Павловскаго полка и литеры «П. I.» (Павелъ I). Древко съ мѣднымъ копьемъ.

111. Знамя изъ шелковой зеленой матеріи на древкѣ съ мѣднымъ копьемъ. Изображеніе, бывшее въ серединѣ знамени, за ветхостью вывалилось.

112. Знамя изъ голубой шелковой матеріи на древкѣ съ мѣднымъ вызолоченнымъ копьемъ. Съ надписью золотомъ: «За Турецкую войну и за дѣла, бывшія противъ горцевъ въ 1828 и 1829 годахъ» Въ серединѣ гербъ Россійской имперіи, а на углахъ вензеля Императора Николая I. 21-го сентября 1831 года.

113. Георгіевское знамя изъ голубой шелковой матеріи. Въ серединѣ обведенный лавровымъ вѣнкомъ съ короною оранжеваго цвѣта кругъ, въ которомъ изображены съ одной стороны крестъ, а съ другой двуглавый орелъ съ изображеніемъ Св. Георгія. На углахъ вензеля Императора Александра II, обведенные лавровыми вѣнками съ короною. По краямъ знамени съ обѣихъ сторонъ надпись: «За военные подвиги противъ горцевъ». Древко съ серебрянымъ копьемъ, съ георгіевскимъ въ серединѣ крестомъ и съ георгіевскимъ темлякомъ. 4-го марта 1860 года.

Пожалованныя бывшимъ Терскому Семейному и Терскому Кизлярскому Войскамъ, а впослѣдствіи Полкамъ, и Кизлярскому полку:

114. Знамя краснаго цвѣта съ разными украшеніями и съ надписью: «Божіею милостію Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексіевича и Петра Алексіевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ Построено сіе знамя при державѣ Пресвѣтлѣйшихъ и Державнѣйшихъ Великихъ Государей во имя Святыя Троицы и Благовѣрнаго Великаго Князя Всеволода по святомъ крещеніи Гавріила и при бытности въ Псковскомъ государствѣ ближняго окольнаго и воеводы и Намѣстника Нижегородскаго Петра Матвѣевича Апраксина съ товарищи. Отъ сотворенія міра 7201 года марта въ 1-й день. Строилъ сіе знамя стольникъ и полковникъ Иванъ Михайловичъ Кокошкинъ, Псковскихъ стрѣльцовъ перваго полку.»

115. Знамя краснаго цвѣта съ изображеніемъ Архистратига Михаила. 18-го іюня 1740 года.
116 Георгіевское знамя голубого цвѣта съ изображеніемъ Св. Великомученика Георгія Побѣдоносца 18-го іюня 1740 года.
117. Георгіевское знамя желтаго цвѣта безъ наконечника. 18 го іюня 1740 г.
118.–120. Три знамени краснаго цвѣта, видимо, бывшія стрѣлецкія.
121. Ветхое знамя голубого цвѣта въ видѣ штандарта; видимо, б стрѣлецкое
122. Знамя изъ шелковой синей матеріи съ тѣми же изображеніями и надписями, что и № 112. Въ 1845 году было Высочайше повелѣно прибавить на этомъ знамени наппись: «За взятіе Андіи и Дарго». 21 сентября 1831 года.
123. Георгіевское знамя изъ шелковой голубой матеріи, съ тѣми же изображеніями и надписями, что и № 113. 4-го марта 1860 года

Пожалованныя бывшему Волгскому войску и Волгскимъ полкамъ:

124. Знамя изъ зеленой шелковой матеріи на древкѣ съ желѣзнымъ копьемъ. Въ серединѣ его Государственный гербъ, по четыремъ угламъ литеры «П. III.» (Петръ III). При знамени двѣ золотыя кисти.
125. Знамя изъ шелковой голубой матеріи на древкѣ съ желѣзнымъ копьемъ. Съ изображеніями Государственной короны и Св. Великомученика Георгія Побѣдоносца, на бѣломъ конѣ, по красному полю. ри знамени георгіевскія ленты
126. Знамя изъ палевой шелковой матеріи на древкѣ съ желѣзнымъ копьемъ и двумя золотыми кистями съ георгіевскими лентами. Съ обѣихъ сторонъ Государственный гербъ и на четырехъ углахъ литеры «П III.».
127. Знамя изъ голубой шелковой матеріи на древкѣ съ желѣзнымъ копьемъ и двумя золотыми кистями. Съ обѣихъ сторонъ изображенія Св. Георгія Побѣдоносца, по бѣлому полю, и Государственнаго герба. На четырехъ углахъ литеры «П. III».
128. Знамя изъ бѣлой шелковой матеріи на древкѣ съ копьемъ, безъ кистей. Съ обѣихъ сторонъ Государственный гербъ На четырехъ углахъ литеры «П. III».
129. Знамя изъ оранжевой шелковой матеріи Какъ № 128.
130. Знамя изъ шелковой оранжевой матеріи съ георгіевскою лентою. Какъ № 128.
131. Знамя изъ оранжевой шелковой матеріи. Какъ № 128, но съ прибавленіемъ надписи: «Никого не устрашусь».
132–133. Два знамени изъ палевой шелковой матеріи, подобныя № 128 или 131.
134. Знамя изъ голубой шелковой матеріи на древкѣ съ копьемъ. Съ изображеніемъ Св. Георгія и съ литерами на углахъ «П. III».
135.–136. Два знамени изъ голубой шелковой матеріи, съ Государственною съ обѣихъ сторонъ короною, на древкахъ съ копьями.
137. Знамя изъ зеленой шелковой матеріи на древкѣ съ желѣзнымъ копьемъ. Съ обѣихъ сторонъ надписи: «Никого не устрашусь». По угламъ литеры «П. III».

138 и 139. Два знамени изъ голубой шелковой матеріи, подобныя №№ 135 и 136.

140 Знамя изъ голубой шелковой матеріи на древкѣ съ копьемъ. Съ изображеніемъ въ серединѣ ключей и креста, съ Государственною короною, безъ литеръ.

141. Знамя голубого цвѣта съ надписью: «За отлично усердную службу». 25-го іюня 1851 года.

Пожалованныя бывшему Моздокскому полку:

142. Знамя изъ голубой шелковой матеріи съ изображеніемъ подъ короною, въ красному кругу, Св. Георгія Побѣдоносца, въ вѣнцѣ, на бѣломъ конѣ, побѣждающаго дракона копьемъ.

143.—147. Пять знаменъ изъ зеленой шелковой матеріи съ изображдніемъ, подъ короною, двуглаваго чернаго орла съ распущенными крыльями и съ бѣлою лентою, которую онъ держитъ съ лѣвой стороны въ клювѣ; на лентѣ надпись: «Никого не устрашусь». Подъ правымъ крыломъ орла изображенъ корабль съ распущенными парусами, а подъ лѣвымъ горящій приморскій (или на большой рѣкѣ) городъ. Въ углы знаменъ вшиты треугольники изъ бѣлой шелковой матеріи, на коихъ, подъ золотою короною, вензель съ изображеніемъ имени Императора Петра III.

148. Ветхое знамя изъ розовой матеріи со слѣдующими изображеніями: подъ короною двуглавый черный орелъ съ распущенными крыльями; подъ орломъ въ красномъ полѣ, всадникъ въ золотой одеждѣ, на бѣломъ конѣ, съ поднятымъ надъ головою мечемъ; по лѣвую его сторону два синихъ льва, бѣгущихъ съ разинутою пастью. Подъ всадникомъ, въ голубомъ полѣ, золотой крестъ. Надъ всадникомъ фигура вазообразной формы, подъ княжеской короной; по лѣвую ея сторону изображенъ золотой левъ, подъ лапами котораго находится поднятый къ верху топоръ. На оборотной сторонѣ изображено то же самое, съ тою лишь разницею, что вмѣсто всадника въ красномъ полѣ изображенъ одноглавый орелъ, съ золотой короной, надѣтой на шеѣ.

— Знамена №№ 142 и 148 всѣ на древкахъ съ острыми четырегранными стальными копьями.

Пожалованныя бывшимъ Владикавказскимъ полкамъ:

149. Знамя 1-го Владикавказскаго полка съ надписью: «За отлично усердную службу». 25 іюня 1851 года.

150. Знамя 2-го Владикавказскаго полка, безъ надписи. 19 февраля 1888 г.

Пожалованныя бывшимъ Сунженскимъ полкамъ:

151. Знамя 1-го Сунженскаго полка съ надписью: «За отличные подв..ги при покореніи Малой Чечни въ 1849 году».

152. Георгіевское знамя 2-го Сунженскаго полка съ надписью: «За военные подвиги противъ непокорныхъ горцевъ».

153. Древняя голубая шелковая хоругвь Гребенскихъ казаковъ, треугольная. Въ XVII вѣкѣ.

Полковыя:

154 Георгіевскій штандартъ 1-го Кизляро-Гребенского генерала Ермолова полка: съ Александровскою лентою, съ надписями: вокругъ штандарта «За военные подвиги противъ непокорныхъ горцевъ» и подъ орломъ «1577—1877». 30-го августа 1881 года.

155 Георгіевскій штандартъ 2-го Кизляро-Гребенского полка: съ Александровскою лентою и съ надписями: вокругъ штандарта «За военные подвиги противъ непокорныхъ горцевъ» и подъ орломъ «1577—1877». 30-го августа 1881 года.

156. Георгіевскій штандартъ 3-го Кизляро-Гребенского полка: съ Александровскою лентою и съ надписью: «За отличіе въ Турецкую войну и за дѣла, бывшія противъ горцевъ въ 1828 и 1829 годахъ и за взятіе Андіи и Дарго въ 1845 году» и подъ орломъ «1577—1877». 30-го августа 1881 года.

157. Георгіевское знамя 1-го Горско-Моздокскаго генерала Круковскаго полка съ надписью: «За военные подвиги противъ непокорныхъ горцевъ». Въ 1860 году.

158. Георгіевское знамя 2-го Горско-Моздокскаго полка (отъ Горскаго полка) съ надписью: «За военные подвиги противъ непокорныхъ горцевъ». Въ 1860 году.

159. Знамя 3-го Горско-Моздокскаго полка (отъ Моздокскаго) съ надписью: «За Турецкую войну и за дѣла, бывшія противъ горцевъ въ 1828 и 1829 годахъ». Въ 1830 году.

160. Георгіевское знамя 1-го Волгскаго полка съ надписью: «За отличіе при покореніи Восточнаго и Западнаго Кавказа». Въ 1865 году.

161. Георгіевское знамя 2-го Волгскаго полка съ надписью: «За отличіе въ Турецкую войну и за дѣла, бывшія противъ горцевъ въ 1828 и 1829 годахъ и при покореніи Восточнаго и Западнаго Кавказа». Въ 1865 г.

162. Знамя 3-го Волгскаго полка съ надписью: «За отличіе въ Турецкую войну и за дѣла, бывшія противъ горцевъ въ 1828 и 1829 годахъ».

163. Георгіевское знамя 1-го Сунженско-Владикавказскаго генерала Слѣпцова полка (отъ Владикавказскаго) съ надписью: «За военные подвиги противъ непокорныхъ горцевъ». 4-го марта 1860 года.

164. Георгіевскій штандартъ 2-го Сунженско-Владикавказскаго полка (отъ 2-го Владикавказскаго) съ надписью: «За дѣло 6-го іюня 1877 года». 13-го октября 1878 года.

165. Георгіевское знамя 3-го Сунженско-Владикавказскаго полка (отъ 1-го Сунженскаго) съ надписью: «За военные подвиги противъ непокорныхъ горцевъ». 4-го марта 1860 года.

166. Георгіевскій штандартъ Лейбъ-Гвардіи Терскаго казачьяго эскадрона (сотни) Собственнаго Его Императорскаго Величества Конвоя съ надписью: «За отличную боевую службу Терскаго казачьяго войска». 26 ноября 1867 года.

II. Георгіевскія трубы и знаки отличія.

1-го Кизляро-Гребенского генерала Ермолова полка:

1. Георгіевскія серебряныя трубы, пожалованныя 4-й сотнѣ, съ надписью: «За отличіе въ Хивинскомъ походѣ 1873 года». Въ 1875 году.
2. Знаки отличія на папахи 1-ой полусотнѣ 1-ой сотни, съ надписями: «За дѣло 24-го іюля 1854 года и за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области и Дагестана въ 1877 году». Въ 1856 и въ 1879 г.г.
3. Знаки отличія 2-ой полустотнѣ 1 ой сотни, съ надписями: «За дѣло 30-го августа 1855 года и за умиротворен е горскихъ племенъ Терской области и Дагестана въ 1877 году». Въ 1856 и въ 1879 годахъ.
4. Знаки отличія 2-ой и 3-й сотнямъ, съ надписями: «За умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области въ 1877 году». Въ 1879 году.

2-го Кизляро-Гребенского полка:

5. Георгіевскія серебряныя трубы, съ надписью: «За взятіе Карса 6-го ноября 1877 года». Въ 1878 году.
6. Знаки отличія, съ надписями: «За отличіе въ Турецкую войну 1877 1878 годовъ». Въ 1878 году.

3-го Кизляро-Гребенского полка:

7. Знаки отличія 1, 2 и 3-й сотнямъ, съ надписями: «За умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области въ 1877 году». Въ 1879 году.

1-го Горско-Моздокскаго генерала Круковскаго полка:

8. Георгіевскія серебряныя трубы, съ надписью: «За отличіе въ Турецкую войну 1877—1878 годовъ». Въ 1878 году.
9. Знаки отличія 1-ой сотнѣ (по 1-й сотнѣ Горскаго полка), съ надписью: «За дѣло 24 іюля 1854 года». Въ 1856 году.

2-го Горско-Моздокскаго полка:

10. Георгіевскія серебряныя трубы, съ надписью: «За отличіе въ сраженіи при Деве-Бойну 23 октября 1877 года». Въ 1878 году.
11. Знаки отличія, съ надписями: «За отличіе въ Турецкую войну 1877—1878 годовъ». Въ 1878 году.

3-го Горско-Моздокскаго полка:

12. Знаки отличія 4-й сотнѣ, съ надписями: «За умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области въ 1872 году». Въ 1879 году.

1-го Волгскаго полка:

13. Георгіевскія трубы, съ надписью: «За отличіе въ сраженіи при Деве-Бойну 23 октября 1877 года». Въ 1878 году
14. Знаки отличія 1-й сотнѣ, съ надписями: «За отличіе 30 августа 1855 года и за Турецкую войну 1877 1878 годовъ». Въ 1856 и 1878 г.г.
15. Знаки отличія 2-й, 3-й и 4-й сотнямъ, съ надписями: «За отличіе въ Турецкую войну 1877—1878 годахъ». Въ 1878 году.

2-го Волгскаго полка:

16. Георгіевскія серебряныя трубы 1-й и 4-й сотнямъ, съ надписью: «За отличіе въ сраженіи при Деве-Бойну 23 октября 1877 года» Въ 1878 г.
17. Георгіевскія серебряныя трубы 2-й и 3-й сотнямъ, съ надписью: «За взятіе Карса 6 ноября 1877 года». Въ 1878 году.
18 Знаки отличія 1-й сотнѣ, съ надписями: «За отличіе въ 1855 году и за Турецкую войну 1877—1878 годовъ». Въ 1856 и въ 1878 годахъ.
19. Знаки отличія 2-й, 3-й и 4-й сотнямъ, съ надписями: «За отличіе въ Турецкую войну 1877—1878 годовъ». Въ 1878 году.

1-го Сунженско-Владикавказскаго генерала Слѣпцова полка:

20. Георгіевскія петлицы на мундиры за отличія въ дѣлахъ съ японцами въ войну 1904—1905 года. 1 іюля 1911 года.
21. Георгіевскія серебряныя трубы 1-й сотнѣ, съ надписью: «За отличіе въ Хивинскомъ походѣ», по 1-й сотнѣ бывшаго 1-го Сунженскаго полка. 17 апрѣля 1875 года.
22. Георгіевскія серебряныя трубы, съ надписью: «За взятіе Карса 6 ноября 1877 года», отъ бывшаго 2-го Владикавказскаго полка. 13 октября 1878 года.
23. Знаки отличія 1-й полусотнѣ 1-й сотни (отъ 1-й полусотни 1-й сотни бывшаго 1-го Владикавказскаго полка), съ надписями: «За отличіе въ 1855 году и въ Турецкую войну 1877—1878 годовъ». Въ 1856 и 17 апрѣля 1878 года.
24. Знаки отличія 2-й полусотнѣ 1-й сотни (отъ 1-й полусотни 1-й сотни 1-го Сунженскаго полка), съ надписями: «За дѣло 30-го августа 1855 года и за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области въ 1877 г.» Въ 1856 году и 6 января 1879 года
25. Знаки отличія 2-й, 3-й и 4-й сотнямъ (по тѣмъ же сотнямъ бывшаго 1-го Владикавказскаго полка), съ надписями: «За отличіе въ Турецкую войну 1877—1878 годовъ». 17-го апрѣля 1878 года.

2-го Сунженско-Владикавказскаго полка:

26. Георгіевскія серебряныя трубы, съ надписью: «За взятіе Карса 6 ноября 1877 года» (отъ бывшаго 2-го Владикавказскаго полка). 13-го октября 1878 года.

27. Георгіевскія серебряныя трубы (отъ 1-й, 2-й, 3-й и 4-й сотенъ бывшаго 2-го Сунженскаго полка), съ надписью: «За дѣло 9-го іюня 1877 года». 13 октября 1878 года.
28. Знаки отличія 1-й полусотнѣ 1-й сотни (отъ 2-й полусотни 1-й сотни бывшаго 1-го Владикавказскаго полка), съ надписями: «За отличіе въ Турецкую войну 1877—1878 годовъ». 17 апрѣля 1878 года.
29 Знаки отличія 2-й полусотнѣ 1-й сотни (отъ 2-й полусотни 1-й сотни бывшаго 1 го Сунженскаго полка), съ надписями: «За умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области въ 1878 году». 6 января 1879 г.
30. Знаки отличія 2-й, 3-й и 4-й сотнямъ (отъ тѣхъ же сотенъ бывшаго 1-го Сунженскаго полка), съ надписями: «За умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области въ 1877 году». 6 января 1879 года.

3-го Сунженско-Владикавказскаго полка:

31 Георгіевскія серебряныя трубы (отъ 1-й, 2-й, 3-й и 4-й сотенъ бывшаго 2-го Сунженскаго полка), съ надписью: «За дѣло 9 іюня 1877 г.». 13 октября 1878 года.
32. Знаки отличія 1-й сотнѣ (отъ 1-й сотни бывшаго 3-го Сунженскаго полка), съ надписями: «За умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области въ 1877 году». 6 января 1879 года.
33. Знаки отличія 2-й, 3-й и 4-й сотнямъ (отъ 1-й, 2-й, 3-й и 4-й сотенъ бывшаго 2-го Сунженскаго полка), съ надписями: «За отличіе въ сраженіи при Деве-Бойну 23 октября 1877 года». 13 октября 1878 г.

Лейбъ-Гвардіи Терскаго казачьяго эскадрона (сотенъ) Собственнаго Его Императорскаго Величества Конвоя.

34. Знаки отличія, съ надписями: «За Ловчу 22 августа 1877 года». Въ 1878 году.

1-ой Терской конно-артиллерійской казачьей батареи:

35. Петлицы за военное отличіе на офицерскіе бешметы. Въ 1878 году.
36. Георгіевскія серебряныя трубы, съ надписями: «За Кавказскую войну и за взятіе Карса 6 ноября 1877 года». Въ 1768 и въ 1878 годахъ.
37. Знаки отличія, съ надписями: «За Персидско-Турецкую войну 1827—1828 годовъ». Въ 1845 году.

2-ой Терской казачьей конно-артиллерійской батареи:

38. Георгіевскія серебряныя трубы, съ надписью: «За Кавказскую войну». Въ 1868 году.
39. Знаки отличія, съ надписями: «За Кавказскую войну и за умиротвореніе горскихъ племенъ Терской области въ 1877 году». Въ 1868 и въ 1879 годахъ.

III. Булавы и насѣки.

1 Атаманская **булава Гребенского казачьяго** войска. Съ серебрянымъ съ подчернью набалдачникомъ и серебрянымъ же наконечникомъ.
2. Атаманская **насѣка** бывшаго **Терскаго Семейнаго** казачьяго **войска.** Съ обоихъ концовъ окована серебромъ.
3. Малая атаманская **насѣка** бывшаго **Терскаго Семейнаго** казачьяго **войска.** Съ обоихъ концовъ окована серебромъ.
4. Атаманская **насѣка** бывшаго **волгскаго** казачьяго войска. Въ серебряной оправѣ съ надписью: «Сія насѣка Волгскаго войска войсковая— году 1776» и литерами: «Е. II».
5. Атаманская **насѣка** Наказнаго Атамана **Терскаго** казачьяго **войска.**

IV. Пушки.

Двѣ мѣдныя двухфунтовыя пушки бывшаго Волгскаго казачьяго войска, съ выбитыми на нихъ надписями.

На одной пушкѣ отлито уставомъ: «**лѣта 7184 году лилъ мастеръ Мартьянъ Осиповъ, длина 3 арш. 7 вершковъ Ядро 2 гривенки и вѣсу 20 пудъ**» и вырѣзано полууставомъ: «**№ 31. Божиею милостлию Мы Анна Іоановна Имьперотрица и Самодержица всеросиская і прочая і прочая. Пожалована сия пушка мѣдная двуфунтовая въ Волгское войсъско казакамъ зимовой станицы атаману Михале Дикаму есаулу Содовскому станичники 1738 г. іюля 10 дня**».

На другой пушкѣ отлито: «**Пищаль 2 гривенки ядро въ ней вѣсу 20 пуд. 25 гривенокъ длина 3 аршина 6 вершковъ лилъ мастеръ Як. Голубиня. Лѣта 7189** и вырѣзано: «**№ 36. 1738 года іюля 10 дня Божіею мілостію мы Анныня Іановна І Самодержца всероссіская і прочая і прочая. Пожалована сія пушка мѣдная двухъ ѳунтовая въ войско Волгское казакамъ зімовоі станіцы атаману Михалѣ Дикому есаулу Садовскому станичники**».

V. Грамоты и рескрипты.

Кромѣ грамотъ на знамена, штандарты, георгіевскія трубы и другіе знаки отличія, **Терское** казачье войско хранитъ слѣдующія грамоты и рескрипты Императоровъ Всероссійскихъ (грамоты XVI—XVII вѣковъ разновременно погибли въ пламени при разореніяхъ казачьихъ городковъ):

1 Грамота Императрицы Анны Іоанновны, пожалованная 20 января 1734 года атаманамъ и казакамъ Волгскаго казачьяго войска въ подтвержденіе дарованныхъ войску правъ и привилегій.
2. Высочайшій Рескриптъ Императора **Николая I** данный 16 февраля 1845 года на имя Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ Генералъ-Адъютанта Графа **Воронцова**, о пожалованіи различныхъ правъ и привилегій Кавказскому Линейному казачьему Войску.

3. Высочайшій Рескриптъ Императора **Александра II**, данный 3 января 1863 года на имя **Терскаго** казачьяго **войска**, о распространеніи на Терское войско всѣхъ преимуществъ, дарованныхъ Войску Кубанскому.
4. Высочайшая грамота Императора **Александра II**, пожалованная 12 іюля 1864 года **Терскому** казачьему войску, по случаю окончательнаго покоренія Кавказа, о сокращеніи для всѣхъ чиновъ Терскаго казачьяго войска срока обязательной службы до 22 лѣтъ (15 полевой и 7 внутренней).
5. Высочайшая Грамота Императора **Александра III**, пожалованная 30 августа 1881 года **Терскому** казачьему **войску** въ память **трехсотлѣтія** существованія войска.
6. Высочайшая Грамота Императора **Николая II**, нынѣ благополучно царствующаго, пожалованная 23 апрѣля 1906 года **Терскому казачьему** войску, съ подтвержденіемъ прежнихъ правъ, принадлежавшихъ войску.

VI. Мундиръ Его Императорскаго Величества въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II Николаевича, Царя Освободителя (форма Собственнаго Его Величества Конвоя).

VII. Жалованные ковши и сабли.

Изъ многочисленныхъ серебряныхъ ковшей и казацкихъ сабель, разновременно (преимущественно, въ XVIII вѣкѣ) пожалованныхъ Императорами и Императрицами Всероссійскими атаманамъ и казакамъ казачьихъ войскъ, вошедшихъ впослѣдствіи въ составъ Терскаго войска, въ домѣ Наказнаго Атамана во Владикавказѣ хранятся слѣдующіе:

1. Овальный серебряный ковшъ, пожалованный 26 іюля 1756 года Императрицею **Елисаветою I** Атаману «зимовой станицы» (т. е. войскового посольства къ Царскому Двору, отправлявшагося зимнимъ саннымъ путемъ, а не верхомъ —«легкою станицею») Волгскаго Войска «Осипу Иванову сыну Щербакову за его вѣрныя и показанныя службы».
2. Овальный же ковшъ, пожалованный 14 апрѣля 1758 года Императрицею **Елисаветою** Атаману «зимовой станицы» Терскаго Семейнаго Войска Войсковому Старшинѣ Захару Татаринцеву «за его вѣрныя службы» и «за вѣру и вѣрность».
3. Овальный же ковшъ, пожалованный 1 Января 1748 года Императрицею **Елисаветою I** Атаману «зимовой станицы» Гребенского войска Лукьяну Борисову «за его вѣрныя службы».
4. Круглый ковшъ, пожалованный 8 мая 1760 года Императрицею **Елисаветою I** Атаману «зимовой станицы» Терскаго Семейнаго Войска Максиму Иванову «за его вѣрныя и усердныя службы».
5. Овальный ковшъ, пожалованный 17 марта 1736 года Императрицею

Анною Іоанновною, Атаману «зимовой станицы» Аграханскаго Войска Никифору Васильеву «за его вѣрныя службы».

6. Круглый ковшъ, пожалованный Императрицею Екатериною II Дьяку «зимовой станицы» Семейнаго Войска . . . . . рову (часть фамиліи, имя и дата пожалованія залиты металломъ при починкѣ) «за его вѣрныя службы».

7—8. Двѣ сабли, пожалованныя 9 октября 1756 года Императрицею Елисаветою I казакамъ «зимовой станицы» Турову и Миронову.

Пожалованныя Императрицею Екатериною II:

9. Сабля, пожалованная Сотнику Федорову (1765 г.)
10. Сабля, пожалованная казаку Кирилову (1763 г.)
11. Сабля, пожалованная казаку Бирюкову (1777 г.).
12. Сабля пожалованная есаулу Шепеткову (1777 г).
13. Сабля, пожалованная есаулу Поплутину.

14.—17. Четыре сабельныхъ клинка безъ надписей, кому жалованы.

